

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

~~8350
M67
V310~~

UC-NRLF

⌘B 598 633

Годъ III-й.

№ 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

О К Т Я Б Р Ъ

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

LOAN STACK

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го сентября 1894 года.

AP50

M 47

1894:10

MAIN стр.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. СТЕПАНЪ ЕЖИКЪ. (Разсказъ). (Окончаніе). Ивановича.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ОРМУЗДЪ И АРИМАНЪ. М. А. Бекетовой.	20
3. НАЧАЛО И РАЗВИТІЕ РУССКОЙ КРИТИКИ. В. Г. Вѣлискій. (Окончаніе). А. Снабичевскаго.	21
4. РОДИНА. Романъ Ернефельда. Переводъ съ финскаго проф. П. О. Моро- зова. (Продолженіе).	46
5. ВЪ СТРАНѢ ГЛИНЫ И ПЕСКУ. (Путевые очерки). (Окончаніе). Проф. А. Никольскаго.	66
6. ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЙНѢ. Разсказъ баронессы Сутнеръ. Пер. М. Д—вой.	94
7. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНЪ ТАРСАГО ОКРУГА, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБ. (Окончаніе). С. Кривенко.	101
8. БЕЗЪ НАЗВАНІЯ. Романъ. (Окончаніе) Д. Мамина-Сибиряна	115
9. I. ИДЕАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.—II. НОВЫЯ ЛИЦА, СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ. Эд- монда де-Амичиса. Пер. М. Ватсонъ.	136
0. НАКАНУНЪ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРОПОВѢДИ. Историческій этюдъ. Г. Ломмеля.	168
1. КУНО ФИШЕРЪ. АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ. Переводъ съ нѣмецкаго.	178
2. НАУЧНАЯ И ПРОФЕССОРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И. П. БОРОДИНА. (Со- дню двадцатипятилѣтняго юбилея). Н. К.	183
3. НОВЫЯ КНИГИ: Вернеръ фонъ-Сименсъ. Мои воспоминанія, перев. съ нѣмецкаго.—Ч. В. Бойсъ. Мыльные пузыри. Четыре лекціи о волосности. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Б. П. Вейнберга.—Арабелла Беклей. Бесѣды съ дѣтьми о природѣ. Переводъ съ англійскаго Д. А. Коропчевскаго.—В. П. Вахтеровъ. 1) Всеобщее начальное обученіе. 2) Книжные склады въ провинціи	190
4. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	201
5. СМѢСЬ. Изъ русской жизни: Вопросы русской общественной жизни.— Американскіе приемы у русскихъ помѣщиковъ.—Сарапульское Общество трезвости.—Безпорядки въ Святыхъ Горахъ.—Переселенческіе поселки на Амурѣ.—Интеллигентные офени. Изъ иностранной жизни: Сове- ременныя женщины-писательницы въ Англіи.—Англійскій журналистъ—о женскомъ образованіи.—Международный конгрессъ мира.—Пріютъ для сиротъ во Франціи.—Германскія народныя школы.—Университет- ское движеніе въ Швеціи.—Народныя библіотеки въ Берлинѣ.—Австра- лія и Америка.—Оригинальная газета.—Корейская война	206
6. ИЗЪ МІРА НАУКЪ. Возрожденіе памяти.—Исчезающіе виды живот- ныхъ.—Германъ фонъ-Гельмгольцъ	239
7. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) РОМАНЪ М-РА ГИЛЬФИЛЯ. Повѣсть Джоржъ Эллиотъ. Переводъ съ англійскаго. С. Майновой	17
2) НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ. Съ нѣмецкаго по Бомелли, Ней- майру и друг. подъ редакц. В. Агафонова.	293
8. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

СТЕПАНЪ ЕЖИКЪ.

РАЗСКАЗЪ*).

Онъ попробоваль пустить въ ходъ другое средство.

Каждый день онъ сталъ говорить при сынѣ, что Ежикъ дурной человекъ: это — лукавый тихоня, который поддѣляется къ мальчику изъ-за выгоды. Онъ и не думаетъ его любить, да и не можетъ, потому что онъ хамъ, а хамы любви не понимаютъ. Это грубое рабочее животное, плутъ и больше ничего.

Но такія слова производили на Володю совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого желаль отецъ. Мальчикъ вѣрилъ своему сердцу, а не этимъ разговорамъ. Сердце же говорило ему, что Ежикъ его любитъ, и это было такъ сладко для мальчика, который до тѣхъ поръ не находилъ отвѣта на голось своего сердца, жаждавшего ласки.

Ему было только неприятно, что его милаго Степана бранять, и совершенно несправедливо. Боясь отца, онъ только враждебно, изподлбья взглядывалъ на отца и молчалъ, но разъ онъ не выдержаль, позабылъ объ осторожности и сказалъ: — Нѣтъ, папа, Степанъ очень хорошій.

Поручикъ побагровѣлъ. Захлебываясь отъ гнѣва, онъ закричалъ:

— Ахъ ты, дерзкій щенокъ!.. Какъ ты смѣешь возражать отцу?.. Я тебя выпорю, негодный мальчишка.

— Это еще что такое?—вступилась жена,—что онъ сдѣлалъ дурного? И я скажу, что Степанъ хорошій: ни копѣйки никогда не украдетъ и не лѣнтяй.

Володя, поблѣднѣвшій отъ угрозы розгами, съ безмолвной благодарностью прижался къ матери.

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

«Міръ Божій», № 10, октябрь.

— Я вижу, что всё противъ меня!.. Вы меня уморить хотите... — произнесъ поручикъ глухимъ голосомъ и, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ столбеновій съ женой, ушелъ въ свою комнату.

Но онъ продолжалъ злиться и думать о томъ же. Однако, ничего, кромѣ розогъ, онъ не могъ придумать для искорененія въ сынѣ преступной любви къ деньщику и возбужденія законной любви къ отцу.

— Это мой священный долгъ... Мало ли что жена... Она не понимаетъ... Я—отецъ, я долженъ!.. Завтра же...

Но онъ отлично зналъ, что жена не позволитъ ему высѣчь Володю и остановился въ недоумѣніи.

Вдругъ на его лицѣ появилась улыбка радости. У хищнаго звѣря, увидѣвшаго возможность схватить давно не дававшуюся добычу, бываетъ въ глазахъ такая же радость.

Ему показалось съ поразительной ясностью, что розги сослужать ему двойную службу. Они выразятъ отцовскую любовь и, въ то же время, заставятъ мальчика почувствовать, что Ежики его не любятъ. Вѣдь, онъ самъ высѣчетъ своего любимца.

Поручикъ не замѣчалъ противорѣчія въ этихъ мысляхъ; онъ былъ только радъ, что нашель, наконецъ, вѣрное средство разбить любовь мальчика въ Степану. И эта злая мысль, родившаяся въ темной области его духовнаго міра, такъ возбуждала поручика, что онъ, потирая себѣ руки, быстро прошелся по комнатѣ, какъ человекъ, нашедшій разрѣшеніе давно мучившей его загадки.

Онъ рѣшилъ ждать случая, когда мальчикъ въ чемъ-нибудь провинится, и тогда онъ его высѣчетъ, и, разумѣется, въ отсутствіе жены, такъ какъ при ней это невозможно.

XIII.

Однажды вечеромъ, когда поручица ушла въ магазинъ „выбрать себѣ на платье“, а мужъ ея только что всталъ послѣ тяжелаго послѣобѣденнаго сна, въ столовой раздался шумъ чего-то тяжелаго, упавшаго на полъ, звонъ разбившагося стекла и дѣтскій плачь. Поручикъ вышелъ въ столовую узнать, въ чемъ дѣло. На полу валялись осколки разбитыхъ чашекъ и стакановъ. А посреди комнаты стоялъ Володя и плакалъ: онъ хотѣлъ достать съ верхней полки шкапа какую-то вещь, всталъ на стулъ, но поскользнулся и поле-

тѣлъ на полъ, увлекая за собой задѣтые рукою чашки и стаканы. Онъ плакалъ отъ боли и отъ страха.

— А... ты опять!..—раздался голосъ отца,—я тебѣ покажу, что значитъ посуду бить.

Онъ пошелъ въ кухню и, не найдя тамъ Ежика, вышелъ на крыльцо и крикнуть:

— Степанъ!

Ежикъ былъ въ огородѣ; сидя на корточкахъ возлѣ гряды, онъ выдергивалъ сорную траву и любовался сильнымъ ростомъ огуречныхъ плетей; онъ ожидалъ Володю, который побѣжалъ за ножницами, чтобы срѣзывать траву. Услышавъ голосъ поручика, Ежикъ побѣжалъ въ комнату. Онъ увидѣлъ Володю, стоявшаго въ углу; по лицу его бѣжали слезы. Отецъ его съ гнѣвнымъ лицомъ ходилъ изъ угла въ уголъ. Ежикъ бросился къ своему любимцу.

— Что съ вами? Не ушиблись ли вы?

Мальчикъ всхлипывалъ, не говоря ни слова.

— Эй, ты... Я, кажется, тебя позвалъ...—произнесъ поручикъ.

— Что приважете, ваше благородіе? — сказалъ Ежикъ, вытянувшись во фронтъ.

— Розогъ... Выпори этого негодяя!

Мальчикъ затрясся всѣмъ тѣломъ и зарыдалъ. Ежикъ не трогался съ мѣста. На лицѣ его явилась твердая рѣшимость защитить своего любимца во что бы то ни стало.

— Ну, чего же ты, какъ пень, стоишь?.. Розогъ!..

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе.

Поручикъ остановился и въ изумленіи вытаращилъ глаза: онъ не вѣрилъ тому, что слышалъ, такая случайность совершенно не входила въ его планъ. Ему показалось, что передъ нимъ не смиренный безгласный Ежикъ, а какой-то другой... И голосъ не его, и глядитъ иначе.

— Вотъ что-о!—протянулъ онъ съ какимъ-то шипѣніемъ, и разразился ругательствами.—Я тебѣ приказываю!—закричалъ онъ, топнувъ ногой.—Будешь ты слушаться, или нѣтъ?!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе.

— Если ты... сію минуту... да я запорю тебя самого.

— Какъ вамъ угодно, а за барчука постою. Какъ можно, чтобы сѣчь!.. ребенокъ ушибся, пожалѣть надо...

— Мерзавецъ!.. Да ты очумѣлъ, что ли?.. Съ кѣмъ ты говоришь? Съ начальникомъ или нѣтъ?.. Дисциплину забылъ!..

*

Я тебя подь судь!.. въ каторгу уйдешь... Чтобы духа твоего не было здѣсь... Въ карцеръ сію минуточку!..

Ежикъ взглянулъ на Володю, не спускавшаго съ него глазъ, повернулся и пошелъ къ двери.

— Степанъ, милый!—закричалъ мальчикъ, и бросился къ нему.

Отецъ схватилъ его за руку и грубо отдернулъ.

— Стой въ углу!

Онъ пошелъ въ свою комнату, взбѣшенный неожиданной неудачей: онъ самъ доставилъ мальчику случай убѣдиться, какъ любить его Ежикъ, но онъ, все-таки, достигъ цѣли—ненавистнаго Ежика не будетъ въ его квартирѣ, что бы ни говорила жена: онъ нарушилъ дисциплину,[!] не исполнилъ приказанія начальника и долженъ быть наказанъ.

Поручикъ сталъ писать рапортъ о томъ, что „сего числа“ деньщикъ Степанъ Ежикъ оказалъ ему неслыханное неуваженіе, отказался исполнить его приказаніе и осмѣлился сказать дерзости, а потому, для поддержанія дисциплины, онъ просилъ предать его суду. Ежикъ представлялся ему неслыханно дерзкимъ, какимъ-то злодѣемъ, осмѣлившимся идти противъ отцовскихъ правъ. Онъ торопился сдѣлать злое дѣло, ему и мысли не приходило о томъ, что онъ ложь пишетъ, говоря о дерзостяхъ. Слова „пожалѣть надо, а не сѣчь“ казались ему неслыханной дерзостью. Онъ самъ пошелъ къ адъютанту съ своимъ рапортомъ и встрѣтилъ его на улицѣ съ портфелемъ подъ мышкой.

— Къ полковнику?

— Да... съ докладомъ.

— Такъ вотъ, возьмите и это... Просто, чортъ знаетъ, что дѣлается.

Адъютантъ пробѣжалъ рапортъ.

— Это Ежикъ вамъ нагрубилъ? Вотъ никакъ не сказалъ бы, что онъ на это способенъ.

— Такая скотина, что не дай Богъ.

Адъютантъ вложилъ рапортъ въ портфель, а поручикъ пошелъ домой. Онъ чувствовалъ удовлетвореніе: онъ отместилъ человѣку, который, по его мнѣнію, отнял у него любовь сына. Онъ считалъ это своимъ правомъ и, въ то же время, онъ исполнилъ долгъ—дисциплина выше всего, и негодяй, нарушающій ее, долженъ быть строго наказанъ.

XIV.

Поручица вернулась через полчаса послѣ того, какъ мужъ подалъ рапортъ, и, входя на крыльцо, крикнула:

— Степанъ!

Обыкновенно послѣ этого окрика изъ кухни, со двора, или изъ огорода раздавался отъликиъ „иду“, а затѣмъ и самъ Ежиеъ являлся съ вопросомъ:

— Что прикажете, барыня?

На этотъ разъ отвѣта не было. Поручица еще нѣсколько разъ позвала Степана, и подумала: „Что это значить? Куда онъ запропастился?“

Она вошла въ огородъ. У гряды лежала мотыга и желѣзная лопата. Это тоже ее удивило. Ежиеъ, окончивъ работу, никогда не оставлялъ вещей, онъ берегъ хозяйское добро. Вдругъ изъ-за куста черной смородины, разросшейся у забора, раздавался дѣтскій плачь.

— Да, вѣдь, это Володя!

Дѣйствительно, перепуганный мальчикъ спрятался подъ кустомъ и плакалъ.

— Володя, что случилось? Гдѣ Степанъ?

— Нѣтъ его! Мама, мама, онъ меня не захотѣлъ съчь... Папа его прогналъ за это!

— Ахъ, Боже мой! Завтра стирка!

Гнѣвная она пошла въ комнату мужа.

— Ты съ ума, что ли, сошелъ?—начала она,—сію минуту, чтобы Степанъ былъ здѣсь!

— Не будеть...—глухо отвѣтилъ поручицѣ.

— Это еще что такое? Да ты дѣйствительно съ ума спятилъ!

Для поручицы было новостью, что мужъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на ея требованіе, и ей казалось, что это невозможно безъ поврежденія его умственныхъ способностей. И самъ поручицѣ, повидимому, сознавалъ, что онъ сдѣлалъ важное нарушеніе супружеской дисциплины; онъ избѣгалъ взглядовъ жены, отошелъ отъ нея подальше, но, все-таки, повторилъ:

— Это невозможно... Я его не могу вернуть.

— Какъ это не можешь?

— Ты этого не понимаешь... Дисциплина прежде всего...

Онъ не исполнилъ моего приказанія.

— Скажите пожалуйста, дисциплина... Самъ нагнулъ—

и дисциплина. Знать я ничего не хочу! Слышишь, я тебѣ ясно говорю, что Степанъ нуженъ мнѣ сію минуту.

— Нельзя. Я ужъ рапортъ подалъ, чтобы его подъ судъ.

— Бѣги сію минуту и возьми свой дурацкій рапортъ.

— Да ужъ адъютантъ, вѣроятно, доложилъ рапортъ полковнику.

— Я тебѣ говорю, бѣги сію минуту.

Поручикъ, побуждаемый ея гнѣвнымъ крикомъ, схватилъ свою фуражку и пошелъ къ адъютанту. На улицѣ страхъ передъ женой уступилъ мѣсто ненависти къ Ежику.

— Какъ!.. Чтобы онъ опять былъ въ моей квартирѣ. Онъ меня оскорбилъ, отнял сына. Нѣтъ, этого не будетъ!

Онъ рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не брать назадъ рапорта.

— Но что я скажу женѣ?

Съ борьбой страха передъ женой и ненависти къ Степану пришелъ онъ къ адъютанту. Рапортъ былъ уже доложенъ командиру полка и на немъ уже была резолюція произвести дознаніе. Поручикъ былъ очень доволенъ этимъ. Попросивъ адъютанта сейчасъ же прислать какого-нибудь новаго деньщика, онъ пошелъ домой.

— Я хотѣлъ угодить тебѣ, — сказалъ онъ женѣ, — но уже поздно.

— Ничего знать не хочу! — закричала поручица.

— Но пойми же ты, что полковникъ резолюцію положилъ.

— Иди къ полковнику и возьми рапортъ.

— Какъ же это! Онъ скажетъ, что я дурака разыгралъ.

— Онъ и безъ того знаетъ, что ты — дуракъ.

Поручикъ не возразилъ на это и только тихо проговорилъ:

— Къ полковнику я не пойду.

Онъ боялся полковника не меньше жены, и при встрѣчѣ съ нимъ чувствовалъ иногда невольную дрожь.

— Ну, такъ я сама пойду къ полковнику!

Она схватила шляпку, надѣла ее, стала глядѣться въ зеркало, но вдругъ отвязалась отъ своего намѣренія. Она сообразила, что полковнику надо рассказать, въ чемъ дѣло. Всѣ знаютъ, что мужъ говоритъ ей „душа моя“, а она ему „мой другъ“, и вдругъ она жалуется на мужа, она должна рассказать, какъ онъ жестокъ, хотѣлъ высѣчь ребенка за то, что онъ разбилъ 2 чашки и ставанъ. Это, вѣдь, скандалъ! Майорша будетъ злословить на весь городъ. Нѣтъ, это невозможно.

Она сняла шляпку и долго изливала на мужа свою злобу за то, что онъ лишилъ ее такого слуги, какъ Степанъ.

— Гдѣ ты найдешь такого? Пришлютъ изъ роты какого-нибудь остолопа, вродѣ Григорія, что былъ передъ Степаномъ. Вотъ твоя любовь къ женѣ! Да, я дура была, что за тебя вышла. Для тебя жена ничего не значить. Это тебѣ не пройдетъ даромъ.

— Ну, полно, душа моя, ну, прости меня,—заговорилъ поручикъ, ужаснувшись ея угрозъ.

— Душа моя!—передразнила его.—Какая я тебѣ душа? Съ душой такъ не поступаютъ. Мученица я!

Она сѣла на диванъ и начала истерически всхлипывать.

— Ты уморишь меня... ты—звѣрь... извергъ.

Дальнѣйшему развитію этой семейной сцены помѣшало топанье ногъ за дверью.

Поручица перестала всхлипывать, а мужъ отворилъ дверь и крикнулъ:

— Кто тутъ?

— Я, ваше благородіе,—гаркнулъ высокій, широколицый солдатъ,—фельдфебель прислалъ къ вашей милости.

— А, Леночка, вотъ тебѣ и деньщикъ. Эй, ты, войди сюда!

Солдатъ шагнулъ въ комнату, остановился какъ вкопанный и выпучилъ глаза.

— Какъ зовутъ?

— Митрофанъ Гончаръ, ваше благородіе!

— А знаешь, что такое дисциплина?

— Знаю, ваше благородіе, — слѣпо повиноваться начальнику.

— Смотри!... Помни это.

— Радъ стараться, ваше благородіе!—крикнулъ Гончаръ, какъ будто онъ былъ не въ комнатѣ, а на учебномъ плацу.

— Иди, поставь самоваръ,—приказала поручица.

Мужъ ея ушелъ къ себѣ, довольный тѣмъ, что приходъ новаго деньщика сократилъ заслуженную головомойку.

— Жена погибъается еще... я ей не буду перечить, и все уладится,—подумалъ онъ.

XV.

На другой день поручица все утро была не въ духѣ. Новый деньщикъ не умѣлъ даже поставить самовара. Онъ брался за все съ охотой и старался угодить, но схватывалъ

вещи такъ крѣпко, что имъ грозила опасность разрушенія. Онъ вытиралъ миску съ такимъ усердіемъ, что раздавилъ ее. Поручица приказала ему выполоть гряды съ морковью, но когда пришла посмотрѣть, какъ идетъ работа, то на половинѣ гряды не было не только сорной травы, но и моркови.

— Чисто, ваше благородіе,—сказалъ Гончаръ, глуповато улыбаясь.

— Вонъ изъ огорода!.. Дуракъ!—закричала поручица.

Гончаръ повиновался, недоумѣвая, почему его бранять, когда онъ рассчитывалъ на похвалу.

Когда поручицъ пришелъ со службы, жена обрушилась на него потокомъ уворовъ и брани.

Все сводилось къ тому, что онъ ея совсѣмъ не любитъ, если рѣшился отнять такого слугу, какъ Ежикъ; съ нимъ она была покойна, жила, какъ барыня, ей нужно было только приказать, а теперь она должна быть кухаркой, прачвой, горничной. Это какой-то медвѣдь, который все перебьетъ, переломаетъ.

— Можно будетъ другого взять,—замѣтилъ мужъ.

— Такого, какъ Степанъ, не найдешь... Ты доказалъ мнѣ, что мени не любишь! И я тебѣ этого не прощу!

Въ злобномъ настроеніи другъ противъ друга супруги сѣли обѣдать.

— А гдѣ же Володя?

— Не могу знать, ваше благородіе!—гаркнулъ Гончаръ, стоявшій у двери.

— Иди, покричи на дворѣ. Вѣрно, онъ въ огородѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Гончаръ вернулся и доложилъ:

— Ихъ нѣтъ въ огородѣ, ваше благородіе.

— Вотъ что значитъ твое звѣрство!—воскликнула мать,—онъ убѣжалъ отъ тебя. Иди, разыщи его, гдѣ хочешь! И не ворочайся одинъ. Я тебя въ дверь не пушу!

— Это все твое воспитаніе,—возразилъ мужъ,—ты выпустила ребенка. Какая же ты послѣ этого мать?.. Нѣтъ, теперь я самъ возьмусь за его воспитаніе.

Онъ всталъ изъ-за стола и велѣлъ Гончару идти вмѣстѣ съ нимъ.

Онъ подумалъ, что Володя убѣжалъ искать Степана, и поэтому отправился въ казармы. По разспросамъ оказалось, что никакого мальчика тамъ не видали.

Но поручицъ не ошибся въ своемъ предположеніи.

Мальчикъ затосковалъ о своемъ другѣ и побѣжалъ его

отыскивать, ему такъ хотѣлось увидеть его, прижаться къ нему, услышать ласковый голосъ. Но онъ почему-то рѣшилъ, что Ежикъ долженъ быть въ острогѣ, и пошелъ къ полю. Онъ зналъ, гдѣ острогъ, потому что не разъ проходилъ мимо него съ Еживомъ, когда они отправлялись на прогулку.

Дойдя до острога, мальчикъ не зналъ, что ему дѣлать.

Подойти къ офицеру, который прохаживался по платформѣ, онъ не рѣшился, — у него былъ сердитый видъ, какъ у отца. И Володя прошелъ мимо острожныхъ воротъ, гдѣ была будка и ходилъ часовой, и повернулъ вдоль другой стѣны, не имѣвшей воротъ. За ней въ окнахъ съ рѣшетками были видны арестанты съ блѣдными, желтоватыми лицами.

— Степанъ!.. Степанъ! — закричалъ Володя и жадно прислушивался, не откликнется ли милый голосъ.

Ни въ одномъ окнѣ не показалось лица Степана. Мальчикъ покричалъ еще нѣсколько разъ и заплакалъ.

Онъ не зналъ, куда ему идти. Вернуться домой онъ боялся. Отецъ разсердится и высѣчетъ. И онъ тихонько побрелъ въ лѣсъ, начинавшійся недалеко отъ острога. Но когда онъ вошелъ въ него, и кругомъ зашумѣли шершавые листья орѣшника, и затрепетала осина, ему стало страшно. Съ Степаномъ онъ не боялся даже и большого лѣса, что за рѣкой, а теперь его пугалъ шепотъ деревьевъ. Ему казалось, что сейчасъ изъ-за кустовъ выйдетъ разбойникъ въ красной рубашкѣ съ ножомъ въ рукахъ, или змѣя подниметъ голову изъ травы и ужалитъ его. И Володя не пошелъ въ лѣсъ, а сѣлъ на его опушкѣ.

Между тѣмъ поручикъ и Гончаръ напали на слѣдъ маленькаго бѣглеца. Торговка калачница видѣла, что онъ шелъ по Острожной улицѣ. Караульный офицеръ сказалъ, что мальчикъ только что прошелъ мимо острога и повернулъ въ поле.

И вдругъ Володя увидѣлъ отца.

Онъ вскочилъ и бросился въ страшный для него лѣсъ. Онъ уже не боялся змѣи и разбойниковъ, не обращалъ вниманія на угрожающій шепотъ осины и орѣшника. Онъ пробирался между кустами; вѣтви зацѣплялись за его платье, царапали по лицу; перепуганный мальчикъ не замѣчалъ этого; онъ думалъ только о томъ, какъ бы уйти подальше, въ таеую глушь, гдѣ его никто не найдетъ. Но отецъ замѣтилъ его въ ту минуту, когда онъ вскочилъ, чтобы бѣжать.

И вотъ Володя услышалъ за собой трескъ ломаемыхъ ку-

стовъ и чьи-то тяжелые шаги; кто-то пробирается прямо къ нему. Мальчикъ забился подъ кустъ и одѣпенѣлъ отъ страха. Вдругъ кто-то крѣпко схватилъ его за руку, такъ что ему больно стало, и среди шепота деревьевъ раздался страшный голосъ:

— Такъ вотъ ты гдѣ, негодяй!.. Бѣгать!.. Я тебѣ покажу!.. Эй, ты, наломай розогъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

Чьи-то грубыя руки схватили мальчика. Онъ отчаянно закричалъ и метался, какъ пойманный звѣрекъ.

— Я тебѣ покажу, какъ бѣгать отъ родителей!

Вдругъ мальчикъ затихъ, только все тѣло его конвульсивно вздрагивало.

— Довольно,—сказалъ поручикъ, испугавшись.

Черезъ нѣсколько минутъ Володя очнулся.

— Веди его,—приказалъ поручикъ Гончару,—да смотри, не выпускай.

Но мальчикъ не сопротивлялся, когда Гончаръ взялъ его за руку; онъ какъ-то притихъ, даже не плакалъ, точно послѣ случившагося ему стало все равно, что съ нимъ ни сдѣлаютъ.

Къ вечеру у него сдѣлался сильный жаръ. Мальчикъ метался въ постели и бредилъ: онъ звалъ Степана на помощь.

Мать пригласила полкового доктора.

Онъ осмотрѣлъ его и покачалъ головой.

— Что съ нимъ такое, докторъ?—спросила мать.

— Нервное потрясеніе отъ розогъ.

— Какъ, отъ розогъ?!

— Да, онъ высѣченъ, и очень сильно.

Поручикъ не сказалъ объ этомъ женѣ, когда привелъ Володю.

— Ты его высѣкъ?—накинулась она на мужа послѣ ухода доктора.

— Разумѣется. Это было необходимо.

— Извергъ!.. Убійца!.. Онъ умретъ!..

— Не безпокойся, не умретъ... Я ему добро сдѣлалъ...

Онъ этого во всю жизнь не забудетъ.

Поручикъ не ошибся. Володя черезъ нѣсколько дней оправился; но въ его чувствѣ къ отцу произошла рѣзкая перемѣна: прежде онъ боялся и не любилъ отца, а теперь въ дѣтскомъ сердцѣ была уже ненависть. Володя рѣшительно отказался здороваться съ отцомъ и цѣловать его руку.

Поручикъ пригрозилъ розгами, но мать заступилась:

— Если ты хоть разъ это сдѣлаешь, я уйду отъ тебя, — сказала она.

Это спасло мальчика отъ экзекуцій.

XVI.

Когда Ежикъ пришелъ въ карцеръ, и дверь за нимъ хлопнулась, его охватило полное отчаяніе. Онъ всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что жизнь его кончилась, хотя сердце тревожно билось, и мучительныя мысли угнетали его мозгъ.

Контрастъ только что закончившагося прошлаго и будущаго былъ слишкомъ рѣзокъ. Это будущее представлялось Ежику столь мрачнымъ, что онъ не видѣлъ въ немъ даже и такихъ скудныхъ лучей свѣта, какіе проникали въ карцеръ сквозь дверныя щелочки. Прошедшее живыми картинами выступало предъ Ежикомъ, когда онъ думалъ о будущемъ, и отъ этого послѣднее дѣлалось еще чернѣе и грознѣе, какъ туча, когда противъ нея еще сіяетъ солнышко.

Онъ видѣлъ кухню, въ которой еще сегодня хозяйничалъ, и уютный уголокъ за печкой, гдѣ стояла его кровать. Ему казалось, что онъ еще слышитъ скрипъ двери, послѣ котораго въ кухнѣ дѣлалось какъ будто свѣтлѣе отъ бѣловурой головки мальчика съ ясными, улыбающимися глазами. Онъ приходилъ повертѣться около Ежика, разспросить, что будетъ за обѣдомъ, поговорить насчетъ прогулки послѣ обѣда.

Вспомнилось Ежику, какъ иногда Володя стремительно подбѣгалъ къ нему съ сжатымъ кулачкомъ и говорилъ:

— А я тебѣ что-то принесъ... И ты не угадаешь. Открой ротъ и зажмурь глаза.

И Ежикъ повиновался, улыбаясь отъ счастья, а Володя, звонко смѣясь, клалъ ему въ ротъ конфетку.

Бумажку отъ нея съ картиночкой Ежикъ пряталъ, какъ драгоценность, въ свой сундукъ, стоявшій подъ кроватью. Лежало тамъ и красное яичко, которымъ Володя похристовался съ нимъ въ Свѣтлый праздникъ.

И все это счастье пропало безвозвратно. Люди заглянуть въ его сундукъ съ дорогами для его сердца вещами и будутъ смѣяться.

Глубокимъ стономъ вырывались его мысли.

Потомъ представлялся Ежику огородъ, въ которомъ онъ работалъ до той минуты, когда пришла бѣда. Сильно цвѣли бобы и горохъ; красныя маки покачивались отъ вѣтерка; арбузы

и дыни пустили длинныя плети. Пропалывая граду, Ежикъ думаль, что для Володи много будетъ бобовъ и сахарнаго гороха. Въ ближней церкви начали звонить къ вечернѣ въ будничный колоколь. Ежикъ съ удовольствіемъ прислушивался къ каждому удару, — они напоминали ему Кузнечиху, гдѣ въ церкви таковой же маленькій колоколь, и сторожъ звонилъ таковыми же рѣдеими ударами.

И вдругъ сердитый крикъ:

— Степанъ!

Ежикъ побѣжалъ на этотъ зовъ, не чуя бѣды. Онъ думаль, что сдѣлаетъ, что баринъ прикажетъ, и опять въ огородъ, и Володя будетъ возлѣ него...

Вспомнилось Ежику лицо мальчика, когда онъ стоялъ, прижавшись въ уголь, и плакалъ, и потомъ его крикъ: „Степанъ, милый!..“

— Господи, неужели я никогда его не увижу?

И Ежикъ самъ себя отвѣтилъ;

— Никогда. Развѣ его пустать ко мнѣ?.. Онъ прибѣжалъ бы меня провѣдать, да не позволять ему.

Ежику стало такъ горько отъ этой мысли, что глаза его наполнялись слезами.

Потомъ онъ думаль, что ему будетъ за то, что не исполнилъ приказанія начальника. Въ той тѣмѣ, въ которой являлось для него будущее, ему представилась Сибирь съ снѣжными сугробами, вандалы... подземная работа въ рудникахъ.

„А можетъ быть и разстрѣляютъ для примѣра, — подумаль онъ, — что же... все равно помирать“.

Ему и мысли не приходило о томъ, что дѣло его вовсе не такъ страшно: судъ можетъ и оправдать, когда узнаетъ, почему онъ не исполнилъ приказанія поручика, а если и обвинить, то не очень строго.

Отчаяніе охватывало сердце Ежика.

Стугнула отворившаяся заслонка двернаго окошечка, и въ немъ появилось лицо фельдфебеля Сидорова.

— Ты тутъ, Ежикъ?

— Такъ точно, Макаръ Савельичъ.

— Что ты это натворилъ, ежова голова?

Ежикъ молчалъ.

— Отъ фронта отбился. Мѣсто, какого ты хотѣлъ, я тебѣ предоставилъ... А ты поручику грубіянить вздумаль.

— Не грубіянилъ я, Макаръ Савельичъ.

— Какъ же такъ?.. Онъ рапортъ на тебя подалъ.

— Приказаль онъ мнѣ, Макаръ Савельичъ, чтобы я, значить, его сына высѣлъ.

— Ну?

— А я сказалъ: никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе.

— Ну, вотъ видишь... ослушался начальника.

— Макаръ Савельичъ, да я за этого мальчика помереть готовъ... Какъ же я могу его высѣчь.

— Мало ли что... Коли начальникъ приказываетъ, все долженъ исполнять.

— А вы бы высѣли, коли бы онъ вамъ все равно, какъ сынъ родной?

— Загубилъ ты себя, Ежикъ, — сказалъ фельдфебель вмѣсто отвѣта. — Ну, прощай.

— Прощайте, Макаръ Савельичъ.

Овопечью захлопнулось, и Ежикъ остался въ темнотѣ съ прежнею тоской и гнетущими мрачными думами.

XVII.

Дѣло Ежика пошло обычнымъ порядкомъ. По рапорту поручика Трегубова, не спѣша, производилось разслѣдованіе.

Поступокъ Ежика оказывался вовсе не того характера, какой былъ сообщенъ ему въ рапортѣ. Вмѣсто „дерзкаго солдата, отказавшагося исполнить приказаніе начальника и нанесшаго ему оскорбленіе“, являлся добрый, сердечный человекъ, который не могъ высѣчь своего любимца по приказанію жестокаго отца; вмѣсто дерзостей, которыми онъ, будто бы, оскорбилъ офицера, оказывалось только: „никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе“.

Добрякъ фельдфебель, какъ только узналъ, что дѣло Ежика идетъ хорошо, вѣшалъ къ нему сообщить эту новость.

— Слушай ты, ежова голова, — сказалъ онъ, — ничего тебѣ такого не будетъ... самое большое въ разрядъ штрафованныхъ попадешь, а можетъ, и совсѣмъ не накажутъ... сидѣнье въ карцерѣ въ зачетъ возьмутъ.

Ежикъ безучастно посмотрѣлъ на Сидорова, какъ будто дѣло не его касалось.

„Хоть и оправдаютъ, — подумалъ онъ, — все равно, не жить мнѣ съ Володей... опять въ роту“.

Но онъ не высказалъ своихъ мыслей.

— Ты что же такой?.. Я тебѣ радость сказалъ, а ты точно мокрая вурца.

— Неможется мнѣ, Макаръ Савельичъ. Кашель по ночамъ такой, что просто страсть. Помирать, видно, надо.

— Вотъ еще выдумаль... Зачѣмъ помирать...

Но, всмотрѣвшись въ Ежика пристальнѣе, Сидоровъ и самъ подумаль, что у него какая-нибудь болѣзнь. Лицо очень ужъ похудѣло, и глаза глубоко ввалились и въ нихъ какою-то блескъ, точно у лихорадочнаго.

— Пустяки,—сказаль онъ,—пройдетъ.

А на другой день Сидоровъ доложилъ баталіонному доктору.

— Съ Ежиномъ что-то неладно, ваше благородіе.

Докторъ зашелъ въ карцеръ. Въ немъ было темно, и онъ велѣль Ежику выйти въ корридоръ для осмотра.

При яркомъ свѣтѣ солнца, глядѣвшаго въ окно, исхудавшій Ежикъ, съ лихорадочными, тоскливыми глазами, возбуждалъ невольное состраданіе.

Сидоровъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Ты боленъ?—спросиль докторъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, кашель только привязался,—кратко отвѣтилъ Ежикъ.

Докторъ приложилъ ухомъ къ его груди и услышалъ зловѣщіе хрипы и шумы.

— Перевести сейчасъ же въ лазаретъ,—приказаль онъ сопровождавшему его фельдшеру.

Ежикъ былъ этимъ доволенъ. Онъ надѣялся отдохнуть въ лазаретѣ; но онъ и не подозрѣваль, что ему грозитъ опасность не отъ суда.

Нервное потрясеніе, тоска и содержаніе въ карцерѣ страшно подѣйствовали на его организмъ, изнуренный непрерывною работой у поручицы. Еще съ весны онъ сталъ повашливать. Послѣ катастрофы болѣзнь навинулась на него, какъ звѣрь на добычу, застигнутую врасплохъ, и, когда докторъ выслушалъ его грудь, половина легкихъ была уже поражена.

Перемѣщеніе въ лазаретъ доставило Ежику удовольствіе отдыха. Онъ могъ теперь лежать не на голомъ полу, а раздѣвшись, на тюфякѣ, который хотя и былъ довольно жестокъ, но послѣ голаго пола казался Ежику очень удобнымъ.

Прямо предъ его кроватью было большое окно. Онъ могъ видѣть въ него, какъ заходитъ солнышко, какъ плывутъ облака. Ласточки съ веселыми криками пролетали иногда возлѣ самаго окна, а на подоконникѣ каждое утро гудѣли голуби.

Ежикъ глядѣлъ на небо, на облака, и ему представлялась то деревня и ея, теперь уже золотистыя, поля, то огородъ.

— Все ужъ тамъ теперь поспѣло, — думалъ онъ.

И хотѣлось ему узнать, доволенъ ли Володя турецкими бобами, крупные ли они вышли, и хороши ли подсолнечники, и какая дыня выросла изъ тѣхъ сѣмянъ, что ему далъ садовникъ.

Часто онъ думалъ о томъ, помнить ли о немъ Володя, и несбыточною мечтой мелькала мысль о томъ, какъ бы его увидѣть.

Отъ одной этой мысли сердце его точно срывалось съ мѣста и долго не могло возвратиться въ обычному темпу.

— Невозможно это, — думалъ Ежикъ и грустно вздыхалъ.

А между тѣмъ желаніе этой невозможности росло съ каждымъ днемъ и заполонило всѣ мысли Ежика.

Онъ мечталъ, что его скоро выпишутъ изъ больницы, отсудятъ, высидитъ онъ, что слѣдуетъ, въ карцерѣ, а можетъ только розгами накажутъ и выпустятъ же когда-нибудь. Онъ сейчасъ же пойдетъ тогда на ту улицу и, можетъ быть, хоть издали увидитъ Володю. Потомъ его планы становились смѣлѣе. Онъ рѣшилъ, что выберетъ время, когда поручикъ на службѣ бываетъ, и пойдетъ прямо въ барыни.

— Она не прогонитъ, — думалъ онъ, и я его увижу; и въ огородъ схожу, и кухню свою посмотрю...

Но мечта уносилась еще дальше.

— А можетъ быть, — думалъ онъ, — барыня захочетъ опять взять меня въ деньчики, — умолилъ бы я ее, — а воли она захочетъ, то и баринъ согласится. Господи, какая бы тогда радость была!..

Въ такихъ мечтаніяхъ проходилъ день за днемъ, унося силы Ежика.

Онъ лежалъ безропотно, не сознавая грозящей ему опасности.

Докторъ останавливался у его постели во время визитаци и спрашивалъ:

— Ну, какъ?

— Слава Богу, ваше благородіе, — отвѣчалъ Ежикъ, — вотъ только ночью трудно было.

А по ночамъ его мучила бессонница и изнурительная лихорадка. Жаръ иногда усиливался до таковой степени, что больной начиналъ бредить.

Ему казалось, что онъ по прежнему въ деньчикахъ...

Онъ вмѣстѣ съ Володей пускаютъ змѣя, но змѣй почему-то не гудитъ, и Ежикъ нивакъ не можетъ заставить его гудѣть. Потомъ они гдѣ-то гуляли, и кругомъ цвѣли бобы, какъ въ тотъ вечеръ, когда кончилось его счастье.

А иногда ему чудилась война. Онъ видѣлъ Сидорова и Куцаго... они кололи турокъ штыками... и глаза у нихъ страшные, налитые кровью... А онъ стоитъ у куста и не хочетъ убивать людей... но страшный турокъ лѣзетъ на него съ ружьемъ, и Ежикъ чувствуетъ, какъ штыкъ вонзился въ его грудь.

Онъ кричалъ и будилъ больныхъ.

Къ утру, когда лихорадка ослабѣвала, Ежикъ засыпалъ ненадолго, а проснувшись, думалъ все о томъ же, какъ бы увидѣть Володю.

Его томила неизвѣстность, долго ли ему лежать въ лазаретѣ.

— Ваше благородіе, скоро ли на выписку? — спросилъ онъ доктора.

Докторъ грустно усмѣхнулся и сказалъ:

— Поправиться надо... некуда торопиться.

Этотъ отвѣтъ встревожилъ Ежика.

— Господи! да неужели еще цѣлый мѣсяцъ лежать? — подумалъ онъ: — неужели я такъ сильно боленъ?.. А что, если я не поправлюсь, и умереть придется, не повидавшись.

Онъ точно оцѣпенѣлъ отъ этой мысли и съ отчаяніемъ глядѣлъ на ярко синее небо въ лазаретномъ окнѣ. Но съ этого неба въ окно весело взглянуло солнышко, и заставило исчезнуть призракъ смерти.

Ежикъ вздохнулъ и подумалъ:

— Богъ милостивъ, поправлюсь.

Но съ этого дня желаніе увидѣть Володю сдѣлалось мучительно жгучимъ... Онъ то мечталъ, что выздоровѣетъ, то впадалъ въ отчаяніе.

Лежа въ тяжелой полудремотѣ, подъ вліяніемъ лекарства съ морфіемъ, Ежикъ иногда неподвижно глядѣлъ на дверь. Ему казалось, что вотъ она сію минуту отворится, заскрипитъ, какъ та дверь въ кухнѣ, и вбѣжитъ Володя и скажетъ: „Степанъ, я тебя провѣдать пришелъ“.

И когда дверь отворялась, и въ нее входилъ фельдшеръ съ пузырьками и баночками или лазаретный служитель, Ежикъ вздыхалъ и закрывалъ глаза.

Однажды во время такой полудремоты онъ случайно узналъ страшную новость.

Лазаретный служитель и фельдшеръ заговорили о немъ и, думая, что онъ спитъ, не стѣснялись.

И услышалъ Ежикъ, что онъ „скоро помретъ“.

Онъ сначала удивился, не хотѣлъ вѣрить этому, потомъ вдругъ охватила его неописанная тоска и тревога.

— Какъ же это?! Неужели не увижу его?.. — шепталъ онъ дрожащими губами.—Нѣтъ!.. Это невозможно!..

И у него явился планъ убѣжать изъ лазарета. Онъ обдумалъ всѣ подробности, и только тогда вспомнилъ:

— А хватить ли у меня силъ?

Онъ попробовалъ встать съ постели, но ему удалось только приподняться и сѣсть... Въ изнеможеніи, съ полными слезъ глазами, онъ упалъ на подушку.

Но черезъ нѣсколько минутъ у него уже былъ другой планъ.

Съ раннего утра Ежикъ не спускалъ глазъ съ двери и нѣсколько разъ спрашивалъ лазаретнаго служителя: „скоро ли докторъ“?

— Докторъ свое время знаетъ,—говорилъ служитель,—придетъ это время, придетъ и докторъ.

Но это „свое время“ приближалось такъ медленно, что Ежикъ приходилъ въ отчаяніе.

Но вотъ, наконецъ, докторъ остановился у его постели.

— Ваше благородіе, сдѣлайте Божескую милость,—сказалъ Ежикъ, собравъ всѣ свои силы.

— Ну, что? Говори,—ласково отвѣтилъ докторъ.

— Видно, мнѣ... ваше благородіе... помереть надо... Хочу просить... повидать его надо...

— Кого повидать?

— Этого самаго... мальчика... Володю... Кабы ваше благородіе... сказали ему: „Ежикъ, молъ, помираетъ“... можетъ, онъ и придетъ...

Онъ волновался, говоря это;—въ глазахъ его показались слезы.

Докторъ понялъ его: онъ зналъ всю исторію съ Ежикомъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ —я приведу его, а ты успокойся.

— Попросите, ваше благородіе, барыню... чтобы пустила...

Истосковался я объ немъ...

— Я тебѣ даю слово, что приведу его,—повторилъ докторъ.

Безграничная благодарность засвѣтилась въ потухавшихъ глазахъ Ежика.

Прямо изъ лазарета докторъ пошелъ къ Трегубовымъ. Онъ зналъ, что отеладывать нельзя: по его мнѣнію, не сегодня,—завтра Ежикъ долженъ умереть.

XVIII.

Лежить Ежикъ на постели послѣ приступа лихорадки и дремлетъ.

И кажется ему, что онъ въ своей кухнѣ рубить мясо для котлетъ, а самъ поглядываетъ на дверь, не идетъ ли дорогой для него мальчикъ. Будутъ пироги съ яблоками, и Ежикъ отложилъ для него хорошенькое, румяное, яблочко.

Вдругъ какой-то стукъ. Ежикъ вздрогнулъ, открылъ глаза и не могъ сразу разобрать, сонъ ли все, или онъ проснулся. Страшная слабость, какую онъ чувствовалъ, вдругъ смѣнилась возбужденіемъ, будто волна жизни ворвалась въ его организмъ.

Онъ увидѣлъ у отворенной двери Володю и доктора. Онъ вспомнилъ обѣщаніе доктора и сознавалъ, что это не сонъ.

Мальчикъ испуганно озирался по кроватямъ, гдѣ изъ-подъ сѣрыхъ одѣялъ выглядывали истомленные, желтыя, лица.

Докторъ подвелъ его къ постели Ежика.

Володя встрѣтилъ его взглядъ и заплакалъ.

— Степанъ!... Дорогой мой!...—закричалъ онъ, заливаясь слезами.

А Ежикъ такъ заводновался отъ радости, что ничего не могъ сказать. Онъ весь сосредоточился въ созерцаніи мальчика. Улыбка счастья освѣщала его лицо съ обострившимся носомъ послѣдними лучами уходящей жизни.

— Пришелъ... не забылъ...—произнесъ онъ наконецъ.

Это былъ не то шепотъ, не то крипотъ.

Володя глядѣлъ на него и плакалъ; порывами жалости и любви трепетало дѣтское сердце.

— Я тебя люблю...—говорилъ онъ, всхлиывая, —мнѣ скучно безъ тебя... У насъ теперь недобрый деньчикъ... Ты знаешь ли... вѣдь я тогда убѣжалъ... исвать тебя... въ острогу ходилъ, думалъ, что ты тамъ...

Ежикъ лежалъ въ какомъ-то забытѣ. Онъ слышалъ слова Володи, и ему казалось, что онъ тонетъ, и что тонуть такъ пріятно... въ глазахъ туманъ голубой, и слышится тихая пѣ-

сня, которой онъ разобрать не можетъ... Сознаніе оставляло его, потомъ вдругъ вспыхивало, какъ огонекъ надъ догорѣвшимъ костромъ, нашедшій еще не вполнѣ обугленную вѣточку.

— А бобы?.. Хороши ли?...—спросилъ онъ.

— Большущіе... Я тебѣ покажу завтра... я въ тебѣ каждый день буду ходить...

Ежиеъ улыбнулся... Слово у него не было, чтобы выразить то счастье, какое давали ему слова Володи. Онъ молчалъ, то закрывая, то отрывая глаза, и прислушивался къ милому голосу.

— Ну, Володя, пора домой,—тихо сказалъ докторъ.

Ежиеъ зашевелился, будто хотѣлъ удержать мальчижа и прошепталъ:

— Володя... поцѣлуй меня... на прощанье...

Мальчикъ припалъ къ нему и, роняя слезы, цѣловалъ его щеки и губы.

Въ сладкой истомѣ Ежиеъ закрылъ глаза.

— Я завтра приду къ тебѣ...—слышалось ему.

Потомъ стукнула дверь. Ежиеъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

Володи и доктора уже не было въ комнатѣ.

— Завтра придетъ,—подумалъ Ежиеъ,—любитъ онъ меня.. Докторъ добрый... не обманулъ... завтра поблагодарить надо...

Но онъ уже не могъ этого сдѣлать.

Ежиеъ заснулъ,—и уже не просыпался.

Ивановичъ.

ОРМУЗДЪ И АРИМАНЪ.

(Мицкевича).

Съ польскаго—изъ Зенда-Весты.

По самой срединѣ бездонной пучины,
Откуда исходитъ зловѣщая тьма,
Сидѣлъ Ариманъ, притаясь, какъ убійца,
Свирѣпый, какъ левъ, ядовитый, какъ змѣй.
Однажды съ нагубой онъ двинулся съ мѣста
И, страшною тьмою дохнувши кругомъ,
Поползъ въ темнотѣ, какъ паукъ, пробираясь,
Туда, гдѣ сіяетъ божественный свѣтъ.
И вотъ, на границѣ межъ свѣтомъ и тьмою,
Онъ всталъ, озираясь, и поднялъ глаза.—
И вдругъ, въ срединѣ небеснаго свода,
Въ источникѣ свѣтломъ самой чистоты,
Увидѣлъ Ормузда, что въ мірѣ сіяетъ,
Какъ солнце межъ звѣздъ, какъ отецъ межъ сыновъ.
Тогда, созерцая предвѣчное солнце,
О вѣчномъ блаженствѣ подумалъ злой духъ,
Великой той мысли громадная сила
Такъ тяжко на темя его налегла,
Что вдругъ ослабѣлъ онъ и внизъ покатился,
И вновь утвердился на вѣки вѣковъ
По самой срединѣ бездонной пучины,
Откуда исходитъ зловѣщая тьма.

Перев. М. А. Бекетовой.

НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КРИТИКИ.

Виссаріонъ Григорьевичъ Вѣлинскій.

(Окончаніе) *).

VI.

Съ прекращеніемъ «Телескопа» и отъѣздомъ Станкевича за границу начинается новый періодъ въ жизни Вѣлинскаго, самый печальный и мрачный во всѣхъ отношеніяхъ, и въ матеріальномъ, и въ умственномъ, что отразилось весьма неблагоприятно и на литературной дѣятельности Вѣлинскаго въ этотъ періодъ.

Закрытіе «Телескопа» оставило Вѣлинскаго въ концѣ 1836 г. буквально безъ всякихъ средствъ къ жизни—когда у него на рукахъ были еще братъ и племянникъ. Иной трудъ, кромѣ литературнаго, былъ для него почти невыполнимъ. Въ серединѣ 1837 года онъ издалъ грамматику русскаго языка, но грамматика эта, по своему слишкомъ ужъ философскому изложенію, оказалась неудобною для преподаванія, и потому не продавалась. Въ то же время съ нимъ случилась болѣзнь, очень его испугавшая и заставившая его съ іюня до сентября 1837 года прожить на Кавказѣ, на водахъ въ Пятигорскѣ. Въ этомъ безвыходномъ положеніи Вѣлинскій могъ существовать только помощью друзей: П. Боткина, К. Аксакова, Ефремова, что заставляло его съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе запутываться въ долгахъ. Но, какъ и прежде, въ первые годы по выходѣ изъ университета, такъ и теперь, онъ мало заботился о своемъ матеріальномъ положеніи,—теперь, пожалуй, и меньше, чѣмъ прежде, такъ какъ онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе погружался въ сферы отвлеченнаго мышленія. Этому крайнему отрѣшенію отъ дѣйствительности, отъ реальной жизни со всѣми ея нуждами и тревогами, Вѣлинскій наиболѣе былъ обязанъ своему знакомству съ семействомъ Бакуниныхъ, и въ особенности одному изъ членовъ семьи, М. Бакунину.

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

Семейство Бакуниныхъ было однимъ изъ рѣдкихъ въ то время помѣщичьихъ семействъ, по своей образованности стоящихъ впереди вѣка, и въ которыхъ умственные интересы преобладали надъ всеми прочими. Вотъ какъ изображаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ это семейство Лажечниковъ.

«Въ одномъ изъ уѣздовъ Тверской губерніи есть уголокъ (Пушкинъ нѣкоторое время жилъ близъ этихъ мѣстъ, у помѣщика Вульфа), на которомъ природа сосредоточила всю заботливую любовь свою, украсивъ его всеми лучшими дарами своими, какіе могла только собрать въ странѣ семимѣсячныхъ снѣговъ. Кажется, на этой живописной мѣстности рѣка течетъ иривѣе, цвѣты и деревья растутъ роскошнѣе, и болѣе тепла, чѣмъ въ другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Да и семейство, жившее въ этомъ уголкѣ, какъ-то особенно награждено душевными дарами. Зато, какъ было тепло въ немъ сердцу, какъ умъ и талантъ въ немъ разыгрывались, какъ было въ немъ привольно всему доброму и благородному! Художникъ, музыкантъ, писатель, учитель, студентъ, или просто добрый и честный человѣкъ, были въ немъ обласканы равно, не смотря на состояніе и рожденіе. Базалось мнѣ, бѣдности и отдавали въ немъ первое мѣсто. Посѣтители его, всегда многочисленныя, считали себя въ немъ не гостями, а принадлежащими семейству. Душою дома былъ глава его, патриархъ округа. Какъ хорошъ былъ этотъ величавый, слишкомъ семидесятилѣтній, старикъ, съ непокидающею его улыбкой, съ бѣлыми, падающими на плечи, волосами, съ голубыми глазами, ничего не видящими, какъ у Гомера, но съ душою, глубоко зрящею, среди молодыхъ людей, въ кругу которыхъ онъ особенно любилъ находиться и которыхъ не тревожилъ своимъ присутствіемъ. Ни одна свободная рѣчь не останавливалась отъ его прихода. Въ немъ забывали лѣта, свыкнувшись только съ его добротой и умомъ... Онъ любилъ все прекрасное, природу, особенно цвѣты, литературу, музыку, и лепетъ младенца въ колыбели, и пожатіе нѣжной руки женщины, и краснорѣчивую тишину могилы. Чтò любилъ онъ, то любила его жена, умная и пріятная женщина, любили дѣти, сыновья и дочери. Никогда семейство не жило гармоничнѣе. Откуда, съ какихъ концовъ Россіи, ни стекались къ нему посѣтители! Сюда, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, Боткинымъ и многими другими даровитыми молодыми людьми (имена ихъ смѣшались въ моей памяти), не могъ не попасть и Бѣлинскій...»

Бѣлинскій провель въ 1836 году нѣсколько мѣсяцевъ, лѣтомъ и осенью, въ деревнѣ Бакуниныхъ, и друзья его, особенно Станкевичъ, возлагали большія надежды на смягченіе и уравнивленіе духа неистоваго Виссаріона подъ вліяніемъ этого семейства. «Бѣлинскій отдыхаетъ у Бакуниныхъ,—писалъ Станкевичъ одному своему другу въ концѣ сентября 1836 г.,—я увѣренъ, что эта поѣздка будетъ имѣть на него благотѣльное вліяніе. Полный благородныхъ чувствъ, съ здравымъ, свободнымъ умомъ, добросовѣстный, онъ нуждается въ одномъ только: на опытѣ, не

по однимъ понятіямъ, увидѣть *жизнь* въ ея благороднѣйшемъ смыслѣ; узнать нравственное счастье, возможность гармоніи, которая для него казалась недоступною до сихъ поръ, но которой онъ теперь вѣрить. Какъ смягчаетъ душу эта чистая сфера кроткой, христіанской, семейной жизни!.. Семейство Бакуниныхъ—идеаль семейства. Можешь себѣ представить, какъ она должна дѣйствовать на душу, которая не чужда искры Божіей! Намъ надобно ѣздить туда исправляться...»

Болѣе всего въ этомъ семействѣ сошелся Бѣлинскій съ старшимъ сыномъ Бакуниныхъ, Михайломъ. М. Бакунинъ былъ отставной артиллерійскій офицеръ съ большими діалектическими способностями, съ упорнымъ, настойчивымъ, даромъ мышленія. Онъ познакомился съ Станкевичемъ въ 1835 году. Послѣдній сразу оцѣнилъ его врожденный даръ къ философскимъ занятіямъ, усадилъ его за нѣмецкихъ философовъ—Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, и черезъ годъ или два, во времени отъѣзда Станкевича за границу, Бакунинъ занялъ первое мѣсто въ кружкѣ и, за отсутствіемъ Станкевича, сдѣлался руководителемъ Бѣлинскаго по философіи.

И вотъ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, Бакунина, съ другой—В. Боткина, яраго поклонника чистаго искусства, члены кружка мало-помалу увлеклись философіею и искусствомъ до крайней исключительности. Все остальное въ мірѣ и въ жизни перестало для нихъ существовать. Въ философіи и въ искусствѣ они начали искать разрѣшенія не только великихъ тайнъ бытія, но и такихъ житейскихъ мелочей, которыя очень легко разрѣшаются простымъ здравымъ смысломъ. Съ утра до вечера и ночи напролетъ они только и дѣлали, что толковали о феноменологіи и логикѣ Гегеля. Нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетикѣ, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной истинѣ, о ея *по себѣ бытіи*». Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до выпаденія листовъ въ нѣсколько дней.

Надо прибавить ко всему этому, что всѣ эти пренія происходили на самомъ тарабарскомъ языкѣ. Друзья не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще, для большей легкости, оставляя всѣ латинскія слова, давая имъ русскія окончанія и семь падежей.

Но молодые философы испортили себѣ не одинъ языкъ, но и пониманіе: отношеніе къ жизни, дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное. Это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которыми такъ гениально смѣялся Гёте въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все непосредственное, всякое пустое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой

крови, блѣдной алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался солдатъ подъ-хмелькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, относилась къ своему порядку, къ «гемюту» или къ «трагическому въ сердцѣ». То же въ искусствѣ. Знаніе Гёте, особенно второй части «Фауста» (оттого ли, что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея) было столь же обязательно, какъ имѣть платье. Философія музыки была на первомъ планѣ. Разумѣется, о Россини и не говорили; въ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ и бѣднымъ, зато производили философскія слѣдствія надъ каждымъ аккордомъ Бетховена и очень уважали Шуберта, не столько за его превосходныя кантаты, сколько за то, что онъ бралъ философскія темы для нихъ: «Всемогущество Божіе», «Атласъ». Друзья наши заразили своими философствованіями и всѣхъ дамъ въ бакунинской усадьбѣ. По словамъ Лажечникова, слово «абсолютъ» слышалось даже изъ женскихъ устъ».

До какого полнаго отрицанія самой дѣйствительности дошли члены кружка, и въ какой религіозный культъ возвели они свои философскія занятія, объ этомъ мы можемъ судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ письма Бѣлинскаго одному пріятелю, писаннаго изъ Пятигорска 7 августа 1837 года.

«Утони, исчезни въ наукѣ и искусствѣ, возлюби науку и искусство, возлюби ихъ, какъ цѣль и потребность твоей жизни, а не какъ средство къ образованію и успѣхамъ въ свѣтѣ—и ты будешь блаженъ, а кто достигъ блаженства, тотъ носить въ себѣ Бога... Богъ есть истина,—слѣдовательно, кто сдѣлался сосудомъ истины, тотъ есть и сосудъ Божій; кто *знаетъ*, тотъ уже и *любитъ*; потому что, не любя, невозможно познавать, а познавая, невозможно не любить; Богъ есть вмѣстѣ и истина, и любовь, и разумъ, и чувство, такъ какъ солнце есть вмѣстѣ и свѣтъ, и теплота...

«Видѣ мысли—все призракъ, мечта; одна мысль существенна и реальна. Что такое ты самъ? Мысль, одѣтая тѣломъ; тѣло твое сгніетъ, но твое я, останется; слѣдовательно, тѣло твое есть призракъ, мечта но я твое существенно и вѣчно. Философія—вотъ что должно быть предметомъ твоей дѣятельности. Философія есть наука идеи чистой, отрѣшенной; исторія и естествознаніе суть науки идеи въ явленіи. Теперь спрашиваю тебя: что важнѣе—идея или явленіе, душа или тѣло? Идея ли есть результатъ явленія или явленіе есть результатъ идеи? Безъ сомнѣнія, явленіе есть результатъ идеи. Если такъ, то можешь ли ты понять результатъ, не зная его причины? Можетъ ли для тебя

быть понятна исторія человѣчества, если ты не знаешь, что такое человѣкъ, что такое человѣчество? Вотъ почему философія есть начало и источникъ всякаго знанія, вотъ почему безъ философіи всякая наука мертва, непонятна и нелѣпа... Только въ философіи ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей; только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастьемъ, какова толпа и не подозреваетъ, и какова внѣшняя жизнь не можетъ ни дать тебѣ, ни отнять у тебя. Ты будешь не въ мірѣ, но весь міръ будетъ въ тебѣ. Въ самомъ себѣ, въ сокровенномъ святилищѣ своего духа найдешь ты высшее счастье, и тогда твоя маленькая комнатка, твой убогій и тѣсный кабинетъ будетъ истиннымъ храмомъ счастья. Ты будешь свободенъ, потому что не будешь ничего просить у міра, и міръ оставитъ тебя въ покоѣ, видя, что ты ничего у него не просишь».

Такъ какъ огромное большинство общества не обнаруживало склонности къ исключительному погруженію въ философскія глубины до пренебреженія всего прочаго, то друзья наши отвѣчали на такое легкомысліе всѣхъ смертныхъ глубокимъ презрѣніемъ къ нимъ. Походить на нихъ было позорно. Заслужить въ «обществѣ» титулъ «солиднаго», «почтеннаго человѣка», по мнѣнію кружка, и особенно Бѣлинскаго, значило совсѣмъ уронить себя. Термины «добрый малый», «bon vivant», «bon camarade», считались настоящими бранными словами, синонимомъ безнадежной и жалкой пустоты и ничтожества. «Я на этотъ счетъ очень чувствителенъ,—говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ одному пріятелю въ 1837 году,—для меня дышать однимъ воздухомъ съ пошлякомъ и бездушикомъ—все равно, что лежать съ связанными руками и ногами».

УІІ.

Изъ этого полнаго отрицанія дѣйствительности, признанія призрачными всѣхъ частныхъ явленій жизни и всего видимаго міра друзья наши кинулись въ противоположную крайность: именно, апофеозъ *дѣйствительности*, признаніе, что все дѣйствительное со всѣми своими недостатками, несовершенствами и гнусностями—разумно.

«Новый міръ намъ открылся,—пишетъ Бѣлинскій къ Станкевичу въ сентябрѣ 1839 г.—сила есть право и право есть сила:—нѣтъ, не могу описать тебѣ, съ какимъ чувствомъ услышалъ эти слова—это было освобожденіе. Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей; я понялъ, что нѣтъ дикой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайности—и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ. Слово «дѣйствительность» сдѣлалось для меня равносильно слову «Богъ»... «Дѣйствительность!» твержу я, вставая и ложась

спать, днем и ночью,—дѣйствительность окружаетъ меня, я чувствую ее вездѣ и во всемъ, даже въ себѣ, въ той *новой* перемѣнѣ, которая становится замѣтнѣе со дня на день. Давно ли я спорилъ... что не хочу и не обязанъ терять времени и принуждать себя съ людьми чуждаго мнѣ міра? И что же? Я теперь каждый день сталкиваюсь съ людьми практическими, и мнѣ уже не душно въ ихъ кругу, они уже интересны для меня объективно, и я не въ тягость имъ...»

Это примиреніе съ дѣйствительностью приписывали прежде философіи Гегеля, которою увлеклись члены кружка послѣ Шеллинга и Фихте. Но это не совсѣмъ вѣрно. Философія Гегеля, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что все существующее она признаетъ развитіемъ абсолютной идеи или духа, причѣмъ полагаетъ три неизбѣжныя фазиса этого развитія. Въ первомъ фазисѣ абсолютная идея пребываетъ сама въ себѣ, находясь въ безсознательномъ состояніи непосредственнаго бытія. Чтобы дойти до самосознанія, идея распадается на таящіеся въ ней противорѣчія и такой моментъ разложенія идеи представляетъ второй періодъ ея развитія. Далѣе же затѣмъ слѣдуетъ третій періодъ, когда противорѣчія воссоединяются, согласуются, и идея является въ новомъ блескѣ, сознанныя разумомъ въ единствѣ своего многообразія. Первый періодъ Гегель называлъ *тезомъ*, второй *антитезомъ*, третій *синтезомъ*. Сообразно гегелевской философской системѣ, высшій, матеріальный міръ частныхъ и случайныхъ явленій никакъ не можетъ быть признанъ разумнымъ, такъ какъ онъ представляетъ собою второй періодъ развитія идеи, антитезъ, распаденіе абсолютной идеи на свои противорѣчія ради самосознанія. Объяснимъ, это слѣдующимъ простымъ примѣромъ: абсолютная идея, отождествляемая философіею Гегеля съ божествомъ, представляется исполненною безпредѣльнаго добра. Но для того, чтобы это добро, благо самоопредѣлилось, необходимо, чтобы явился антитезъ добра; и такой антитезъ представляется въ жизни въ видѣ зла. Мы можемъ утверждать, что зло въ жизни неизбѣжно, необходимо, какъ антитезъ, самоопредѣленіе добра; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно было дѣйствительно, а тѣмъ болѣе разумно, такъ какъ зло существуетъ не само по себѣ, а лишь какъ антитезъ добра, принадлежитъ къ призрачнымъ явленіямъ матеріальнаго міра. Когда же явится синтезъ, то въ немъ не окажется уже зла, а лишь самоопредѣлившее добро, которое одно только и можетъ быть дѣйствительнымъ и разумнымъ.

Друзья же наши поняли знаменитый афоризмъ Гегеля, что *дѣйствительно—то разумно и что разумно—то дѣйствительно*, въ томъ фаталистическомъ смыслѣ, что все, что ни дѣлается на свѣтѣ, какъ бы оно ни казалось дурнымъ и возмутительнымъ по своему безобразію, ведетъ ко благу, все это разумно, потому что представляется ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ разумной идеи. Изъ этого положенія они вывели

то прямое заключеніе, что человекъ, одаренный разумомъ, развитымъ высшимъ философскимъ мышленіемъ, не имѣетъ ни малѣйшаго права ни возмущаться тѣмъ, что онъ видитъ вокругъ себя дурного, ни тѣмъ болѣе стремиться измѣнить это дурное къ лучшему. Какъ истинный философъ, онъ долженъ смотрѣть на все окружающее съ высоты птичьяго полета съ невозмутимымъ спокойствіемъ и не изъявляя при этомъ ни злобы, ни гнѣва, ни мести, стремиться лишь постигнуть совершающееся въ его философской разумности. Такое олимпійски-спокойное и безстрастное созерцаніе міра на философскомъ языкѣ называлось *объективнымъ* отношеніемъ къ жизни въ противоположность съ отношеніемъ *субъективнымъ*, въ которомъ человекъ вноситъ въ свои сужденія о явленіяхъ жизни личныя чувства и интересы.

Собразно такому ученію, члены кружка измѣнили радикально свои прежніе взгляды и на искусство: они изгнали изъ него всю область субъективной, личной поэзіи, и стали требовать, чтобы искусство, въ свою очередь, относилось къ жизни съ полною объективностью.

Такое примирительное отношеніе къ живой дѣйствительности,—прямое слѣдствіе замкнутой жизни въ тѣсномъ кружкѣ, при полномъ отсутствіи такихъ захватывающихъ интересовъ общественной жизни, которые заставляли бы сильно биться молодыя сердца, — печально отразилось на всей литературной дѣятельности Бѣлинскаго въ мрачный періодъ его жизни въ концѣ 30-хъ годовъ. Надо замѣтить при этомъ, что друзья наши снова приобрѣли въ свое распоряженіе журналъ. Въ это время выходило въ Москвѣ ежемѣсячное изданіе «Московскій Наблюдатель», издателемъ котораго былъ Степановъ, а редакторами Андросовъ и Шевыревъ. Въ 1838 году Шевыревъ оставилъ журналъ, а на мѣсто его редакцію принялъ въ полное свое распоряженіе Бѣлинскій со своими друзьями. Вотъ въ этомъ-то самомъ «Московскомъ Наблюдателѣ» и разразился Бѣлинскій рядомъ статей, отъ которыхъ въ послѣдствіи отгребивался, стыдился ихъ и обижаясь, когда кто-либо напоминалъ ему о нихъ.

Подъ вліяніемъ схоластическихъ доктринъ, къ которымъ пришли друзья, Бѣлинскій радикально измѣнилъ свои эстетическіе взгляды. Прежде, выходя изъ теоріи произвольности творчества, онъ относился сочувственно къ каждому лирическому стихотворенію, проникнутому естественнымъ и произвольнымъ чувствомъ. Теперь же, на основаніи идеала объективно-спокойнаго созерцанія жизни, истинно художественнымъ произведеніемъ онъ сталъ считать только такое, въ которомъ, при полной объективности, онъ видѣлъ такое тѣсное, безразличное соединеніе идеи съ формою, чтобы идея совершенно поглощалась формою. Всякое же преобладаніе идеи или чувства надъ формою, по его мнѣнію, выдѣляло произведеніе изъ предѣловъ истинно художественнаго творчества.

Отправляясь отъ такой узкой доктрины, Бѣлинскій началъ отрицать

все, что не подходило къ ней, съ слѣпотой, поразительной для человѣка съ такимъ тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, какимъ онъ былъ одаренъ. Такъ, мало того, что Гёте за его олимпійскую безстрастность онъ поставилъ выше Шиллера, но онъ началъ совершенно отрицать Шиллера. «Шиллеръ,—говоритъ онъ,—въ которомъ философскій элементъ безпрестанно боролся съ художественнымъ элементомъ и часто побѣждалъ его, Шиллеръ, едва ли не въ большей части своихъ произведеній, принадлежитъ къ числу этихъ полупоэтовъ (недоносковъ, витающихъ между художественностью и краснорѣчіемъ). Гёте и нашъ Пушкинъ — вотъ чисто поэтическія натуры: «одному довольно сорванного цвѣтка, а другому завяшаго цвѣтка, нечаянно найденнаго имъ въ книгѣ, чтобы ринуть душу читателя въ міръ безконечнаго». Сравнивая при этомъ произведеніе Шиллера «Идеалы» съ «Нереидой» Пушкина, Бѣлинскій ставитъ послѣднее на неизмѣримую высоту выше «Идеаловъ», именно, на томъ основаніи, что первое выражаетъ ясную и опредѣленную идею, которую вы можете формулировать, тогда какъ въ «Нереидѣ» Пушкина есть идея, но она такъ конкретно слита съ формой, что вамъ, чтобы выговорить ее, надо оторвать ее отъ формы, а форма такъ прекрасна, что у васъ не поднимается рука на такую операцію». Изъ этого Бѣлинскій дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «спросите всѣхъ, что лучше—«Идеалы» или «Нереида»—: большинство станетъ за «Идеалы», но чьи глаза одарены ясновидѣніемъ вѣчной красоты, тѣ даже не станутъ и сравнивать этихъ двухъ произведеній... Прежде Бѣлинскій нападалъ на Пушкина по слѣдамъ Полевого за то, что тотъ отрѣшился отъ литературныхъ круговъ въ сферы большого свѣта, и предревалъ, что это должно гибельно отозваться на его талантѣ. Теперь же, напротивъ того, онъ смѣялся надъ мнѣніемъ, что среда можетъ испортить поэта, считая такое мнѣніе дѣтскимъ прекрасноруміемъ. Теперь для него не было среды, не было жизни съ различными ея вліяніями, хорошими и дурными, а существовала только отвлеченная сфера творчества, чуждая всякихъ отношеній къ жизни, существовала сама для себя, завися отъ одного возвышенія поэта надъ всѣмъ міромъ и безстрастнаго созерцанія людской жизни, висящей гдѣ-то тамъ внизу... Извѣстныя произведенія Пушкина «Подите прочь! какое дѣло...» и «Пока не требуетъ поэта», сдѣлались любимыми произведеніями для Бѣлинскаго, которыя онъ теперь то и дѣло приводилъ въ своихъ статьяхъ ради нагляднаго представленія своихъ идеаловъ поэта и творчества.

Къ числу явленій творчества, которыя Бѣлинскій отрицалъ вслѣдствіе ихъ субъективности, относились и всѣ сатирическія произведенія. Бѣлинскій признавалъ, что поэтъ имѣетъ право воспроизводить въ своихъ произведеніяхъ сферу пошлости, отрицательный міръ призраковъ и случайностей, но и въ такомъ случаѣ онъ требовалъ, чтобы поэтъ относился къ своимъ образамъ совершенно объективно, чтобы «поэ-

тическимъ ясновидѣніемъ своимъ онъ провидѣлъ ихъ идею и, проведя ихъ черезъ свою творческую фантазію, просвѣтлялъ эту идею ихъ естественную грубость и грязность». Идеаломъ такого объективнаго изображенія отрицательныхъ явленій жизни Бѣлинскій считалъ Гоголя. Такъ, въ своей статьѣ «Горе отъ ума» онъ представилъ параллельный разборъ «Ревизора» Гоголя и «Горе отъ ума» Грибоѣдова. «Ревизоръ» представляется, въ разборѣ Бѣлинскаго, идеаломъ художественной комедіи по своей объективности, развитію дѣйствія, выдержанности характеровъ. Между тѣмъ «Горе отъ ума» Бѣлинскій совершенно исключаетъ изъ области художественныхъ произведеній на томъ основаніи, что въ комедіи этой почти нѣтъ никакого дѣйствія; характеры, вмѣсто того, чтобы выразаться въ поступкахъ, сами себя обличаютъ въ сатирическихъ монологахъ; субъективный, сатирический элементъ преобладаетъ въ комедіи надо всѣмъ, и въ каждомъ стихѣ вы чувствуете присутствіе самого Грибоѣдова.

Уже въ первый періодъ своей дѣятельности Бѣлинскій, равно и всѣ его друзья, воспитанные по нѣмецкой метафизикѣ, отрицательно относились къ французамъ, за ихъ скептицизмъ, матеріализмъ, безвѣріе и пр., но съ точки зрѣнія философіи Шеллинга, полагая, что каждая народность что-нибудь собою представляетъ, Бѣлинскій готовъ былъ признать долю пользы и за нелюбимыми французами, какъ законодателями моды, правилъ обхожденія, вѣжливости и хорошаго тона. Тенерь же Бѣлинскій началъ смотрѣть на весь французскій народъ, какъ на скопище развратныхъ изверговъ, не имѣющихъ ничего святаго, и каждый разъ, когда рѣчь заходила о французахъ, раздражался ожесточенною бранью. «У французовъ,—говорилъ онъ,—во всемъ желчный, слѣпой расудокъ, который хорошъ на своемъ мѣстѣ, т.-е., когда дѣло идетъ объ уразумѣніи обыкновенныхъ житейскихъ вещей, но который становится буйствомъ передъ Господомъ, когда заходитъ въ высшія сферы знанія. Народъ безъ религіозныхъ убѣжденій, безъ вѣры въ таинство жизни—все святое оскверняется отъ его прикосновенія, жизнь мретъ отъ его взгляда. Такъ оскверняется для вкуса прекрасный плодъ, по которому проползла гадина»...

VIII.

Подобное крайнее направленіе не замедлило отразиться и на характерѣ «Наблюдателя», который друзья наши взяли въ свои руки. Онъ сталъ наполняться исключительно почти произведеніями нѣмецкихъ поэтовъ, причемъ Гёте и Гофманъ стояли на первомъ планѣ. Ни одной книжки не обходилось безъ какихъ-либо философскихъ и эстетическихъ разсужденій. Такимъ образомъ журналъ имѣлъ вовсе не такой энциклопедическій характеръ, какой мы привыкли себѣ представлять съ именемъ этого рода изданій у насъ, въ Россіи. Это былъ журналъ спеціальныи, фи-

лософо-критическій исключительно. Рядомъ съ критическими статьями, построенными на основаніи философіи Гегеля, тамъ встрѣчались статьи, посвященныя изложенію гегелевской философіи, наконецъ, выдержки изъ самого Гегеля. Таковы были, напримѣръ, «Гимназическія рѣчи Гегеля», «О философской критикѣ художественнаго произведенія» Ретшера. Читатели журнала, повидимому, не совсѣмъ были довольны крайнею сухостью многихъ статей журнала, въ особенности статей Ретшера. По крайней мѣрѣ, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство самого Бѣлинскаго: «Многіе читатели жаловались,—говорить онъ въ одной изъ своихъ статей,—на помѣщеніе нами статьи Ретшера: «О философской критикѣ художественнаго произведенія», находя ее темною, недоступною для пониманія». И при этомъ Бѣлинскій обращается къ публикѣ съ наставительнымъ тономъ: «прежде всего мы скажемъ, что не всѣ статьи помѣщаются въ журналахъ только для удовольствія читателей; необходимы иногда и статьи ученаго содержания, а такія статьи требуютъ труда и размышленія».

Но, какъ ни низко стояло наше общество въ своемъ развитіи, оно все-таки имѣло настолько живое чутъе, что отвернулось отъ проповѣдниковъ высокоумнаго равнодушія къ общественнымъ нуждамъ и бѣдствіямъ ради отвлеченнаго углубленія въ высшія философскія сферы, и «Московский Наблюдатель» подъ новой редакціей пошелъ еще хуже, чѣмъ прежде; подписчиковъ сдѣлалось еще менѣе, а въ 1839 году, едва дойдя до пятой книжки, онъ долженъ былъ прекратить свое существованіе.

Печально отразилось на Бѣлинскомъ все это увлеченіе. Матеріальное положеніе его, по прекращеніи «Московского Наблюдателя», сдѣлалось снова отчаянно. «При такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ,—говорить И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ—Бѣлинскій задолжалъ въ лавочку. Въ долгъ ему не хотѣли ничего отпускать. Обѣдъ его, при которомъ я не разъ присутствовалъ, былъ и безъ того неприхотливъ: онъ состоялъ изъ дурно-свареннаго супа, который Бѣлинскій густо посыпалъ перцемъ, и куска говядины изъ этого супа...»

Нравственное же состояніе Бѣлинскаго было еще хуже. Вмѣсто ожидаемаго примиренія, онъ обрелъ окончательный разладъ и съ самимъ собою, и съ окружающимъ его міромъ. Последнее время пребыванія въ Москвѣ онъ постоянно былъ въ раздраженномъ и взволнованномъ состояніи духа.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ однажды Панаеву:—мнѣ, во что бы ни стало, надобно вонъ изъ Москвы... Мнѣ эта жизнь надоѣла, и Москва опротивѣла мнѣ...

Въ то же время со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ возраженія и порицанія высказываемымъ имъ въ своихъ статьяхъ взглядамъ. Дѣло дошло впослѣдствіи даже до личнаго оскорбленія, до того, что когда Бѣлинскому былъ представленъ какой-то артиллерійскій офицеръ, послѣдній не захотѣлъ подать Бѣлинскому своей руки.

Спасительнымъ выходомъ изъ этого отчаяннаго положенія послужило для Бѣлинскаго приглашеніе А. А. Краевскаго принять участіе въ качествѣ критика въ его петербургскихъ изданіяхъ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Литературныхъ прибавленій къ Инвалиду». Приглашеніе послѣдовало 20 іюня 1839 г., 5-го же іюня Бѣлинскій послалъ редактору «Отечественныхъ Записокъ» письмо съ изъясненіемъ готовности принять на себя завѣдываніе критическимъ отдѣломъ журнала, и, будучи еще въ Москвѣ, началъ уже посылать свои статьи въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ». Въ октябрѣ же 1839 г. онъ оставилъ Москву.

Въ Петербургъ пріѣхалъ Бѣлинскій все тѣмъ же фанатикомъ философскаго примиренія съ дѣйствительностью, проповѣдникомъ чистаго искусства и французо-ненавистникомъ и въ продолженіи цѣлаго года все еще продолжалъ носиться съ идеями московскаго кружка. Такъ, первымъ дѣломъ онъ напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» двѣ статьи, написанныя имъ еще въ Москвѣ,—по поводу «Бородинской годовщины» Ө. Глинки и «Менцель, критикъ Гёте»,—статьи, возбудившія наибольшее негодованіе во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ, и которыхъ въ послѣдствіи Бѣлинскій наиболѣе стыдился. Вотъ что рассказываетъ И. Панаевъ о томъ, какъ относился Бѣлинскій въ это время къ своимъ убѣжденіямъ и возраженіямъ противъ нихъ:

«Черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія изъ Москвы, Бѣлинскій принесъ мнѣ прочесть свою рецензію на книгу Ө. Глинки «Бородинская годовщина», которую онъ отослалъ для напечатанія въ «Отечественныя Записки».

«— Послушайте-ка,—сказалъ онъ мнѣ:—кажется, мнѣ еще до сихъ поръ не удавалось ничего написать такъ горячо и такъ рѣшительно высказать наши убѣжденія. Я читалъ эту статейку Мишелю (Бакунину), и онъ пришелъ отъ нея въ восторгъ,—ну, а мнѣніе его чего-нибудь да стоить! Да, что много говорить, я самъ чувствую, что статейка *вытанцовалась*...

«И Бѣлинскій началъ мнѣ читать ее съ такимъ волненіемъ и жаромъ, съ какимъ онъ никогда ничего не читалъ ни прежде, ни послѣ.

«Лихорадочное увлеченіе, съ которымъ читалъ Бѣлинскій, языкъ этой статьи, исполненной страшной торжественности и напряженнаго паосса, произвелъ во мнѣ первное раздраженіе. Бѣлинскій самъ былъ явно раздраженъ нервически...

«— Удивительно! превосходно!—повторялъ я во время чтенія и по окончаніи чтенія:—но я вамъ замѣчу одно...

«— Я знаю, знаю, что—не договаривайте,—перебилъ меня съ жаромъ Бѣлинскій:—меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркуюсь передъ властями... Пусть ихъ! Я не боюсь открыто и прямо высказывать мои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни думали...

«Онъ началъ ходить по комнатѣ въ волненіи.

«— Да! это мои убѣжденія!—продолжалъ онъ, разгораясь болѣе и болѣе.—Я не стыжусь, а горжусь ими... И что мнѣ дорожить мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ... Они не заподозрятъ меня въ лести и подлости. Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... они знаютъ это... Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ, Панаевъ,—вы вѣдь еще меня мало знаете...

«Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли.

«— Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ! Мнѣ легче умереть съ голода—я и безъ того рискую эдакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ съ горькой ироніей), чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унижить себя передъ кѣмъ бы то ни было, или продать себя...

«Разговоръ этотъ со всѣми подробностями живо врѣзался въ мою память. Бѣлинскій какъ будто теперь передъ мною...

«Онъ бросился на стулъ, запыхавшись... и, отдохнувъ немного, продолжалъ съ ожесточеніемъ:

«— Эта статья рѣзка, я знаю, но у меня въ головѣ рядъ статей, еще болѣе рѣзкихъ... Ужъ какъ же я отхлещу этого негодяя Менцеля, который берется судить объ искусствѣ, ничего не смысля въ немъ...»

Но Петербургъ со своимъ шумомъ и гамомъ жизни чисто реальной, преисполненной насущныхъ интересовъ, не замедлилъ дать сильный толчокъ всѣмъ заоблачнымъ фантазіямъ молодого мыслителя и совершенно поколебать ихъ. Не малое вліяніе оказали, при этомъ удаленіе изъ замкнутаго кружка, встрѣча съ массою людей, думавшихъ совсѣмъ иначе, перемѣна занятій... Не даромъ впоследствии въ своей статьѣ «Москва и Петербургъ» Бѣлинскій говорилъ, между прочимъ:

«Петербургъ имѣеть на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство; сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности, и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святого, человѣческаго... Что мечты! Самыя обольстительныя изъ нихъ не стоятъ въ глазахъ дѣльнаго (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины, потому что счастье глушца есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго человѣка есть истина, и притомъ, плодотворная въ будущемъ...»

Но было бы ошибочно думать, чтобы московскія увлеченія Бѣлинскаго спали съ него дѣйствительно съ легкостью и быстротою осеннихъ листьевъ. Напротивъ того, годы тянулось переходное состояніе въ умственномъ мірѣ Бѣлинскаго, причемъ онъ переживалъ тотъ же періодъ сомнѣній, рефлексій и болѣзненно-мучительнаго раздвоенія, какой переживали и всѣ его со-

временники. Вот что свидѣтельствуешь объ этомъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ:

«Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ (1843 г.) его снова начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія, или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философскіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п. Не будучи знакомъ ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ (онъ даже по французски читалъ съ большимъ трудомъ) и не находя въ русскихъ книгахъ ничего, что бы могло удовлетворить его пылкость, Бѣлинскій поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ разговорамъ съ друзьями, къ продолжительнымъ толкамъ, сужденіямъ и разпросамъ; и онъ отдался имъ со всею лихорадочнымъ жаромъ своей, жаждавшей правды, души... И такъ, когда я познакомился съ Бѣлинскимъ, его мучили сомнѣнія. Эту фразу я часто слышалъ и самъ употреблялъ не однажды; но въ дѣйствительности и вполнѣ она примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнія его именно мучили, лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его, онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и ночью бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышимымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала, но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла и мужа, и меня, хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко. «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, — сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекамъ, — а вы хотите ѣсть».

IX.

Это переходное состояніе отражается и въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго эпохи сотрудничества его въ «Отечеств. Запискахъ». Перебирая статьи этой эпохи, вы видите, какъ постепенно Бѣлинскій, отрѣшаясь отъ идеализма, все болѣе и болѣе становится на реальную почву и изъ поклонника чистаго искусства превращается въ проповѣдника искусства для жизни.

Такъ, въ 1840 году была напечатана имъ извѣстная уже намъ критическая статья, посвященная разбору «Горя отъ ума» Грибоѣдова рядомъ

сь «Ревизоромъ» Гоголя. Въ статьѣ этой, какъ мы видѣли, преобладають еще идеи московскаго періода: комедія Гоголя превозносится за объективность, а «Горе отъ ума» выключается изъ ряда художественныхъ произведеній за преобладаніе въ ней сатиры.

Но и въ этой статьѣ вы видите уже кое-какія вѣянія новаго духа. Бѣлинскій не считаетъ уже все дѣйствительное разумнымъ и не проповѣдуетъ примиреніе съ мрачными сторонами жизни въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Напротивъ того, дѣйствительнымъ онъ признаетъ только разумное въ жизни, все же остальное относитъ къ категоріи призрачнаго. «Дѣйствительность,—говоритъ онъ,—есть во всемъ, въ чемъ только есть движеніе, жизнь, любовь; все мертвое, холодное, неразумное, эгоистическое—есть «призрачность». Сообразно этимъ двумъ категоріямъ, онъ дѣлитъ и поэзію на положительную поэзію разумной дѣйствительности и отрицательную—неразумной призрачности.

Но особенно замѣчательна эта статья тѣмъ, что въ ней Бѣлинскій впервые рѣшился признать романтизмъ явленіемъ вполне отжившимъ и не имѣющимъ никакого значенія въ современной жизни. По его мнѣнію, согласно съ философією Гегеля, древній классицизмъ и средневѣковый романтизмъ суть двѣ противоположности, тезъ и антитезъ. Въ классицизмѣ Бѣлинскій видитъ преобладаніе формы надъ идеей, чувственной красоты надъ духомъ; въ романтизмѣ—наоборотъ: преобладаніе духа надъ формой. Современное искусство, по мнѣнію Бѣлинскаго, должно примирить эти крайности и быть ихъ синтезомъ.

«Наше новѣйшее искусство,—говоритъ онъ,—начатое Шекспиромъ и Сервантесомъ, не есть ни классическое, потому что мы «не греки и не римляне», и не романтическое, потому что мы не рыцари и не трубадуры среднихъ вѣковъ! Какъ же его назвать? Новѣйшимъ. Въ чемъ его характеръ? Въ примиреніи классическаго и романтическаго, въ тождествѣ, а слѣдовательно, и въ различіи отъ того и другого, какъ двухъ крайностей. Происходя исторически, непосредственно отъ второго, изслѣдовавъ всю глубину и обширность его безконечнаго содержанія и обогатя его дальнѣйшимъ развитіемъ христіанской жизни и пріобрѣтеніемъ новаго знанія, оно примирило богатство своего романтическаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы».

Правда, это было лишь повтореніемъ мыслей, высказанныхъ уже 1830 году въ диссертациі Надеждина. Но десять лѣтъ тому назадъ мысли эти были еще преждевременны. Къ тому же, Надеждинъ не могъ имѣть такого вліянія на общество, какъ Бѣлинскій, по своей уклончивости, непрямотѣ, вліянію передъ классицизмомъ. Наконецъ, нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что написанная на латинскомъ языкѣ диссертациія Надеждина была доступна лишь немногимъ. Статья же Бѣлинскаго произвела громовое впечатлѣніе выстрѣла, возвѣстившаго конецъ романтизма

и наступленіе эпохи 40-хъ годовъ. Послѣ статьи Бѣлинскаго крики противъ романтизма начинаютъ раздаваться въ литературѣ чаще, рѣшительнѣе, громче, и въ концѣ 40-хъ годовъ романтизмъ сдѣлался браннымъ прозвищемъ для всего отсталого и отжившаго.

Но не въ одномъ только отвлеченно-философскомъ синтезѣ классицизма и романтизма полагалъ Бѣлинскій сущность современной поэзіи. Главнымъ нервомъ не только поэзіи, но и всей жизни своего вѣка онъ сталъ теперь считать стремленіе къ дѣйствительности. Въ той же статьѣ о «Горе отъ ума» вы читаете слѣдующія многозначительныя строки:

«Мечтательность въ XIX вѣкѣ такъ же слишкомъ пошла и приторна, какъ и сентиментальность. Дѣйствительность—вотъ пароль и лозунгъ нашего вѣка, дѣйствительность во всемъ, и въ вѣрованіяхъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. Могуцій, мужественный вѣкъ, онъ не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывающагося, но любитъ одно мощное, крѣпкое, существенное... Мечтательность была высшею дѣйствительностью только въ періодъ юности чловѣческаго рода; типы и формы поэзіи улетучиваются въ ошміамъ молитвы, во вздохъ блаженствующей любви или тоскущей разлуки. Поэзія же мужественнаго возраста чловѣчества, наша новѣйшая поэзія осязаетъ изящную форму, просвѣтляетъ эфиромъ мысли, и на яву дѣйствительности, а не во снѣ мечтаній отворяетъ таинственные врата священнаго храма духа. Короче, какъ романтическая поэзія была поэзіей мечты и безотчетнымъ порывомъ въ область идеаловъ, такъ новѣйшая поэзія есть поэзія дѣйствительности, поэзія жизни...»

Въ томъ же году, въ статьѣ по поводу сочиненій Марлинскаго, Бѣлинскій еще болѣе развилъ эту идею поэзіи дѣйствительности, жизни. «Истинно-художественное произведеніе,—говоритъ онъ,—всегда поражаетъ читателя своей истиной, естественностью, вѣрностью дѣйствительности до того, что, читая его, вы бессознательно, но глубоко убѣждены, что все рассказываемое или представляемое въ немъ, происходило именно такъ, и совершиться иначе не могло. Когда вы его кончите, изображенныя въ немъ лица стоятъ передъ вами, какъ живыя, во весь ростъ, со всѣми своими малѣйшими особенностями—съ лицомъ, съ голосомъ, съ поступью, со своимъ образомъ мышленія; они навсегда и неизгладимо запечатлѣваются въ вашей памяти, такъ что вы никогда уже не забудете ихъ. Цѣлое пьесы обхватываетъ все существо ваше, проникаетъ его насквозь, а частности ея памятны и живы для васъ только по отношенію къ цѣлому. И чѣмъ больше читаете вы такое художественное созданіе, тѣмъ глубже, ближе и неразрывнѣе совершается въ васъ внутреннее и задушевное усвоеніе и сдруженіе съ нимъ. Простота есть необходимое условіе художественнаго произведенія, по своей сущности отрицающее всякое внѣшнее украшеніе, всякую изысканность. Простота есть красота истины, а художественныя

*

произведенія славны ею, тогда какъ мнимо-художественныя часто гибнуть отъ нея, и потому по необходимости прибѣгаютъ къ изысканности, запутанности и необыкновенности... Въ искусствѣ все невѣрное дѣйствительности есть ложь, и обличаетъ не талантъ, а бездарность. Искусство есть выраженіе истины, и только одна дѣйствительность есть высочайшая истина, а все вѣ ея, т. е. всякая выдуманная какимъ-нибудь «сочинителемъ» дѣйствительность, есть ложь и клевета на истину».

Впродолженіе 1841 и 1842 годовъ успѣлъ Бѣлинскій отрѣшиться мало-по-малу и отъ своего французѣдства и началъ ставить французскую литературу на одномъ ряду съ нѣмецкою, какъ ея антитезъ, имѣющей свое значеніе.

«Для нѣмца,—говоритъ онъ,—наука и искусство—сами себѣ цѣль и высшая жизнь, абсолютное бытіе; для француза, наука и искусство—средства для общественнаго развитія, для отрѣшенія личности человѣческой отъ тяготящихъ и унижающихъ ее оковъ преданія, моментальнаго опредѣленія и временныхъ (а не вѣчныхъ) общественныхъ отношеній. Вотъ причина, почему литература французская имѣетъ такое огромное вліяніе на всѣ образованные народы; вотъ почему ея легучія произведенія пользуются такою всеобщностью, такою извѣстностью; вотъ почему они такъ и недолговѣчны, такъ эфемерны...»

Въ Англіи видитъ Бѣлинскій примиреніе этихъ двухъ крайностей. Въ то же время въ рецензіи на романъ Жоржъ-Зандъ «Бернаръ-Мопра», онъ впервые является поклонникомъ этой писательницы, которая въ послѣдующій періодъ его жизни сдѣлалась для него столь же любимымъ поэтомъ, каковы были Гете и Гофманъ въ лѣта его юности.

«Это не де-Бальзакъ,—воскликаетъ въ восторгѣ Бѣлинскій,—съ своими герцогами, герцогинями, графами, графинями и маркизами, которые столько же похожи на истинныхъ, сколько самъ де-Бальзакъ похожъ на великаго писателя, или гениальнаго человѣка. У Жоржъ-Зандъ нѣтъ ни любви, ни ненависти къ привилегированнымъ сословіямъ, нѣтъ ни благоговѣнія, ни презрѣнія къ низшимъ слоямъ общества; для нея не существуютъ ни аристократы, ни плебен; для нея существуетъ только человѣкъ, и она находитъ человѣка во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, любитъ его, сострадаетъ ему, гордится имъ и плачетъ о немъ. Но женщина и ея отношенія къ обществу, столь мало оправдываемыя разумомъ, столь много основывающіяся на преданіи, предрасудкахъ, эгоизмѣ мужчинъ—эта женщина наиболѣе вдохновляетъ поэтическую фантазію Жоржъ-Зандъ и возвышаетъ до павоса благородную энергію ея негодованія къ легитимированной насиліемъ невѣжества лжи, ея живую симпатію къ угнетенной предрасудками истинѣ. Жоржъ-Зандъ есть адвокат женщины, какъ Шиллеръ былъ адвокатъ человѣчества. Мудрено ли послѣ этого, что г-жа Дюдеванъ ославлена слѣпою чернью, дикою, невѣжественною

толпой, какъ писательница безнравственная! Кто открываетъ людямъ новыя истины, тому люди не дадутъ спокойно кончить вѣка; зато, когда сведутъ въ раннюю могилу, то непременно воздвигнутъ великолѣпный памятникъ, и какъ на святотатца будутъ смотрѣть на того, кто бы дерзнулъ сказать хоть одно слово противъ предмета ихъ прежней остервенѣлой ненависти... Вѣдь и Шиллеръ при жизни своей слылъ писателемъ безнравственнымъ и развратнымъ...»

Какая рѣзкая разница и въ идеалѣ, и въ симпатіяхъ, и въ тонѣ между Бѣлинскимъ 1839 года и 1841! Тотъ ли это Бѣлинскій, который смотрѣлъ на произведенія Шиллера, какъ на уродливыя убожества, смѣсь краснорѣчія и поэзіи, въ женскомъ вопросѣ видѣлъ однѣ бредни сень-симонистовъ, а Жоржъ-Зандъ самъ считалъ, подобно невѣжественной толпѣ, писательницею безнравственною?

Послѣ этого Бѣлинскій неоднократно возвращался къ женскому вопросу, и каждый разъ рѣчи его въ защиту угнетенной женщины были преисполнены искренней, задушевной теплоты и глубокаго сознанія ненормальности положенія женщины въ обществѣ.

X.

Въ 1843 году Бѣлинскій окончательно разстается съ послѣдними слѣдами московскихъ увлеченій. Годъ этотъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнъ въ ходѣ развитія нашей мысли. Онъ можетъ считаться рубежомъ въ переходномъ процесѣ этого развитія: до него мы видимъ еще преобладаніе метафизики и мистицизма; послѣ него мысль начинаетъ съ большею и большею силою и смѣлостью стремиться на почву реализма. До него передовые люди находились подъ сильнымъ вліяніемъ германской философіи; послѣ него начинаетъ преобладать вліяніе общественнаго движенія, господствовавшаго въ то время во Франціи.

Къ этому времени въ литературѣ нашей совсѣмъ уже исчезаетъ прежняя борьба классиковъ съ романтиками. Возникаютъ двѣ новыя литературныя партіи, которыя борются между собою уже не за ту или другую эстетическую теорію или школу поэзіи, а за направленіе русской образованности, за судьбы нашего отечества во всемъ содержаніи его жизни. Таковы славянофилы и западники. Славянофилы сосредоточились въ Москвѣ вокругъ журнала Погодина «Москвитянинъ» и имѣли во главѣ Хомякова, бр. Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ. Западники утвердились въ Петербургѣ, сгруппировались въ «Отечественныхъ Запискахъ» вокругъ Бѣлинскаго. Прежній московскій кружокъ совсѣмъ въ это время распался. Станкевичъ умеръ. К. Аксаковъ примкнулъ къ славянофиламъ; кто занялся службою или разными практическими дѣлами, кто уѣхалъ за границу навсегда.

Во главѣ же новаго западначескаго кружка, рядомъ съ Бѣлинскимъ, стояли теперь Герценъ, писавшій подъ псевдонимомъ Исандеръ, оказавшій сильное вліяніе на Бѣлинскаго въ его переходѣ отъ московскихъ увлеченій къ новому реальному строю мыслей, Б. Боткинъ, Грановскій, только что занявшій кафедру исторіи въ Московскомъ университетѣ и какъ разъ въ 1843 году читавшій въ Москвѣ публичныя лекціи, надѣлавшія много шума и произведшія большое впечатлѣніе на московскую публику. Позже къ тому же западначескому кружку примкнули Тургеневъ, Некрасовъ, Панаевъ, Григоровичъ, Гончаровъ, Кавелинъ, Вл. Милютинъ и пр. Все это были дѣятели, обладавшіе блестящими талантами, вполнѣдствіи получившіе общее наименованіе «людей сороковыхъ годовъ». Можно положительно сказать, что впродолженіе всѣхъ 40-хъ годовъ каждая вновь появляющаяся на литературномъ поприщѣ сила обязательно примыкала къ кружку Бѣлинскаго.

Понятно становится послѣ этого, что, начиная съ 1841 г., мѣтвія «Отечественныхъ Записокъ» съ каждымъ годомъ дѣлались все болѣе и болѣе господствующими въ литературѣ того времени. Эстетическія понятія, историческая оцѣнка литературы, отзывы о современныхъ писателяхъ стали повторяться и другими, и, наконецъ, пріобрѣтаютъ рѣшительное преобладаніе. Преніе враги (Гречъ, Булгаринъ, Сенковскій, Полевой), вліянія которыхъ опасался Бѣлинскій такъ еще недавно, пали сами собою, не столько отъ полемики, веденной противъ нихъ, сколько отъ самаго достоинства взглядовъ Бѣлинскаго и того высокаго уровня, на который онъ поставилъ критику, и при которомъ само собой обнаруживалось ничтожество этихъ враговъ. Теперь вся сила полемическаго жара Бѣлинскаго устремилась противъ партіи славянофиловъ, которые едва только основали свой новый журналъ «Москвитининъ» (въ 1842 г.), какъ тотчасъ же начали свои нападки на направленіе «Отечественныхъ Записокъ», причеиъ за первымъ озлобленнымъ нападеніемъ послѣдовали другія, отчасти косвенныя, отчасти прямо мѣтившія на Бѣлинскаго, какъ, напр., стихотвореніе «Безыменному критику», знаменитое въ свое время стихами:

Нѣтъ! твой подвигъ не похваленъ!
Онъ Россіи не вливѣтъ!
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ...

Бѣлинскій—всегда находившій жизнь и наслажденіе въ полемикѣ (исключая, конечно, втораго метафизическаго періода своей дѣятельности)—не оставался въ долгу. Онъ нѣсколько разъ обращался къ «Москвитинину» въ статьяхъ или специальныхъ замѣткахъ; друзья его, напр., Герценъ, съ своей стороны приняли участіе въ полемикѣ.

Не ограничиваясь полемическими статьями, специально посвященными борьбѣ съ славянофилами, Бѣлинскій ни въ одной своей статьѣ, о чемъ бы

онъ ни трактовалъ, не опускалъ случая осыпать своихъ враговъ злыми и ожесточенными сарказмами, видя въ нихъ мистиковъ и романтиковъ, которые, увлеченные патриотическимъ пристрастіемъ ко всему русскому, отрицали все хорошее на Западѣ и преклонялись передъ всѣмъ русскимъ, не разбирая, хорошо оно или дурно, возводили все русское, народное въ идеалъ, доходя до слѣпого обожанія устарѣлыхъ обычаевъ, нравовъ, костюмовъ и пр. Онъ нападалъ на нихъ за отрицаніе петровской реформы, за порицаніе натуральной школы и вообще всякаго произведенія и искусства, въ которомъ имъ не нравилось критическое отношеніе къ русской жизни.

Оставаясь по прежнему гегелианцемъ, Бѣлинскій началъ употреблять гегелевскую діалектику уже не въ видѣ одного усматриванія въ жизни различныхъ противорѣчій и искусственного сведенія ихъ въ примиряющіе синтезы, а съ цѣлью проповѣди вѣчнаго прогресса. «Ничто, — говоритъ онъ въ обзорѣни литературы за 1842 г., — не является вдругъ, ничто не является готовымъ; но все имѣющее идеи своимъ исходнымъ пунктомъ, развивается по моментамъ, движется діалектически, изъ низшей ступени перехода на высшую. Этотъ непреложный законъ мы видимъ и въ природѣ, и въ человѣкѣ, и въ человечествѣ. Природа явилась не вдругъ, готовая, но имѣла свои дни, или свои моменты творенія. Царство ископаемое предшествовало въ ней царству прозябаемому, прозябаемое — животному. Каждая былинка проходитъ черезъ нѣсколько фазисовъ развитія, и стебель, листь, цвѣтъ, зерно, суть не что иное, какъ непреложные послѣдовательные моменты въ жизни растенія. Человѣкъ проходитъ черезъ физическіе моменты младенчества, отрочества, юношества, возмужалости и старости, которымъ соотвѣтствуютъ нравственные моменты, выражающіеся въ глубинѣ, объемѣ и характерѣ его сознанія. Тотъ же законъ существуетъ и для обществъ, и для человечества...»

Этотъ законъ прогресса примѣняетъ Бѣлинскій и къ искусству. Если развивается все сущее, то и искусство, въ свою очередь, подлежитъ развитію. «Въ эпоху младенчества и юношества народовъ, — говоритъ Бѣлинскій, — искусство всегда болѣе или менѣе — выраженіе религиозныхъ идей, а въ эпоху возмужалости — философскихъ понятій». Кромѣ того, Бѣлинскій признаетъ вліаніе на развитіе и характеръ искусства природы, мѣстности, страны, климата, наконецъ, политическихъ обстоятельствъ. Всѣ эти соображенія приводятъ Бѣлинскаго къ слѣдующему выводу:

«Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится «птичьимъ пѣніемъ», создастъ себѣ свой міръ, не имѣющій ничего общаго съ историческою и философскою дѣйствительностью современности, если она вообразитъ, что земля не достойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія не должны смущать ея таинственныхъ сновидѣній и поэтическихъ созерцаній! Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была

она, не войдутъ въ жизнь, не возбуждаютъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ... Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Что вошло, глубоко запало въ душу, то само собой проявится во внѣ».

Сообразно съ этими новыми воззрѣніями Бѣлинскаго на искусство, измѣнилась и оцѣнка его поэтическихъ произведеній. Онъ сталъ смотрѣть на нихъ не съ одной лишь эстетической точки зрѣнія, началъ искать въ нихъ не одного соответствія идеѣ и формѣ, а обращать вниманіе и на то, насколько произведеніе выражаетъ духъ современности и удовлетворяетъ интересамъ общества. Такъ, наприимѣръ, взглядъ его на Пушкина совершенно измѣнился сравнительно съ тѣмъ, какой онъ высказывалъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Въ рядѣ статей, посвященныхъ разбору стихотвореній Пушкина, онъ ставитъ на видъ историческое значеніе Пушкина, какъ поэта, отдаетъ ему въ этомъ отношеніи полную справедливость, но въ то же время смотритъ, какъ на большой недостатокъ Пушкина, на его стремленіе къ чистому искусству и отрѣшеніе отъ современности, и вслѣдствіе этого отрицаетъ значеніе Пушкина для 40-хъ годовъ.

«Какъ бы то ни было,—говоритъ Бѣлинскій,—по своему воззрѣнію, Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возникаетъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные болѣзненные вопросы настоящаго... Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе, равно какъ и недостатокъ современнаго европейскаго образованія, тѣмъ не менѣе, были причиной постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили первыя его произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя въ художественномъ отношеніи, піэсы; но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созданій. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны,

она вправдѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина)»...

По поводу новыхъ взглядовъ Бѣлинскаго на искусство Тургеневъ рассказываетъ слѣдующій анекдотъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ: «Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на—отсутствующаго, разумѣется—Пушкина, за его два стиха въ «Поэтъ и Чернь».

Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь!

«— И, конечно,—твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголокъ:— конечно, дороже. Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю—и прежде чѣмъ любоваться красотою истукана,—будь онъ распрофидіасовъ Аполлонъ,— мое право, моя обязанность накормить своихъ—и себя, на зло всякимъ негодующимъ баричамъ и виршеплѣтамъ».

На основаніи этихъ новыхъ своихъ взглядовъ на искусство Бѣлинскій въ продолженіи всѣхъ послѣднихъ пяти лѣтъ своей жизни былъ горячимъ и рьянымъ защитникомъ только-что возникшей въ то время реальной беллетристики, или, какъ тогда называли, *натуральной школы*. Ведя свое начало отъ Гоголя, эта школа далеко опередила своего основателя. Она заимствовала отъ него одну виѣшнюю форму. Между тѣмъ, духъ, господствовавшій въ ней, идеи, лежавшія въ ея произведеніяхъ, не имѣли ничего общаго съ мистическими тенденціями Гоголя. По своему внутреннему содержанію, натуральная школа была отголоскомъ того общественнаго движенія, которое въ то время господствовало во Франціи. Защита раба отъ произвола господина, женщины отъ семейнаго рабства, осмѣяніе апатіи и рутины, грубаго невѣжества, отсутствія честности, гуманности и гражданскаго чувства—вотъ мотивы натуральной школы.

Вслѣдствіе этого, натуральная школа по самому существу была тенденціозна. Писатели, принадлежавшіе къ ней, изображали жизнь съ цѣлью ея анализа, выраженія своихъ общественныхъ симпатій и антипатій. Въ концѣ сороковыхъ годовъ школа эта окончательно утвердилась въ нашей литературѣ. Въ это время въ ней подвизались уже Искандеръ, Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Достоевскій, Некрасовъ, И. Панаевъ и пр.

Бѣлинскій глубоко понималъ значеніе и сущность этой новой школы. Съ энтузіазмомъ встрѣчалъ онъ каждый начинающій талантъ, идущій по этому направленію, и не упускалъ случая распространиться по поводу значенія въ его время натуральной школы, и значенія не одного только художественнаго, но преимущественно общественнаго, гражданскаго.

X.

Быль ли хоть сколько-нибудь обеспеченъ въ матеріальномъ отноше-
ніи этотъ человѣкъ, стоявшій теперь во главѣ русской литературы? Увы!
онъ по прежнему путался въ долгахъ и едва-едва сводилъ концы съ кон-
цами. Въ тому же, онъ былъ теперь уже не одинокимъ бобылемъ, а семья-
ниномъ: въ 1843 году, въ бытность въ Москвѣ, онъ сблизился съ одною
институтскою классною дамою, на которой и женился въ ноябрѣ того же
года. Онъ имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей: сына, умершаго младенцемъ, и дочь,
остававшуюся въ живыхъ и послѣ смерти отца. Журнальная работа въ «Оте-
чественныхъ Запискахъ» очень скудно оплачиваемая, въ то же время исто-
щала и умственные, и физическія силы Бѣлинскій. Скверно было то,
что, завѣдуя критическимъ отдѣломъ, онъ не могъ ограничиваться однѣми
большими критическими статьями, а долженъ былъ ежемѣтно писать массу
мелкихъ рецензій о каждой вновь выходящей дребедени въ родѣ ораку-
ловъ, сонниковъ, поваренныхъ книжекъ и т. п.

«Журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненныя силы,
какъ вампиръ кровь,—пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей въ началѣ
1846 года.—Обыкновенно, я недѣли двѣ въ мѣсяцъ работаю съ страш-
нымъ лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и
отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмелья
послѣ двухнедѣльной оргіи, праздношатаюсь и считаю за трудъ прочесть
даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно за-
валенная грязью и соромъ російской словесности. Здоровье видимо раз-
рушается»...

И дѣйствительно, здоровье съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе измѣ-
няло Бѣлинскому. Осенью 1845 года онъ выдержалъ сильную болѣзнь,
которая грозила опасностью самой жизни. Все это заставило его въ на-
чалѣ 1846 года оставить «Отечественныя Записки», попытаться встать
на ноги и самостоятельно устроить такъ свои дѣла, чтобы работать сво-
бодно, когда есть охота, а не по принужденію. Съ этою цѣлью Бѣлин-
скій задумалъ издать большихъ размѣровъ альманахъ подъ заглавіемъ
«Левіафанъ». Подобные альманахи были тогда въ ходу. Передъ тѣмъ въ
такомъ же родѣ былъ задуманъ и изданъ, въ началѣ 1846 года, Некра-
совымъ «Петербургскій Сборникъ», въ которомъ участвовалъ и Бѣлинскій
со своею статьею «Мысли и замѣтки о русской литературѣ». Въ Москвѣ
въ 1846 и слѣдующемъ году явились два «Московскіе Сборника». Друзья
Бѣлинскаго не замедлили со всѣхъ сторонъ снабдить его и серьезными
статьями, и беллетристикою для его сборника. Все это были труды перво-
степеннаго достоинства и предлагались издателю безвозмездно.

Но изданіе альманаха не состоялось. Крайнее разстройство здоровья
принудило Бѣлинскаго ѣхать весною 1846 года въ Крымъ съ М. С. Щеп-
кинымъ, причемъ поѣздка эта только и могла состояться при помощи

друзей, которые собрали для этой цѣли въ складчину 500 рублей. Это была уже прямая помощь. Бѣлинскій не усумнился принять ее, зная привязанность къ нему друзей. Это окончательно обезпечивало его поѣздки.

Между тѣмъ въ отсутствіе Бѣлинскаго состоялось пріобрѣтеніе въ аренду Некрасовымъ и Панаевымъ пушкинскаго «Современника», издававшагося послѣ его смерти Плетневымъ. Вернувшись изъ поѣздки, Бѣлинскій былъ очень обрадованъ неожиданнымъ для него извѣстіемъ о предстоявшемъ возникновеніи «Современника».

«Всѣ эти приготовленія, — рассказываетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — тожи о новомъ изданіи, мысль, что онъ, освободясь отъ непріятной ему зависимости, будетъ теперь свободно дѣйствовать съ людьми, къ которымъ онъ питалъ полную симпатію, которые глубоко уважали и любили его; наконецъ, довольно забавная полемика, возникшая тогда между нами и «Отечественными Записками» — все это поддерживало его нервы, оживляло и занимало его. Бѣлинскій принялся съ жаромъ за статью о русской литературѣ для «Современника» и отдалъ въ распоряженіе журнала весь тотъ богатый матеріалъ, который онъ собралъ для предполагавашагося «альманаха».

Но не долго продолжался этотъ подъемъ духа Бѣлинскаго. Здоровье его, не смотря на путешествіе въ Крымъ, ни мало не поправилось. Докторъ его уже въ началѣ 1847 года говорилъ, что ему необходимо отправиться на воды въ Силезію; но средствъ для этого не было. Новый журналъ только-что вставалъ еще на ноги и не могъ еще вполне обезпечить Бѣлинскаго. А чтобы существовать, ему приходилось забирать въ редакціи впередъ. «Нынѣшній годъ, — пишетъ онъ Боткину 22-го апрѣля 1847 г., — въ денежномъ отношеніи для меня ужасенъ, хуже прошлаго: я забралъ *еще* деньги по 1 января 1848 г., безъ меня жена, а потомъ я по пріѣздѣ осенью, будемъ забирать сумму 1848 года. У меня на лекарство выходитъ рублей 30 и 40 серебромъ въ мѣсяцъ, если не больше, да рублей 50 серебромъ стоитъ докторъ. Домъ мой — лазаретъ»...

Къ тому же жестоко поразила Бѣлинскаго смерть младенца сына. «Это меня уходило страшно, — пишетъ онъ Тургеневу 12 апрѣля, — я не живу, а умираю медленною смертью»...

И опять-таки друзья Бѣлинскаго не оставили его безъ своей поддержки и снова собрали сумму, необходимую ему на поѣздки за границу. Хотя и глубоко тронутый, но все-таки, скрѣпя сердце, принялъ Бѣлинскій эту помощь. «Скажу тебѣ откровенно, — пишетъ онъ Боткину, — эта жизнь на подавнїяхъ становится мнѣ невыносимою»..

Мая 5-го Бѣлинскій началъ свое заграничное путешествіе, отѣхавъ на пароходѣ, въ Штетинъ, а въ ноябрѣ того же года вернулся домой. Въ это время онъ побывалъ и въ Берлинѣ, и въ Дрезденѣ, и въ Швейцаріи, и въ Зальцбруннѣ, и въ Парижѣ. Очень усердно лечился онъ все это время, и въ первое время по возвращеніи изъ заграничїи дѣйствительно казался

бодрѣ и свѣжѣ и возбудилъ-было въ друзьяхъ надежду, что здоровье его поправится. Онъ поселился на новой квартирѣ, на Лиговѣ, въ домѣ Галченкова, недалеко отъ нынѣшней станціи московской желѣзной дороги.

«Квартира эта, — говоритъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — довольно просторная и удобная, на обширномъ дворѣ этого дома, во второмъ этажѣ деревяннаго флигеля, передъ которымъ расло нѣсколько деревьевъ, производила какое-то грустное впечатлѣніе. Деревья у самыхъ оконъ придавали мрачность комнатамъ, заслоняя свѣтъ».

«Наступила глухая осень, съ безразсвѣтными петербургскими днями, съ мокрымъ снѣгомъ, съ сыростью, проникающею до костей. Виѣстѣ съ этимъ у Бѣлинскаго возобновилось снова удушье, еще въ болѣе сильной степени сравнительно съ прежнимъ. Кашель начиналъ опять страшно мучить его днемъ и ночью, отчего кровь безпрестанно прилиwała у него въ головѣ. По вечерамъ чаще и чаще обнаруживалось лихорадочное состояніе, жаръ... Силы его гаснули замѣтно съ каждымъ днемъ».

Онъ, однако, все еще работалъ. Для первой книжки «Современника» приготовилъ онъ статью «Взглядъ на русскую литературу 1847 года» и нѣсколько библиографическихъ статей. Во второй книгѣ помѣщено только нѣсколько короткихъ рецензій. Для третьей книгѣ онъ далъ вторую статью о литературѣ 1847 г., гдѣ, между прочимъ, остановился на новыхъ повѣствователяхъ, которые были въ то же время его любимцами, Искандеръ, Гончаровъ, Тургеневъ, Далъ, Григоровичъ, Дружининъ. Въ четвертой книгѣ помѣстилъ онъ двѣ небольшія рецензіи. Этимъ и кончилась его литературная дѣятельность.

«Зима 1847—1848 г. тянулась для Бѣлинскаго мучительно, — рассказываетъ Панаевъ, часто его видѣвшій. — Съ физическими силами падали и силы его духа. Онъ выходилъ изъ дому рѣдко. Дома, когда у него собирались пріятели, онъ мало одушевлялся и часто повторялъ, что ему уже не долго остается жить. Говорятъ, что больные чахоткой обыкновенно не сознаютъ опасности своего положенія. У Бѣлинскаго не было этой иллюзіи; онъ не рассчитывалъ на жизнь и не утѣшалъ себя никакими надеждами...

«Болѣзненные страданія развились страшно въ послѣднее время отъ петербургскаго климата, отъ разныхъ огорченій, непріятностей и отъ тяжелыхъ и смутныхъ предчувствій чего-то недобраго. Стали носиться какіе-то неблагопріятные для него слухи, все какъ-то душиѣ и мрачнѣе становилось кругомъ его; статьи его разсматривались все строже и строже. Онъ получилъ два весьма непріятныя письма, написанныя, впрочемъ, съ большою деликатностью, отъ одного изъ своихъ прежнихъ наставниковъ, бывшаго учителя пензенской гимназіи, Попова, котораго онъ очень любилъ и уважалъ. Ему надобно было, по поводу ихъ, ѣхать объясняться, но онъ уже въ это время не выходилъ изъ дому...

«Нѣкоторые господа, мнѣніемъ которыхъ Бѣлинскій дорожилъ нѣкогда, начинали поговаривать, что онъ исписался, что онъ повторяетъ зады, что

его статьи длинны, вялы и скучны... Это доходило и до него, и глубоко огорчало его...»

«Къ веснѣ болѣзнь начала дѣйствовать быстро и разрушительно. Щеки его провалились, глаза потухли, изрѣдка только горя лихорадочнымъ огнемъ, грудь впала, онъ еле передвигалъ ноги и начиналъ дышать страшно. Даже присутствіе друзей уже было ему въ тягость.

«Я разъ зашелъ къ нему утромъ (въ маѣ) — рассказываетъ далѣе Панаевъ, — на дворъ подъ деревья вынесли диванъ — и Бѣлинскаго вывели подышать чистымъ воздухомъ. Я засталъ его уже на дворѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, опустья голову и тяжело дыша. Увидѣвъ меня, онъ грустно покачалъ головою и протянулъ мнѣ руку. Черезъ минуту онъ приподнялъ голову, взглянулъ на меня и сказалъ:

«— Плохо мнѣ, плохо, Панаевъ!

«Я началъ было нѣсколько словъ въ утѣшеніе, но онъ перебилъ меня.

«— Полноте говорить вздоръ.

«И снова молча и тяжело дыша опустья голову. Я не могу высказать, какъ мнѣ было тяжело въ эту минуту... Я начиналъ заговаривать съ нимъ о разныхъ вещахъ, но все какъ-то неловко, да и Бѣлинскаго кажется, уже ничего не интересовало... «Все кончено!» думалъ я. Бѣлинскій умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ этого...»

Присутствовавшіе при его смерти рассказывали, что Бѣлинскій, за нѣсколько минутъ до кончины, лежавшій уже въ постели безъ сознанія, вдругъ быстро поднялся, съ сверкавшими глазами, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, проговорилъ невнятными, прерывающимися словами, но съ энергіей, какія-то слова, обращенныя къ русскому народу, говорившія о любви къ нему... Его поддержали, уложили въ постель, и черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ. Это было 26 мая, 1848 года, въ 6-мъ часу утра.

Немногіе петербургскіе друзья проводили тѣло его до Волкова кладбища, и могила его, украшенная вполсѣдствіи мраморнымъ памятникомъ, была первою на Волковомъ кладбищѣ литературною могилою, вокругъ которой стали съ тѣхъ поръ хоронить лучшихъ русскихъ литераторовъ, вслѣдствіе чего и мостки, ведущіе къ могилѣ Бѣлинскаго, получили названіе *литераторскихъ*.

Семейство Бѣлинскаго осталось, конечно, безъ всякихъ средствъ. Похоронили Бѣлинскаго на деньги, собранныя близкими друзьями. Участвовавшіе въ складчинѣ, согласились вносить и впредь ежегодно извѣстную сумму, пока не будетъ обезпечено семейство покойнаго... Вдова Бѣлинскаго переѣхала на житые въ Москву и, нѣсколько времени спустя, получила въ томъ институтѣ, гдѣ была прежде классной дамой, мѣсто кастелянши... Когда, двѣнадцать лѣтъ спустя, основанъ былъ литературный фондъ, однимъ изъ первыхъ его дѣлъ было назначеніе пенсіи семейству Бѣлинскаго, и это была самая значительная пенсія, какія фондъ назначалъ.

А. Снабичевскій.

РОДИНА

Романъ Гернефельда.

Переводъ съ финскаго проф. П. О. Морозова.

(Продолженіе *).

Наступала осень. Однажды, въ холодный вечеръ, Хейкки поднялся на Сосновую гору и замѣтилъ, что открывающійся съ нея видъ успѣлъ уже совершенно измѣниться. Листья на деревьяхъ уже пожелтѣли; облака безформенными хлопьями бѣжали по небу; по озеру ходили мелкія сѣрыя волны; безпокойныя стада утокъ, то опускаясь въ кусты, то поднимаясь высоко надъ берегомъ, улетали вдаль. А тамъ, на дальнемъ югѣ, еще ярко свѣтило солнце, воздухъ казался болѣе теплымъ, и рѣки весело стремились туда, отражая блестящія солнечныя лучи. Рѣки уходятъ въ синѣющую даль, — и на ихъ быстромъ пути земля становится все богаче и привѣтливѣе, люди живѣе и подвижнѣе, и, наконецъ, на морскомъ побережьи появляются города съ высокими церквями и красивыми домами...

Облако прошло передъ солнцемъ. Ближайшія окрестности потемнѣли, зато ярче заблестѣли на горизонтѣ далекія рѣки съ тысячами мелкихъ волнъ, перегоняющихъ одна другую... И всѣ эти волны спѣшатъ, всѣ онѣ весело, радостно бѣгутъ туда, — на югъ!

Вѣтеръ прошумѣлъ въ верхушкѣхъ сосны, потомъ всколыхнулъ дальнюю березу, потомъ — еще дальше — покачнулъ другое дерево. И онъ тоже мчится на югъ!

Птичка присѣла на вѣтку, оглянулась, чирикнула и, словно чего-то испугавшись, быстро полетѣла — на югъ!

---

*) См. «Миръ Божій», № 9, сентябрь.

Всѣ туда и все туда,—на дальній югъ!

А здѣсь, на Сосновой горѣ, гдѣ, понутивъ голову, сидѣлъ Хейкки, осталось только грустное, безжизненное одиночество...

Недаромъ Фанни пожалѣла о немъ: „вокругъ васъ нѣтъ ни одной живой души, которая могла бы васъ понять“,—сказала она.

А потомъ вдругъ она узнала, что Лиза — будущая хозяйка хутора, будущая жена Хейкки... Онъ не могъ безъ краски стыда въ лицѣ вспомнить объ этомъ случаѣ. Фанни воображала, что онъ рѣшилъ навсегда остаться въ деревнѣ ради великой патріотической идеи, что онъ пожертвовалъ собой ради „народа“,—и вдругъ оказывается, что онъ просто-на-просто хочетъ жениться и сдѣлаться самымъ зауряднымъ хутораниномъ!

Фанни имѣла право его презирать.

Однако, она простилась съ нимъ дружески, словно между ними все-таки осталась какая-то неразрывная связь. Въ ея послѣднемъ рукопожатіи, въ ея послѣднемъ взглядѣ чувствовались слова: „Уѣзжай, уѣзжай отсюда, Хейкки! Бойся того будущаго, съ которымъ ты хочешь навѣки связать себя! Посмотри, куда мы ѣдемъ, — посмотри, какъ мы весело стремимся въ нашему неизвѣстному, но все-таки привлекательному, будущему! Ты молодъ, тебѣ слѣдуетъ любить то, что мы любимъ. Ты не можешь любить такой будущности, въ которой каждый шагъ опредѣленъ заранѣе, весь путь намѣченъ во всѣхъ подробностяхъ. Мы живемъ только одинъ разъ; отчего же не воспользоваться всѣми сторонами жизни? зачѣмъ разбивать на мелкіе куски ея цѣльную, заманчиво-прекрасную картину, зачѣмъ сглаживать ея оригинальныя черты въ однообразный рядъ ежедневныхъ мелочей?“

Бруно и Артуръ въ своемъ спорѣ не вполне ясно высказали свою мысль; теперь Хейкки представлялъ ее себѣ совершенно отчетливо. Они должны были бы сказать: „мелкія“ души — тѣ, которыя, будучи предоставлены самимъ себѣ, погружаются въ свою мелочность;—тѣ, которыя могутъ быть чѣмъ-нибудь только тогда, когда постоянно видятъ передъ собою и вокругъ себя людей съ высшими стремленіями.

Могъ ли Хейкки всецѣло и навсегда отказаться отъ высшихъ духовныхъ стремленій?

— Мелкія души узнаются по тому, чѣмъ онѣ удовлетворяются,—сказалъ Артуръ.

Что за дѣло было Хейкки до того, что его полюбили

здѣсь эти простые деревенскіе люди? Развѣ онъ не жаждалъ всегда большаго? развѣ его умственный горизонтъ не былъ гораздо шире ближайшаго окружающаго?

И Хейкки, къ ужасу своему, замѣтилъ, что онъ теперь ни о чемъ не думаетъ, кромѣ того, какъ бы выбраться изъ дому. Вопросъ о необходимости уѣхать представился ему уже рѣшеннымъ. Только бы найти удобный предлогъ,—онъ не поколебался бы ни минуты; если бы не было необходимости сказать отцу: я уѣзжаю,—онъ уѣхалъ бы сейчасъ же. Но такъ уѣхать было невозможно; надо было, во что бы то ни стало, найти средство...

* * *

Пока осеннее небо было еще ясно, Хейкки часто ходилъ гулять на Сосновую гору. Его глаза точно подернулись какакимъ-то траурнымъ флеромъ: все, что онъ видѣлъ здѣсь, у себя дома, представлялось ему далекимъ и потемнѣвшимъ. Домашніе замѣчали въ немъ эту перемену и вопросительно поглядывали другъ на друга и на него, но ничего не говорили.

Однажды онъ сидѣлъ на своей любимой скамьѣ, и вдругъ увидалъ, что къ нему подходитъ Лиза. Увидалъ—и смутился отъ неожиданности. Лиза зашла сюда случайно, во время прогулки, и тоже не ожидала этой встрѣчи. Она покраснѣла и потупилась, перебирая руками свой передникъ. Они такъ рѣдко разговаривали между собою, что и теперь не знали, что бы такое сказать.

Хейкки ужасно захотѣлось упасть передъ нею на колѣни, спрятать свою голову у нея на груди и признаться во всемъ своемъ ничтожествѣ,—совсѣмъ такъ, какъ онъ хотѣлъ сдѣлать это прежде: сказать прямо, что въ немъ нѣтъ ничего великаго, ничего, что стоило бы вниманія и уваженія, что онъ, напротивъ, самый ничтожный изъ всѣхъ ничтожныхъ. Онъ глубоко чувствовалъ рѣшительную неизбежность такого признанія, — чувствовалъ теперь яснѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Онъ всячески старался приблизиться къ Лизѣ, старался прогнать отъ себя мысль о томъ, что она необразованная дѣвушка, а онъ—образованный человѣкъ, но все еще не могъ вполнѣ овладѣть собою. Теперь же онъ сознавалъ, что онъ долженъ сдѣлать это признаніе,—что онъ словно обязанъ просить прощенія за какую-то вину. Это сознаніе съ особенной силой пробудилось въ немъ при неожиданной встрѣчѣ съ Лизой.

— Ты, Хейкки, опять что-то заскучалъ, — сказала, наконецъ, дѣвушка.

— Да, Лиза, — мнѣ очень тяжело, мнѣ приходится выдерживать сильную душевную борьбу...

Хейкки почувствовалъ, что именно теперь настала рѣшительная минута и все зависитъ отъ того, что имъ будетъ сказано. Онъ до послѣдней минуты колебался, но теперь уже не было времени на размышленіе. Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ началъ говорить, но съ первымъ же словомъ убѣдился, что его душевная борьба кончена.

Это первое слово ему было очень тяжело сказать.

— Лиза, я... я ужасно страдаю!..

Дальше было уже легче: чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ свободнѣе лилась его рѣчь.

— Я вижу, я убѣдился, что я не созданъ для жизни здѣсь, въ деревнѣ. Здѣсь я никогда ничего не достигну. Всѣ тѣ возвышенныя стремленія, съ какими я сюда явился, совсѣмъ заглохли. Я не могу жить среди этой захолустной тишины, вдали отъ общественнаго движенія; мнѣ необходимо дышать воздухомъ большого общества. Я и самъ сначала думалъ, что здѣсь мнѣ можно будетъ осуществить по крайней мѣрѣ хоть часть тѣхъ плановъ, о которыхъ я мечталъ; но теперь вижу, что это невозможно. Здѣсь у меня нѣтъ никакого вліянія, никакой энергіи, никакихъ духовныхъ стремленій; здѣсь для меня все мертво. Я не могу успокоиться, не могу помириться съ этою замкнутою жизнью, въ которой я не вижу никакихъ высшихъ духовныхъ цѣлей. Здѣсь, въ деревнѣ, невозможно никакое движеніе впередъ; мало-по-малу я останусь далеко назади и сдѣлаюсь бесполезнымъ существомъ, никому и ни на что не нужнымъ...

Во время этой рѣчи онъ впервые вспомнилъ данную имъ когда-то клятву въ вѣчной вѣрности своей идеѣ, — и это воспоминаніе теперь неожиданно придало ему такую самоувѣренность, что онъ былъ вполне и горячо убѣжденъ въ непреложной истинности всего, сказаннаго имъ Лизѣ. Теперь онъ могъ въ самомъ дѣлѣ говорить долго и убѣдительно. Но Лиза слушала его такъ серьезно, что ему стало какъ-то неловко продолжать въ томъ же духѣ. Вѣдь она знала, что у него были возвышенныя идеи, и что онъ стремился къ чему-то такому, чего домашніе не могли понять. Объ этомъ и раньше былъ у нихъ разговоръ. Но Лиза до сихъ поръ думала, что всѣ эти стремленія могутъ осуществиться здѣсь, дома; она

мечтала о томъ времени, когда Хейвви поднимется на вершину своей славы, и люди будутъ приходить въ Нагорное, чтобы подивиться на молодого хозяина и поучиться у него уму-разуму. А теперь Хейвви говоритъ, что ему необходимо уѣхать въ какой-то другой міръ, далеко отъ родного дома... И зачѣмъ только она пришла сюда, на Сосновую гору, къ этой уединенной скамейкѣ? Вѣдь она знала, что встрѣтитъ его здѣсь...

Она опустила голову на грудь и не рѣшалась взглянуть на него.

— Такъ вотъ, Лиза, — сказалъ Хейвви, — я хотѣлъ бы тебя кое о чемъ попросить. Ты знаешь, что отецъ будетъ противъ моего отъѣзда... Конечно, я думалъ самъ переговорить съ нимъ, — но это мнѣ ужасно тяжело! Не согласишься ли ты подготовить его къ этому разговору?

Лиза не нашла, что отвѣтить.

— Ты, вѣдь, поняла меня, не правда ли? — продолжалъ Хейвви. — Я вовсе не думаю покинуть васъ навсегда; напротивъ, я думаю сюда вернуться впоследствии. Теперь же меня призываютъ болѣе высокія жизненные задачи. Мнѣ необходимо уѣхать, — это мой долгъ! Скажи, Лиза, ты поговоришь съ отцомъ?

— Да, поговорю, — тихо сказала Лиза.

Домой они вернулись вмѣстѣ. Дорогой Хейвви старался быть веселѣе и все убѣждалъ Лизу въ своей правотѣ. Такимъ образомъ, первый шагъ, который онъ считалъ невозможнымъ и на который у него никогда не хватило бы силы, если бы не эта дѣвушка, былъ теперь сдѣланъ. Весь вопросъ заключался въ томъ, удастся ли продолжать такъ же, какъ было начато. У него сильно билось сердце при мысли о возможности уѣхать въ Гельсингфорсъ... Хейвви чувствовалъ, что онъ опять можетъ освободиться отъ этой мелочной, будничной жизни, отъ этихъ случныхъ обязанностей, къ которымъ онъ напрасно старался привыкнуть въ деревнѣ. Конечно, именно такое сѣренькое существованіе имѣлъ въ виду Снелъманъ, говоря, что бываютъ люди, которые довольствуются вопросомъ объ удобреніи полей и ради него готовы забывать о высокихъ идеяхъ. Вотъ и Хейвви былъ именно такой „мелкой душой“. Но теперь онъ покажетъ, что онъ еще въ состояніи освободиться отъ этой мелочности, что у него еще, слава Богу, не совсѣмъ потухли высокія чувства!..

Подойдя къ двору, Хейвви вдругъ замѣтилъ, что въ одномъ мѣстѣ плетень едва держится.

— Погляди-ка, это надо поправить!—сейчасъ же сказалъ онъ и съ особеннымъ стараніемъ сталъ укрѣплять плетень. Но Лиза, не останавливаясь, пошла впередъ. Хейкки съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Да что же такое случилось? Неужели она плачетъ? Не можетъ быть!.. Зачѣмъ же она такъ низко опустила голову?..

Хейкки словно упалъ съ высоты. Въ его сердцѣ дрогнуло какое-то смутное сознаніе, что, можетъ быть, лучше было бы все это бросить и зажить по прежнему,—и кровь бросилась ему въ лицо. Нѣтъ, теперь ужъ поздно: все прежнее однимъ ударомъ было разбито въ дребезги...

Скорѣе, чѣмъ можно было этого ожидать, Хейкки встрѣтилъ сѣрый, пристальный взглядъ отца. Старикъ сначала ничего не сказалъ, но Хейкки понялъ его мысли и не нашелъ въ себѣ силы взглянуть ему въ глаза.

— Я хочу о твоёмъ дѣлѣ поговорить съ пасторомъ,—сказалъ, наконецъ, старикъ.—Если ты желаешь сдѣлаться ученымъ, такъ я хотѣлъ бы, чтобы ты былъ пасторомъ.

Онъ сказалъ это такъ убѣжденно и строго, что Хейкки сразу почувствовалъ невозможность что-либо возразить; напротивъ, ему стало ясно, что отецъ сказалъ нѣчто такое, о чемъ онъ думалъ нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, рѣшился привести въ исполненіе. Для Хейкки эти слова звучали неотмѣнимымъ приказомъ и приговоромъ.

Оставшись наединѣ съ самимъ собою, онъ удивлялся этому сильному впечатлѣнію. Онъ принялъ отцовское рѣшеніе совсѣмъ какъ ребенокъ, судьбою котораго распоряжаются старшіе, не спрашивая его мнѣнія; онъ упрекалъ себя за это ребяческое малодушіе, и видѣлъ въ немъ главную причину своей неспособности къ какому-нибудь важному, самостоятельному, дѣлу. Хорошо былъ бы Снельманъ, если бы во всѣхъ своихъ поступкахъ справлялся съ тѣмъ, что будетъ угодно отцу или приходскому пастору!

Впрочемъ, Хейкки, въ сущности, не придавалъ словамъ отца рѣшительнаго значенія. Пасторомъ онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ:—это просто невозможно; это противорѣчить всѣмъ его наклонностямъ!

Но, когда отецъ въ самомъ дѣлѣ отправился къ пастору, Хейкки, все-таки, сильно встревожился. А что, если старикъ дѣйствительно потребуетъ, чтобы онъ готовился къ духовному званію? Его воля всегда была такъ непреклонна; его поведение — особенно въ послѣднее время — было такъ сухо, а

*

лицо такъ строго... Можетъ быть, въ эту минуту онъ съ пасторомъ уже безповоротно рѣшаютъ всю его будущность!..

* * *

Не только старикъ Нагорный, но и все населеніе хутора какъ-то сразу притихло и стало серьезнѣе. Всѣ знали намѣренія стараго хозяина, такъ какъ онъ уже сказалъ крестьянамъ, что Хейкки опять поѣдетъ учиться.

Старый Ману тотчасъ же одобрилъ это. „Да, да,—говорилъ онъ, вздыхая, — Богъ дастъ, придетъ время, этотъ самый Хейкки будетъ говорить проповѣди въ нашей церкви, а я стану слушать его своими старыми ушами!“

Этого именно и желалъ отецъ. Если изъ Хейкки не вышло пахаря, и если онъ хочетъ продолжать начатое ученье,—что же, пусть продолжаетъ, пусть идетъ впередъ по этой дорожкѣ. Есть и другія средства привязать его къ родному углу,—если и не такъ крѣпко, какъ привязало бы хозяйство, то все-таки настолько, что онъ будетъ полезенъ своимъ землякамъ. Пасторъ, безъ сомнѣнія, поможетъ ему въ этомъ. Онъ возьметъ Хейкки себѣ въ помощники, а потомъ Хейкки можетъ остаться здѣсь и викаріемъ, лишь бы было на то его желаніе.

Этою новою мыслью старикъ былъ почти доволенъ; онъ былъ увѣренъ, что пасторъ совершенно одобритъ ее: вѣдь самъ же онъ настоялъ на томъ, чтобы Хейкки отдалъ въ гимназію; самъ онъ такъ привязанъ къ своему приходу, и, конечно, пойметъ желаніе старика-отца удержать своего единственнаго наслѣдника въ родномъ углу, и съ своей стороны сдѣлаетъ для него все, что можно.

И Нагорный весело поѣхалъ въ старый домъ пастора.

Когда онъ подъѣхалъ къ дому, пасторъ работалъ у себя въ саду. На немъ была круглая черная шапочка, изъ подъ которой падали на плечи длинные и мягкіе сѣдые волосы, онъ былъ усердно занятъ выкапываніемъ отцвѣтшихъ розовыхъ кустовъ, чтобы сохранить ихъ на зиму, и, какъ кротъ, рылся въ своихъ грядкахъ, всецѣло поглощенный этимъ дѣломъ.

Замѣтивъ Нагорнаго, старикъ весело посмотрѣлъ на него, поднявъ свои густыя, сѣдые брови.

— Ба, да никакъ это Нагорный? Онъ и есть! Ну, здравствуй, старый пріятель,—добро пожаловать! Навѣрное, у тебя есть дѣло, хе-хе-хе! Вѣдь безъ этого ты такъ и не собрался бы навѣстить стараго пастора, я знаю, знаю тебя! Ну, иди же, иди въ домъ! А я тутъ все возился съ цвѣтами, вотъ, даже спина заболѣла... Да, да!.. Ну, такъ иди же, иди!

Онъ привелъ Нагорнаго въ домъ, усадилъ на диванъ и сталъ набивать трубку.

Сердечный пріемъ пастора очень обрадовалъ Нагорнаго и разогналъ всѣ его тревоги. Вѣдь вотъ,—подумалъ онъ,—этотъ старикъ могъ же на вѣки вѣчные душевно привязаться къ своему приходу; отчего же и Хейкки не можетъ сдѣлаться такимъ же другомъ своихъ прихожанъ?

— Ну, вотъ, Хейкки опять хочетъ ѣхать въ Гельсингфорсъ,—сказалъ Нагорный послѣ двухъ-трехъ незначительныхъ фразъ.

— Въ Гельсингфорсъ?—спросилъ пасторъ.—Ну, да, такъ; это можно было угадать. Ну, а ты, пріятель, что ты на это ему сказалъ?

— Я не хочу держать его здѣсь насильно; я хотѣлъ бы, чтобы онъ готовился въ пастору.

— Гм, въ пастору... А развѣ твой сынъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ быть пасторомъ?

Пасторъ уже забылъ, что онъ самъ когда-то говорилъ то же самое. Нагорный не понялъ его вопроса. Тогда пасторъ постарался объяснить ему свою мысль.

— Видишь ли, другъ мой, для того, чтобы въ наше время сдѣлаться пасторомъ, нужно особенное призваніе, сильное внутреннее желаніе, которое только и можетъ дать энергію для исполненія трудной обязанности духовнаго пастыря. Я ничего не говорю о твоёмъ сынѣ. Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ способенъ на это, — можетъ быть; но я хочу только спросить, самъ ли онъ по своей волѣ выбираетъ эту дорогу?

— Да почему же ему и не выбрать ее?—сказалъ Нагорный. Онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, чтѣ такое говорилъ пасторъ о „призваніи“ и о „желаніи“: кто же могъ бы не желать себѣ такого мѣста, на которомъ можно спокойно прожить весь вѣкъ,—и кто не чувствуетъ къ нему призванія? А если бы Хейкки этого не чувствовалъ, такъ онъ постарался бы какъ-нибудь избавиться отъ исполненія отцовской воли; но вѣдь онъ не возражалъ ни слова!

Пасторъ и Нагорный, очевидно, говорили на разныхъ языкахъ; но для пастора стало ясно, что желанія сына и отца не сходятся между собою.

— И я думалъ,—не безъ робости прибавилъ Нагорный,—что мой Хейкки, сдѣлавшись пасторомъ, могъ бы остаться здѣсь вашимъ помощникомъ...

Прежде чѣмъ пасторъ успѣлъ отвѣтить, въ комнату вошла его жена. Она плохо говорила по фински, но старалась выражаться какъ можно понятнѣе. Увидя Нагорнаго, она ласково протянула ему руку.

— Ну, Нагорный,—сказала она,—скоро мы должны сказать все прощай: пасторъ теперь находитъ другой мѣсто, далеко отсюда; весной должны ѣхать прочь.

Нагорный съ удивленіемъ посмотрѣлъ на пастора. Тотъ, какъ будто, сначала немного смѣшался, но потомъ сталъ торопливо объяснять, въ чемъ дѣло.

— Да, да, вотъ видишь ли, Нагорный,—миѣ никогда и въ голову не приходило перебираться на другое мѣсто; но я не могу: я не одинъ, я—человѣкъ семейный, у меня много дѣтей; на новомъ мѣстѣ у меня будетъ доходу почти на тысячу марокъ въ годъ больше. Ты, конечно, понимаешь, что я долженъ тоже заботиться и о своей семьѣ, и что я не могу думать только о прихожанахъ. Жена и дѣти—прежде всего! Но, разумѣется, я и въ радости, и въ горѣ всегда буду вспоминать здѣшній приходъ, который былъ для меня роднымъ, и всѣхъ васъ, моихъ милыхъ прихожанъ, и тебя, Нагорный!

Слеза блеснула на глазахъ у стараго пастора.

Нагорный поспѣшно поднялся съ мѣста, распрощался и уѣхалъ.

* * *

На обратномъ пути онъ нагналъ пѣшехода. Это былъ поселенецъ, крѣпко державшійся старыхъ обычаевъ и когда-то бывшій въ большой дружбѣ съ Нагорнымъ; но въ послѣднее время они какъ-то разошлись.

— Садись, Густавъ, подвезу,—намъ по дорогѣ,—сухо сказалъ Нагорный.

Густавъ сѣлъ къ нему въ повозку. Долго они перекидывались другъ съ другомъ незначительными фразами, но потомъ вдругъ разговоръ перешелъ на то дѣло, изъ-за котораго они когда-то почти поссорились. Густавъ слышалъ, что Хейкки собирается уѣзжать.

— Что же, сынеу твоему здѣсь не нравится? Ну, да вѣдь онъ—студентъ, ученый господинъ!..

— Да, да, сказалъ Нагорный и закашлялся.

Густавъ пристально и ласковѣе прежняго посмотрѣлъ на него.

— У меня сыновъ тоже ужъ большой,—сказалъ онъ.—Такой же, какъ и я, мужикъ: я его держалъ далеко отъ школы,

да и не жалѣю объ этомъ, потому что теперь онъ отлично продолжаетъ дѣло, начатое мною. А ты, вотъ, не послушался меня, старика, да и выпустилъ сыночка!..

— Да, вѣдь ты знаешь, что меня уговорилъ пасторъ, — сказалъ Нагорный. — Я и теперь отъ него ѣду.

— Что же онъ теперь говорить?

— Говорить, что онъ самъ собирается отсюда уѣхать.

— Вотъ какъ! Нашъ пасторъ уѣзжаетъ!.. — Густавъ долго молчалъ и, наконецъ, сказалъ:

— Вотъ, теперь ты видишь. Ты всю жизнь гонялся за земными благами, за хлѣбными магазинами да за такими пасторами. Только тотъ истинный пастыръ духовный, который никогда не броситъ своего стада; только то истинное благо, котораго ни тля не точитъ, ни ржавчина не поѣдаетъ. Фарисеи наговорили тебѣ красныхъ словъ, а ты имъ и повѣрилъ. Всѣ эти новыя рѣчи о „родинѣ“ и о „народѣ“ — одно пустословіе! Ученіе познается по плодамъ его: ушелъ отъ насъ и школьный нашъ учитель, уходитъ теперь и нашъ пасторъ, да и коренные здѣшніе жители, какъ только научатся чему-нибудь, тоже разбѣгаются, кто куда, искать себѣ новаго счастья на чужой сторонѣ... Онъ опять помолчалъ, а потомъ спросилъ:

— Что же, ты, значить, одинъ останешься, съ своей воспитанницей Лизой?

А на прощанье прибавилъ:

— Мой сынъ Иванъ — хорошій работникъ, и парень неглупый и смиренный. Старые пріятели крѣпко пожали другъ другу руки.

* * *

Настала осень, вѣтреная и дождливая. Въ нѣсколько дней буря сорвала съ деревьевъ почти всѣ пожелтѣвшіе листья. Вѣтеръ уныло завывалъ въ трубахъ и злобно встряхивалъ обнаженные верхушки деревьевъ. Сѣрое небо тяжело нависло надъ землей, и грязная дорога тоскливо уходила вдаль...

Старикъ Нагорный долго говорилъ съ сыномъ и, наконецъ, сказалъ ему: „ты — совершеннолѣтній; дѣлай, что хочешь!“

Объясненій отца по хозяйственнымъ дѣламъ Хейкки не сталъ даже и слушать. Онъ былъ такъ доволенъ этимъ признаніемъ своей свободы и правоспособности, что пропустилъ мимо ушей все, что говорилъ отецъ о правѣ наслѣдства, о выкупѣ обязательствъ и т. д., и когда отецъ замолчалъ, онъ

съ благодарностью схватилъ его руку. Но старикъ строго посмотрѣлъ на него и не сказалъ ни слова.

Наконецъ, Хейкки уѣхалъ. День отъѣзда выдался ясный и тихій.—словно отдыхъ послѣ осеннихъ бурь. Въ домѣ все притихло. Лиза по прежнему смотрѣла за работницами, возившимися около свота, по прежнему бѣгала она черезъ дворъ, по прежнему овцы блеяли ей вслѣдъ, высовываясь изъ-за плетня, и по прежнему сіяло вечернее солнце, наглядывая золотистыя полосы на поросшій травой дворъ, на широкую скамью и большую темно-красную дверь сарая, которая никогда не затворялась.

Эта дверь лѣтомъ всегда стояла настежь, и днемъ, и ночью. Широкая скамейка около нея была любимымъ мѣстомъ отдыха крестьянъ. Здѣсь же, около этой двери, Хейкки и Лиза когда-то, въ дѣтствѣ, играли и рѣзвились. Дверь никогда не затворялась.

Но въ этотъ вечеръ Лиза, покончивъ вечернія работы и проходя мимо нея, остановилась и вздумала попробовать, затворится ли она.

Это было не легко: дверь не сразу вышла изъ своего привычнаго положенія, но, наконецъ, подалась съ кажимъ-то грустнымъ визгомъ и тяжело ударилась въ притолоку...

Изъ сарая послышались громкія рыданія... Потомъ все смолкло.

V.

Прощаясь съ Лизой, Хейкки почувствовалъ, что слезы подступаютъ у него къ горлу. Зачѣмъ всѣ домашніе такъ торжественно провожали его? Вѣдь онъ много разъ старался говорить о своемъ отъѣздѣ весело и небрежно, старался обратить все въ шутку; но отецъ и Лиза стояли передъ нимъ въ мрачномъ молчаніи, какъ будто бы дѣло шло о вѣчной разлукѣ. Они совсѣмъ не обращали вниманія на увѣренія Хейкки, что онъ вовсе не намѣренъ уѣзжать отъ нихъ навсегда.

Когда наступило время отъѣзда, у Хейкки болѣзненно сжалось сердце; особенно ему было жаль Лизы, которая неловко и неумѣло старалась скрывать свое горе и дѣлала надъ собою всѣ усилія, чтобъ не разрыдаться. Хейкки еще никогда не видалъ ея такою. Уѣзжая теперь изъ дому на чужую сторону, онъ впервые взглянулъ на себя, какъ на

человѣка посторонняго, и ему вдругъ ясно представилась его тѣсная связь съ этимъ домомъ; онъ понялъ, почему всѣ домашніе такъ сильно желали, чтобы онъ остался съ ними; понялъ, какое вліяніе онъ имѣлъ на всѣхъ этихъ людей, насколько ему удалось просвѣтить ихъ и пробудить въ нихъ высшія духовныя стремленія, безъ всякихъ особенныхъ усилій, а только тѣмъ, что онъ жилъ въ ихъ средѣ и держалъ себя съ ними, какъ равный съ равными. Онъ понялъ также, что будь онъ на мѣстѣ отца, онъ строго-на-строго запретилъ бы сыну даже и думать объ отгѣздѣ и сказалъ бы ему: „Ты нашъ, ты выросъ въ этомъ домѣ, на этомъ дворѣ, ты не смѣешь уѣзжать; если ты уѣдешь, ты будешь несчастенъ; тайное проклятіе всюду будетъ преслѣдовать тебя!“

Но всѣ эти мысли представлялись Хейкки умѣстными только здѣсь, въ этомъ захолустномъ углу. Остальной міръ не знаетъ Пагорнаго хутора; ему нѣтъ дѣла до здѣшнихъ мелочныхъ интересовъ. Большому кораблю—большое и плаваніе.

Отчего же никто изъ нихъ не хочетъ вѣрить, что Хейкки еще вернется домой? Какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ онъ, самъ того не сознавая, уѣзжаетъ навсегда. Что, если бы онъ теперь повернулъ лошадь назадъ и вернулся бы на отцовскій дворъ? Конечно, всѣ бы ему обрадовались, и отецъ, и Лиза,—Лиза навѣрно расплакалась бы отъ радости,—да и самъ онъ долго былъ бы въ самомъ веселомъ расположеніи духа, и все „ходилъ бы здороваться“ со всѣми мѣстами, съ каждой березкой, съ каждой канавкой.

Около перелѣска Хейкки остановилъ лошадь. Провожавшій его мальчикъ вопросительно взглянулъ на него.

Хейкки провелъ рукою по лбу и по глазамъ, словно отгоняя надоѣдливую мысль, отдалъ мальчику „возжи и велѣлъ ѣхать впередъ.

Проѣзжая мимо Подгорнаго, онъ увидѣлъ хозяина на дворѣ; тотъ издали узналъ Хейкки, снялъ шапку и, улыбаясь, замахалъ ею въ знакъ прощанія. Хейкки окончателю рѣшилъ, что теперь о возвращеніи не можетъ быть и рѣчи.

Когда ему пришлось переѣхать свою лошадь на почтовую, и когда своя лошадь повернула по знакомой дорогѣ домой, и мальчикъ въ послѣдній разъ обернулся назадъ, Хейкки такъ горько почувствовалъ свое одиночество, что чуть не разрыдался, какъ ребенокъ.

Однако, что за странное чувство? всего только года два тому назадъ онъ ѣхалъ по этой же самой дорогѣ, и въ то

время ни мѣстность, ни люди вовсе не казались ему до такой степени чужими, какъ теперь. Неужели же онъ за эти два года настолько отвыкъ отъ людей и отъ всего, что было за оградой его дома? Куда же дѣвалась его прежняя смѣлость и самоувѣренность, съ какою онъ шелъ на встрѣчу кому угодно?

На станціи желѣзной дороги, куда онъ, наконецъ, пріѣхалъ, онъ почувствовалъ себя точно оскорбленнымъ: всѣ проходили мимо него, не здороваясь и не обращая на него никакого вниманія, какъ будто въ немъ не было ничего замѣчательнаго. Это холодная невнимательность чужихъ людей заставила Хейкки снова глубоко почувствовать свое ничтожество. Ему показалось почти смѣшнымъ, что и онъ тоже заботился о какихъ-то тамъ своихъ дѣлахъ, и задавалъ себѣ вопросы, правильно или неправильно онъ поступилъ въ томъ или другомъ дѣлѣ. Много ли значилъ весь его трудъ и всѣ его заботы, и кто могъ бы замѣтить ихъ среди общаго движенія?

Притомъ, здѣсь, въ виду этой желѣзной дороги, таинственно убѣгающей въ невѣдомую даль, всѣ его мысли какъ-то смѣшались. То, что дома казалось вполне рѣшеннымъ, здѣсь снова становилось вопросомъ; то, что дома считалось важнымъ, требовало большихъ заботъ и стоило большого труда, теперь утрачивало свое значеніе, какъ растеніе, вырванное изъ почвы, на которой оно росло. Мирная, домашняя тишина смѣнялась безпокойнымъ шумомъ чужбины.

Здѣсь, на станціи, некогда было раздумывать о своихъ сердечныхъ дѣлахъ, некогда было ставить и рѣшать вопросы, — нужно было торопиться такъ же, какъ и всѣ. Хейкки чувствовалъ только, что какое-то начатое дѣло приходится бросать на полъ-пути и приниматься за новое, совсѣмъ неизвѣстное. Имъ овладѣло отчаянное сознаніе своей безпомощности. О, если бы онъ могъ теперь быть гдѣ-нибудь въ уединеніи, далеко отъ этихъ чужихъ, непривѣтливыхъ людей, гдѣ-нибудь у себя на горѣ, на скамейкѣ, куда вѣтеръ, перебирая его волосы, доносилъ бы звонки стада...

Но поѣздъ, замедляя свой ходъ, уже надвигался на станцію. Раздался звоночекъ; пассажиры, толкая другъ друга, бросились въ вагоны, и поѣздъ, остановившійся только на минуту, снова тронулся въ путь. Для Хейкки было все окончательно рѣшено, вернуться назадъ теперь было уже невозможно, и онъ старался только, ни о чемъ не думая, отдаваться на волю судьбы.

* * *

Въ поѣздѣ было много студентовъ, возвращавшихся въ Гельсингфорсъ. Учебный годъ уже начался. Между ними было много знакомыхъ Хейкки, хотя близкихъ товарищей не было. Всѣ они, въ глазахъ Хейкки, страшно перемѣнились. Ему казалось, что только онъ одинъ измѣнилъ высокимъ идеямъ юности, идеямъ Снельмана, и погрузился въ пошлую, ежедневную, жизнь; онъ совсѣмъ не ожидалъ такихъ рѣчей, какія теперь ему пришлось услышать. Студенты еще могли разговаривать о Снельманѣ съ большимъ жаромъ; но они вели этотъ разговоръ не по собственному почину, а только потому, что его завелъ Хейкки. Сами же они охотнѣе говорили о той борьбѣ, въ которой имъ удалось взять верхъ надъ своими противниками. Идеи Снельмана уже перестали имѣть для нихъ безусловно руководящее значеніе; о многихъ вещахъ они говорили такъ, какъ будто Снельмана никогда и не бывало,—говорили совсѣмъ въ другомъ тонѣ, несравненно легкомысленнѣе, чѣмъ прежде. А когда Хейкки напоминалъ имъ о Снельманѣ, имъ становилось какъ-то неловко. Многие изъ нихъ усердно потягивали пуншъ и, придя въ веселое настроеніе, рассказывали забавные анекдоты и шутили другъ надъ другомъ, словомъ, пьянствовали безъ всякой „идеи“, чего въ прежнее время не бывало...

* * *

Хейкки очень хотѣлось встрѣтить кого-нибудь изъ близкихъ товарищей. Наконецъ, на одной станціи въ поѣздѣ вошелъ Эмиль. Онъ ѣхалъ на одну изъ ближайшихъ станцій. Онъ разцѣловалъ Хейкки и засыпалъ вопросами, на которые тотъ не успѣвалъ отвѣчать. О себѣ онъ сообщилъ, что онъ уже успѣлъ жениться на маленькой толстухѣ, такой же веселой, какъ и онъ самъ; что у него, или, лучше сказать, у нихъ, есть въ Гельсингфорсѣ маленькое коммерческое занятіе. Доходовъ оно даетъ мало, такъ что едва можно прокормиться, но зато радостей и веселья—черезъ край, и хватитъ на всѣхъ. Онъ говорилъ все это громко, со смѣхомъ, постоянно перескакивая съ одного предмета на другой, ни на чемъ особенно не останавливаясь и словно придумывая, что бы такое еще сказать.

Вдругъ онъ остановился среди разговора и пристально поглядѣлъ прямо въ глаза Хейкки: „Послушай, голубчикъ, да съ тобой творится что-то неладное!“

Хейкки не чувствовалъ желанія излить передъ нимъ свою душу. Хотя Эмиль перемѣнилъ выраженіе своего лица,

серьезно нахмурилъ брови и принялъ озабоченный видъ, но все-таки въ его голосѣ и во всей фигурѣ было видно полное безучастіе къ чужому горю, какъ будто бы онъ прежде, чѣмъ помогать другому, желалъ подробно разузнать о его страданіяхъ.

Эмиль былъ одинъ изъ тѣхъ студентовъ, которые на снелъмановскомъ праздникѣ сидѣли въ углу и посмѣивались надъ восторгомъ толпы. Съ тѣхъ поръ у Хейкки оставалось къ нему все еще непріязненное чувство.

Хейкки нарочно завелъ рѣчь о тѣхъ временахъ, чтобы посмотреть, каковы теперь убѣжденія Эмиля; но едва только онъ назвалъ имя Снелъмана, какъ Эмиль тотчасъ же вскричалъ:

— Ахъ, ты еще до сихъ поръ этимъ живешь?

У Хейкки сильно забилось сердце, но онъ нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ.

— Ученіе Снелъмана произвело на меня такое глубокое впечатлѣніе, — сказалъ онъ наконецъ, — что я всю жизнь буду жить имъ; онъ все еще остается моимъ идеаломъ; до сихъ поръ онъ — величайшій изъ нашихъ соотечественниковъ; среди финновъ все еще нѣтъ ни одного, кто былъ бы достоинъ развязать ремень у ноги его!

— Гм, — сказалъ Эмиль, — и я тоже удивляюсь энергіи Снелъмана, и не отрицаю, что онъ имѣлъ широкое вліяніе. Но самого Снелъмана я считаю не больше, какъ обыкновеннымъ честнымъ работникомъ, на ряду со всѣми нами.

Такимъ образомъ Эмиль не только не перемѣнилъ своихъ убѣжденій, но еще болѣе въ нихъ утвердился.

— Ты хочешь сказать, — шутливо замѣтилъ Хейкки, — что передъ Господомъ Богомъ мы всѣ равны?

— Конечно такъ, — сказалъ Эмиль; — но я прибавлю, что намъ слѣдовало бы считать другъ друга равными не только передъ Господомъ Богомъ, но и передъ самими собою.

Эти слова чуть не взбѣсили Хейкки. Откуда Эмиль могъ взять эту мысль? Вѣдь самъ Хейкки пришелъ почти къ такому же заключенію послѣ долгихъ и мучительныхъ тревогъ и сомнѣній!

— Но нельзя же отрицать разницы между людьми по ихъ умственному развитію, по способностямъ, по внутренней силѣ? — снова проницательно спросилъ Хейкки.

— А я отрицаю, — горячо отвѣтилъ Эмиль. — Способности могутъ быть различны; но это различіе не раздѣляетъ насъ: насъ раздѣляетъ внѣшнее, чужое мнѣніе. Люди привѣтствуютъ

золотопромышленника, потому что золото блеститъ, и забываютъ о черномъ рудокопѣ. Я не могу считать себя и большую часть моихъ земляковъ за какое-то малоспособное стадо, надъ которымъ будутъ возвышаться немногія, болѣе способныя, личности. Я долженъ считать всѣхъ людей одинаково способными служить обществу.

— Но вѣдь не рѣшишься же ты поставить Снелльмана, великаго финскаго героя, на одну доску съ какимъ-нибудь газетнымъ писакой?

— Ты забываешь,—сказалъ Эмиль,—что если Снелльманъ поднялъ Финляндію, то и его Финляндія подняла. Насъ обманываетъ то, что результаты труда часто бываютъ весьма различны. Но вѣдь результаты часто не зависятъ отъ работника. Мы превозносимъ людей до небесъ, какъ будто бы безъ нихъ общество ничего не достигнетъ; а между тѣмъ, ихъ личный трудъ нисколько не больше, чѣмъ трудъ любого, обыкновеннаго, честнаго рабочаго.

Хейкки не успѣлъ еще ничего возразить, какъ Эмиль уже перемѣнилъ тему разговора и сталъ рассказывать о новомъ изобрѣтеніи—телефонѣ, который уже заводится въ Гельсингфорсѣ. Онъ съ восторгомъ распространялся о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя оказываетъ телефонъ человѣчеству, и говорилъ, не переставая, до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не остановился у станціи, гдѣ ему нужно было выходить. Онъ ни слова не спросилъ у Хейкки объ его житѣ въ деревнѣ и теперешнемъ путешествіи.

На станціи его встрѣтила жена. Онъ чувствовалъ себя вполне довольнымъ и счастливымъ и, повидимому, вовсе не боялся прозаической стороны брака. Его жизненная теорія была очень проста: будьте всѣ веселы и довольны, какъ я, дѣлайте всѣ свое маленькое дѣло,—и будетъ намъ всѣмъ хорошо, безъ всякой декламации. Безъ сомнѣнія, Эмиль былъ „мелкая душа“.

„Мелкія души познаются потому, чѣмъ онѣ довольствуются“.

Онъ не можетъ понять, что есть люди, которые не довольствуются мелкою, черною работою и личною любовью, а жаждутъ великаго дѣла и великой любви всего народа, всего человѣчества. Къ числу именно такихъ людей принадлежитъ Снелльманъ, котораго Эмиль никогда не могъ оцѣнить. Хейкки все больше и больше хотѣлось встрѣтить кого-нибудь изъ „настоящихъ“ дѣятелей, которые въ его время стояли во главѣ студенчества. И вотъ, какъ нарочно, на одной изъ боль-

шихъ станцій онъ совершенно неожиданно встрѣтилъ Анти. Онъ, очевидно, ѣхалъ также въ Гельсингфорсъ съ сѣвера.

Анти стоялъ у буфета, торопливо и жадно закусывая и поминутно поправляя очки, не хотѣвшіе держаться у него на носу. На немъ была широкополая шляпа итальянскаго разбойника, которая очень шла къ его плотной фигурѣ. Хейкки подождалъ, пока онъ кончитъ закусывать, и подошелъ къ нему.

— Ба, кого я вижу! да это Хейкки! — вскричалъ онъ, прожевывая послѣдній кусокъ и бросая на столъ деньги и салфетку.

Хейкки нетерпѣливо ожидалъ, когда Анти начнетъ спрашивать его объ его деревенской жизни и теперешней поѣздѣ. У него уже заранѣе былъ приготовленъ отвѣтъ: онъ хотѣлъ сказать, что вовсе не думаетъ навсегда оставлять деревню, а хочетъ только еще немного поучиться.

Но Анти ни о чемъ подобномъ не сталъ его спрашивать, какъ будто обо всемъ позабылъ. Напротивъ, онъ заговорилъ съ Хейкки такимъ тономъ, словно тотъ былъ обязанъ ѣхать въ Гельсингфорсъ.

Они ходили взадъ и впередъ по платформѣ, а затѣмъ перешли въ буфетъ и спросили себѣ пуншу. Въ этой тѣсной, дымной комнатѣ, среди чужихъ, равнодушныхъ людей, Хейкки снова почувствовалъ приливъ тоски по оставленному дому. Ему стало не по себѣ. Анти шутилъ и смѣялся, дѣлая разныя замѣчанія о проходившей мимо публикѣ, какъ будто бы они разстались только вчера, и ничего особеннаго не случилось. Наконецъ, когда они сѣли уже въ вагонъ, и поѣздъ тронулся, Хейкки не выдержалъ.

— Да, Анти, — сказалъ онъ: — вотъ, теперь я здѣсь, и опять хочу привыкнуть къ здѣшнему обществу; но не забывай, что я прожилъ въ деревнѣ полтора года, — понимаешь, полтора года въ полномъ одиночествѣ!

Анти взглянулъ на него, какъ будто что-то припоминая.

— Ахъ, да, и въ самомъ дѣлѣ, ты вѣдь былъ у себя дома; ну, что же, это хорошо; зато теперь съ свѣжими силами примешься за дѣло.

— Конечно, за дѣло, — за великое, единственное, дѣло!

Хейкки чувствовалъ свое возвращеніе въ новый міръ.

Анти былъ, конечно, такой же, какъ и прежде, хотя и казался немного поопустившимся. Онъ сдѣлался замѣчательно неразговорчивъ и разсѣянъ и, повидимому, вовсе не хотѣлъ заводить рѣчь о „великихъ вопросахъ“.

— Да, да, милыя тетушки, — сказалъ онъ, наконецъ, словно проснувшись. — Знаешь ли, Хейкки, что здѣсь такое? — Онъ указалъ на свой большой чемоданъ. — Четыре бутылки пунша, братецъ, для освѣженія мозговъ, въ свободное отъ работы время! Тетушки собственноручно завернули ихъ въ газеты и уложили между книгами. Четыре бутылки! а кромѣ того, разный провіантъ; такъ вотъ и ухитрись не выпить.

Онъ принялся развязывать ремни чемодана.

— Эта, братъ, штука въ путешествіи дорогого стоитъ, — сказалъ онъ, доставая одну бутылку.

Осторожно снявши съ горлышка металлическую капсюлю, онъ отдалъ ее Хейкки: „Держи стаканъ“, а самъ принялся откупоривать бутылку. Они стали поочередно пить изъ этого импровизированнаго стакана и весело болтали другъ съ другомъ, припоминая прошлое. Хейкки высказалъ, что у него было на душѣ; товарищъ внимательно выслушалъ его и вполне одобрилъ его планы. Хейкки рассказалъ также о своей встрѣчѣ съ Эмилемъ и объ его теоріяхъ. Анти усмѣхнулся.

— А вотъ, приѣдешь въ Гельсингфорсъ, такъ тамъ увидишь много такихъ Эмилей, — сказалъ онъ. — Последнее время они у насъ какъ грибы растутъ. Да, надо сказать правду, многіе изъ лучшихъ нашихъ людей успѣли замѣтно перемѣниться. Какъ-то опустились и обезсилѣли.

Анти назвалъ нѣсколько именъ.

— Но вѣдь это очень печально, — сказалъ Хейкки. — Какую же цѣну послѣ этого можно придавать всѣмъ ихъ словамъ, всѣмъ торжественнымъ обѣщаніямъ и клятвамъ?

— Вотъ еще! — сказалъ Анти, пожимая плечами; — это значить только то, что не всѣ могутъ быть Снельманами. Такъ все идетъ на свѣтъ. Всегда есть много людей, которымъ нравится говорить красивыя, восторженные рѣчи, а затѣмъ первый же вѣтеръ унесетъ слова, и все забудется.

Это объясненіе непріятно поразило Хейкки, но онъ радовался, что самъ остался неизмѣннымъ, такимъ же, какъ прежде, и внимательно прислушивался къ словамъ товарища, который, все больше и больше разгорячаясь, снова становился прежнимъ ораторомъ.

— Нельзя сердиться на то, — говорилъ Анти, — что не всѣ идеи сразу становятся достояніемъ массы. Прогрессъ вездѣ и всегда заключается въ томъ, что массу ведутъ впередъ немногія выдающіяся личности, такъ-называемые народные герои. Въ своемъ развитіи масса стоитъ всегда ниже меньшинства.

Все, о чѣмъ мы мечтали во времена нашей восторженной юности, что намъ казалось возможнымъ осуществить завтра или послѣ завтра,—все это, конечно, дѣло далекаго будущаго. Это дѣло не для насъ, а для тѣхъ, которые пойдутъ слѣдомъ за нами и которымъ сначала нужно еще открыть глаза, чтобы они научились видѣть. Снелъманъ имѣлъ вліяніе на насъ; но это еще вовсе не значить, что онъ имѣлъ такое же вліяніе и на другихъ. Придетъ время, когда его вліяніе распространится на весь народъ, и весь народъ будетъ участникомъ цивилизаціи; но это задача будущаго, и для того, чтобы ее осуществить, понадобится еще не одинъ Снелъманъ.

Анти говорилъ восторженно, едва успѣвая переводить духъ. О, какъ онъ былъ правъ! Что пользы было бы изъ того, если бы Хейкки остался въ деревнѣ просвѣщать своихъ мужиковъ и ближайшихъ сосѣдей? А что же вся остальная Финляндія? и какъ могъ онъ, Хейкки, prospать такую великую идею?

Въ этихъ разговорахъ время прошло незамѣтно. Поездъ приближался къ Гельсингфорсу. Между прочимъ, Анти сообщилъ товарищу, что онъ женихъ. Имя невѣсты было незнакомо Хейкки; при упоминаніи о ней все лицо Анти просіяло довольной улыбкой. Они выпили за здоровье дѣвушки, и Хейкки искренно пожелалъ товарищу счастья.

— Такъ вотъ оно что, Анти женится!.. но вѣдь все, что дѣлаетъ этотъ идеальный человѣкъ,—все безусловно прекрасно...

Хейкки и самъ не могъ себѣ отдать яснаго отчета, почему онъ такъ обрадовался этому извѣстію. Оно подѣйствовало на него какъ-то особенно утѣшительно и пробудило такія мысли, въ которыхъ онъ едва ли рѣшился бы самъ себѣ признаться.

Раздался продолжительный свистокъ, поездъ пошелъ тише, и, наконецъ, остановился.

* * *

Хейкки вышелъ на платформу уже совсѣмъ новымъ человекомъ. Разгорѣвшійся отъ выпитаго пунша, бодрый и веселый, онъ встрѣтилъ Олли, пріѣхавшаго за нимъ на вокзалъ.

Анти простился съ нимъ и пошелъ къ себѣ.

Олли тоже былъ въ веселомъ расположеніи духа, хохоталъ во все горло и бѣшено обнялъ Хейкки, не обращая вниманія на толпу пассажировъ.

На вокзалѣ оказалось много другихъ знакомыхъ Хейкки. Начались привѣтствія, разспросы, поцѣлуи, рукопожатія...

Все прежнее нелюдимство Хейкки исчезло; привольно и привѣтливо повѣяло на него воздухомъ большого города съ его вѣчно суетливымъ движеніемъ и неяснымъ гуломъ голо-совъ. Имъ овладѣло какое-то особенное чувство, когда онъ пробирался впередъ сквозь густую толпу, въ пріятномъ свѣтѣ лампъ и фонарей. Ему было пріятно даже слышать, какъ звенѣли шпоры генерала, шедшаго впереди него, — пріятно было видѣть лоснящіеся цилиндры на головахъ почтенныхъ господъ съ серьезными лицами, наконецъ, пріятно было полюбоваться на красивыхъ и изящныхъ дамъ въ модныхъ костюмахъ. Товарищи не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія: они уже ко всему присмотрѣлись. Но на Хейкки вся эта толпа, и въ особенности женщины, произвела сильное впечатлѣніе. Онъ разсѣянно отвѣчалъ на разспросы своихъ товарищей, то и дѣло оглядываясь вокругъ.

— О чемъ ты думаешь, Хейкки?—сказалъ кто-то.—На тѣхъ барышенъ заглядѣлся, что ли?

Всѣ обернулись въ сторону двухъ уходившихъ барышенъ, которыя, звонко постукивая каблучками по каменному полу вокзала, скоро пропали изъ виду въ его широкихъ дверяхъ.

— Да, ты долго пробылъ въ деревнѣ?

Всѣ громко захохотали. Хейкки страшно сконфузился и покраснѣлъ. Онъ сразу потерялъ все свое равновѣсіе и бодрость. Покраснѣть передъ товарищемъ! Какой позоръ!..

Теперь это снова былъ прежній застѣнчивый и ничтожный въ собственныхъ глазахъ Хейкки. Его мучилъ вопросъ: зачѣмъ собственно онъ пріѣхалъ сюда, въ Гельсингфорсъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ СТРАНѢ ГЛИНЫ И ПЕСКУ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ).

(Окончаніе *).

II.

На Аму-Дарьѣ.

Съ большимъ трудомъ, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, удалось нанять каюкъ, и то только до Нукуса. 2-го іюля, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, которые уже давно ждали случая ѣхать въ Нукусъ, и двухъ гребцовъ хивинцевъ я, наконецъ, тронулся въ дальнѣйшій путь.

Аму... впрочемъ, прежде всего надо сказать, что такое хивинскій каюкъ. Это—огромное ворыто, выдолбленное изъ тополеваго бревна съ такими же досками, набитыми по бортамъ. Хотя при этой неуклюжей лодкѣ полагаются весла, но, какъ плавники рыбъ, они служатъ только для того, чтобы направлять движеніе. Каюкъ несетя исключительно силой теченія, а вверхъ его тянутъ бичевой. Аму—великолѣпный гигантскій потокъ, прорѣзывающій съ сѣверо-востока на юго-западъ Туранскую низменность. Ни Волга, ни Днѣпръ и никакія другія російскія рѣки не могутъ дать представленія о томъ, что такое Аму. Уже близъ Петро-Александровскаго рѣка такъ широка, что противоположный берегъ виднѣется неясно, какъ въ туманѣ; а если смотрѣть наискось, поверхность воды сливается съ горизонтомъ. И вотъ, такая-то масса воды несетя въ Аральское море съ головокружительной быстротой. Мѣстами зубчатая волна вѣчно бороздитъ поверхность Аму; это—не тѣ волны, которыя разводитъ вѣтеръ; это—сама рѣка несетя и скачетъ по каменистому дну, повторяя всѣ его неровности. Кое-гдѣ вода бурлитъ и кипитъ, какъ въ котлѣ. Мѣстами, втягивая плывущіе предметы, крутятся суводи, замѣтныя издали по своей глад-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

кой блестящей поверхности. Неудивительно, что русло, пробитое Аму-Дарьей среди низменной пустыни, не всегда можетъ сдерживать этотъ могучій потокъ. Безъ всякой видимой причины то тамъ, то здѣсь Аму начинаетъ вдругъ подмывать берегъ, обыкновенно, правый. Глыба за глыбой съ грохотомъ, напоминающимъ пушечный выстрѣлъ, валится въ воду, и все, что есть на берегу, летитъ туда же. Водоподъемныя машины, кишлаки съ башнями, сады—ничто не въ силахъ удержать яростныя волны. До какой степени быстро пробиваетъ Аму себѣ новое русло, можно было видѣть близъ Петро-Александровска. Нѣсколько ниже укрѣпленія изъ рѣки былъ проведенъ арыкъ, черезъ который сначала прыгали сартовскіе мальчишки. Аму почему-то полюбился этотъ арыкъ, она направила туда свои воды, быстро раздвинула его берега, и не прошло лѣта, какъ онъ превратился въ огромный протокъ около версты въ ширину. Сады вмѣстѣ съ кишлаками и пашнями, разбитыя вдоль этой бывшей канавки,—все было подхвачено бѣшеною рѣкой и исчезло безъ всякаго слѣда.

Какъ быстро мчалось теченіе наше каюкъ, можно судить по тому, что, отваливъ отъ укрѣпленія въ 2 часа дня, на другой день поздно вечеромъ мы были уже въ Нукусѣ, то-есть, проплыли болѣе 200 верстъ, при этомъ ночевали на берегу, а днемъ нѣсколько разъ останавливались въ аулахъ, чтобы купить баранины. Отъ Петро-Александровска Аму протекаетъ по большей части среди пустыни. Съ каюка мы видѣли песчаные бурханы, которые такъ надоѣли въ Кизычъ-Кумахъ. Мѣстами холмы прерывались ровными пространствами, поросшими кустами тамариска, дикаго барбариса, колючки; то, вѣроятно,—были такыры. Только кое-гдѣ по берегу узкой каемкой зеленѣетъ тальникъ, или джида,—мѣстное дерево, плоды котораго такъ похожи на крошечныя финики. Сады и пашни попадались намъ рѣдко. Очевидно, въ настоящее время хивинскій оазисъ не есть сплошная полоса обработанной земли; это скорѣе цѣпь небольшихъ, вытянутыхъ по обоимъ берегамъ рѣки, оазисовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга широкими промежутками пустыни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пустынность береговъ Аму не есть слѣдствіе невозможности оросить ихъ и превратить въ рядъ садовъ и пашень. Туземцы, хотя и превосходныя гидротехники, но они стараются воздѣлывать землю тамъ, гдѣ изъ Аму можно вывести воду безъ особыхъ хлопотъ обыкновеннымъ арыкомъ. Они неохотно поселяются въ тѣхъ мѣстахъ берега, гдѣ для орошенія необходимы водоподъемныя машины. Какъ ни просты эти сооруженія, все же они требуютъ особыхъ расходовъ. По простотѣ эти машины, дѣйствительно, замѣчательны. Представьте себѣ пароходное колесо, установленное у

берега такъ, чтобы оно могло вертѣться силой теченія. Къ окружности колеса придѣланы ведра, черпающія воду и выливающія ее въ жолобъ. Если прибавить къ этому, что колесо можно по желанію остановить простымъ бревномъ, то описаніе машины можно считать оконченнымъ. Такимъ образомъ при помощи этихъ сооруженій вода сама себя черпаетъ и сама себя поднимаетъ кверху, что возможно, конечно, только при той силѣ теченія, при той стремительности, съ какой Аму торопится добраться до Аральскаго моря. Несмотря на то, что здѣсь природой даны человѣку всѣ средства, чтобы побѣдить пустыню и превратить ее въ культурныя земли, мы видимъ, что побѣда, по большей части, остается на сторонѣ пустыни. Малочисленность населенія составляетъ, конечно, главную причину этого явленія; къ тому же еще не такъ давно, до занятія края русскими войсками, земледѣлецъ не былъ гарантированъ здѣсь отъ того, что въ одинъ прекрасный день налетитъ на него шайка бродячихъ туркменъ, отрубитъ ему голову, или уведетъ въ плѣнъ. Въ настоящее время съ появленіемъ русскихъ, когда разбои, какъ профессія, прекратились, хивинскій оазисъ можетъ ожидать болѣе счастливаго будущаго. Кстати, нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Хивы къ Россіи. Хива de jure до извѣстной степени самостоятельное ханство, но de facto это не болѣе, какъ русская губернія, губернаторъ которой обладаетъ особыми полномочіями хана, то-есть, онъ можетъ рубить своимъ подданнымъ головы, сколько ему угодно, брать съ жителей подати, пока у нихъ есть что отдавать. Ханство имѣетъ свою монету и свое, съ позволенія сказать, войско и т.-д., но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ распоряженія хана, хотя бы косвенно, могутъ коснуться русскихъ подданныхъ, онъ поступаетъ такъ, какъ ему «рекомендуетъ» наша администрація, въ лицѣ начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла. Для Россіи очень удобенъ такой порядокъ вещей и, наоборотъ, было бы невыгоднымъ присоединять Хивинское ханство къ своимъ владѣніямъ. Наши азіатскія окраины требуютъ большихъ расходовъ на содержаніе въ нихъ войска, администраціи и т.-д., но въ большинствѣ случаевъ онѣ не вознаграждаютъ этихъ затратъ доходами; другими словами, окраины даютъ намъ пока только убытки. То же самое было бы, если бы Хива превратилась въ хивинскій округъ или уѣздъ. Между тѣмъ, въ настоящее время когда она существуетъ на правахъ самостоятельнаго ханства и управляется сама по себѣ, она не стоитъ намъ ни гроша, а изъ повиновенія Россіи выйти не можетъ, если бы даже ей и взбрела въ голову эта нелѣпая мысль. Какъ хивинцы управляются—это ихъ дѣло. Россіи пока некогда нянчиться съ ними. Довольно съ нихъ и того, что она избавила ихъ отъ систематическихъ разбоевъ киргизъ и туркменъ.

Нукусъ—это маленькая крѣпостца, которая была бы игрушкой гдѣ-нибудь на западныхъ границахъ нашего государства, но здѣсь она держитъ въ страхѣ все Хивинское ханство. Впрочемъ, въ настоящее время она постепенно утрачиваетъ свое значеніе, по мѣрѣ того, какъ хивинцы привыкають къ мысли о необходимости и выгодѣ жить подъ крыломъ Россіи. Кромѣ небольшого гарнизона, въ Нукусѣ живетъ начальникъ Чимбайскаго уѣзда, къ которому относятся русскія земли внизъ по Аму до самаго моря.

Изъ Нукуса мнѣ надо было плыть дальше въ устьѣ рѣки, въ протокъ Кукъ. Если трудно было нанять каюкъ въ Петро-Александровскѣ, то еще труднѣе найти средства спуститься изъ Нукуса внизъ. Если бы не уральскій казакъ, живущій здѣсь въ качествѣ поселенца, мнѣ долго пришлось бы ждать случая. Казакъ этотъ провѣдалъ, что изъ хивинскаго городка Ходжейли отправляется внизъ по Аму каюкъ съ товаромъ, владѣлецъ котораго намѣренъ торговать въ аулахъ, лежащихъ въ устьѣ рѣки, и между прочимъ посѣтить притокъ Кукъ.

Наскоро собравшись, въ сопровожденіи Кожевникова—такъ звали казака—я направился въ Ходжейли. До перевоза насъ довели на казенной телѣгѣ. Телѣга вернулась назадъ, а мы остались на берегу рѣки драть горло, вызывая съ той стороны лодку. Сначала завопилъ Кожевниковъ и докричался до хрипоты, затѣмъ къ нему присоединился и я, и тоже охрипъ; на той сторонѣ не обнаруживалось никакихъ признаковъ движенія. Наконецъ, я началъ стрѣлять и по одному разу, и дуплетомъ, перепалилъ при этомъ столько пороху, сколько было бы довольно для доброй охоты по бекасамъ; два съ лишнимъ часа изошрялись мы въ различныхъ попыткахъ обратить на себя вниманіе перевозчика и все-таки не добились толку. Насъ перевезъ казакъ, случайно проходившій мимо. Пока мы возились съ переправой, наступила ночь, и мы должны были заночевать на берегу. Когда мы уже улеглись спать явился и перевозчикъ, отлучавшійся куда-то по своимъ домашнимъ дѣламъ. Утромъ, къ счастью, довольно скоро, но такъ же случайно, намъ удалось нанять арбу, и мы потряслись на ней въ городокъ Ходжейли; до него отъ перевоза считаютъ не болѣе шести верстъ. Каюкъ, на которомъ я предполагалъ плыть, еще не былъ готовъ: хозяинъ грузилъ въ него товаръ, собираясь выѣхать только на слѣдующій день. Кожевниковъ вернулся въ Нукусъ, а я остановился у ходжейлинскаго жителя, армянина. Наконецъ, Чулакъ—такъ звали моего будущаго спутника—нагрузилъ каюкъ хлопкомъ еще въ коробочкахъ, деревянными сундуками, халатами, разной посудой, чаемъ, всякой мелочью, и мы поплыли внизъ по Аму. Та-

кимъ образомъ я очутился въ сообществѣ 7 человѣкъ туземцевъ, одного сарта хозяина и 6 каракалпакъ, рабочихъ; изъ нихъ ни одинъ не зналъ ни слова по русски. Къ счастью, съ грѣхомъ по поламъ я умѣлъ объясняться на киргизскомъ нарѣчьи, по крайней мѣрѣ зналъ съ полсотни самыхъ необходимыхъ словъ, и этого было достаточно, чтобы у насъ завязалась довольно оживленная бесѣда. Я вспомнилъ Дарью Сидоровну. Воображаю, какъ разсердилась бы она, если бы видѣла меня съ этими «собаками»—такъ называла она всѣхъ азіатовъ.

Такъ какъ на суднѣ, гдѣ я былъ пассажиромъ, не полагалось ни буфета, ни прислуги, то о своемъ продовольствіи я долженъ былъ заботиться самъ. По пути Чулакъ приставалъ къ каждому аулу и открывалъ свою лавочку. Если это случалось, не скажу, во время обѣда или завтрака, а просто когда хотѣлось ѣсть, хотя бы и утромъ, я принимался дѣйствовать. Пока Чулакъ съ азіатскимъ краснорѣчіемъ распинался за свой товаръ предъ покупателями каракалпаками, я подзывалъ каракалпаченка и объяснялъ ему, что мнѣ нужна курица. Бѣгомъ отправлялся онъ въ юрту, и вскорѣ вмѣстѣ съ нимъ съ курицей въ рукахъ являлась, обыкновенно, очень старая, каракалпачка. Въ здѣшнихъ аулахъ никогда не спрашивали съ меня болѣе 5 копѣекъ за курицу. Уплативъ, что слѣдуетъ, я бралъ ее и немедленно прекращалъ ея птичье существованіе, а затѣмъ, продѣлавъ все, что въ этихъ случаяхъ полагается, начиналъ варить супъ. Вмѣстѣ съ этимъ я ставилъ на костеръ и чайникъ для чаю. Пока я занимался этимъ полезнымъ дѣломъ, являлась цѣлая орда каракалпакскихъ дамъ, по большей части старухъ, и дѣтей. Въ рукахъ они держали по курицѣ, а нѣкоторыя и сразу двухъ, зажавъ ихъ подъ мышками. Все это предназначалось мнѣ въ продажу, но такъ какъ мнѣ и одной было много, то отъ остальныхъ приходилось отказываться. Тогда каракалпачки начинали предлагать пару за 5 коп. Чтобы не обидѣть старухъ, я давалъ имъ по горсти сухарей, а ребятамъ по куску сахару, и они съ довольнымъ видомъ уносили своихъ куръ.

Ночевали мы точно также близъ ауловъ. Едва только начинало смеркаться, появлялись всесвѣтныя кровопійцы—комары. Мои спутники забивались въ наскоро разбитую палатку, а я ставилъ на каюкѣ свой пологъ, который приобрѣлъ въ Казалинскѣ, зная по опыту, что значитъ ночевать на комарахъ. Хорошо лежать въ пологѣ, когда за его стѣнками раздается голодный вой этихъ возмутительныхъ насѣкомыхъ. Миріады ихъ густымъ роємъ облѣпляютъ снаружи кисею полога; чуя кровь, они снуютъ вверхъ и внизъ, отыскивая, нѣтъ ли гдѣ дырочки. Вы лежите и слышите

яростный гулъ, по временамъ его покрываетъ высокій пискъ отдельнаго комарипки, который вертится около вашего уха по ту сторону тонкой стѣнки. Вы лежите и, глядя на мерцающія сквозь кисею звѣзды, думаете: «Ничего, пишите себѣ, а я буду спать». И я дѣйствительно спалъ, спалъ такъ, что комары въ концѣ концовъ, вѣроятно, объявляли меня мертвымъ и отправлялись искать живого человѣка. Утромъ я просыпался, когда каюкъ уже плылъ по серединѣ рѣки. Ниже Нукуса Аму разсыпается на нѣсколько рукавовъ, впадающихъ самостоятельно въ море. Мы шли сначала протокомъ Куня-Дарьей, затѣмъ Ишаномъ, и наконецъ, повернули въ Кукъ. Въ дельтѣ природа береговъ носить иной характеръ, нежели выше Нукуса. Здѣсь уже не видно пустыни. Зеленымъ бордюромъ окаймляютъ протоки *тугаи*, или прибрежные лѣса джиды и тальника. Кое-гдѣ они прерываются темной зеленью камышей и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ гуще и выше эти камыши и тѣмъ шире захватываютъ они берегъ; мѣстами они превращаются въ огромныя заросли. Особенно удобно любоваться этой чащей съ песчаныхъ холмиковъ, которые тамъ и сямъ въ видѣ островковъ торчатъ среди сплошной зелени листьевъ. Цѣлое море темнозеленыхъ верхушекъ камыша до самаго горизонта разстилается предъ вашими глазами. Какъ въ открытомъ морѣ, глазъ не встрѣчаетъ никакихъ неровностей; кое-гдѣ только желтѣютъ гребни этихъ одинокихъ холмовъ или возвышается отдельное деревцо джиды. Словно море, камышъ шумитъ и волнуется. Вы видите, какъ зеленая волна, взрытая подлѣ васъ порывомъ вѣтра, быстро несется впередъ; вотъ она открыла верхушку скрывавшагося въ камышѣ дерева, перескочила черезъ него, промчалась еще немного дальше и исчезла въ массѣ листьевъ. Аму-дарьинскіе камыши—настоящіе джунгли здѣшнихъ мѣстъ. Въ нихъ съ успѣхомъ можетъ укрыться верблюдъ и даже всадникъ, сидящій на его горбѣ,—такъ высоки эти заросли. Только кабанамъ и тиграмъ доступна непролазная чаща гибкихъ, упругихъ, какъ сталь, стеблей, увѣнчанныхъ метелкой крупныхъ темныхъ листьевъ. Кабаны чувствуютъ себя здѣсь, какъ рыба въ водѣ. Въ низовьяхъ Аму ихъ такъ много, что казаки зимой бьютъ ихъ цѣлыми возами. Настоящій хозяинъ здѣшнихъ джунглей, однако, не кабанъ, а тигръ. Мнѣ не случилось ни видѣть этого звѣря, ни слышать его рѣва, я видѣлъ только его слѣды, овальные ямки, оттиснутыя на пескѣ подушками его лапъ. Какъ паръ звѣрей, тигръ, показывается только за дѣломъ, а дѣла у него много и въ камышѣ. Въ противоположность своему африканскому собрату льву, онъ рѣдко выдаетъ свое присутствіе рѣвомъ. Только въ ту пору, когда кошки задаютъ свои концерты, въ непролазной

чащѣ, какъ разсказывали казаки, иногда раздается глухое урчаніе: это тигровая серенада. Нерѣдко, по словамъ мѣстныхъ жителей, въ камышѣ можно слышать пронзительный визгъ кабана: это тигръ хозяйничаетъ въ своемъ царствѣ. Въ Кунградѣ я видѣлъ одного казака, года два тому назадъ на охотѣ имѣвшаго столкновеніе съ царственнымъ звѣремъ. Столкновеніе кончилось тѣмъ, что тигръ ушелъ невредимымъ, а казакъ на память объ этой встрѣчѣ до сихъ поръ носитъ на своемъ лицѣ глубокіе слѣды его когтей.

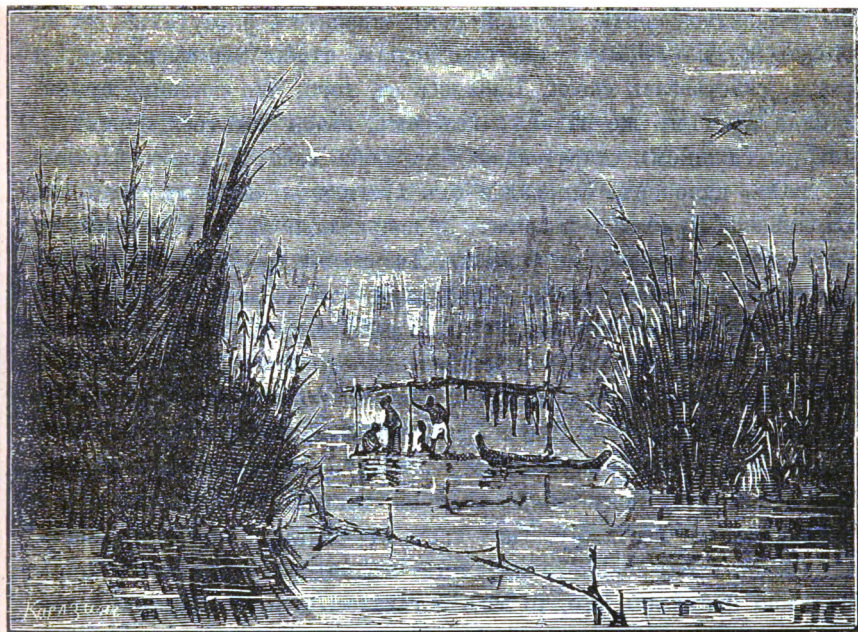
Сколько фазановъ въ здѣшнихъ камышахъ и тугаяхъ! Рано утромъ, едва только взойдетъ солнце, тамъ и здѣсь по берегамъ рѣки раздается отрывистый крикъ пѣтуха, похожій на сокращенное кукуруку. Вотъ бы куда нашихъ воскресныхъ охотниковъ въ ихъ модныхъ пиджачкахъ съ иголки, съ ихъ дорогими двустолками! Воображаю, сколько благородной крови перепортитъ себѣ такой немродъ въ своемъ охотничьемъ рвеніи. Послѣ тщетной попытки прораться сквозь чашу камыша, или колючаго кустарника, издравъ свой пиджачекъ, испарапавъ до крови руки, онъ проклянетъ всѣхъ фазановъ на свѣтѣ и броситъ охоту, не убивъ ни одной птицы. Здѣсь надо умѣть ходить, умѣть пользоваться кабаньими тропами и знать ихъ, здѣсь нужна также сила и привычка ориентироваться въ чащѣ.

12-го іюля, послѣ многочисленныхъ остановокъ съ торговыми цѣльями, Чулакъ, наконецъ, доставилъ меня на Кукскіе рыбные промысла. На Кукѣ нѣтъ постоянного населенія. Лѣтомъ, во время лова красной рыбы (шипа), сюда съѣзжаются каракалпаки, узбеки, киргизы, русскіе, даже армяне и евреи. Всѣ эти рыболовы поселяются въ юртахъ, или въ наскоро сколоченныхъ домикахъ, и живутъ здѣсь, пока не окончится промысловый сезонъ; часто рыболовы-каракалпаки устраиваютъ изъ вязанокъ камыша особые плавучіе шалаши; одинъ изъ такихъ шалашей представленъ на прилагаемомъ рисункѣ.

На Кукѣ ужъ ждали меня. Мнѣ была поставлена каракалпакская юрта, въ нее внесли кое-какую мебель и вообще замѣтно было желаніе доставить мнѣ нѣкоторый комфортъ. Все это очень удивляло Чулака, и на его толстомъ лицѣ, съ заплаканными глазками, ясно можно было прочесть: «вотъ тебѣ на!.. а я думалъ это казакъ, а это, видно, тюря»—такъ называютъ туземцы чиновниковъ.

Отсюда мнѣ надо было ѣхать въ хивинскій городъ Кунградъ, до котораго отъ кукскихъ промысловъ считаютъ около 40 верстъ. Одинъ изъ временныхъ жителей Кука снабдилъ меня лошадыю и телѣжкой, а въ качествѣ кучера и проводника послалъ своего

14-ти-лѣтняго сына Васяньку. Васянька, хотя былъ и бойкій мальчишка, но дорогу зналъ плохо. На первыхъ же пяти верстахъ онъ

Плавуціе рыбацьі шалаши на оз. Сары-Кулѣ.

сбился съ пути, и чтобы поправить ошибку, поѣхалъ пашней съ неснятымъ еще кунжутомъ. Прибѣжалъ владѣлецъ пашни и задалъ моему кучеру здоровый вагоняй, но этотъ урокъ нисколько не прибавилъ у Васяньки опытности. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, онъ опять сбился съ дороги, и такъ продолжалось до поздняго вечера, когда вдали показались высокіе минареты Кунграда. Но тутъ-то, въ концѣ пути, злой рокъ и приготовилъ для насъ самую главную ловушку. Это былъ широкій и глубокій арыкъ, чрезъ который намъ надо было переправиться. Васянька съ храбростью, свойственной его возрасту, вѣхалъ въ эту канаву, но на серединѣ ея лошадь увязла въ вязкомъ днѣ и, не смотря на всевозможныя поощренія, ни за что не хотѣла выбраться оттуда. Она металась изъ стороны въ сторону, билась, попыталась, было лягнуть, но изъ этого ничего не вышло; наконецъ, она легла на бокъ. Васянькѣ пришлось лѣзть въ воду, чтобы распречь лошадь, а телѣжка, сколько мы ни старались вытащить ее, такъ и осталась завязшей передними колесами въ грязи. Тѣмъ временемъ стемнѣло, появились тучи комаровъ и начали заниматься своимъ дѣломъ. Кое-какъ прила-

дили мы пологъ, прикрѣпивъ одну сторону къ заднимъ колесамъ, остававшимся на сухомъ мѣстѣ, а другую къ жиденькому кустуку. Затѣмъ, напившись вмѣсто чаю воды съ клюквеннымъ экстрактомъ, мы завалились спать. Но злой рокъ, вѣроятно, разсудилъ, что не стоило ему и хлопотать для того только, чтобы мы выспались, и сталъ дѣйствовать снова. Началось съ того, что лошадь, привязанная къ тѣмъ же заднимъ колесамъ, стала метаться; очевидно, комары слишкомъ старательно занимались своимъ дѣломъ. Пологъ дрожалъ, наконецъ, оторвался отъ кустика и накрылъ насъ съ Васянькой. Пришлось вылѣзть и поправлять бѣду. Ну, думаемъ себѣ, теперь крѣпко, не упадетъ. Только это мы подумали и успокоились—было, какъ лошадь сообразила, что сколько ни мечись и ни мотай головой, отъ комаровъ не избавишься. Давай-ка, я поваляюсь—рѣшила она—и дѣйствительно начала валяться. Должно быть этотъ способъ оказался много болѣе цѣлесообразнымъ, потому что съ тѣхъ поръ она уже не переставала валяться почти до бѣлой зари. Сквозь прозрачную стѣнку полога я видѣлъ, какъ нашъ добрый конь, лежа бокъ-о-бокъ со мной, вскидывалъ ноги кверху и поворачивался на спину. Такъ какъ, кромѣ двухъ колесъ тележки, вблизи не было никакого предмета, къ которому можно было бы надежно привязать его, то мнѣ оставалось только заниматься разсужденіемъ о томъ, перекинется ли онъ на мою сторону, или постѣснитса присутствія полога. Такого рода соображенія, конечно, не могли оказать на меня снотворнаго дѣйствія; къ тому же, вся исторія происходила на сыпучемъ пескѣ; лошадь подняла страшную пыль; сквозь рѣдкую кисею пыль проникла и въ пологъ, набилась намъ въ глаза, носъ и ротъ; Васянька началъ чихать, я сталъ кашлять, а лошадь продолжала валяться. Такъ дѣло тянулось до глубокой ночи, когда комары, испугавшись наступившей прохлады, улетѣли по своимъ домамъ. Навалѣвшійся вдосталь конь всталъ, и мы подъ слоемъ песку начали было дремать. Но, видно, не суждено было намъ спать въ эту ночь. Скоро мы вскочили и слышимъ лошадь неистово бьется, а гдѣ-то близко около насъ, можетъ быть шагахъ во ста, раздается адскій концертъ. Га...га...га...и...и...и...и... га...га... доносилось до насъ. Звуки переливались, то замирали, то снова раздавались съ удвоенной силой, словно толпа трусливыхъ дикарей пыталась напугать насъ крикомъ, по временамъ прислушивалась, каковъ эффектъ, и снова принималась кричать. Это были шакалы, судя по вою, огромной стаей собравшіеся близъ нашего полога. Не могу рѣшить, чего хотѣли отъ насъ эти трусливые обжоры; если ихъ послалъ злой рокъ, чтобы не дать намъ спать, то онъ достигъ своей цѣли. Долго услаждали они нашъ слухъ своимъ

пѣніемъ, наконецъ, это намъ надоѣло, я выстрѣлилъ изъ револьвера, и пѣвцы мгновенно замолкли. Воображаю, какъ они удирали! Тѣмъ временемъ стало свѣтать. Какъ только окончательно разсвѣло и на пашняхъ появились люди, Васянька сбѣгалъ туда и привелъ каракалпака, съ помощью котораго мы вытащили телѣжку изъ арыка.

Кунградъ—типичный среднеазиатскій городъ. Настоящихъ домовъ въ европейскомъ смыслѣ слова въ немъ нѣтъ. Въмѣсто нихъ, низенькія глиняныя мазанки съ плоскими крышами, съ навѣсами, обращенными на улицу, и съ дверью, продѣланной подъ навѣсомъ. Наружныя стѣны совершенно безъ оконъ, да и на дворъ, какъ говорятъ, выходятъ не окна, а просто четырехугольныя дыры, въ холодную погоду прикрываемыя доской или тряпкой. Улицы кривыя и узкія, такъ что въ случаѣ, если встрѣтятся двѣ арбы, одну необходимо остановить и на рукахъ оттащить къ самой стѣнѣ, иначе онѣ не разъѣдутся. Мѣстами съ одной стороны улицы на другую поверхъ крышъ положены жерди, а на нихъ набросаны вѣтви, камышъ и всякій мусоръ. Всюду грязь и вонь... Вотъ какова фізіономія Кунграда. Совершенно тотъ же, обликъ имѣютъ и всѣ другіе хивинскіе города, не исключая, какъ говорятъ, и столицы ханства. Какъ всѣ азіаты, кунградскіе жители ведутъ уличную жизнь, въ особенности большое оживленіе царитъ на базарѣ. Здѣсь по обѣ стороны довольно длинной крытой улицы тянется сплошной рядъ лавокъ. Вотъ мясная лавка съ бараньими тушами, съ лошадиными окороками, висящими подъ навѣсомъ, и съ тучами мухъ, носящихся надъ мясомъ. Рядомъ, среди обрѣзковъ кожи, хивинецъ точаетъ азіатскія калоши; напротивъ, черезъ улицу лежатъ груды арбузовъ, дынь, луку и другой зелени; тутъ еж, въ одномъ домѣ приютился мастеръ, деревяннымъ штампомъ набивающій аляповатые узоры на бумажной ткани. Немного дальше вы встрѣтите заводъ кунжутнаго масла, такую же мазанку, какъ и всѣ; сквозь растворенныя двери ея виденъ верблюдъ; вращающій пестъ въ большой деревянной ступѣ. Рядомъ продаютъ кирпичный чай, чуреки *), рисъ, какіе-то сухіе корешки и травы, развѣшанные гирляндами, какія-то снадобья въ видѣ порошковъ; тамъ опять арбузы или ресторанъ съ дымящимися котлами и съ запахомъ горѣлаго сала. Картину дополняетъ пестрая толпа суетящихся около лавокъ людей. Тутъ и хивинцы въ полосатыхъ халатахъ, и каракалпаки; вонъ чернѣетъ огромная яйцевидная папахъ туркмена, а вотъ и киргизы съ красными платками на бритыхъ головахъ; въ толпу замѣшался

*) Прѣсныя лепешки.

одинъ казакъ изъ сотни, стоящей въ Кунградѣ... Все это спорить, прицѣнивается, кричить; гдѣ-то скрипитъ верблюды, пищитъ козленокъ, и надъ всѣмъ этимъ содомомъ доминируютъ оглушительный звонъ котельщиковъ, нещадно бьющихъ молотомъ по мѣдной посудѣ. Въ Кунградѣ меня пріютилъ агентъ російскаго общества транспортированія кладей. Какъ специалистъ по части путей сообщенія въ здѣшной мѣстности, онъ помогъ мнѣ снарядиться въ дальнѣйшую дорогу.

III.

Въ странѣ глины.

Наставало время подумать о возвращеніи домой въ Петербургъ. Спрашивается, какъ надо ѣхать, чтобы по пути завернуть въ Астрахань? По картѣ этотъ вопросъ рѣшается очень просто. Отъ Кунграда перевалить чрезъ степь, раздѣляющую Араль отъ Каспія, на Каспійскомъ морѣ сѣсть на судно и прямо въ Астрахань. Первоначально именно этимъ путемъ я и предполагалъ вернуться домой. Мнѣ достовѣрно было извѣстно, что отъ Кунграда до залива Яманъ-Айракты, на Каспійскомъ морѣ, прекрасно можно было бы пройти на верблюдахъ. Этой дорогой, только въ обратномъ направленіи, генералъ Черняевъ проѣхалъ даже въ коляскѣ, конечно, съ запасомъ фуража для лошадей; сюда же направляли въ то время партіи новобранцевъ, идущихъ въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Правда, мнѣ было извѣстно и то, что на пустынномъ заливѣ Яманъ-Айракты я рисковалъ засѣсть на неопредѣленно долгое время, такъ какъ ни пароходы и никакія торговыя суда туда не заходятъ, но я имѣлъ маленькую надежду на гурьевскихъ и астраханскихъ ловцовъ, промышляющихъ тамъ рыбой; они могли бы доставить меня въ Гурьевъ, или прямо въ Астрахань. Отчего бы не попытать счастья? а въ случаѣ, если бы ихъ тамъ не оказалось, я могъ бы заставить своего возчика везти меня дальше до форта Александровскаго на Мангышлакѣ, откуда уже ходятъ пассажирскіе пароходы. Все бы, повидимому, хорошо, да на бѣду въ то время, такъ-называемый, черняевскій путь отъ Кунграда на Яманъ-Айракты былъ уже заброшенъ, и въ Кунградѣ не нашлось ни одного возчика, который зналъ бы эту дорогу и взялся бы везти по ней. Мой хозяинъ созвалъ всѣхъ извѣстныхъ ему караванбашей—такъ называются лица, занимающіяся поставкой верблюдовъ и проводниковъ—но ни одинъ изъ нихъ не нашелъ возчика, желающаго везти на Каспійское море. Зато ничего не было легче нацять верблюдовъ на путь отъ Кунграда прямо на сѣверъ мимо Араль-

скаго моря чрезъ верховья р. Эмбы по направленію къ Оренбургу. На верблюдахъ здѣсь приходится идти верстѣ 700 до Темирскаго укрѣпленія, иначе называемаго Каракамышъ; отсюда до Оренбурга можно ѣхать уже на почтовыхъ. Правда, сравнительно съ черныевскимъ путемъ по этой дорогѣ на Астрахань надо сдѣлать безъ малаго двѣ тысячи верстѣ лишнѣхъ, но все же это было лучше, нежели возвращаться назадъ въ Петро-Александровскъ, а оттуда въ Казаинскъ; во-первыхъ, верстѣ на 800 ближе, а во-вторыхъ, какой интересъ тащиться знакомыми мѣстами, да еще по кизыль-кумской песочницѣ?

И такъ, стало быть, чрезъ Темирское укрѣпленіе на Оренбургъ! Я и подробнѣе отмѣтилъ бы предстоящій мнѣ маршрутъ названіями промежуточныхъ пунктовъ, да никакихъ другихъ пунктовъ по дорогѣ не существуетъ. На подробныхъ картахъ, впрочемъ, вся степь на сѣверъ отъ Арала испещрена тюркскими названіями, но это или колодцы, по большей части изсякшіе, или просто мѣста, такъ - называемыя урочища, т.-е. участки степи, въ предѣлахъ которыхъ кочуютъ опредѣленные киргизскіе роды. На старыхъ картахъ изображены здѣсь даже озера, но отъ нихъ не осталось и лужъ: все высохло, и только нослѣ таянія снѣговъ на мѣсяцъ, или на два, на ихъ мѣстѣ скопляется немного вешней воды. Даже Эмба въ своихъ верховьяхъ изсякаетъ въ концѣ лѣта. Къ этому надо прибавить, что и отъ Эмбенскаго укрѣпленія не осталось и слѣда: оно давнымъ-давно упразднено.

И такъ мнѣ предстояло то же удовольствіе путешествія по пустынѣ, какое привелось испытать въ Кизыль-Кумахъ, съ тою только разницею, что этотъ разъ не могло быть и рѣчи о телѣгѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога имѣетъ видъ вычнхъ тропинокъ съ крутымъ подъемомъ и спускомъ. Нечего было думать и о верховыхъ лошадяхъ, потому что на пути нѣтъ для нихъ подножнаго корма. Только одни верблюды, оправдывая свою славу «кораблей пустыни», могутъ довольствоваться той чахлой полынью, какая растетъ на протяженіи 10 — 15 дней караванной дороги. Если Кизыль-Кумы почти безлюдны въ лѣтнее время, то степь между Араломъ и верховьями Эмбы въ ту же пору абсолютно пуста: кромѣ изрѣдка проходящихъ каравановъ, здѣсь, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстѣ, не попадаетъ ни единой живой души. Въ концѣ лѣта, когда высыхаютъ хаки или степный лужи, путешественникъ трое сутокъ не встрѣчаетъ ни капли воды. Словомъ, географъ, описывая эту мѣстность, съ полнымъ правомъ можетъ сказать, что тамъ ничего нѣтъ, и этого будетъ достаточно, чтобы дать довольно полное представленіе о ней. Нѣтъ ни людей, ни жи-

вотныхъ, ни травы, ни воды и, если хотите, нѣтъ даже настоящей земли: одна твердь поднебесная, да голая, растрескавшаяся на солнцѣ глина. И вотъ этимъ-то живописнымъ пейзажемъ, съ высоты верблюжьяго горба, мнѣ предстояло любоваться не менѣе двухъ недѣль въ сообществѣ одного проводника киргиза. Жутко!— скажете вы. Великолѣпно! — подумалъ я, слѣзая съ верблюда въ Темирскомъ укрѣпленіи.. Однако, не станемъ забѣгать впередъ.

Благодаря участію моей любезной хозяйки, снаряженіе по части заготовки провизіи скоро было окончено. Основной продовольственный фондъ и этотъ разъ должны были составлять сухари, чай и сахаръ, но такъ какъ я не собирался спастись и такъ какъ сухари едва ли лучше акриды, а сахаръ, пожалуй, даже и похуже меда, хотя бы и дикаго, то, очевидно, надо было позаботиться о чемъ-нибудь болѣе существенномъ. Вотъ тутъ-то меня выручила моя хозяйка.

Она приготовила мнѣ тоже нѣчто въ родѣ пеммикана, даже двухъ сортовъ, но только не по киргизскому способу (сохрани Богъ!), а по своему собственному. Одинъ сортъ готовится такъ: куски сырого мяса безъ жира опускаютъ на нѣсколько секундъ въ крѣпкій кипящій рассолъ, затѣмъ сушатъ ихъ въ духовой печкѣ. Другой сортъ представляетъ мясной фаршъ, слегка поджаренный, а потомъ высушенный въ печкѣ. И то и другое мясо оказалось превосходнымъ, въ теченіе дороги оно нисколько не измѣнило своихъ свойствъ и на вкусъ мало чѣмъ отличалось отъ свѣжаго мяса. Хивинскіе купцы, отправляющіеся въ Оренбургъ, берутъ съ собой въ особыхъ клѣткахъ живыхъ куръ, но это мнѣ показалось слишкомъ большой роскошью для путешествія въ пустынь. Деревянную флягу для воды я оставилъ въ Петро-Александровскѣ, такъ какъ по этой части уже тамъ имѣлъ въ виду слѣдующую комбинацію: у меня была большая полутораведерная банка со спиртомъ, задѣланная въ толстый деревянный ящикъ. Это-та самая банка, куда по договору съ Дарьей Сидороввой я обязанъ былъ сажать ящерицы, змѣй и другихъ «гносовъ» немедленно по изловленіи; тамъ же лежали у меня и аму-дарьинскія рыбы. Зоологическія пикули я запаляю въ особую жестянку, а банку, въ виду ея несомнѣнныхъ достоинствъ, а въ особенности въ виду ея стеклянной притертой пробки, я произвелъ въ званіе сосуда для воды. Лично для меня со всѣмъ багажемъ достаточно было одного верблюда, другой нуженъ былъ для проводника съ его пожитками, а третьяго я взялъ про запасъ, на случай, если одному изъ первыхъ вздумалось, вмѣсто того, чтобы довести насъ, покончить свое существованіе въ дорогѣ.

Чтобы не сидѣть верхомъ, я приобрѣлъ для себя особую корзинку съ навѣсомъ, сдѣланную изъ досчечекъ и ивовыхъ прутьевъ. Въ ней можно свободно сидѣть, протянувъ ноги впередъ, а если согнуться въ три погибели, то можно и лежать. Такая корзинка, напоминающая по формѣ кузовъ крытыхъ дѣтскихъ колясокъ, подвѣшивается сбоку верблюда, а съ другой стороны горба она уравнивается кладью. Необходимо, чтобы по обѣ стороны верблюда грузъ имѣлъ хотя бы, приблизительно, одинаковый вѣсъ, иначе одна сторона станетъ перетягивать, и на ходу весь вьюкъ можетъ свалиться. Весь мой багажъ вмѣстѣ съ банкой для воды, за исключеніемъ только ружья и кое-какой мелочи, былъ связанъ въ одинъ тюкъ, который своей 4-хъ-пудовой тяжестью почти какъ разъ соотвѣтствовалъ вѣсу корзинки вмѣстѣ со мной, ружьемъ и этой самой мелочью.

Снарядившись, такимъ образомъ, 12-го іюля мы, наконецъ, выступили въ походъ вмѣстѣ съ проводникомъ киргизомъ, молодымъ парнемъ, по имени Ахметъ. Проходя по базару, я захватилъ съ собою десятокъ дынь, для которыхъ здѣсь же купилъ большой очень толстый шерстяной мѣшокъ мѣстной работы. Правда, дыни отъ тряски испортились уже на второмъ переходѣ, но мѣшокъ сослужилъ мнѣ впослѣдствіи тройную службу. Хозяинъ проводилъ насъ до окраины города, откуда, связавъ верблюдовъ одного за другимъ, мы поплелись съ Ахметкой вдвоемъ.

Если кого укачиваетъ въ морѣ, то же самое съ нимъ будетъ и на верблюдѣ, въ особенности если онъ ѣдетъ въ корзинкѣ; другими словами, путешественникъ, подверженный морской болѣзни, будетъ испытывать всѣ ея послѣдствія среди пустыни, гдѣ на сотни верстъ нѣтъ ни капли воды. На меня почти не дѣйствуетъ качка въ морѣ, но здѣсь первое время начинало мутить, и даже довольно ощутительно. Сначала разбирало также большое сомнѣніе на счетъ устойчивости вьюка моего верблюда. А что, какъ вся эта исторія вмѣстѣ съ корзинкой полетитъ на землю!—думалось мнѣ. Хорошо еще, если багажъ перетянетъ, а что, если съ высоты горба 4-хъ-пудовый тюкъ, да еще какъ разъ острыми, окованными желѣзомъ, ребрами ящика обрушится на меня, будетъ исторія!—думаю себѣ. Однако, скоро всѣ эти страхи миновали, да и всякая муть прошла, такъ что уже на третьемъ переходѣ я чувствовалъ себя, какъ будто родился киргизомъ. Медленно и методически, съ правильностью метронома, шагали верблюды, и съ той же правильностью качалась моя люлька. Впереди ѣхалъ Ахметка, за нимъ шелъ мой верблюдъ, а сзади всѣхъ плелся запасный, и всѣ мы были связаны другъ съ другомъ. Въ своей корзинкѣ я

изображалъ собою не больше, какъ кладь, которую Ахметка взялся доставить въ Каракамышъ. Я могъ только выражать свои желанія, и это было единственное мое отличіе отъ неодушевленнаго предмета. Самостоятельно я не могъ ни остановить своего верблюда, такъ какъ онъ былъ привязанъ къ переднему, ни тѣмъ болѣе слѣзть съ него, такъ какъ для этого его надо было остановить и положить. Сквозь овальное отверстіе навѣса я вижу кусочекъ степи, переднюю ногу верблюда, его шею и отъ времени до времени вижу, какъ изъ за кузова корзинки выставляется мозолистая лапа задней. Сквозь дырочки, которыя я продѣлалъ по бокамъ крышки, слѣва мнѣ представляется видъ на степь, а справа столь же живописный видъ на верблюжьи горбы, одѣтые грязной кошмой. Сначала меня сильно донималъ запасный верблюдъ. Это было тощее животное, съ кожей, покрытой какими-то болѣзненными чесоточными наростами. Всю дорогу онъ думалъ только о томъ, какъ бы почесаться, а такъ какъ въ степи, кромѣ другихъ нашихъ верблюдовъ, ничего подходящаго для этой цѣли не было, то при малѣйшей остановкѣ, или даже на ходу, онъ чоровилъ подобраться къ моей корзинкѣ и всякій разъ начиналъ тереть объ ея край свою корявую спину. Корзинка трещала и, что хуже всего, подъ напоромъ горба поднималась вверхъ, а вьюкъ опускался внизъ; однимъ словомъ, грозило сальто-мортале, котораго я такъ боялся сначала. Шомполомъ отъ ружья я прогонялъ несносную животину, но какъ ни въ чемъ не бывало, верблюдъ переходилъ на другую сторону и начиналъ чесаться о вьюкъ. Еще того хуже! Тогда я опускался внизъ, а тюкъ собирался обрушиться на меня своей 4-хъ-пудовой тяжестью. Пришлось перевести этого любителя почесаться въ середину, а меня въ хвостъ каравана, но на остановкахъ продолжалась та же исторія, и вообще этотъ возмутительный верблюдъ причинилъ намъ много хлопотъ, а пользы отъ него не было ни на грошъ, такъ какъ всю дорогу онъ только и дѣлалъ, что чесался.

Первый день мы шли по дну высохшаго Айбугирскаго залива. Еше на не очень старыхъ картахъ онъ изображенъ настоящимъ заливомъ, вдающимся вглубь степи отъ южнаго конца Аральскаго моря въ видѣ запятой верстъ 120 въ длину. Теперь онъ высохъ совсѣмъ, такъ что тамъ, гдѣ еще недавно жили морскія ракушки и плавали рыбы, теперь растеть колючка и бѣгають фазаны. Вообще, какъ извѣстно, Аральское море сохнетъ, что называется, не по днямъ, а по часамъ. Если бы не Аму и Сыръ-Дарья, по его дну давно бы ходили верблюды.

Въ концѣ 2-го дня пути по крутой узкой тропинкѣ мы подня-

лись на ровное, какъ полъ, плато Усть-Уртъ, отдѣляющее Аралъ отъ Каспія, откуда передъ нами открылся видъ на море. Ну, ужъ и видъ! ну, ужъ и море! Это та же пустыня, какъ степи вокругъ его, только пустыня водная. Когда мы вошли на Усть-Уртъ, было тихо. Какъ зеленое стекло блестѣла гладкая поверхность Арала. На морѣ ни паруса, ни чайки и никакой другой птицы. Всюду пусто, мертво и тихо. Такая же мертвая однообразная пустыня подходитъ къ берегамъ Арала. На сколько хватаетъ глазъ, вдоль берега тянется крутой обрывъ Усть-Урта, сѣрый, мрачный и мертвый. Нигдѣ ни кустика, ни зеленой травы, ни ручья; не слышно ни щебетанія птицъ, не стрекочуть кузнечики. Словомъ, какъ на морѣ, такъ и на берегу, нѣтъ ничего. Тамъ одна вода, а здѣсь голая глина. Со времени сотворенія міра, суда Аральской военной флотиліи, вѣроятно, были первыми судами, которыя стали бороздить поверхность открытаго моря, а команда ихъ была первыми людьми, которыхъ видѣли антилопы и лисы, живущіе на необитаемомъ островѣ «Николаѣ». Какъ этотъ островъ, такъ и нѣкоторые другіе были открыты и названы нашими моряками, поэтому на картѣ Арала среди тюркскихъ именъ, въ родѣ Барса-Кельмесь, Кугъ-Аралъ и другихъ встрѣчаются и русскія: островъ Лазарева, заливъ Чернышева и проч. Съ тѣхъ поръ, какъ флотилію упразднили, а пароходы и баржи ея вытащили на берегъ въ Казалинскѣ, море снова опустѣло.

Въ 1876 г. фирма бр. Ванюшиныхъ съ цѣлью рыболовства снарядила-было на Аралъ два морскихъ судна, но дѣло скоро лопнуло, и суда были разобраны на дрова.

Немного позже пытался плавать по морю казалинскій мѣщанинъ Кривохижинъ, но его затѣя кончилась настоящей робинзонадой, только съ трагическимъ финаломъ. Эта исторія стоитъ того, чтобы ее рассказать.

Кривохижинъ построилъ морское судно по типу каспійскихъ *кусовыхъ*, съ тѣмъ, чтобы доставлять пшеницу и другія произведенія Хивинскаго оазиса съ низовьевъ Аму въ Казалинскъ. Въ одинъ несчастный день съ командой въ 5 человекъ онъ отправился въ Кунградъ за хлѣбомъ. Тотъ годъ оказался въ Хивѣ неурожайнымъ, пшеница была дорога, и Кривохижинъ, чтобы не возвращаться безъ всякаго товара, пошелъ на необитаемый островъ «Николай» за саксауломъ, который продается въ Казалинскѣ на дрова по 10 коп. за пудъ. Въ небольшой бухточкѣ острова кусовая сѣла на мель и притомъ такъ крѣпко, что всѣ усилія стащить ее оказались напрасными. На душегубкѣ, состоявшей при суднѣ въ качествѣ подчалка, всѣ участники плаванія перебрались

на берегъ, перевезли все, что было нужно и можно, построили шалашъ и стали жить. Вскорѣ вышла вся провизія. По русской безопасности Кривохижинъ не захватилъ съ собой ни ружья, ни удочекъ и никакихъ другихъ орудій, которыми можно было бы промыслить пищу, поэтому нашимъ робинзонамъ оставалось только поглядывать на антилопъ, изъ любопытства близко подходившихъ къ ихъ лагерю, и на рыбъ, плескавшихся около берега. Такъ какъ поверхность острова представляетъ клочокъ той же пустыни, какаѣ на необозримое протяженіе тянется по берегамъ моря, то не могло быть и рѣчи о примѣненіи изобрѣтательности по образцу Робинзона. Глина, песокъ и саксаулъ мало могли принести пользы въ данномъ случаѣ, хорошо еще что на «Николаѣ» нашлась прѣсная вода: могло ея и не быть. Къ счастью, въ командѣ Кривохижина было двое киргизъ; они-то и выручили экспедицію. Хорошо зная пустыню и ея растительность, они вспомнили объ одномъ степномъ растеніи чочимуддукъ *), у котораго на корняхъ находится по одному клубню, вполнѣ съѣдобному и напоминающему по вкусу картофель. Этими-то клубнями и стали питаться Кривохижинъ и его рабочіе, когда былъ съѣденъ послѣдній сухарь. Такое существованіе, конечно, не могло долго продолжаться; приходилось искать радикальное средство спасенія, потому что не было ни малѣйшей тѣни надежды на помощь со стороны. Флотилію въ то время уже упразднили, и на Аралѣ, кромѣ той самой кусовой, которая сослужила такую скверную службу, не было ни одного судна. Поэтому Кривохижинъ рѣшился на отчаянную попытку: онъ задумалъ плыть къ берегу моря ни больше, ни меньше, какъ на своей душегубкѣ. Лодченку покрыли сверху брезентомъ и, приколотивъ края его къ бортамъ, устроили нѣчто въ родѣ палубы. На носу противъ скамейки для гребца и на кормѣ въ брезентѣ прорѣзали по отверстію такой ширины, чтобы туда могъ пролѣзть человекъ. Затѣмъ, когда въ душегубку былъ положенъ запасъ чочимуддука, боченокъ воды и компасъ, стали усаживаться люди. Двое киргизъ залѣзли подъ брезентъ, русскій рабочій сѣлъ въ весла, а Кривохижинъ на руль, причемъ тотъ и другой привязали веревкой къ поясу края отверстія въ брезентѣ. Въ таксмъ видѣ мореплаватели тронулись въ опасный путь, придерживаясь курса на востокъ. Остальные двое рабочихъ, оба русскіе, не рискнули присоединиться къ своимъ товарищамъ и рѣшили остаться на островѣ. Впрочемъ, все равно кому-нибудь надо было обречь себя на это, такъ какъ въ лодкѣ было слишкомъ тѣсно. Семь дней носились пловцы по морю.

*) *Megacarpaea laciniata*.

Уже въ началѣ пути задулъ сильный вѣтеръ, волны перекачивались поверхъ лодки и, если бы не импровизированная палуба, первый такой валъ залилъ бы маленькую душегубку; руль все-таки былъ смытъ. Въ довершеніе несчастія не хватило чочимудука, онъ былъ стѣденъ до послѣдняго клубня, выпита и вся вода. Какъ разъ въ то время, когда смерть отъ жажды была уже не за горами, выпалъ легкій дождь, и путешественники принялись сосать намокшее платье и брезентъ. Наконецъ, на седьмыя сутки они пристали къ берегу гдѣ-то между Аму и Сыръ-Дарьей, но спасеніе было еще далеко. Пройдя широкую полосу густыхъ камышей, они вышли въ песчаную пустыню Кизыль-Кумы. Долго тащились они по сыпучему песку, Кривохижинъ первый выбился изъ силъ; изнуренный голодомъ и жаждой, онъ упалъ. Остальные пошли дальше и вскорѣ замѣтили вдали голову барана, торчавшую изъ за верхушки холма. Тамъ оказалась одинокая семья киргизъ, пріютившаяся у колодца. Наскоро утоливъ голодъ и жажду, рабочіе Кривохижина захватили верблюда и отправились отыскивать своего хозяина. Къ ихъ радости онъ былъ еще живъ. Ему дали немного воды, молока, затѣмъ доставили въ киргизскую юрту, гдѣ онъ скоро поправился. Отсюда при содѣйствіи киргизъ, или, вѣрнѣе, ихъ верблюдовъ, уже не трудно было добраться до Казалинска. Чудомъ избавившійся отъ смерти Кривохижинъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ употребить всѣ усилія, чтобы спасти двухъ своихъ рабочихъ, остававшихся на островѣ.

Немедленно по прибытіи въ Казалинскъ, онъ телеграфировалъ въ Петербургъ обществу спасенія на водахъ; но что могло сдѣлать общество въ этомъ случаѣ? Оно, конечно, отвѣтило, что совершенно безсильно помочь горю. Кривохижинъ, однако, не потерялся. Такъ поспѣшно, какъ только было возможно, онъ сталъ строить новую кусовую. Въ концѣ осени онъ окончилъ постройку, забралъ въ избытокъ провизіи и съ большой командой поплылъ на выручку. Еще когда судно шло Сыръ-Дарьей, по рѣкѣ плавали льдины. Кое-какъ все-таки Кривохижинъ выбрался въ открытое море, но скоро кусовую затерло льдомъ уже недалеко отъ «Николая», именно у острова Барса-Кельмесъ, гдѣ и пришлось зазимовать. Ранней весной, какъ только позволили льды, мореплаватели пошли дальше и на другой день бросили якорь у острова «Николая», но уже было поздно. Здѣсь на берегу бухты они увидѣли такую картину: все такъ же накренившись на бокъ стояла на мели кусовая, на землѣ, близъ моря лежалъ высохшій трупъ одного изъ несчастныхъ; недалеко отъ него на небольшомъ возвышеніи стоялъ саксауловый крестъ; подъ нимъ, очевидно, былъ похороненъ второй рабочій.

*

Около трупа лежала палка, на которой зарубками отмѣчались прожитые дни. Шестъ мѣсяцевъ насчиталъ Кривохижинъ на этой палкѣ; послѣдняя зарубка была сдѣлана за 40 дней до прибытія запоздавашаго спасенія. Кривохижинъ похоронилъ несчастнаго подлѣ его товарища, затѣмъ снялъ съ мели кусовую и съ двумя судами вернулся въ Казалинскъ. Съ тѣхъ поръ у него пропала всякая охота плавать по Аралу.

Въ устьѣ Сыръ-Дарьи я видѣлъ его злосчастную кусовую: она уже была вытащена на берегъ. Ея ободравный видъ, уныло отвисшія ваныты производятъ удручающее впечатлѣніе. Впрочемъ, такому впечатлѣнію, вѣроятно, больше всего способствуетъ сознание, что это та самая кусовая, которая предала довѣрившихся ей людей.

Такова эта печальная исторія. Трагическій исходъ ея, конечно, не больше, какъ несчастная случайность, которая, надо думать, не остановитъ другихъ предпринимателей. Съ увеличеніемъ русскаго населенія въ Туркестанѣ и Закаспійской области Аральское море еще можетъ ждать болѣе свѣтлой будущности. Не смотря на свой пустынный видъ, оно очень богато рыбой. Правда, изъ осетровыхъ здѣсь водится только одинъ шипъ, нѣчто среднее между осетромъ и стерлядью, но частичковая рыба живетъ въ Аралѣ, какъ въ садкѣ. Сазанъ, усачъ, лещъ, судакъ, шемая и другія наши обыкновенныя породы водятся здѣсь въ несмѣтномъ числѣ. Въ настоящее время промыселъ сосредоточивается въ устьяхъ Аму и Сыръ-Дарьи, откуда рыба вывозится, главнымъ образомъ, въ Оренбургъ. При первобытныхъ путяхъ сообщенія, на верблюдахъ доставка ея обходится слишкомъ дорого; поэтому, расходы на такой путь могутъ окупать только наиболѣе цѣнные продукты, именно, шипъ, его икра, клей и вязига, а также шемая. Всѣ остальные рыбы ловятся почти исключительно для мѣстнаго потребленія въ количествѣ очень незначительномъ. Можно ожидать, что въ недалекомъ будущемъ это нетронутое рыбное богатство найдетъ прекрасный сбытъ среди увеличивающагося съ каждымъ годомъ населенія южнаго Туркестана и Закаспійской области. Пароходное сообщеніе по Аму и Сыръ-Дарьѣ съ торговыми цѣлями, составляющее только вопросъ времени, обезпечитъ такое направленіе продуктовъ рыболовства. Берегомъ Арала мы шли не болѣе часу. Забравъ воды изъ колодца въ уступѣ обрыва Усть-Урта, мы направились вглубь степи. Потянулись дни за днями однообразной дороги; завтра какъ сегодня, послѣ-завтра, какъ завтра, все та же ровная, какъ полъ, глинистая степь, широкая, какъ море, и, какъ ладонь, голая. Ни малѣйшій бугорокъ, ни одинъ кустикъ не разнообразятъ этого унылаго пейзажа. Степь впереди, степь сзади

и, куда не взглянете, до самаго горизонта все степь и степь, покрытая синимъ куполомъ безоблачнаго неба. Изрѣдка изъ-подъ ногъ верблюда выпорхнеть грязно-желтый, какъ глина, крошечный жаворонокъ, Богъ знаетъ, зачѣмъ поселившійся здѣсь. Одинъ разъ вдали, какъ тѣни промелькнули три антилопы и какъ бы растаявъ, скоро исчезли, въ пустынѣ. Гдѣ-то по серединѣ дороги мы встрѣтили стаю грифовъ, сидящихъ около растерзаннаго трупавшаго верблюда. Вотъ и всѣ животные обитатели этой страны глины, которыхъ мы видѣли въ теченіе девяти дней пути. Здѣсь только становится понятнымъ, что значить «корабли пустыни». Дѣйствительно, надо только удивляться, какъ могутъ верблюды, при всей ихъ неприхотливости, поддерживать свое существованіе въ здѣшней степи. Правда, присмотрѣвшись къ ея поверхности, не трудно убѣдиться, что она не такъ ужъ гола, какъ кажется съ перваго взгляда—на ней все-таки есть растительность, но зато, какова же эта и растительность! Кое гдѣ торчатъ былинки выжженной солнцемъ полыни, высотой около трехъ вершковъ, а во всякомъ случаѣ не болѣе четверти аршина. Онѣ такого же грязнаго цвѣта, какъ и сама глина, поэтому онѣ и не замѣтны при поверхностномъ взглядѣ. Къ тому же, нельзя сказать, чтобы былинки эти слишкомъ жались другъ къ другу; мѣстами одна отъ другой растетъ не ближе, какъ на аршинъ, а въ промежуткахъ чистѣйшая глина. Вотъ этимъ-то призракомъ травы и питается верблюдъ. Сколько надо ему отдѣльныхъ травинокъ, сколько щипковъ онъ долженъ сдѣлать, полагая на каждую по щипку, и сколько верстъ ему нужно обойти по степи, чтобы набить свой трехъ-этажный желудокъ! Между тѣмъ и на этомъ подобіи корма, безъ воды въ теченіе 4, даже 6 сутокъ, верблюдъ идетъ, да еще какъ идетъ! Мы выступали, обыкновенно, вскорѣ послѣ полуночи. Ужъ разсвѣтатъ станетъ, я уже высплюсь въ своей корзинкѣ, а верблюды идутъ, я опять засну и снова проснусь, уже солнце начинаетъ печь, а верблюды все идутъ. Незадолго до полудня мы останавливались часа на два варить, а затѣмъ снова шли до самаго вечера. 14 часовъ въ сутки изо дня въ день двѣ недѣли шагали наши верблюды, да и на остановкахъ, хотя и безъ выюка, они все-таки бродили по степи, отыскивая эти призраки пищи. Едва ли они отдыхали болѣе двухъ-трехъ часовъ въ сутки. Такъ работали наши «корабли пустыни». Что же дѣлали мы сами? А вотъ что.

Ахметка, въ качествѣ специалиста по пустыннымъ дѣламъ, былъ въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ движенія. Онъ назначалъ мѣсто остановокъ, время выступленія и проч., такъ какъ онъ одинъ зналъ положеніе колодцевъ, зналъ дорогу, или, вѣрнѣе, чуть-

емъ угадывалъ, куда надо идти: мѣстами не было никакого подобія тропинки. Чѣмъ руководствовался въ этихъ случаяхъ Ахметка, Богъ его знаетъ. Ночью, должно быть, звѣздами, или вѣтромъ, съ вечера до утра дуящимъ здѣсь въ одномъ направленіи, а днемъ, вѣроятно, солнце показывало ему дорогу, а можетъ быть, жаворонки, или полынь, или вонъ тотъ уголокъ отставшей отъ земли глиняной плитки, какъ знать?

Киргизы, какъ истыя дѣти пустыни, знаютъ ее, какъ собственную нагайку. Тамъ, гдѣ для посторонняго природа пустыни молчитъ, киргизъ ясно слышитъ ея голосъ. Могъ ли я послѣ этого вмѣшиваться въ распредѣленіи времени въ дорогѣ? Положимъ, я хочу ѣхать, а Ахметка заявляетъ, что въ этомъ мѣстѣ надо идти только въ то время, когда солнце будетъ на три нагайки отъ земли, или когда *Джитты-карабчи* *) (Большая Медвѣдица) своимъ хвостомъ подойдутъ къ землѣ на высоту трехъ верблюдовъ. На вопросъ—почему? онъ можетъ отвѣтить, что въ такомъ только случаѣ на ночевку придемъ какъ разъ къ колодцу, или на остановкѣ кормъ будетъ лучше. Глядишь, такъ оно и выходитъ! Словомъ, Ахметкѣ и книга въ руки.

Обыкновенно еще за долго до разсвѣта, иногда ровно въ полночь онъ подходилъ къ моей корзинкѣ и со словами «тамыръ **), айда!», дергалъ меня за ногу. Это означало, что «тамыръ» долженъ былъ вставать и идти выучить верблюдовъ. «Тамыръ» вдвоемъ съ Ахметкой поднималъ на горбъ сидящаго верблюда 4-пудовый тюкъ, затѣмъ подставлялъ подъ него свою спину, а Ахметка переходилъ на другую сторону верблюда связывать съ выкомъ корзинку. Покряхтѣвъ столько, сколько этого надо было для связыванія, «тамыръ» получалъ, наконецъ, отпущеніе грѣховъ, затѣмъ залѣзалъ въ свое висячее логово, Ахметка на свое; верблюды, колыхнувшись три раза, вставали и караванъ выступалъ въ путь... Скрючившись въ три погибели, укачиваемый въ своей люлкѣ, я, обыкновенно, засыпалъ. Сквозь сонъ я думалъ объ Ахметкѣ, каково-то ему бѣдному сидѣть верхомъ на горбѣ, когда такъ хочется спать? Однако, проснувшись какъ-то на разсвѣтѣ, я совершенно успокоился на этотъ счетъ, увидѣвъ, что и Ахметка не даетъ маху. Со свѣсившимися внизъ головой, руками и ногами, какъ огромный паукъ, обнявъ ими кошемную площадку на горбахъ, лежа спиной кверху, онъ спалъ, и спалъ такъ крѣпко, что

*) Джитты-карабчи въ переводѣ значить семь воровъ. Эти семь воровъ, по представленію киргизъ, бѣгаютъ вокругъ желѣзнаго кола (Темиръ-кызы) или полярной звѣзды.

**) Слово тамыръ значить нѣчто въ родѣ парень, или господинъ.

не слыхалъ, какъ запасный верблюдъ рысцою поравнялся съ нимъ и, сгорая желаніемъ почесаться, пнулъ бокомъ его сидѣнье. Тогда и я свернулся зигзагомъ и тоже заснулъ, только одни верблюды продолжали бодрствовать и шли себѣ, да шли, по пробитой тропинкѣ.

Во время остановокъ приходилъ мой чередъ обнаруживать свои таланты. Изъ всѣхъ нашихъ общихъ дѣлъ единственное, не выходящее изъ предѣловъ моей компетенціи занятіе, было кулинарное дѣло, но зато во всемъ его объемѣ, начиная съ добыванія топлива. Пока Ахметка возился съ верблюдами, удовлетворяя ихъ справедливыя требованія, я забиралъ шерстяной мѣшокъ, взятый первоначально для дынь, и отправлялся собирать верблюжій кизекъ. Дѣло это было простое, въ особенности, если мы стояли у колодца, гдѣ каждый караванъ оставляетъ по себѣ слѣды. Гораздо труднѣе набрать здѣсь сухихъ полыннхъ былинокъ для растопки, а еще труднѣе разжечь кизекъ. Такъ какъ погоды были по большей части тихія, то для того чтобы развести костеръ, въ него приходилось дуть, и я дулъ, дулъ до тѣхъ поръ, пока глаза не начинали обнаруживать несомнѣннаго желанія выскочить на лобъ. Тогда приходилъ Ахметка и тоже дулъ и до тѣхъ же самыхъ поръ. При такомъ усердіи кизекъ, конечно, разгорался, и я начиналъ варить нѣчто въ родѣ каши изъ риса и сухого мясного фарша. Когда это блюдо моего собственнаго изобрѣтенія бывало готово, мы постилали вмѣсто ковра все тотъ же шерстяной мѣшокъ и начинали ѣсть; ѣли мы съ одинаковой готовностью уничтожить свою порцію до тла. Затѣмъ принимались за чай. Вотъ по этому пункту наши взгляды съ Ахметкой расходились. Я, какъ это и слѣдуетъ, относился къ чаю, какъ къ напитку, поэтому пилъ его съ клюквеннымъ экстрактомъ; выходило освѣжительно, да и соленый вкусъ колодезной воды скрадывался. Ахметка же видѣлъ въ чаѣ нѣчто въ родѣ похлебки, поэтому норовилъ, чѣмъ только возможно, сдабривать его. Для этой цѣли онъ везъ съ собою небольшой кожаный турсучекъ съ жидкимъ бараньимъ саломъ. Въ чай же онъ клалъ сухари, и если была подъ руками соль, то и соль. Получалась настоящая похлебка, но я думаю, что она была не лучше спартанской. Признаться, было довольно - таки тошно смотрѣть, какъ Ахметка, причмокивая, пилъ это пойло, поэтому мнѣ очень хотѣлось научить своего полудикаго спутника пить чай, какъ чай, и я предложилъ вмѣсто сала прибавлять клюквеннаго экстракта. Сначала Ахметка подозрительно относился къ этой красной тягучей жидкости, но когда я объяснилъ, что это, дескать, «бульдрюгунъ» (ягода), онъ рѣшился сдѣлать опытъ.

«Якши?» (хорошо?)—спрашиваю я.—«Якши»,—отвѣчаетъ Ахметка и вслѣдъ за этимъ въ тотъ же чай налиываетъ съ полстакана сала.

«Якши?» любопытствую я опять.—«Чокъ якши» (очень хорошо), говоритъ Ахметка, прибавляя туда же сахару.

Должно быть, это было дѣйствительно «чокъ якши», потому что съ тѣхъ поръ мой ученикъ неизмѣнно придерживался этого новаго способа приготовленія чая и скоро перевелъ весь экстрактъ.

Можетъ быть, кого интересуетъ нашъ туалетъ въ дорогѣ, такъ сообщить объ этомъ тѣмъ легче, что у Ахметки не полагалось его совсѣмъ, да и я очень успѣшно приблизился къ такому киргизскому идеалу. Только у колодцевъ, стало быть, дня черезъ два-три, я мылъ руки, и это было всё, чѣмъ отличался я въ отношеніи туалета отъ своего спутника. Въ промежуткахъ между колодцами такую роскошь нельзя позволить изъ экономіи въ водѣ, а беречь воду намъ приходилось въ особенности, потому что ахметкинъ турсукъ еще въ началѣ пути прорвался. Хотя дыру завязали веревкой, но онъ снова прорвался въ другомъ мѣстѣ, и мы остались при одной моей банкѣ. Лично я былъ даже доволенъ этимъ заключеніемъ съ турсукомъ, потому что, судите сами, какая вода должна быть, если она пробудетъ дня два-три на солнцѣ въ мѣшкѣ, сдѣланномъ изъ цѣльной бараньей шкуры. Не было бы большой бѣды, если бы вода только нагрѣвалась, но она приобрѣтала запахъ сырой подгнившей кожи; мелкіе охлопки кожи плавали въ ней въ такомъ изобиліи, что она теряла всякіе признаки прозрачности. Если къ этому прибавить, что она сама по себѣ имѣла солоноватый вкусъ, то будетъ достаточно, чтобы составить представленіе о томъ поилѣ, которое находилось въ ахметкинѣ турсукѣ. Никакіе экстракты въ мірѣ не въ состояніи были бы сдѣлать такую воду годной для питья. Впрочемъ, Ахметка пилъ и говорилъ: «якши». На Усть-Уртѣ въ теченіе 9 дней пути только одинъ разъ мы встрѣтили «хакъ». Это была лужа съ площадью не больше обѣденнаго стола, и съ глубиной въ 1½ вершка, такъ что воду приходилось чрезвычайно осторожно снимать сверху, какъ сливки, при помощи блюдечка; безъ такой предосторожности со дна поднималась глинистая муть. Хотя поверхность лужи отливала зеленой плесени, но, къ моему удивленію, вода сравнительно съ колодезной оказалась превосходной; во всякомъ случаѣ, она имѣла совершенно прѣсный вкусъ, а легкому букету плесени можно было и не придавать особаго значенія.

И такъ, стало быть, насъ нельзя было упрекнуть въ томъ, что мы черезчуръ занимались своей внѣшностью. Это еще виднѣе бу-

дети, если прибавить, что, согласно примѣру Ахметки, я спалъ не раздѣваясь, и всѣ 14 дней до самаго Каракамыша ни разу не умывалъ лица. Словомъ, мы жили совершенно по киргизски. Какъ можно спускаться до степени номада, хотя бы и въ пустынѣ!— можетъ замѣтить по этому поводу досужій моралистъ. Не лучше ли было бы—прибавить онъ—своими европейскими привычками, по крайней мѣрѣ хоть чистоплотностью, подавать примѣръ киргизу? Виданое ли дѣло, не умываться въ теченіе двухъ недѣль! Все это, можетъ быть, и такъ, но только посмотрѣлъ бы я на этого моралиста въ то время, когда, проживъ среди лѣта нѣсколько дней подъ открытымъ небомъ въ степи, онъ вздумалъ бы умыть свою выхоленную фізіономію. Воображаю, какой подниметь онъ крикъ на всю пустыню, когда лицо его начнетъ горѣть, какъ въ огнѣ, а кожа станетъ лупиться, какъ у ящерицы. А это всегда бываетъ, если въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились мы съ Ахметкой, обращать вниманіе на чистоту своей фізіономіи, да еще прибѣгать къ помощи мыла. Вотъ зубами мы могли бы щегольнуть съ успѣхомъ, Что всего удивительнѣе, такъ это то, что въ степи и у меня они приобрѣли извѣстную киргизскую особенность, именно, сдѣлались бѣлы, какъ слоновою костью, хотя я не чистилъ ихъ ни разу. Между тѣмъ въ Петербургѣ, не смотря на ежедневную чистку, у меня были... ну, самые обыкновенные зубы, не бѣлѣе тѣхъ, какіе только могутъ быть у столичнаго жителя. Не знаю, извѣстно ли дантистамъ это чудотворное вліяніе степной жизни на зубы, а если извѣстно, то какъ они объясняютъ его?

Такъ протекала наша кочевая жизнь. Какъ уже сказано было, часовъ 14 въ сутки мы шли. Собственно шли-то верблюды, а мы, сидя на нихъ, глазѣли по сторонамъ, подмѣчая каждую былинку полыни, если она повыше другихъ вершка на два, или просто на просто спали. Впрочемъ, надо правду сказать, что спалъ больше я; Ахметкѣ же, хотя онъ и выросъ на верблюжьихъ горбахъ, все таки не слишкомъ удобно было лежать со свѣсившейся внизъ головой, поэтому на мѣстахъ ночевки при первой возможности онъ постилалъ на землю свой халатъ тамъ, гдѣ стоялъ передъ этимъ, ложился и мгновенно засыпалъ, а я отправлялся бродить по степи. Удивительныя ночи бываютъ въ здѣшной пустынѣ! Звѣздныя, теплыя и тихія, тихія! Какъ теперь, помню одну такую ночь, когда меня особенно поразила тишина. Можно описать какой угодно шумъ, крикъ, звонъ, но какъ описать тишину, въ особенности ту абсолютную тишину, какая бываетъ здѣсь ночью. Ни малѣйшаго звука!— вотъ и все. Въ другихъ мѣстахъ, какъ бы тихо ни было, всегда можно открыть хоть какой-нибудь звукъ. Если тихо въ комнатѣ,

вы все-таки слышите или гулъ доносящійся съ улицы, или чирканье сверчка за печкой; если этого нѣтъ, такъ тараканъ шуршитъ по обоямъ, или, наконецъ, гудитъ горящая лампа, или щелкаетъ пламя свѣчки. Ночная тишина лѣса, сада, пашни никогда не бываетъ полной; непремѣнно дрогнетъ листъ, или крикнетъ сонная птица, прожужжитъ летящій жукъ, пискнетъ комаръ, а не то, такъ раздастся одинъ изъ тѣхъ неясныхъ, таинственныхъ ночныхъ звуковъ, происхожденіе которыхъ извѣстно одному Богу. Словомъ, вездѣ и всегда слышно хоть что-нибудь, а здѣсь ничего, такъ-таки ровно ни малѣйшаго звука. Да и откуда взяться ему въ тихую ночь среди спящей пустыни, когда воздухъ совершенно неподвиженъ! Тихо такъ, что, когда я зажегъ спичку и поднялъ ее надъ головой, пламя стояло безъ движенія, какъ въ комнатѣ. Это не та минутная удушливая тишина, какая бываетъ у насъ передъ грозой. Здѣсь дышится легко, воздухъ чистъ и спокоенъ. Вы чувствуете, что такъ будетъ всю ночь, такъ можетъ быть и завтра ночью, и послѣ завтра, и цѣлыя недѣли, пока не разыграются стихіи, а стихіи играютъ здѣсь больше зимой. Я бродилъ по степи и, глядя на серпъ молодой луны, думалъ, что должно быть только тамъ, на лунѣ, гдѣ нѣтъ ни атмосферы, ни жизни, бываетъ такъ же тихо, какъ здѣсь ночью. Я бродилъ и прислушивался, не зашуршитъ ли гдѣ, бѣгая по глинѣ, хотя бы фаланга, но и ея не было.

Вонъ бѣлѣетъ крышка моей корзинки, а рядомъ, навѣрно, спитъ Ахметка, но и тотъ не храпитъ, и даже не сопить, иначе было бы слышно за нѣсколько верстъ. Нагнувшись, я вижу на небѣ черный силуэтъ нашего верблюда, беззвучно, какъ привидѣніе, шагающаго по степи; а вонъ, опустивъ голову внизъ, стоитъ и другой. Чтобы нарушить мертвую тишину ночи, я крикнулъ, но и самъ испугался собственной дерзости. Звукъ замеръ мгновенно безъ малѣйшаго эхо. Ахметка отозвался на крикъ... и опять стало тихо! Я еще ничего не сказалъ о нашихъ встрѣчахъ съ людьми во время дороги. Ихъ было немного. Гдѣ-то на серединѣ пути мы повстрѣчали длинный караванъ, направлявшійся въ Хиву изъ Оренбурга съ грузомъ чугунныхъ котловъ, тагановъ и какихъ-то ящичковъ. Караванъ сопровождали четверо киргизъ, загорѣлыхъ, какъ мы съ Ахметкой, оборванныхъ, какъ нищіе на картинкахъ, и, какъ шакалы, голодныхъ: послѣднее было видно по ихъ лицамъ. Каждый по очереди, по мѣрѣ того, какъ равнялся съ нами, неизмѣнно задавалъ вопросъ: «шундә су баръ-ма?» (есть ли тамъ вода). Они спрашивали о хакѣ, который мы прошли наканунѣ и не нашли въ немъ ни капли воды. Такъ какъ приблизилось время

дневной остановки, я предложилъ киргизамъ сдѣлать привалъ, съ цѣлью напоить ихъ чаемъ. Они выпили два чайника, съѣли изрядное количество сухарей и, какъ потомъ оказалось, когда уже ихъ и слѣдъ простылъ, ухитрились прорѣзать мѣшокъ и утащить у насъ все сушеное мясо кусками. Мы остались при одномъ фаршѣ, который, къ счастью, лежалъ отдѣльно.

Другой разъ уже въ концѣ дороги утромъ, когда Ахметка, обнявъ верблюжьи горбы, по обыкновенію спалъ на ходу, спалъ и я въ своей люлькѣ, насъ разбудилъ окрикъ нѣсколькихъ голо-совъ. Проснувшись, мы увидѣли вокругъ себя цѣлую орду киргизъ на верблюдахъ. Тутъ были и старики, и молодые, и нѣсколько женщинъ. Мужчины обступили Ахметку и принялись допрашивать его, какъ и что. Судя по тому, что при этомъ они ежеминутно заглядывали въ мою корзинку, допросъ касался меня. Какъ всѣ азіатскіе кочевые народы, киргизы любопытны, какъ бабы, и въ десять разъ больше ихъ любятъ посплетничать. Сплетни составляютъ у нихъ привиллегію мужчинъ и часто единственное ихъ занятіе. Киргизъ не задумается осѣдлатъ лошадь и скакать верстъ 30—40 къ пріятелю, единственно затѣмъ, чтобы сообщить ему, что у какого-нибудь другого пріятеля околѣлъ верблюдъ, или лошадь принесла жеребенка. Всякая изъ ряда выходящая новость, напримѣръ, появленіе въ степи русскаго чиновника, или случай крупной баранты *), разносится по степи съ быстротой телеграфа. Ахметка съ важнымъ видомъ вполголоса отвѣчалъ на вопросы своихъ соплеменниковъ. Должно быть, онъ вралъ преисправно, если судить по тому, что киргизы въ отвѣтъ на его слова съ прицелкиваніемъ качали головами, ахали и все съ бѣльшимъ любопытствомъ заглядывали въ мою корзинку. Одного изъ нихъ, видимо, не удовлетворяли свѣдѣнія, полученные отъ Ахметки, и онъ рѣшилъ обратиться прямо ко мнѣ.

«Ахчâ баръ?» (деньги есть) спросилъ онъ, подогнавъ своего верблюда къ моей корзиночкѣ. Такое начало знакомства, повидимому, не предвѣщало ничего добраго. Можно было бы подумать, что эта орда дикихъ кочевниковъ, пользуясь безлюдіемъ пустыни, собирается, ни больше, ни меньше, какъ ограбить меня. На самомъ же дѣлѣ, задавая свой вопросъ, киргизъ не имѣлъ никакихъ злонамѣренныхъ цѣлей: его просто разбирало самое невинное любопытство на счетъ моихъ денегъ; а сколько, дескать, можетъ ихъ быть у него. Впрочемъ, все это я сообразилъ уже впоследствии, а сначала и мнѣ показалась подозрительной такая любозна-

*) Угонъ скота.

тельность, и сторяча я рѣшился дать ей отпоръ. «Баръ» (есть)—отвѣчалъ я—«копъ ахчâ» (много денегъ). Затѣмъ, когда всѣ киргизы, обратившись въ мою сторону, наострили уши, я спросилъ: «ахчâ кирѣкъ ма?» (не надо ли денегъ).—«Кирѣкъ» (надо), отозвался кто-то.—«На!» сказалъ я и показалъ при этомъ сложенную изъ пальцевъ фигуру, какую обыкновенно показываютъ въ подобныхъ случаяхъ. Вся орда покатила со смѣху, смѣялись и дамы, и даже мальчишка, сидѣвшій на верблюдѣ среди домашняго скарба, оскалилъ свои бѣлые зубы.

Пока шли эти разговоры, нашъ запасный верблюдъ сообразилъ, что не слѣдуетъ упускать такого прекраснаго случая почесаться, и потому, подойдя втихомолку къ своему новому знакомому, на которомъ сидѣли двѣ киргизки, началъ терѣть свою корявую спину объ ихъ кошениное сидѣнье. Сидѣнье сползло на бокъ, бабы начали падать и, цѣпляясь за кошму, завизжали на всю степь, а мужчины принялись хохотать. Когда, наконецъ, Ахметка отвелъ неспособную животину въ сторону, чтобы чѣмъ-нибудь вознаградить перепуганныхъ дамъ, я подарилъ имъ двѣ перламутровыя пуговицы отъ блузы и столько же пустыхъ револьверныхъ патроновъ, и мы разошлись друзьями. Навѣрно все это киргизки подвѣсятъ себѣ на кончикъ косы.

Почти восемь сутокъ отъ самаго Аральскаго моря шли мы ровной, какъ полъ, глинистой степью. Казалось бы, что, пройдя такую обширную равнину, путешественникъ долженъ будетъ подниматься въ гору, между тѣмъ на девятый день мы подошли къ крутому спуску: то былъ сѣверный край плато Усть-Урта, по которому мы шли до сихъ поръ. Впереди, какъ въ туманѣ, виднѣлись неясныя очертанія Мугоджарскихъ горъ, а внизу разстилалась другая степь, но уже много болѣе оживленная. Здѣсь и полынь была гуще, мѣстами попадалась даже зеленая трава и низкій кустарникъ. Степныя пиголицы, стаи черныхъ жаворонковъ, мелкіе сокола—все это свидѣтельствовало, что здѣсь кончается среднеазиатская пустыня и начинается черноземная степь предгорій Урала. По мѣрѣ нашего движенія къ сѣверу, ночи становились замѣтно свѣжѣе, въ особенности мнѣ холодно было на ходу въ корзинкѣ. Вотъ тутъ-то мой шерстяной мѣшокъ сослужилъ мнѣ третью и послѣднюю службу. По ночамъ я залѣзалъ въ него, а края подвязывалъ къ тѣлу подъ мышками. Выходило совершенно по эскимосски, но только въ хивинскомъ мѣшкѣ. Не помню, въ какой по счету день перешли мы Эмбу. Во всякомъ случаѣ, это было совершенно незамѣтное событіе: верблюды просто перешагнули черезъ нее, не замочивъ лапъ. Наконецъ, на 14-й день среди ровной степи показались крыши

Темирскаго укрѣпленія. «Начальникъ кибить» — проговорилъ Ахметка, указывая нагайкой по направленію самой высокой красной крыши; такъ величалъ онъ двухъ-этажный домъ уѣзднаго начальника. Впрочемъ, киргизы и любой дворецъ назовутъ кибиткой, развѣ только прибавятъ «улькунъ» (большая). Въ Каракамышѣ я распрощался со своимъ спутникомъ, подарилъ ему корзинку и всю лишнюю мелочь, но мѣшокъ, мой великолѣпный мѣшокъ, взялъ себѣ на память, хотя Ахметка и поглядывалъ на него очень краснорѣчиво. Отсюда уже на почтовыхъ чрезъ Илецкую Соляную Защиту я доѣхалъ до Оренбурга.

Проф. А. М. Никольскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЙНѢ.

Разсказъ баронессы Сутнеръ *).

Послѣ длинныхъ и оживленныхъ споровъ, въ гостиной наступило молчаніе. Затѣмъ одинъ изъ нашихъ гостей поднялся, какъ бы подавая примѣръ другимъ.

Г-нъ X. сталъ тоже прощаться, но мы съ мужемъ задержали его.

Когда всѣ разошлись, я сказала г. X.:

— Разскажите же намъ ваши воспоминанія, — вы обѣщали.

— Пожалуй, — сказалъ онъ. — Въ первый разъ въ жизни буду разсказывать объ этомъ — вы можете воспользоваться при случаѣ.

— Можно будетъ назвать васъ?

— Это доставитъ мнѣ столько непріятностей, что, надѣюсь, вы сами не захотите.

— Если такъ, то будьте увѣрены, — я не назову васъ. Разсказывайте.

Онъ молча откинулся въ кресло, закрылъ глаза и вздрогнулъ, какъ бы отъ холода, затѣмъ выпрямился и началъ:

„Это было послѣ битвы подъ Орлеаномъ... Дрались нѣсколько часовъ, чтобы узнать, наконецъ, чья возьметъ. Насъ отрядили аванпостомъ въ небольшой деревнѣ, названіе которой не скажу, — за Орлеаномъ.

Мы отправились туда верхами, измученные, мокрые — дождь лилъ впродолженіи 48 часовъ — и голодные. Если эти три ощущенія совпадаютъ и повторяются недѣлями и мѣсяцами, то, повѣрьте, они могутъ охладить самый пылкій воен-

---

*) Баронесса Сутнеръ, главная представительница австрійской лиги друзей мира, занимаетъ выдающееся мѣсто среди самыхъ извѣстныхъ современныхъ нѣмецкихъ романистовъ. Ея романъ «Waffen nieder» (Долой оружіе!) переведенъ на всѣ европейскіе языки.

ный энтузіазмъ; мысль: „Зачѣмъ? Зачѣмъ же?“ неотвязно будетъ преслѣдовать васъ.

Мы должны были подвигаться впередъ съ большою осторожностью, такъ какъ во всей странѣ чувствовалось враждебное настроеніе. Мы знали, что регулярная армія отступила, но нужно было остерегаться отрядовъ вольныхъ стрѣлковъ. Ахъ, проклятые убійцы! На нихъ сосредоточивалась вся наша ярость и все негодованіе, которое внушаетъ сама по себѣ идея убійства, — негодованіе, котораго почему-то не чувствуешь противъ регулярныхъ полковъ.

Въ эту минуту воспоминаніе о франкскихъ отрядахъ, сформированныхъ нашими отцами въ 1812 и 1813 г., при отступленіи французовъ изъ Россіи, исчезло изъ нашей памяти.

Оглядываясь во всѣ стороны, ѣдемъ рысью. Нѣсколько разъ изъ-за кустовъ раздавались ружейные выстрѣлы, и пули достигали нашей шеренги, но мы не могли видѣть противника. Двое или трое изъ насъ были убиты и остались на дорогѣ—это не считается.

Наконецъ, къ вечеру, мы достигаемъ цѣли. Еще поворотъ дороги—и передъ нами раскинулась деревня, окутанная сумерками.

Я и теперь вижу ее: въ срединѣ зеленой равнины вижу дома, окруженные фруктовыми садами, небольшую церковь съ круглою колокольней. Колоколь звонилъ къ вечернѣ. Многие изъ нашихъ солдатъ перекрестились. Сколько изъ нихъ вспомнило о своей родной деревнѣ!..

Нашъ авангардъ съ барабаннымъ боемъ проѣхалъ по улицамъ, вызывая мэра и священника. Когда мы вступили, эти два представителя деревни стояли уже на большой площади, передъ церковью.

Мы приступили къ обычнымъ вопросамъ:

Ушелъ ли непріятель изъ деревни?

Какіе изъ отрядовъ прошли?

По какому направленію отправились они?

Зачѣмъ вопросъ совѣсти: выставила ли деревня вольныхъ стрѣлковъ, существуетъ ли еще такой отрядъ?

Наконецъ—торжественное объявленіе смертной казни за укрывательство.

Все сдѣлано. Часовые разставлены за деревней; солдаты, измученные до смерти, размѣщены по квартирамъ. Двое изъ моихъ товарищей и я помѣстились въ домъ священника. Спустя часъ, мы вчетверомъ, такъ какъ и священникъ присоединился къ намъ, сидѣли вокругъ стола за виномъ и сигарами.

Мы отдали должную честь обѣду; блюда унесли; мы курили и болтали.

Нашъ старикъ-хозяинъ—ему было слишкомъ 70 лѣтъ—такъ мирно и дружелюбно бесѣдовалъ съ нами, что слово „враги“ какъ будто и не существовало. Въ юности своей онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Гейдельбергѣ и теперь разспрашивалъ, что представляетъ этотъ городъ въ настоящее время.

Я могъ поразсказать о Гейдельбергѣ, такъ какъ жилъ тамъ. Когда я называлъ случайно улицу, известную пивную, цѣль обычныхъ прогулокъ, все, что помнилъ еще старикъ, его глаза оживлялись.

А глаза у него были голубые, ясные, волосы серебристые, тонъ, какимъ онъ говорилъ „дитя мое“, „дорогое дитя“, вмѣсто обычнаго мосье, задушевный и дѣтски-наивный—какъ далеки отъ него были злоба и вражда!

Цѣлую жизнь съ смиреніемъ и покорностью совершалъ онъ свои священническія обязанности. Въ насъ онъ видѣлъ лишь бравыхъ солдатъ, которые тоже исполняли долгъ: все это было очень просто.

Онъ разсказывалъ намъ о своихъ небольшихъ горестяхъ, радостяхъ, слабостяхъ: о своемъ гербаріи, о коллекціи минераловъ, объ ученикахъ, въ которыхъ онъ видѣлъ свою семью, о своихъ любимыхъ книгахъ, въ которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе искать всегда утѣшенія и развлечения; у него были латинскіе и греческіе классики, были Корнель, Расинъ, подражаніе Іисусу Христу. Святая душа, довольная малымъ!

Онъ согрѣлъ мое сердце, и я отъ души полюбилъ этого старика.

Даже то, что онъ принадлежалъ къ враждебной націи, дѣлало его еще болѣе дорогимъ въ моихъ глазахъ—такъ пріятно было освободиться, наконецъ, отъ обязанности ненавидѣть челоуѣка потому лишь, что онъ былъ другой національности. То же чувство и онъ раздѣлялъ—это было очевидно. Дружелюбными взглядами, дружескимъ оттѣнкомъ голоса мы понимали то, что не произносили вслухъ: французъ или нѣтъ, ты достойный уваженія старикъ; пруссаки или нѣтъ, вы славные ребята!

Когда долго томятся жаждой—пріятенъ глотокъ воды; послѣ утомленія—радуются отдыху; также послѣ продолжительныхъ сраженій и припадковъ бѣшенства простая учтивость и привѣтливость кажутся чѣмъ-то особеннымъ.

Не смотря на усталость, мы просидѣли долго вмѣстѣ. Только въ 11 часовъ мы распрощались: покойной ночи, дѣти! покойной ночи, батюшка, спасибо, батюшка!

Старикъ проводилъ насъ въ нашу комнату, свой рабочій кабинетъ: тамъ, въ шкафахъ, помѣщалась небольшая библіотека и его любимыя коллекціи; диванъ, обитый кожей и замѣняющій кровать, нѣсколько кресель, большой письменный столъ, на которомъ стояли портретъ старика и распятіе; въ амбразурѣ окна большая клѣтка.

— Это мой отецъ, — пояснилъ священникъ, освѣщая портретъ свѣчкой. — Онъ также служилъ въ арміи, при Наполеонѣ. Тогда положеніе дѣлъ было иное: мы были побѣдителями въ непріятельской странѣ. Все мѣняется. Все зависитъ отъ воли Божіей, — прибавилъ онъ. — А вотъ мои желтыя дѣтки! — Онъ указалъ, улыбаясь, на клѣтку. — Моя утѣха! Каждое утро прилетаютъ онѣ завтракать къ столу и елюють съ моихъ губъ крошки хлѣба. Вы увидите завтра. Но сегодня спокойной ночи, вы вѣдь утомлены, страшно утомлены. Бѣдныя дѣти!

Онъ пожалъ намъ руки, сперва моимъ товарищамъ, потомъ мнѣ, а я — я не могъ устоять — къ тому же не было ничего унижительнаго — старикъ 70 лѣтъ, я совсѣмъ еще молодой человѣкъ... словомъ, я наклонился къ его рукѣ, желая ее поцѣловать.

Онъ высвободилъ ее, и положилъ ее на мою голову, повторяя: „покойной ночи, мое дитя“.

Разсказчикъ рѣзкимъ движеніемъ откинулъ волосы.

„Ахъ, это благословеніе! Оно долго жгло мою голову“.

Послѣ короткаго молчанія, онъ опять продолжалъ:

„Мы легли спать... Лейтенантъ Ф. на диванѣ, я на креслѣ, которое, при помощи двухъ сдвинутыхъ стульевъ, было обращено въ кровать. Нашъ третій товарищъ, лейтенантъ де-Р., былъ дежурнымъ; запасшись нѣсколькими любимыми сигарами и бутылкою бордо, онъ отправился въ верхнюю комнату дома, откуда видна была деревня и наши часовые, которыхъ ночью онъ долженъ былъ повѣрить.“

Въ снѣгахъ водворили нашихъ вѣстовыхъ и сторожевой постъ. Я проспалъ нѣсколько часовъ, какъ вдругъ меня разбудилъ выстрѣлъ. Сначала я подумалъ, что мнѣ приснилось. За послѣдніе дни я слышалъ ихъ такъ часто, что они мнѣ стали чудиться при каждомъ шумѣ. Но тотчасъ же раздался второй выстрѣлъ, потомъ третій — товарищъ окликнулъ меня. Мы, полусонные, поспѣшно одѣвались.

Стрѣльба, между тѣмъ, все продолжалась, въ окно видно было красное зарево пожара.

Въ 10 минутъ—была половина второго—мы всё собрались на дворѣ. На деревнѣ стрѣляли въ нашихъ людей, и два дома, отсюда стрѣляли, горѣли.

Пятерыхъ солдатъ и лейтенанта Р. не хватало.

Мы рѣшили, что лейтенантъ дѣлалъ смотръ караульнымъ. Я вздумалъ войти въ его комнату, чтобы взглянуть на деревню изъ его оконъ. На лѣстницѣ я спотыкнулся о какое-то тѣло. Послышался жалобный стонъ. Я чиркнулъ спичку. Это былъ вѣстовой лейтенанта. Онъ плавалъ въ крови, оглушенный ударомъ топора по головѣ и съ сабельной раной въ груди.

Въ комнатѣ мы нашли лейтенанта Р. мертвымъ—ротъ былъ заткнутъ его же собственнымъ платкомъ, голова израна ударами сабли.

Четверо нашихъ солдатъ были убиты въ деревнѣ.

Въ 5 часовъ утра допросъ былъ оконченъ.

Присутствовали священникъ, мэръ и нѣсколько другихъ жителей.

Дѣло было таѣ:

Племянникъ священника, лѣсничій, съ нѣсколькими другими молодыми людьми, отправились съ шайкой вольныхъ стрѣлковъ по окрестностямъ.

Вернувшись ночью, они напали на нашихъ солдатъ.

Но вотъ самое ужасное:

Подошелъ пастухъ и заявилъ, что вечеромъ онъ видѣлъ священника, отворявшаго ворота своему племяннику.

Меня охватилъ ужасъ, какъ будто обвиненіе было направлено на меня самого.

— Вѣрно ли это, мосье кюре, правда ли это?—вскричалъ я.

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на меня своими прекрасными голубыми глазами.

— Да,—отвѣтилъ онъ печально.— Но для того лишь, чтобы укрыть въ хлѣбѣ бѣднягу, сына моей сестры. Я ничего не зналъ о его замыслахъ, повѣрьте мнѣ—клянусь.

Я повѣрилъ ему, но развѣ это могло помочь?

Что послѣдуетъ за этимъ признаніемъ—я зналъ напередъ.

О случившемся было доложено командиру.

Въ 9 часовъ я получилъ приказъ: „деревню въ наказаніе сжечь; священника, виновнаго въ укрывательствѣ, повѣсить на порогѣ собственнаго дома“.

Снова нервная дрожь охватила рассказчика, когда онъ произнесъ слово „повѣсить“.

„Повѣсить? повѣсить? Старога священника? Неужели это исполнили?“ Удрученнымъ голосомъ спросила я.

— Я немедленно послалъ къ командиру просить о смягченіи приговора—о помилованіи.

Вскорѣ получился отвѣтъ: помилованія не будетъ.

Увѣряю васъ, мое отчаяніе, мое отвращеніе ко всему на свѣтѣ были такъ велики, что я думалъ пустить себѣ пулю въ лобъ, чтобы только не исполнить приговора. Мысль о родныхъ меня остановила. А послѣ!.. Ахъ, какія ужасныя воспоминанія,—вскричалъ вдругъ молодой человекъ. А послѣ что было... Къ счастью, много мелочей уже исчезли изъ моей памяти, но зато многое запечатлѣлось съ ясностью и отчетливостью фотографическаго снимка.

Война, обязанности, высшая цѣль... Такими избитыми мыслями стараются затушевать для себя и для другихъ весь ужасъ войны, а о подробностяхъ войны молчать, забываютъ самое отвратительное, самое ужасное.

Разлагающіяся тѣла покрываютъ землю, отвратительные факты—молчаніемъ... Позвольте окончить здѣсь мой рассказъ“.

— Нѣтъ, я хочу знать конецъ. Исполнили приговоръ?

— Конечно, исполнили. На войнѣ нельзя имѣть нѣжное сердце. Я самъ отдалъ приказаніе. Я прочелъ смертный приговоръ старику, не сказавъ, какого рода будетъ смерть.

— Я ждалъ ея,—сказалъ онъ спокойно и кротко. — Я готовъ.

Но когда я отдавалъ приказаніе поджигать деревню, онъ закричалъ. Сжечь, сжечь все, что онъ любилъ на этомъ свѣтѣ. Уничтожить весь приходъ, школу, больницу, гдѣ лежало нѣсколько больныхъ, его церковь, его бѣдныя коллекціи; можетъ быть, вспомнилъ онъ также и о своихъ дорогихъ любимцахъ въ влѣтѣ. Я не знаю, о чемъ думалъ онъ, но его раздирающій крикъ былъ ужасенъ.

Самое ужасное то, что было дальше.

Какъ сейчасъ вижу, какъ старикъ упалъ на колѣни при словѣ „веревка“, вижу его съ протянутыми руками, умоляющаго, чтобы его разстрѣляли. Не вѣшайте только! Ради Бога, пулю, пулю! Но онъ не долженъ былъ умереть смертью честныхъ людей. Я теперь еще вижу, какъ, по моему приказанію, накинули ему веревку на шею, какъ потащили къ дверямъ, какъ... нѣтъ,—въ ту минуту я отвернулся.

*

Потомъ я увидѣлъ его висѣшимъ: — его черную рясу, длинную и узкую, какъ привидѣніе, его наклоненную бѣлую голову.

Я вижу всю деревню, объятую пламенемъ, вижу, какъ при стонахъ жителей, при страшномъ мычаніи, несемся изъ хлѣбовъ, наши солдаты убивали всѣхъ, кто пытался тушить огонь или противиться поджогу.

Я вижу насъ, покидающихъ деревню, наканунѣ еще такую цвѣтущую — позади море огня, а завтра груды обломковъ и пеплу.

А надъ всѣмъ этимъ добрые голубые глаза старика, его взглядъ, молящій, пораженный ужасомъ.

О, эти глаза, эти глаза... забыть ихъ трудно!

Все другое, что мерещится, еще можно забыть, но забудешь ли предсмертный взглядъ человѣческаго существа, убитого тобою!

Пер. М. Д—вой.

Очеркъ жизни крестьянъ Тарскаго округа, Тобольской губ.

(Окончаніе *).

Запаски крестьянскія въ Тарскомъ округѣ не велики, но это зависитъ не столько отъ качествъ земли, сколько отъ ограниченнаго сбыта хлѣба. Увеличивается, благодаря какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ, сбытъ и поднимается цѣна на хлѣбъ, увеличиваются и запаски, а потомъ, съ уменьшеніемъ сбыта и пониженіемъ цѣнъ, опять сокращаются. Растительность въ Тарскомъ округѣ довольно богата и разнообразна, богаче Вятской, Олонецкой и другихъ сѣверовосточныхъ губерній, и условія хозяйственныя, вообще, довольно сносны, сносны, разумѣется, опять только относительно, съ точки зрѣнія сѣверной полосы. Съ перваго взгляда они могутъ показаться хуже, чѣмъ въ дѣйствительности: земля, не смотря на лѣтніе жары, доходящіе до 40° R, никогда очень глубоко не оттаиваетъ, на полторааршинной глубинѣ всегда можно встрѣтить мерзлый слой и ледъ, но это, оказывается, нисколько не мѣшаетъ вырѣванію пшеницы и вообще удовлетворительной растительности и урожайности. Земля качества неодинаковаго: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, около лѣса, земли пахутся иногда лѣтъ по 15, а по берегу Иртыша и еще больше (съ отдыхомъ, конечно), зато въ другихъ мѣстахъ, дубровныхъ, дѣлается иногда только два посѣва, и затѣмъ земля оставляется лѣтъ на 20. Въ отношеніи плодородія, Тарскій округъ не уступитъ Ишимскому, Ялуторовскому и даже, пожалуй, Курганскому, не говоря уже объ округахъ сѣверныхъ, какъ Березовскій и Сургутскій. Курганскій округъ отличается лучшими климатическими условіями и растительностью: тамъ встрѣчается вишня въ дикомъ состояніи, и были примѣры, что поле, засѣянное гречихой, по снятіи хлѣба, только перепахивалось, и падалица всходила впродолженіи 15—20 лѣтъ. Въ этомъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

отношеніи довольно любопытенъ и Тарскій округъ: не смотря на мерзлый слой внизу, въ огородахъ сами обѣваются и восходятъ весною лукъ, салатъ, редиска и другіе овощи, сохраняются даже не вынутые корни, напр., картофель, морковь, петрушка. Объясняется это тѣмъ, что зима обыкновенно наступаетъ сразу и сразу выпадаетъ на талую землю снѣгъ. Зимой, даже около Рождества, вы часто можете услышать, что нельзя вывезти изъ лѣса собранныхъ орѣховъ или наготовленныхъ дровъ и досокъ, потому что болота, рѣчки и овраги подъ снѣгомъ не замерзли. Арбузы и дыни на открытомъ воздухѣ не вызрѣваютъ, но огурцы, цвѣтная и брюссельская капуста, кабачки, помидоры и большая часть другихъ, менѣе прихотливыхъ, огородныхъ растений растутъ отлично. Вызрѣваетъ и табакъ. Ссылные поляки дѣлали въ Тарѣ опытъ посѣва даже турецкаго табака, и опытъ удавался, хотя и не каждый годъ. Самый опасный врагъ посѣвовъ, это—случающіеся иногда лѣтомъ внезапные заморозки, *иней*, какъ говорятъ сибиряки. Бываютъ они не каждый годъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бываютъ чаще, въ другихъ рѣже. То же случается и въ Курганкомъ округѣ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ даже случай, что лѣтомъ, въ іунѣ, замерзла женщина въ лѣсу.

Пахата въ Тарскомъ округѣ, вслѣдствіе того, что земля не глубоко оттаяваетъ, употребляется мелкая. Многіе новоселы, привыкшіе во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ къ глубокой пахотѣ, не разъ платились за это неурожаиями, пока не убѣждались, что мелкая пахата тутъ лучше. Хлѣба въ Тарскомъ округѣ могло бы производиться гораздо больше, если бы былъ лучший и болѣе вѣрный сбытъ; но тарскій товарный рынокъ, какъ и большинство глухихъ, отдаленныхъ рынковъ, отличается тою особенностью, что всѣ привозные товары на немъ очень дороги, а всѣ мѣстные продукты крестьянскаго хозяйства и производства крайне дешевы. Дальность разстояній и отсутствіе желѣзныхъ дорогъ ставятъ крестьянина въ полную зависимость отъ мѣстнаго потребленія и скупщиковъ. Дальше мѣстнаго рынка и ближайшихъ сосѣднихъ онъ выбратся не можетъ. Весь хлѣбъ округа, главнымъ образомъ, тяготеетъ къ г. Тарѣ и находящемуся въ немъ винокуренному заводу, но очевидно, что одинъ винокуренный заводъ и городъ съ 8 тыс. жителей не въ состояніи потребить производства болѣе чѣмъ стотысячнаго земледѣльческаго населенія. Сосѣдніе же рынки—ближайшіе уѣзды Томской губ., Омскъ и Семипалатинская область, Тюкалинскій и другіе округа Тобольской губ.—предъявляютъ спросъ довольно ограниченный и далеко непостоянный,—только въ неурожайные годы. Поэтому цѣны на хлѣбъ и прочіе деревенскіе

продукты падаютъ иногда баснословно низко: пшеница спускается до 40 коп. за пудъ, рожь до 25 и 16 коп., овесъ до 10 и 7 коп., сѣно до 30 к. за возъ, рыба до 60—40 коп. за пудъ, говядина и баранина до 1 р. и даже до 80 к. за пудъ и т. д. Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, сѣять хлѣбъ, тратить на него столько труда и времени, когда за цѣлыхъ 100 пуд. овса, напр., выручаешь только какихъ-нибудь 7 руб. За такимъ пониженіемъ цѣнъ слѣдуетъ обыкновенно сокращеніе посѣва, и хлѣбъ нѣсколько поднимается въ цѣнѣ. Поднимается онъ также и во время неурожая въ сосѣднихъ округахъ и областяхъ. Мы не говоримъ о такихъ исключительныхъ годахъ, какъ 1891 и 1892, когда хлѣбъ очень поднимался, а говоримъ о неурожаяхъ мѣстныхъ. Въ 1888 году, напр., была засуха въ Семипалатинской области, и хлѣбъ шелъ въ Омскъ (преимущественно овесъ). Тогда цѣны сильно оживились: овесъ дошелъ до 30 коп. и даже выше за пудъ, ржаная мука до 70 к. и пшеничная до 90 к. за пудъ. Въ такіе годы на тарскомъ рынкѣ появляется даже привозный хлѣбъ (изъ сосѣднихъ мѣстъ, напр., мука изъ Каинскаго округа Томской губ.). Само собою разумѣется, что такое положеніе вещей продолжается не долго: слѣдующій же урожай въ мѣстахъ прошлогдняго неурожая сокращаетъ спросъ, а увеличенная запашка увеличиваетъ предложеніе, и цѣны опять падаютъ. Подобные толчки не могутъ не отзываться вредно на сельскомъ хозяйствѣ: они дѣлаютъ его непостояннымъ, неустойчивымъ и подверженнымъ случайностямъ.

Смотря на дешевизну крестьянскихъ товаровъ, можно, пожалуй, подумать, что у крестьянина всего достаточно для собственнаго потребленія, и хлѣба, и мяса, и рыбы. Такъ нѣкоторые и думаютъ, но, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности этого нѣтъ: большинство крестьянъ ѣстъ мясо только по праздникамъ, а нѣкоторые только нѣсколько разъ въ году; хлѣбъ тоже преимущественно ржаной, а не пшеничный; наконецъ, какъ образчикъ недостаточности, можно до сихъ поръ еще встрѣтить по деревнямъ, рядомъ съ керосиновой лампочкою, и самодѣльную сальную свѣчу и даже лучину. Крестьянину нужны деньги, какъ для уплаты податей, такъ и на другія нужды, и онъ все продаетъ: везетъ на базаръ гусей и отдаетъ и по 40—35 коп. за пару, куръ по 15—20 коп. за пару; если у него случается дичь, то онъ ее предпочитаетъ отвезти въ городъ и получить за пару куропатокъ 6—10 коп., за пару тетеревовъ 20 коп., за пару рябчиковъ 15—10 и даже 7 коп. Семь копеекъ все-таки деньги, которыхъ у него нѣтъ и которыхъ достать трудно. Главное, на что нужны деньги, это, конечно, уплата податей и повинностей. Онъ знаетъ, что за неплатежъ сажаютъ въ кутузку,

продаютъ имущество, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже сѣкутъ и пугаютъ командой, какъ это было, напр., въ Минусинскомъ округѣ. Положимъ, что въ Тарскомъ округѣ дѣло до этого еще не доходило, но кутузка и тамъ небезизвѣстна. Нужно также и лекарства купить, и священнику заплатитъ за требы, да и безъ нѣкоторыхъ привозныхъ товаровъ тоже не обойдешься. Сибирякъ, напр., пьетъ чай и привыкъ къ нему. Чай грѣетъ его зимой и очень часто замѣняетъ ему обѣдъ. Хоть пьетъ онъ самый дешевый чай (кирпичный), но все-таки за него надо заплатитъ. Затѣмъ, онъ покупаетъ ситецъ, сапожный товаръ, упряжь, косы, серпы, гвозди и т. д. На всемъ этомъ, наоборотъ, приходится очень много переплачивать. Торговцы держатъ на привозные товары произвольно высокія цѣны, но этого мало: получивъ извѣстіе или прочитавъ въ газетахъ слухъ, что предполагается повысить пошлину на какой-нибудь товаръ, они сейчасъ же спѣшатъ наложить на него нѣкоторый %: сахаръ вдругъ поднимается на 1 р. и болѣе въ пудѣ, керосинъ, вмѣсто 4 коп., начинаетъ продаваться по 8 за фунтъ, и т. п. Пусть повышение пошлинъ или акциза еще не состоялось, и даже совсѣмъ не состоится, они все-таки собираютъ свою жатву. Мѣстныхъ производствъ мало, да и тѣ, какія есть, подлежатъ той же системѣ: крупные производители, могущіе вывозитъ свои произведенія на болѣе выгодные рынки, въ большинствѣ случаевъ (какъ напр., винокуренные заводчики) являются монополистами и что хотятъ, то и берутъ съ населенія. Многими привозными товарами, безъ которыхъ можно обойтись, сибиряки—крестьяне и мѣщане—не пользуются; такъ напр., чай они обыкновенно пьютъ безъ сахара. Большинство если и имѣетъ сахаръ, то только для гостей и для приличія.

Случайности и неустойчивость земледѣлія крестьянинъ стремится уравновѣситъ скотоводствомъ, разведеніемъ преимущественно лошадей и рогатаго скота. Нѣкоторые крестьяне держатъ по многу лошадей и коровъ, не для удобренія, такъ какъ земля не удобряется, а для дохода: коровъ для масла и лошадей для работы и продажи. Но крестьянское масло, какъ и другія произведенія, отличается дешевизной: 6—7 р. пудъ. Масло скупается и отправляется въ Ирбитъ и Нижній и даже прямо въ Москву и Петербургъ. Нѣкоторые торговцы составили на этомъ крупныя состоянія, но крестьянину отъ этого пользы мало. Лошади также обыкновенно дешевы: средняя рабочая и ѣзжаная лошадь стоитъ рублей 10—12, даже 8 и дешевле. Въ 20—25 р. лошадь уже очень хорошая. Ясное дѣло, что вырастить лошадь до 3—4 лѣтъ, прокормить ее три зимы и потомъ продать за такую цѣну не осо-

бенно выгодно. Средняя корова также стоитъ 10—15 руб. Кромѣ того, лошади и особенно часто коровы подвергаются падежамъ отъ сибирской язвы.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, другихъ подспорныхъ занятій и источниковъ для заработка мало. Наиболе выгоднымъ и доступнымъ для населенія источникомъ является сборъ кедровыхъ орѣховъ, но урожай орѣховъ бываетъ не каждый годъ, а черезъ три года, и цѣны тогда на орѣхи падаютъ до 1 р. 20 к., до 1 р. и даже до 80 коп. за пудъ. Затѣмъ, нѣкоторые крестьяне занимаются смолокуреніемъ, драньемъ лыкъ, разработкою лѣса на доски и рубкою и доставкой въ городъ дровъ; но для всего этого теперь приходится брать билеты у лѣсничихъ и платить установленный лѣсной сборъ, хотя бы разработка производилась въ своемъ лѣсу. Съ одной стороны, при этомъ имѣется въ виду охраненіе крестьянскихъ лѣсовъ отъ истребленія, тѣмъ болѣе, что часть этихъ лѣсовъ (свыше предположенной нормы надѣла) должна подлежать отрѣзкѣ въ казну, а на другую часть, по всей вѣроятности, будутъ составляться еще владѣнные записи, какъ это дѣлалось въ другихъ губерніяхъ, такъ что лѣсное вѣдомство, съ этой точки зрѣнія, можетъ считать ихъ еще не окончательно отведенными крестьянамъ, хотя это и довольно странно, разъ волостныя земли, а слѣдовательно и лѣса, отрѣзались отъ казенныхъ дачъ и находятся въ крестьянскомъ владѣніи. Лѣсное вѣдомство, по послѣднимъ узаконеніямъ, имѣетъ, впрочемъ, право и безъ этого заботиться объ охраненіи крестьянскихъ и частновладѣльческихъ лѣсовъ. Поэтому крестьянамъ своими лѣсами предоставляется пользоваться только для собственныхъ нуждъ, а для выработки лѣсныхъ матеріаловъ для продажи желаютъ ихъ направить въ казенныя дачи, причемъ имѣется въ виду увеличеніе доходности казенныхъ лѣсовъ, которая во многихъ случаяхъ была настолько мала, что не окупала расходовъ на охраненіе и администрацію. Крестьянинъ либо не дѣлаетъ различія между своимъ лѣсомъ и казеннымъ и смотритъ на нихъ одинаково, какъ на божье достояніе, либо, разъ это различіе дѣлается, склоненъ и безъ того щадить свой лѣсъ больше казеннаго. Свой лѣсъ онъ охраняетъ и бережетъ; есть даже примѣры разведенія небольшихъ рощицъ въ поляхъ (такъ-называемыя *садки* въ Ишимскомъ округѣ), и всегда предпочитаетъ отправляться для лѣсной разработки въ казенныя дачи. Такъ какъ Тарскій округъ лѣсной, то лѣсные матеріалы тамъ очень дешевы. Объ этомъ можно судить по тому, что сажень сосновыхъ дровъ стоитъ въ Тарѣ 1 р. 20 к. и даже 1 р., сажень березовыхъ 1 р. 25 к.—1 р. 40 к., девятиаршинныя сосновыя,

еловыя и кедровыя дюймовыя доски 8—12 к. штука, мочало, идущее на рогожи, 2 р. съ сотни деревъ, т.-е. по двѣ копейки съ ободраннаго дерева, и т. п. Словомъ, если взять во вниманіе эти цѣны и уплаченный лѣсной сборъ, то будетъ ясно видно, что за трудъ останется очень немного.

Изъ промысловъ можно указать еще на рыболовство въ Иртышѣ, но рыболовство это производится, главнымъ образомъ, не крестьянами, а частными предпринимателями, которые только снимаютъ у крестьянъ за небольшую плату *нески*, т.-е. мѣста лова. Ловится рыба артелями *), но и артели состоятъ преимущественно не изъ мѣстныхъ крестьянъ, а изъ мѣщанъ, городской голыдьбы и ссыльныхъ. Крестьяне тоже ловятъ рыбу, но больше отдѣльно и въ то время, когда нѣтъ полевыхъ работъ. Звѣроловныхъ артелей нѣтъ и вообще звѣроловство не развито, хотя нѣкоторые и занимаются имъ, какъ дома въ одиночку, такъ и отправляясь по два, по три человѣка, каждый на свой счетъ, въ урманъ. Изъ кустарныхъ промысловъ можно указать на рогожный, бочарный, колесный, гончарный, веревочный и пимовальный; но всѣ эти промыслы не имѣютъ большого развитія, имѣютъ въ виду только самыхъ ближайшихъ потребителей, занимаютъ ограниченное число рукъ и сосредоточены, за исключеніемъ колеснаго, главнымъ образомъ въ городѣ. Что касается стороннихъ заработковъ, то ни частныхъ большихъ хозяйствъ, ни пріисковъ, ни горныхъ заводовъ въ округѣ нѣтъ. Крупная заводская промышленность также мало развита: можно встрѣтить стеклянный заводъ, мыловаренный, винокуренный и нѣсколько небольшихъ кожевенныхъ. Всѣ они занимаютъ очень мало рукъ. Больше другихъ даетъ заработка винокуренный заводъ, но не круглый годъ, а только въ періодъ винокуренія. Чтобы судить о размѣрѣ заработной платы, достаточно привести, что въ самую горячую рабочую пору, во время покоса и уборки хлѣба, подневная плата не поднимается

---

*) Артели эти, какъ и большинство сѣверныхъ промысловыхъ артел образуются на началахъ покрута. Во главѣ стоитъ предприниматель, который самъ или черезъ будущаго артельного старосту (установщика) набираетъ артельщиковъ, выдавая имъ, въ счетъ предстоящаго улова, задатки. Стоимость невода, двухъ лодокъ и прочихъ принадлежностей составляетъ рублей 150. Артельщиковъ обыкновенно 7 человѣкъ, въ томъ числѣ установщикъ, на обязанности котораго лежитъ починка невода, продажа рыбы, учетъ артельщиковъ, покупка имъ провизіи, и т. д. Паевъ 14. Дѣлятся они такъ: половина принадлежитъ хозяину (предпринимателю), половина артели. Изъ этого числа 1 пай даетъ установщику хозяинъ и 1 артель, такъ что у него образуются два пая, у хозяина остается 6 паевъ и у артельщиковъ по одному.

выше 30—35 коп. на хозяйскихъ харчахъ, а зимою падаетъ до 15 и даже 10 коп. въ день. Годового работника можно имѣть за 30—40 р. въ годъ, а помѣсячно, обыкновенно, платится 3—4 р. въ мѣсяцъ; работницы получаютъ 1—2 р. въ мѣсяцъ. Въ зимнее время за заработкомъ крестьяне тяготеютъ, главнымъ образомъ, къ городу, но находятъ работу лишь весьма немногіе. Особенной напряженности нужда въ деньгахъ достигаетъ ко времени платежа податей и повинностей. Тутъ крестьянинъ часто бьется изъ-за денегъ положительно, какъ рыба объ ледъ и продаетъ за безцѣнокъ не только наличный хлѣбъ и скотъ, но и будущій свой трудъ: сѣно, которое еще не скошено, и дрова, которые еще не вырублены въ лѣсу. Въ извѣстные періоды самое обыкновенное явленіе въ Тарѣ, что крестьяне по 2, по 3 человѣка ходятъ изъ двора во дворъ и просятъ впередъ денегъ подъ сѣно и подъ дрова. Нѣкоторые запасаются для этого даже свидѣтельствами отъ волостныхъ правленій, удостовѣряющими, что они заслуживаютъ довѣрія и могутъ исполнить принимаемое на себя обязательство. Но, независимо отъ этихъ свидѣтельствъ, на совершаемыя сдѣлки заключаются все-таки особыя условія. Беря деньги просто въ заемъ, крестьянинъ охотно платитъ 5 и даже 10% въ мѣсяцъ, потому что при продажѣ будущаго труда можно еще больше потерять, но дѣло въ томъ, что денегъ займы негдѣ достать: ни ссудосберегательныхъ товариществъ, ни сельскихъ банковъ въ Тарскомъ округѣ нѣтъ. Остаются одни только ростовщики, которые даютъ крестьянамъ деньги очень неохотно и всегда требуютъ въ залогъ какой-нибудь негромоздкой, цѣнной движимости. Отхожіе промыслы для заработковъ въ другіе города и въ Восточную Сибирь на пріиски до сихъ поръ были не особенно значительны; но за послѣдніе годы стали увеличиваться и, вѣроятно, будутъ возрастать.

Особенная нужда въ деньгахъ, какъ мы сказали, испытывается во время сбора податей и повинностей. Платежи крестьянъ въ Сибири очень велики: не смотря на отсутствіе выкупныхъ платежей, они не рѣдко достигаютъ такой цифры, что даже не вѣрится. Мы помнимъ, какъ были удивлены, прочитавъ въ одной изъ сибирскихъ газетъ расчетъ, что въ Ачинскомъ округѣ приходится всѣхъ платежей на работника (бойца), безъ различія, бѣдный онъ или богатый, 46 р. 40 к.; но, познакомившись ближе съ положеніемъ и жизнью сибирскихъ крестьянъ, мы увидѣли, что подобные платежи возможны и встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Въ Тарскомъ округѣ, положимъ, они не достигаютъ въ среднемъ такой цифры, но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ приближаются къ ней,

а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже превышаютъ ее. Достаточно посмотреть на одно обиліе платежныхъ рубрикъ, на одинъ перечень многочисленныхъ и разнообразныхъ платежныхъ статей, чтобы понять, что крестьянинъ платитъ не мало. Платежи распадаются прежде всего на три разряда: 1) на окладные сборы, 2) общія волостныя повинности, обязательныя и необязательныя, и 3) частныя мірскія повинности, также обязательныя и необязательныя. Окладные сборы состоятъ: изъ подушной подати вмѣстѣ со сборомъ въ хозяйственный капиталъ, оброчной подати, губернскихъ повинностей, частныхъ волостныхъ повинностей и сбора въ межевой капиталъ. Обязательныя волостныя повинности взыскиваются: на содержаніе волостного старшины, волостного писаря, волостного правленія, квартиры земскаго засѣдателя, земско-обывательской гоньбы, дорогъ и мостовъ, лежащихъ на волости, на содержаніе земской квартиры, если она содержится отдѣльно, на содержаніе сторожей, разсылныхъ и караульныхъ при правленіи, на содержаніе сотскихъ земскому засѣдателю, на содержаніе хлѣбозапасныхъ магазиновъ, на расходы по принятію мѣръ противъ пожаровъ, на содержаніе полѣсовщиковъ, дорожныхъ старость, фельдшера, акушерки, ветеринарнаго фельдшера, стражниковъ и арестантскихъ камеръ и на расходы по оспопрививанію. А необязательныя волостныя повинности состоятъ изъ сборовъ: на содержаніе сельской гоньбы, сельскихъ дорогъ и мостовъ, сельскихъ десятскихъ, разсылныхъ, сотскихъ, нарядчиковъ, караульныхъ и церковныхъ сторожей. Въ мірскихъ обязательныхъ повинностяхъ находимъ сборы: на отопленіе церквей, на содержаніе церковной гоньбы, церковнаго старосты и попечителя, сторожей при сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ и содержаніе пикетовъ, на издержки на похороны найденныхъ мертвыхъ тѣлъ, на содержаніе ледниковъ, на призрѣніе (на основаніи 6 п. 179 ст.) круглыхъ сиротъ и т. д., на издержки на удаляемыхъ по общественнымъ приговорамъ, на содержаніе карауловъ при околицахъ, ночныхъ междудворныхъ карауловъ, пожарныхъ старость, квартиры для церковнаго причта, просвирни, на наемъ ярмарочнаго караула, на расходы по леченію больныхъ членовъ общества въ больницахъ, на содержаніе сельскаго старосты и квартиры для пріѣзжающихъ чиновниковъ. А необязательныя мірскія повинности состоятъ изъ сборовъ: на содержаніе сельскаго писаря, на поправку церквей и постройку новыхъ, на наемъ пастуховъ, содержаніе часовень, сельскаго правленія, училищъ, если они есть, и учителей, если общество платитъ добавочное жалованье, кромѣ казеннаго.

Конечно, не всѣ эти сборы производятся въ дѣйствительности,

потому что нѣкоторые расходы отсутствуютъ, но если представить себѣ, что только по нѣскольку копеекъ взывается на каждую расходную статью, то и тогда получится значительная цифра. Что касается раскладки платежей, то здѣсь не трудно убѣдиться въ отсутствіи правильныхъ нормъ обложенія. Въ одномъ случаѣ принимаются за основаніе ревизскія души, въ другомъ число работниковъ, въ третьемъ количество обрабатываемой земли. Земля, впрочемъ, меньше всего служитъ основой обложенія, хотя и встрѣчаются случаи, что люди, захватившіе земли больше другихъ, облагаются за это лишними платежами. Въ дѣленіи плательщиковъ по возрастамъ: на дѣльныхъ работниковъ (съ 17 до 55 лѣтъ) и стариковъ и малолѣтнихъ, можно усматривать признаки трудовой, тягольной системы, но система эта вовсе не является руководящею и безпрестанно нарушается. Возьмемъ первую попавшуюся волость и первые попавшіеся примѣры: въ дер. Мысовой, Бергамакской волости, семья Егора Коншенева, имѣющая 6 взрослыхъ работниковъ (и 8 ревизск. душъ), запахивающая 20 дес. и имѣющая 20 лошадей, 10 коровъ и 40 мелк. скота, платитъ 5 р. 48¹/₂ к. податей и 5 р. 20 к. мірскихъ сборовъ; а семья Козьмы Коншенева, имѣющая 1 взрослого работника (и 7 ревизск. душъ), 10 дес. посѣва, 10 лошадей, 1 корову и 15 гол. мелкаго скота, — 33 р. 27¹/₂ к. податей и 5 р. 20 к. мірскихъ сборовъ. Разница между этими двумя семьями въ пользу очевидной неравномерности обложенія только въ одномъ: въ первой семьѣ 8 душъ стариковъ и малолѣтнихъ, а въ послѣдней ни одной. Конечно, это оскопительная причина, но въ другихъ случаяхъ она далеко не выступаетъ съ такимъ рѣшающимъ значеніемъ. Въ дер. Термоклинской, той же волости, семья Гавр. Копярова, имѣющая 1 взрослого работника (и 4 рев. души), 4 дес. пашни, 4 лошадей, 4 коровъ и 8 гол. мелкаго скота, не смотря на 4 души стариковъ и малолѣтнихъ, платитъ 26 руб. 98 коп. однѣхъ податей безъ мірскихъ сборовъ. Отъ мірскихъ сборовъ она освобождена, но и это не всегда бываетъ. Напр., въ дер. Чиняниной, той же волости, семья Егора Яковлева, имѣющая 1 взрослого работника, 5 рев. душъ и 4 души стариковъ и малолѣтнихъ, платитъ 26 р. 22¹/₂ к. податей и 10 р. 62 к. мірскихъ сборовъ. Запашки у нея нѣтъ, а скота 1 корова и 1 лошадь. Семья Осипа Есаулова, состоящая также изъ 1 только взрослого работника, 4 рев. душъ и 9 душъ стариковъ и малолѣтнихъ, платитъ также 26 р. 22¹/₂ коп. податей и 15 р. 93 к. мірскихъ сборовъ. Пашни у этой семьи также нѣтъ, а изъ скота имѣется только 7 лошадей, коровъ же и мелкаго скота нѣтъ. Очевидно, эти крестьяне чѣмъ-нибудь существуютъ, помимо земледѣ-

лія и скотоводства, но чѣмъ и что именно облагается—остается неизвѣстнымъ. Мірскіе сборы всегда указываютъ на состоятельность облагаемыхъ и на несоотвѣтствіе съ нею податной разверстки. Крестьяне, обыкновенно, стремятся мірскими сборами уравновѣшивать несправедливость податного обложенія и стараются приводить платежи въ соотвѣтствіе съ платежными силами и средствами плательщиковъ. Если казенныхъ и обязательныхъ волостныхъ повинностей приходится слишкомъ много на домохозяина, то уменьшается мірской сборъ, или даже домохозяинъ совсѣмъ отъ него освобождается, если же платежи малы, то увеличивается мірской сборъ. Не только несомнѣнно стремленіе привести платежи въ соотвѣтствіе съ состоятельностью домохозяевъ, но можно даже замѣтить опредѣленную тенденцію сдѣлать ихъ до нѣкоторой степени подходящими и даже прогрессивными, такъ что на домохозяевъ богатыхъ накладывается и больше тяготы, а на бѣдныхъ меньше. Мѣриломъ состоятельности при этомъ иногда является скоть, иногда число работниковъ и размѣръ запашки, иногда совершенно неуловимые для сторонняго человѣка признаки. Иной разъ вы останавливаетесь въ недоумѣніи, почему на крестьянинѣ, имѣющемъ меньше скота, меньше работниковъ и меньше посѣва, лежитъ вдругъ несообразно большой мірской платежъ. Оказывается, что это торговецъ или человѣкъ, пришедшій съ присковъ, долго не участвовавшій въ мірскихъ повинностяхъ и общественной службѣ и имѣющій деньги. Конечно, при этомъ возможны ошибки и злоупотребленія, но пока не выработано правильныхъ и точныхъ нормъ обложенія, до тѣхъ поръ нельзя порицать подобнаго стремленія ни въ его источникѣ, ни въ нѣкоторыхъ крайностяхъ. Мірскіе платежи достигаютъ иногда очень значительныхъ размѣровъ, такъ, напр., въ той же Бергаманской волости мы видимъ, что крестьянинъ деревни Гуровой Ив. Вастьяновъ платитъ 10 р. 49 к. податей и 70 р. мірскихъ сборовъ, а хозяйственное его положеніе такое: 1 взрослый работникъ, 2 рев. души, 1 малолѣтній, 2 лошади и 5 гол. мелкаго скота, коровъ нѣтъ и посѣва нѣтъ. Въ с. Муромцевѣ Иванъ Лисинъ, при 1 взр. раб., 2 рев. душ. и 1 мал., не имѣя запашки, рогатаго и мелкаго скота и имѣя только 5 лошадей, платитъ также 10 р. 49 к. податей и 105 р. 31 к. мірскихъ сборовъ. Въ дер. Самохваловой Василій Ѳоминъ имѣетъ 2 рев. души, 1 взрсл. раб., 2 стар. и мал., 8 дес. пашни, 5 лошадей, 1 корову и 10 гол. мелк. скота, и платитъ 10 р. 49 к. податей и 80 р. мірскихъ сборовъ. и т. п. Небезынтересно дѣленіе домохозяевъ по платежамъ: на *большія души*, *малыя души* (или *среднія*) и *самыя малыя души*. Большія души облагаются податями,

мірскимъ сборомъ и расположкою за мертвыхъ и убылыхъ, малыя—лишь податями и мірскимъ сборомъ и самыя малыя только одѣми податями.

Несмотря на все это, сибирская раскладка, все-таки далека отъ совершенства. Отсутствіе правильныхъ нормъ обложенія сказывается весьма часто. Чиновники по крестьянскимъ дѣламъ постоянно получаютъ жалобы на неправильное обложеніе, жалуются и богатые, и бѣдные, и поселенцы, и отставные нижніе чины, и даже постороннія лица. Жажда обложенія у сибиряковъ такъ велика, что нерѣдко они облагаютъ повинностями даже постороннихъ лицъ, живущихъ въ деревнѣ. Поселенцы, не смотря на всю свою бѣдность, тоже привлекаются иногда къ повинностямъ, хотя это дѣлается не во всѣхъ обществахъ. Относительно же податей положеніе поселенцевъ такое: во-1-хъ, три года они никакихъ казенныхъ платежей не несутъ, во-2-хъ, въ теченіе 7 лѣтъ платятъ только половинный окладъ—2 р. 50 к. въ годъ, и въ-3-хъ, въ круговой порукѣ не участвуютъ. На нихъ посылаются особые окладные листы и недоимки ихъ слагаются съ обществъ, а если поселенецъ больше двухъ лѣтъ провелъ въ безвѣстной отлучкѣ, его и совсѣмъ исключаютъ изъ деревенскихъ списковъ *). Съ поселенцами у старожиловъ, вавѣрное, было бы гораздо больше столкновеній, если бы они обзаводились хозяйствами и жили на мѣстахъ приписки, но большинство ихъ, не имѣя средствъ устроиться, расходится въ разныя стороны, а меньшинство кое-какъ перебивается или переходитъ въ положеніе батраковъ. Сибирякъ, обыкновенно, говоритъ поселенцу: «иди—бери землю, сколько хочешь», зная отлично, что, за рѣдкими исключеніями, онъ изъ занятой старожилами земли и вершка не возьметъ, а скочуетъ куда-нибудь или къ нему же поступитъ въ работники, сплошь и рядомъ за одно только прокормленіе.

Намъ хочется сказать еще нѣсколько словъ о положеніи народныхъ школъ и народнаго образованія, такъ какъ это положеніе такое, какимъ оно не должно быть. Разсматривая различныя статьи необязательныхъ мірскихъ расходовъ, вы прежде всего поражаетесь ничтожностью цифръ въ рубрикѣ народнаго образованія: это сплошь и рядомъ не десятки рублей и даже не рубли, а копейки. По Сѣдельниковскому обществу, напр., въ 1884 году значилось на

*) Заговоривъ о разныхъ платежахъ, нельзя умолчать, что подушная подать до сихъ поръ еще не отмѣнена окончательно въ Сибири, не смотря на то, что установленные взамѣнъ ея налоги были введены тамъ одновременно съ Европейской Россіей. Только въ 1890 году отмѣну ея предположено было производить равными частями въ теченіе 10 лѣтъ.

содержаніе училища 7 р. 97¹/₂ к., а въ 1885 году только 70 к.; въ Рагузинскомъ (той же Сѣдельниковской волости) въ 1884 г.— 6 р. 96 к. и въ 1885—53 к., въ Михайловскомъ, за то же время, 5 р. ¹/₄ к. и 37 к. и т. п. Хотя это и объясняется тѣмъ, что народныя школы въ Тобольской губ. содержатся не непосредственно крестьянами, а казною (изъ сборовъ съ нихъ же), такъ что крестьянскія общества отпускаютъ, собственно говоря, только то, чего не достаетъ по ассигновкѣ, или если пожелаютъ дать добавочное жалованье учителю; но, тѣмъ не менѣе, состояніе народныхъ училищъ въ Тарскомъ округѣ въ высшей степени печально: прежде всего ихъ мало, такъ что въ волости съ нѣсколькими тысячами душъ встрѣчается иногда только одно училище, иногда два, рѣже—три; помѣщенія нерѣдко наемныя и неудовлетворительныя; преподаваніе идетъ плохо, потому что учителями являются не столько люди съ специально учительскою подготовкою, сколько просто дочери священниковъ, дьячковъ и грамотные мѣщане. Кончаетъ курсъ въ школахъ самый ничтожный процентъ, а иногда оканчивающихъ и совсѣмъ не бываетъ; напр., въ Евгашинскомъ училищѣ, Логиновской волости, за цѣлый десятокъ лѣтъ (съ 1874 по 1884 г.), при составѣ до 20—25 учениковъ, никогда не кончало болѣе 2 учениковъ въ годъ, а за время 1874—1879 г. окончившимъ значился только 1; въ Екатерининскомъ училищѣ въ 1884 г. изъ 14 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ также окончилъ только 1 мальчикъ; въ Логино-Хорошковскомъ въ 1887 г. также окончили только 1 мальчикъ и 1 дѣвочка и т. д. Число учениковъ въ школахъ постоянно колеблется и не только не возрастаетъ правильно, какъ это обыкновенно бываетъ въ другихъ мѣстахъ, а сплошь и рядомъ убываетъ: то дойдетъ до 30, то вдругъ спустится до 5, какъ это было въ послѣдней школѣ въ 1888 году, когда въ ней числилось 2 мальчика и 3 дѣвочки. Есть школы въ Тарскомъ округѣ, въ которыхъ по нѣскольку лѣтъ не бываетъ экзаменовъ, и обуславливается это не какими-нибудь правилами, а простою случайностью или усмотрѣніемъ мѣстнаго учебнаго начальства. Зато разныхъ прикосновенныхъ къ учебному дѣлу лицъ и инстанцій тамъ такъ много, что объ этомъ также стоитъ сказать нѣсколько словъ. Вся наличная сибирская администрація имѣетъ то или иное касательство къ школамъ, всѣ призваны о нихъ заботиться и содѣйствовать имъ, и никакого положительнаго результата, кромѣ путаницы изъ этого не выходитъ. Находясь въ вѣдѣніи администраціи, училища въ то же время состоятъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ духовенства, что такъ усердно рекомендовалось, какъ общая мѣра, въ теченіи нѣсколькихъ послѣд-

нихъ лѣтъ противниками земскихъ школъ. Ближайшимъ образомъ получило слѣдующее: когда крестьяне находились въ вѣдѣніи палаты государственныхъ имуществъ, то и школы также были въ томъ же вѣдомствѣ; съ упраздненіемъ палаты и устройствомъ центрального управленія государственными имуществами для всей Западной Сибири въ Омскѣ, нѣкоторыя функціи и отрасли вѣдѣнія палаты государственныхъ имуществъ перешли къ казеннымъ палатамъ. Перешли въ томъ числѣ и школы, такъ что казеннымъ палатамъ стало принадлежать даже право назначенія и увольненія учителей. Но ближайшій надзоръ за училищами и учебною частью, за учительскимъ персоналомъ и представленіе учителей къ увольненію, перемѣщенію и т. д., принадлежатъ штатному смотрителю тарскаго уѣзднаго училища, который въ данномъ случаѣ является въ роли инспектора народныхъ училищъ. Со введеніемъ присутствій и чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, на послѣднихъ также возложена была забота о благоустройствѣ школъ; а въ 1889 году первая роль въ этомъ отношеніи была предоставлена исправникамъ. Такимъ образомъ, номинально школы находятся въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ, фактически—въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ и подъ наблюденіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а непосредственно въ рукахъ полиціи, т.-е. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Таковую удивительную комбинацію различныхъ вѣдомствъ, конечно, не часто встрѣтишь, не говоря уже о внутреннихъ губерніяхъ, но даже въ Сибири.

Ближайшимъ образомъ распоряжаются школами исправникъ и смотритель уѣзднаго училища, но такъ какъ у того и у другого есть свое дѣло, свои прямыя служебныя обязанности, то школы отходятъ на второй планъ. Они заглядываютъ въ школы только при случаѣ, проѣздомъ, или «по мѣрѣ возможности» и главную заботу о нихъ полагаютъ въ томъ, чтобы все было тихо и чисто, какъ говорится, «въ порядкѣ», т.-е. чтобы не было никакихъ неприятныхъ исторій и было какъ можно меньше «отписки». Чѣмъ меньше дѣла, тѣмъ все это достигается, конечно, лучше. Смотритель слѣдитъ поэтому, главнымъ образомъ, за благонадежностью, знакомствами и поведеніемъ учителей и учительницъ, за учебниками, которые употребляются въ школахъ, и за книгами, которыя даются дѣтямъ для чтенія. Цензура въ послѣднемъ случаѣ самая строгая. Мы знаемъ случаи, когда отбирались у учениковъ изданія, разрѣшенныя предварительною цензурою и не изъятыя изъ библиотекъ. Сибирскіе смотрители, вообще, проявляютъ слишкомъ много усердія. Если это люди, не имѣющіе образовательнаго ценза

(не только высшихъ учебныхъ заведеній, но и гимназическаго), какъ это нерѣдко бываетъ, то имъ приходится выслуживаться и цѣпляться за каждый удобный и неудобный поводъ, чтобы показать свою бдительность и заботливость. То и другое, разумѣется, можно было бы показать на дѣлѣ, т.-е. хорошимъ состояніемъ школъ, но такъ какъ это труднѣе, то и предпочитаютъ пути болѣе легкіе. А Сибирь очень нуждается въ школахъ. Число грамотныхъ въ томъ же Тарскомъ округѣ настолько незначительно, что большая часть писарскихъ должностей (въ волостяхъ и селахъ) занимается, обыкновенно, уголовными ссыльными, городскими мѣщанами и вообще людьми совсѣмъ посторонними и не всегда доброкачественными. Люди, преданные дѣлу народнаго образованія, могли бы встрѣтить тамъ богатую и благодарную почву для дѣятельности.

С. Кривенно.

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

Романъ *).

(Окончаніе).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

VI.

Въ Москвѣ все было по старому: тотъ же Сивцевъ Вражекъ, тотъ же окоёмовскій домикъ, та же Марѳа Семеновна съ ея дворянскимъ музеемъ. Приѣздъ Окоёмова съ женой сразу оживилъ это старинное дворянское гнѣздо, и Марѳа Семеновна примирилась съ Настасьей Явовлевною, благодаря дѣтямъ. Особенно старушка полюбила старшую дѣвочку. Повторилась исторія съ княжной, ревновавшей Васю къ матери. Теперь бабушка захватила себѣ дѣвочку, которую устроила въ своей комнатѣ. Дѣвочка уже говорила и понимала, такъ что Марѳа Семеновна потихоньку посвящала ее въ свои дворянскія преданія.

— Это дѣдушка съ туркой воевалъ... — объясняла старушка, показывая на старинный громадный палашъ.

— А, вѣдь, туркъ было больно, когда дѣдушка его воевалъ?—наивно спрашивала дѣвочка.

— Турка невѣрный...

Дѣвочка плохо понимала эти объясненія и пока вѣрила бабушкѣ на слово. Какой такой „невѣрный турка“? Почему дѣдушка долженъ былъ его воевать? Вообще, много было для нея непонятнаго, какъ и бабушка не понимала жизни въ Красномъ Кусту.

*) См. «Миръ Божій», № 9.

— У насъ тамъ было хорошо...—разсказывала дѣвочка, припоминая далекій пріискъ.—Дядя Сережа смѣшно кричалъ поросенкомъ: сдѣлаетъ вотъ такъ губы и завизжитъ. Онъ смѣшной...

— У васъ тамъ всё были смѣшные,—ядовито замѣчала бабушка, ревнуя внучку къ ея прошлымъ привязанностямъ.—Вотъ ты какъ смѣшно говоришь, точно мужичка... „Говорю“, „пошла“.

— А ты, бабушка, тоже смѣшно говоришь: „писокъ“, „помахиваить“, „хачу“...

— Въ Москвѣ всё такъ говорятъ, глупенькая... Лучше московскаго говора нѣтъ.

Старушку огорчало больше всего то, что дѣвочка не получила рѣшительно никакого воспитанія. Доходило до смѣшного—она не могла даже понять такой простой вещи, что баринъ и мужикъ совершенно два различныхъ существа. „Какой баринъ?“—съ удивленіемъ спрашивала дѣвочка.—„Почему баринъ? И мужикъ тоже баринъ?“ Марѳа Семеновна объясняла по своему, какая разница между бариномъ и мужикомъ, но дѣло подвигалось туго впередъ. Дѣвочка отрицательно качала головкой и говорила: „У насъ въ Сибири нѣтъ бариновъ, бабушка“... Слѣдующимъ поводомъ къ огорченію служили костюмы. Да, раскольница не умѣла одѣвать дѣтей, и Марѳа Семеновна жестоко раскритиковала всё дѣтскіе костюмчики, особенно костюмы дѣвочки. Она рѣдко выѣзжала изъ дому, но на этотъ разъ самолично отправилась на Кузнецкій мостъ и вернулась съ цѣлымъ дѣтскимъ приданымъ. Маленькая сибирячка была переодѣта на англійскій манеръ и сначала очень конфузилась слишкомъ коротенькихъ юбочекъ и голыхъ колѣночекъ.

— Ты—барышня, а не мужичка,—объясняла Марѳа Семеновна.

Этотъ маленькій маскарадъ сначала забавлялъ Окоемова, а потомъ привелъ къ серьезному столбовенію.

— Мама, вы дѣлаете изъ моей дочери какую-то французскую куклу,—замѣтилъ онъ не безъ раздраженія.—Кому это нужно?

— Ну, ужъ это не твое дѣло, батюшка,—горячо вступилась Марѳа Семеновна.—Вы тамъ сами живите, какъ знаете,

а дѣвочку я вамъ не дамъ губить... да. Вотъ умру, тогда ужъ мудрите надъ ней. Моя внучка дворянка... А вы хотите изъ нея сдѣлать кухоннаго мужика. Я не позволю... Понимаешь: не поз-во-лю!.. Вотъ и весь разговоръ...

— Мама, ты забываешь, что у твоей внучки есть мать?

— Я забываю? Если бы я могла забыть... Ну, да что говорить объ этомъ. Вонъ Сережа-то, не бойсь, не ошибся: на княжнѣ женился... да.

— Что же, я радъ за него. Онъ хороший человѣкъ... А потомъ, мама, если бы всѣ захотѣли жениться на княжнахъ, то не хватило бы и невѣстъ.

Раскольниковъ происхожденіе невѣстки часто беспокоило Марю Семеновну, какъ она ни старалась переломить свое предубѣжденіе. Часто, по вечерамъ, вглядывался въ дѣтское личико внучки, старушка вся вздрагивала: ей казалось, что въ этомъ личикѣ ничего не останется окоёмовскаго, а вырастетъ маленькая раскольница. Было и обидно, и больно за собственное чувство... Впрочемъ, эти сомнѣнія приходили все рѣже, покрываясь специально бабушкиной любовью. Моя внучка, родная, милая—и все тутъ... Никому не отдамъ. Да.

Прямыхъ столкновений у Настасьи Яковлевны съ свекровью не было, хотя она и старалась держаться въ сторонѣ. Все зависѣло отъ времени, и нужно было ждать. Бывшая лабораторія превратилась въ дѣтскую, и Настасья Яковлевна проводила большую часть дня въ этой комнатѣ съ маленькимъ Васей. Но эта изолированность не спасала ея отъ встрѣчъ съ Марьей Семеновной за обѣдами и чаями. Происходила маленькая пытка двухъ женщинъ, мучившихся каждая по своему. Нерѣдко случалось такъ, что Марья Семеновна не выдерживала характера и ввертывала что-нибудь про „черную кость“ вообще и про раскольниковъ въ частности. Разъ Окоёмовъ не выдержалъ и замѣтилъ матери:

— Если ты хочешь знать, мама, такъ у насъ единственно кровная аристократія русскаго происхожденія—раскольники... Князья Хованскіе, Мышецкіе, Пронскіе—были раскольники. Древніе боярскіе роды, какъ Морозовы—тоже. Настоящая русская аристократія сложилась изъ нѣмецкихъ выходцевъ и прижившихся татарскихъ мурзь.

— А, по твоему, Окоёмовы откуда взялись?

— И Окоемовы не чистой русской крови... Нашъ родъ тоже идетъ отъ какихъ-то татарскихъ наѣздниковъ. Честь не особенно большая... За расколомъ трехсотлѣтняя давность, а это чего-нибудь стоитъ.

— Послушай, Вася, мама можетъ подумать, что я тебя обращаю въ расколъ,—замѣтила Настасья Яковлевна. — Я этого не желаю...

Марѳа Семеновна поднялась, гордо смѣрила невѣстку съ ногъ до головы и только улыбнулась. Она, эта раскольничья начетчица, можетъ обратить ея Васю въ расколъ?.. Нѣтъ, это уже слишкомъ! Окоемовы всегда останутся Окоемовыми.

Окоемовъ вернулся въ Москву въ хорошемъ настроеніи,— дорога на него всегда дѣйствовала ободряющимъ образомъ. Но это бодрое настроеніе продолжалось очень недолго. Не прошло недѣли, какъ появились признаки угрожающаго характера. Сердце работало тревожно и тяжело съ глухими перебоями и остановками. Все это бывало и раньше, но сейчасъ выразалось рельефнѣе и настойчивѣе, какъ проявляютъ себя только неизлѣчимыя хроническія болѣзни. А главное, нехорошо было на душѣ. Каждое утро Окоемовъ просыпался съ такой тяжестью на душѣ. Не хотѣлось ни о чемъ думать, раздражали всякіе пустяки, а тамъ, гдѣ-то въ неизвѣстной глубинѣ, разрасталась большая тяжесть. По обыкновенію всѣхъ больныхъ, Окоемовъ старательно скрывалъ свое душевное состояніе и былъ недоволенъ, когда его кто-нибудь спрашивалъ о здоровьи.

— О, я себя прекрасно чувствую,—отвѣчалъ онъ одинаково всѣмъ.

— А отъ чего у тебя такое лицо?—спрашивала Настасья Яковлевна.

— Какое лицо? Самое обыкновенное...

Когда ему дѣлалось особенно дурно, онъ уходилъ изъ дому,—не доставало воздуха въ комнатахъ, а на улицѣ дѣлалось легче. Любимымъ мѣстомъ для прогулокъ былъ Пречистенскій бульваръ, особенно утромъ, когда онъ оставался пустымъ. Теперь составляло большой трудъ дойти до бульвара. Окоемову приходилось часто останавливаться, чтобы перевести духъ. Онъ иногда чувствовалъ на себѣ сочувствующіе взгляды встрѣчавшихся пѣшеходовъ,—должно быть, хорошъ, если чу-

жіе люди начинаютъ жалѣть. Къ себѣ и къ своему положенію Окоемовъ относился почти индифферентно. Да, боленъ, серьезно боленъ,—что же изъ этого? Мало ли больныхъ людей на свѣтѣ. Поболѣють, а потомъ и помрутъ. Все въ порядкѣ вещей. Мысль о смерти больше не пугала его. Что же, умирать, такъ умирать. Всѣ боятся смерти по малодушію, а въ сущности это все равно, т.-е. умереть десятью годами раньше или позже. Окоемовъ сидѣлъ по дѣлымъ часамъ на садовой скамейкѣ и передумывалъ по десяти разъ одно и то же. Его удивляло и раздражало, что другіе куда-то торопятся, чего-то домогаются и на что-то надѣются. Его раздражалъ трескъ экипажей, дѣловая суета, выраженіе озабоченныхъ лицъ. Къ чему все это?..

Разъ, когда Окоемовъ сидѣлъ на своей скамейкѣ, его осликнулъ знакомый голосъ. Онъ поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ Маркъ Евсейчъ Барышниковъ.

— Вотъ неожиданная встрѣча, Василій Тимофейчъ,— суетливо повторялъ Барышниковъ, испытующе глядя на Окоемова.—Иду, смотрю на васъ, и глазамъ не вѣрю...

— Что же тутъ особеннаго? Я нисколько не удивляюсь, что встрѣтилъ васъ...

— Оно, конечно, такъ-съ... Гора съ горой не сходится. Да-съ... А я къ тому, что, вѣдь, мы не чужіе, Василій Тимофейчъ. Ежели вы не желаете знать родственниковъ, такъ Настя могла бы провѣдать...

— Это ея дѣло. Она, вѣжета, собиралась къ вамъ...

Барышниковъ присѣлъ на скамью рядомъ и суетливо полѣзъ въ боковой карманъ, откуда и вытащилъ туго набитый бумажникъ. Порывшись въ бумагахъ, онъ досталъ тщательно сложенный номеръ газеты и подаль его Окоемову.

— Вотъ-съ, прочтите, Василій Тимофейчъ... Мы хоть и учены на мѣднныя деньги, а газеты почитываемъ.

Газета была старая и заношенная. Очевидно, Барышниковъ носилъ ее въ бумажникѣ не одинъ мѣсяць. Окоемовъ развернулъ ее и отыскалъ отмѣченное краснымъ карандашемъ мѣсто,—это была корреспонденція съ Урала, въ которой говорилось о „консервированной компаніи“. У Окоемова запрыгали строчки предъ глазами отъ охватившаго его волненія. Корреспондентъ вышучивалъ ихъ сторублевую компанію, и особенно его, какъ основателя, причемъ дѣлались совѣмъ

непрозрачные намеки на его эксплуататорскіе наклонности и капиталистическій характеръ всего дѣла. Барышниковъ слѣдилъ за выраженіемъ лица Окоемова и улыбался. Да-съ, Василій Тимофеичъ, получите вполнѣ... Не одинъ вы на свѣтѣ умный человѣкъ, найдутся и другіе грамотѣи. Вотъ какъ даже ловко отхватили васъ...

— Вы мнѣ подарите этотъ номеръ,—проговорилъ Окоемовъ спойно.

— Съ большимъ удовольствіемъ...

— Кстати, я даже знаю, кто ее и писалъ: нашъ общій другъ Илья Ѳедорычъ Утлыхъ. Можеть быть, даже и вь руку приложили?

— Гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить, Василій Тимофеичъ. А только написано, дѣйствительно, хлестко... Что подѣлаете: гласность нынче распространилась.

— Что же, я ничего не имѣю противъ... Я газетъ мало читаю и очень вамъ благодаренъ за вниманіе.

— Такъ-съ, случайно на глаза попалась газетина... Удивляюсь я, какъ это начальство пропускаетъ тому подобныя статьи.

— Отчего же ихъ не пропускать? Дѣло открытое, и бояться нечего... Если хотите, я даже радъ, что дѣла нашей компаніи переданы на судъ публики, хотя и не могу согласиться съ корреспондентомъ во всемъ. Во всякомъ случаѣ, я радъ...

Барышниковъ былъ недоволенъ получившимся эффектомъ. Онъ ожидалъ встрѣтить другое.

— Свои здѣшнія дѣла вы совсѣмъ забросили, Василій Тимофеичъ,—заговорилъ онъ, переводя разговоръ.—Совершенно напрасно-съ...

— Я не совсѣмъ здоровъ, Маркъ Евсеичъ... Нужно лѣчиться. Будетъ, поработать вь свою долю...

— Оно конечно, а все-таки жаль-съ... Большія дѣла изволили дѣлать-съ.

— Ну, это не совсѣмъ вѣрно. Большое-то дѣло осталось тамъ, на Уралѣ...

— Оно конечно... А промежду прочимъ, до свиданія, Василій Тимофеичъ. Тороплюсь...

— Завертывайте какъ-нибудь къ намъ. Настасья Яковлевна будетъ рада...

— Подумываль, Василій Тимофеичъ, да все какъ-то смѣлости не хватаетъ. Неученые мы люди, по образованному-то ступить не умѣемъ...

— Перестаньте, пожалуйста... Заходите просто. Вы знаете, что я тоже простой человекъ...

Милый родственникъ удалился, а Окоемовъ улыбался, провожая его глазами.

VII.

Когда Окоемовъ вернулся домой, Настасья Яковлевна сразу замѣтила, что что-то случилось. У него было такое странное лицо.

— Вася, ты здоровъ?

— Какъ всегда...

Потомъ онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и позвалъ жену.

— Вотъ что, Настенька...—началъ онъ, съ трудомъ договаривая слова.—Сейчасъ я встрѣтилъ Марка Евсевича... да. Отчего ты не хочешь съѣздить къ роднымъ? Это неудобно... Выходитъ такъ, точно я этого не хочу.

— Я все собираюсь, но какъ-то некогда,—смутилась Настасья Яковлевна.

— А я знаю, что тебѣ очень хочется видѣть своихъ, и ты только стѣсняешься. Да, стѣсняешься, что они захотятъ отплатить визитъ и приѣдутъ сюда посмотрѣть, какъ ты живешь. Вѣдь это же ихъ родственное право...

— А мама?

— Что же дѣлать, ей придется себя преодолѣть, т.е. свою дворянскую гордость, даже не гордость, а чванство. И въ вашемъ кругу, Настенька, есть тоже свое чванство... Во всякомъ случаѣ, ты мнѣ сдѣлаешь большое удовольствіе, если возобновишь добрыя отношенія съ родственниками. Старые счеты можно и позабыть... Я самъ потомъ съѣзжу къ нимъ.

— Дядя ничего особеннаго не говорилъ тебѣ?—спросила Настасья Яковлевна, смутно догадываясь, что мужъ чего-то не договариваетъ.

— Нѣтъ, ничего... Впрочемъ, виноватъ: онъ преподнесъ мнѣ небольшой подарокъ отъ чистаго сердца.

Окоемовъ досталъ изъ кармана номеръ газеты и передалъ его женѣ.

— Вотъ тутъ цѣлая корреспонденція о насъ...

Пока жена читала, Окоемовъ наблюдалъ выраженіе ея лица. Какое это было чистое, хорошее женское лицо. Корреспонденція, конечно, не могла ей понравиться, но она выдержала характеръ и не выдала неприятнаго чувства ни однимъ движеніемъ.

— Меня всегда удивляетъ одно, Вася,—замѣтила она, подавая газету обратно: — именно, что заставляетъ людей говорить и дѣлать несправедливое... Вѣдь тотъ, кто писалъ эту корреспонденцію, зналъ, что пишетъ неправду, и что дѣлаетъ это только для того, чтобы устроить тебѣ неприятность.

— Садись сюда, на диванъ... Поговоримъ серьезно. Первое впечатлѣніе у меня было такое же, а потомъ я раздумался и пришелъ къ заключенію, что авторъ корреспонденціи былъ по своему правъ, правъ безсознательно. И написано совсѣмъ не глупо. Исходныя точки двѣ: моя личность, какъ предполагаемый эксплуататоръ, и потомъ кажущаяся мелочность самого дѣла. По первому пункту я раздѣляю общую судьбу всѣхъ инициаторовъ—это вполне понятно. Дѣло настолько установилось, что я могу даже оставить его на время. Второй пунктъ гораздо сложнѣе... Психологически вѣрно одно, именно, что люди, которые неспособны сдѣлать ничего, всегда задаются громадными задачами и относятся презрительно къ тѣмъ маленькимъ дѣламъ, изъ какихъ складывается жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, что такое сдѣлала наша компанія особенное? По этой логикѣ нереализовавшихъ себя великихъ людей ровно ничего... Даже смѣшно: какіе-то дурные консервы, какое-то хозяйство—просто, не стоило огородъ городить. Гораздо проще и вѣрнѣе: взять да разомъ и осчастливить все человѣчество... Вотъ это задача, а остальное пустяки. Такъ какъ осчастливить разомъ всѣхъ довольно трудно, то великіе люди остаются не у дѣлъ и критикуютъ маленькія дѣла другихъ. Эта черта особенно вѣлася въ нашъ русскій характеръ,—она наше несчастье...

Онъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— Да, я видѣлъ, какъ дѣлаютъ настоящія большія дѣла, и убѣдился только въ одномъ, что они подготовляются долго мелкой и кропотливой работой, которая никого не дѣлаетъ героями. Въ свое время будутъ и герои, а пока нужно

дѣлать свое маленькое дѣло. Я самъ былъ ненужнымъ русскимъ человѣкомъ и прошелъ тяжелую школу. Сколько разъ я былъ на краю гибели—кажется, ничего не оставалось, кромѣ самоубійства, что и дѣлаютъ ежегодно сотни ненужныхъ русскихъ людей. Счастливый случай въ минуту отчаянія толкнулъ меня въ Америку, и я увидѣлъ совсѣмъ другой міръ. Простой примѣръ: тамъ невозможна такая корреспонденція, потому что тамъ уважаютъ чужой трудъ и чужія убѣжденія. Да, маленькое дѣло, съ маленькими задачами, но изъ него выростетъ громадное—я въ этомъ глубоко убѣжденъ. Интеллигентный пролетаріатъ у насъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ дѣло сводится на простое неумѣнье добыть себѣ честный кусокъ хлѣба. Кажется, ясно, и, кажется, убѣдительно... Авторъ корреспонденціи ставитъ мнѣ въ упрекъ капиталистическій характеръ нашей компаніи, забывая объ одномъ, что интеллигентные бродяги не имѣютъ земельного надѣла, и что общинный мужицкій строй создавался вѣками. Я убѣжденъ, что интеллигентныя компаніи моего тина пойдутъ рука объ руку вотъ съ этимъ общиннымъ хозяйствомъ, пополняя его и давая просторъ личной инициативѣ. Одно другому ни въ какомъ случаѣ не должно и не можетъ мѣшать... Потому внутренній строй будущихъ интеллигентныхъ компаній всецѣло зависитъ отъ практики, и первый опытъ не можетъ ставить какую-нибудь одну схему. Какъ мнѣ думается, у насъ въ Россіи каждая область выработаетъ свой особый типъ: на сѣверѣ будетъ преобладать артельное начало, на югѣ—индивидуализмъ. Отчего не сложится компанія на опредѣленный срокъ, для выполненія какого нибудь одного дѣла? Да, да, это будетъ...

Окоемовъ долго говорилъ на эту тѣму, волнуясь все больше. Настасья Яковлевна давно знала все, что онъ говорилъ, и тоже была убѣждена въ справедливости этихъ словъ и молча волновалась только за настроеніе мужа. Обыкновенно блѣдное лицо покрылось красными пятнами, глаза лихорадочно горѣли, дыханіе было порывистое—однимъ словомъ, ему слѣдовало успокоиться.

— Вася, ты напрасно такъ волнуешься,—замѣтила она наконецъ, обнимая его.—Нѣтъ такого хорошаго дѣла, ко-

торое не вызывало бы осужденія вкривь и вкось. Ты себѣ только напрасно нервы разстраиваешь.

— Ахъ, какая ты... Ну, что я знáчу, какъ и всякій человѣкъ, взятый отдѣльно? Важно дѣло, важно общее, а не частности... Сегодня я живъ, завтра меня не будетъ, а дѣло останется. Еще одно маленькое замѣчаніе, и я успокоюсь: всякая положительная дѣятельность очень трудна и въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ крикливыхъ, импонирующихъ формъ. Въ тысячу разъ легче находить чужіе недостатки и вообще отрицательныя формы, какъ и самому проявлять ихъ. Вотъ въ этомъ вся наша бѣда... Только богатые люди знаютъ, какимъ упорнымъ трудомъ создаются тысячи, а люди бѣдные все приписываютъ одному счастью и считаютъ себя всю жизнь обиженными, что это дикое счастье обошло почему-то вотъ именно ихъ, бѣдныхъ людей.

При всемъ желаніи Окоемовъ не могъ успокоиться. Онъ еще за вечернимъ чаемъ предчувствовалъ бессонную ночь. О, это была не первая такая ночь... Онъ спалъ у себя въ кабинетѣ, на старинномъ дѣдовскомъ диванѣ, и никто не подозрѣвалъ, какъ онъ иногда мучился въ своемъ одиночествѣ. Эти большыя ночи безконечны, а тревожить другихъ Окоемовъ не желалъ. Такъ было и теперь. Онъ отказался отъ ужина — Марѳа Семеновна ужинала, какъ это велось въ старинныхъ барскихъ домахъ, и ушелъ спать раньше обыкновеннаго. Ему даже показалось, что голова какъ будто свѣжѣе, и сердце бьется спокойнѣе. До двѣнадцати часовъ онъ успѣлъ написать нѣсколько дѣловыхъ писемъ и съ книгой въ рукахъ улегся спать на свой диванъ, — онъ всегда читалъ передъ сномъ. Потомъ онъ погасилъ свѣчу, укутался въ одѣяло и закрылъ глаза. Кажется, что онъ спалъ. Во всякомъ случаѣ, прошло очень немного времени, какъ онъ открылъ глаза, чувствуя какую-то странную дрожь. Ему вдругъ сдѣлалось страшно, страшно безъ всякой причины... Онъ зажегъ свѣчу и быстро одѣлся. Сердце такъ и замерло, точно самыя стѣны готовы были рухнуть. Окоемовъ понималъ, что этотъ страхъ только результатъ нервнаго состоянія, и пройдетъ, но умъ говорилъ одно, а сердце говорило другое. Въ комнатѣ было тихо, и эта тишина теперь давила. Хоть бы одинъ звукъ...

— Неужели я умираю? — мелькнуло въ головѣ Окоемова,

и онъ чувствовалъ, какъ у него стучать зубы.— Неужели все кончено... все, все?..

Онъ съ щемящей тоской осмотрѣлъ свою комнату: вотъ шкафъ съ любимыми книгами, вотъ письменный столъ... И все это уже больше никому не нужно, и самъ онъ является въ своей комнатѣ какой-то тѣнью.

Ему вдругъ захотѣлось куда-нибудь убѣжать, скрыться, туда, гдѣ есть живые люди, живой шумъ и говоръ. Да, уйти, уйти скорѣе, сейчасъ... Онъ чувствовалъ, какъ его ноги подкашиваются отъ страха, когда онъ около стѣнки выходилъ изъ кабинета, какъ лунатикъ. Въ гостиной было темно, и онъ остановился. Надо идти направо, гдѣ дверь въ переднюю... Скорѣе, скорѣе. Онъ опомнился только тогда, когда въ передней появился свѣтъ, и его окликнулъ знакомый голосъ:

— Вася, ты куда?..

Это была Настасья Яковлевна, какимъ-то чутьемъ угадывавшая, что дѣлается что-то неладное.

— Я... я... мнѣ страшно...—шептала Окоемовъ, прислоняясь къ стѣнѣ.— Ахъ, какъ страшно, Настенька...

Она сняла съ него шубу, взяла шапку и молча увела въ кабинетъ. Онъ повиновался, какъ ребенокъ, и только крѣпко сжималъ ея руку. На лбу у него выступилъ холодный потъ.

— Я сейчасъ приготовлю на спиртовкѣ горячаго чаю,—говорила Настасья Яковлевна, щупая холодный лобъ мужа.

— Ради Бога, не уходи... страшно одному...

Онъ крѣпко ухватилъ ее за руку и притянулъ къ себѣ.

— Настенька, родная, я сейчасъ умираю... Какъ это страшно!..

— Это просто твои нервы расходились... Давеча взволновался съ этой дурацкой корреспонденціей. Я ужъ предчувствовалъ, что случится что-нибудь.

— Нѣтъ, не то... Я, дѣйствительно, умираю, Настенька. Это была первая повѣстка... такъ, вдругъ... Кругомъ темно, мертвая тишина и я чувствовалъ, какъ жизнь уходила изъ меня.

На нее смотрѣли такіе испуганные глаза, полные нѣмого отчаянія. Потомъ онъ провелъ рукой по своему лицу, какъ человекъ, который не можетъ проснуться, и заговорилъ:

— Я тебѣ не кажусь сумасшедшимъ? Вѣдь это тоже смерть...

— Перестань, пожалуйста... Хочешь еще воды?

— Нѣтъ... Знаешь, ложась спать, я думалъ о томъ, что дѣлается тамъ, на Уралѣ. Отчего такъ давно нѣтъ писемъ отъ Сережи? И княжна тоже молчить... И мнѣ вдругъ представилось, что я ошибался... Да, что изъ нашей компаніи ничего не выйдетъ въ настоящемъ ея видѣ, что нужно еще много-много работать, а я уже обезсилѣлъ. Жалкій, ничтожный человѣкъ... Сегодня онъ полонъ смѣлыхъ замысловъ, полонъ сознанія своихъ силъ и съ дерзостью смотритъ впередъ, а завтра... Посмотри на меня: развѣ это я, Окоемовъ? И я, который долженъ былъ такъ зоботиться о своемъ здоровьи, меньше всего думалъ именно объ этомъ... Какъ останутся дѣти сироты... Боже, дай мнѣ силы, чтобы поднять ихъ на ноги, сдѣлать изъ нихъ сильныхъ, честныхъ людей.

— Ты только растриваешь себя, Вася, — заговорила Настасья Яковлевна спокойнымъ голосомъ. — Къ смерти нужно быть всегда готовымъ... И страшно умирать только тому, у кого нечистая совѣсть. Вѣдь рано или поздно всѣ мы умремъ — чего же бояться? Именно о смерти и не слѣдуетъ думать, потому что это малодушіе... Ты видалъ, какъ спокойно умираетъ простой народъ.

— Да, да, правда...

— Вотъ я выросла въ той средѣ, гдѣ не бояся смерти... Милый, нужно быть мужественнымъ.

Окоемовъ съ удивленіемъ слушалъ эти простые слова, и ужасная тяжесть спадала у него съ души. Да, онъ выросшійся представитель стараго дворянскаго рода, а съ нимъ говорила женщина простого и великаго въ своей простотѣ народа. Какъ она была хороша сейчасъ именно этой строгой простотой, какъ хороши всѣ русскія женщины, въ которыхъ и покой, и любовь, и вѣра, и великая твердость характера. Именно такой была Настасья Яковлевна, и Окоемовъ почувствовалъ, что ему легко именно потому, что она сидитъ рядомъ съ нимъ. Ему сдѣлалось даже совѣстно за собственное малодушіе...

— Настенька, я больше не буду, — какъ-то по дѣтски оправдывался онъ, чувствуя себя виноватымъ. — Да, не буду... Ты должна меня презирать...

Вмѣсто отвѣта, она крѣпко его обняла и поцѣловала.

Нѣжности были не въ ея характерѣ, и въ этомъ движеніи было все. О, она одна знала, какъ онъ серьезно боленъ, и впередъ приготовлялась къ роковой мысли, что любимаго чело-вѣка не станетъ — не станетъ для другихъ, а онъ всегда будетъ жить въ ея сердцѣ.

VIII.

Окоемовъ, дѣйствительно, успокоился, хотя и чувствовалъ все увеличивавшуюся съ кажды́мъ днемъ слабость. Онъ покорился своей участи... Тѣ немногіе часы, когда онъ могъ работать, были посвящены приведенію своихъ дѣлъ въ порядокъ, — это было все, что оставалось для него въ будущемъ. Всѣ деньги почти цѣликомъ находились въ разныхъ пред-пріятіяхъ, а налицо оставался довольно небольшой капиталъ, которымъ, все-таки, можно было обезпечить семью скромнымъ образомъ. Ни для себя, ни для дѣтей Окоемовъ и не желалъ роскоши или показного богатства. Все-таки, бѣдность всегда остается лучшимъ учителемъ...

Такъ время подвигалось къ Рождеству. Въ сильные холода онъ не выходилъ уже изъ дому, и всѣ сношенія съ внѣшнимъ міромъ ограничивались визитомъ молодого доктора, которому Окоемовъ сказалъ:

— Я понимаю свое безнадежное положеніе, но вы все-таки навѣщайте меня — это успокоиваетъ маму...

Докторъ былъ такой милый чело-вѣкъ, вѣровавшій въ свою науку съ трогательной довѣрчивостью. Окоемовъ любилъ слушать его торопливыя, горячія рѣчи, когда дѣло заходило о какомъ-нибудь интересномъ случаѣ медицинской практики.

— Мнѣ остается только извиниться передъ вашей медициной, — шутилъ Окоемовъ, — я даже для нея сейчасъ не представляю никакого интереса... Самый обыкновенный случай, когда сердце подаетъ въ отставку.

Москва уже была засыпана снѣгомъ. Стояли морозы. Слышно было, какъ на улицѣ визжали полозья и хрустѣлъ снѣгъ подъ ногами пѣшеходовъ. Короткіе дни смѣнялись такими длинными вечерами. Въ окоемовскомъ домѣ вся семья по вечерамъ собиралась въ гостиной. Марѳа Семеновна сидѣла съ какимъ-то безконечнымъ взыаньемъ, Настасья Яковлевна занималась съ маленькимъ Васей, а Окоемовъ обычно-

венно лежалъ на диванѣ, прикрывшись пледомъ. Было и тепло, и уютно, и хорошо, какъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ всѣ собираются по вечерамъ вмѣстѣ. Разъ, незадолго до Рождества, именно въ такой вечеръ, раздался неожиданный звонокъ.

— Это, вѣроятно, докторъ... — спокойно замѣтила Настасья Яковлевна, тревожно взглянувъ на мужа.

Въ передней послышался осторожный мужской голосъ, а затѣмъ въ гостиную вошелъ Сережа. Это было такъ неожиданно, что никто ничего не могъ сказать, и не смутилась только одна Настасья Яковлевна—она вызвала Сережу съ Урала телеграммой. Сережа молча разцѣловался со всѣми и сдѣлалъ видъ, что больной не произвелъ на него никакого впечатлѣнія.

— Какъ это ты, Сереженька, все вдругъ дѣлаешь, — журила обрадованная Марѳа Семеновна. — Точно съ печи упадешь...

— Да ужъ такъ вышло, бабушка... Я теперь человѣкъ семейный, а жена и потащила въ Москву.

— Гдѣ же она, княжна?

— А осталась у себя въ номерѣ... Съ дороги чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровой, и потомъ... гм... вообще.

Появленіе Сережи сразу оживило Окоемова. Да и Сережа привезъ такія радостныя вѣсти. Въ Красномъ Кусту все шло отлично и въ Салгѣ тоже. По примѣру ихъ маленькой колоніи образовалась въ сосѣдней Тобольской губерніи другая, потомъ говорили о третьей въ Уфимской губерніи—однимъ словомъ, дѣло понемногу развивалось. Сережа рассказывалъ свои новости такимъ тономъ, точно все это были вещи самыя обыкновенныя.

— И ты не съѣздишь туда?—удивлялся Окоемовъ.

— Мнѣ-то было некогда, а Крестниковъ ѣздишь... Въ тобольской колоніи разница съ нашей въ томъ, что тамъ нѣтъ наемныхъ рабочихъ, а всѣ члены работаютъ сами. Нѣтъ членовъ пайщиковъ. Компанія арендовала землю у татаръ и работаетъ.

— Что же, отлично, — радовался Окоемовъ. — Такъ и должно быть...

— Потомъ я слышалъ, что такія же колоніи устраиваются въ Самарской губерніи и на Кавказѣ. Присылали въ

намъ за годовымъ отчетомъ... Кстати, я написалъ коротенькую исторію нашей компаніи и думаю ее здѣсь, въ Москвѣ, напечатать. Кто поинтересуется, можетъ получить печатный оттискъ... Вообще, у насъ миръ и покой, а въ Салгѣ и совсѣмъ хорошо. Кстати, жена захватила съ собой Таню. Нужно дѣвочку учить, и она думаетъ устроить дѣвочку гдѣ-нибудь въ Москвѣ. Самъ Потемкинъ въ прежнемъ положеніи и временемъ дичить...

Марѳа Семеновна слушала рассказы Сережи, смотрѣла на него и только качала головой. Вѣдь вотъ совсѣмъ другой человѣкъ сдѣлался, а какое чудо-то было... Не даромъ старые люди сказали: женится—перемѣнится.

Таня была привезена въ Москву по желанію Настасьи Яковлевны, которая рѣшила, что все равно, воспитывать двоихъ дѣтей или троихъ. Сказалась раскольничья черта: по раскольничьимъ домамъ всегда воспитываются сироты. Да и Таня такая была умненькая. Еще въ Красномъ Кусту Настасья Яковлевна привязалась къ ней и выучила ее бойко читать по славянски. Таня будетъ хорошей подружкой старшей дѣвочки.

— Ты это что, Сереженька, глазами-то прыгаешь?—спрашивала Марѳа Семеновна.—Не успѣлъ пріѣхать и तो-ропишься...

— Да я ничего, бабушка...

— Не отпирайся: по глазамъ вижу. Не бойсь, о женѣ соскучился?

— Нѣтъ, я ничего, а такъ... Осталась она одна и ждетъ меня. Просила поскорѣе возвращаться.

— Ничего, не помретъ...

Сережа - мужъ былъ дѣйствительно какъ - то угловато милъ. Его не стали задерживать. Въ передней Настасья Яковлевна взглядомъ спросила его, какъ онъ нашелъ больного, и Сережа только покчалъ головой.

— Я ко всему приготовилась...—шепнула Настасья Яковлевна, глотая слезы, — она такъ привыкла скрывать свое горе, а тутъ не выдержала. — До весны, можетъ быть, дотянетъ...

— Богъ милостивъ, Настасья Яковлевна... Можетъ быть, докторъ ошибается.

— Присылайте завтра княжну. Мы всё объ ней соскучились... Я понимаю, почему она сегодня не пріѣхала съ вами.

Сереза только молча поцѣловаль у нея руку.

Пріѣзду гостей Окоемовъ ужасно былъ радъ, особенно когда на другой день пріѣхала княжна съ Таней. Онъ давно не чувствовалъ себя такъ хорошо. И княжна была такая милая,—замужество ее помолодило, какъ всѣхъ счастливыхъ женщинъ. Даже въ движеніяхъ появилась какая-то особенная мягкость. Всего смѣшнѣе было то, что княжна находила своего здоровяка мужа больнымъ и даже хотѣла везти къ какому-то знакомому доктору, чтобы посоветоваться. Окоемовъ хохоталь надъ ней до слезъ, такъ что княжна даже обидѣлась.

— Вы уже считаете меня совсѣмъ глупой, Василій Тимофеичъ...—роптала она, не имѣя силъ удержать счастливую улыбку.—Сергѣй Ипполитычъ, дѣйствительно, боленъ...

— Милая княжна, вы сконфузите только вашего доктора, когда приведете къ нему такого здоровяка.

— Нѣтъ, я уже замѣтила, что онъ нездоровъ, особенно, если ляжетъ спать не во время или не дѣлаетъ моціона... Этимъ уже шутить нельзя.

— Ты его запугаешь, мать, въ конецъ...—замѣтила Марѳа Семеновна съ авторитетомъ опытной женщины.—А оно, пожалуй, и лучше, когда построже.

У княжны были свои рассказы про колонію. Сереза передаваль только внѣшнія дѣла, а княжна привезла цѣлый ворохъ новостей изъ міра внутреннихъ отношеній. Ея планы относительно женитьбы Потемкина рушились окончательно—онъ былъ сильно ненадеженъ, а вотъ фельдшеръ Потаповъ, пожалуй, женится на хохлушѣ, если та пойдетъ. У нихъ разыгрывается сейчасъ свой маленькій романъ, и къ веснѣ, дастъ Богъ, все кончится въ общему благополучію.

Здоровые люди увлекались своими здоровыми дѣлами и на время забывали о больномъ. Окоемовъ слушалъ ихъ и чувствовалъ себя гостемъ, который вотъ-вотъ уйдетъ. Обидное и тяжелое чувство, но онъ былъ даже радъ, что хоть на короткое время не стѣсняетъ другихъ своимъ присутствіемъ. Вотъ и теперь, говорятъ о людяхъ, которые гото-

вятся жить, думаютъ о будущемъ и счастливы уже этой возможностью. Вообще, большіе хитрили съ нимъ, отчасти обманывали себя, и вполнѣ искренней была только одна маленькая Таня. Дѣвочка долго и внимательно смотрѣла на больного, а потомъ откровенно спросила:

— Дядя Вася, а ты скоро умрешь?

Вопросъ былъ сдѣланъ открыто, при всѣхъ, и всѣ ужасно смутились. Не смутился одинъ Окоемовъ. Онъ подозвалъ дѣвочку въ себѣ, обнялъ и проговорилъ отчетливо и спокойно:

— Нѣтъ, милочка, я совсѣмъ не умру... Я буду всегда съ вами. Возьми книгу—развѣ человекъ, который написалъ ее, умеръ? Онъ говоритъ съ тобой, онъ заставляетъ тебя плакать и смѣяться—значить, онъ живъ... Я очень много работалъ и очень много любилъ, и тоже не умру. Любовь не умираетъ... Будетъ только перемѣна имени: вмѣсто Василія Тимофеича Окоемова, будетъ работать и любить Василій Васильичъ Окоемовъ. Онъ сейчасъ еще малъ и ничего не понимаетъ, а вырастетъ большой—и все пойметъ.

Маленькая Таня сдѣлалась какъ-то особенно близкой Окоемову, и онъ съ удовольствіемъ проводилъ съ ней цѣлыя часы въ откровенныхъ дѣтскихъ разговорахъ. У нихъ теперь было много общаго, а главное—полная искренность. Окоемовъ внутренно подсчитывалъ себя и находилъ, что много совершенно лишней тяжести носилъ на себѣ, отъ которой такъ хорошо освободиться.

Разъ княжна засидѣлась въ кабинетѣ у Окоемова,—ей тяжело было его оставить, хотя назначенный мужу часъ возвращенія и былъ просроченъ. По выраженію глазъ больного она чувствовала, что онъ желаетъ, чтобы она оставалась съ нимъ.

— Княжна, мнѣ хочется поговорить съ вами...—началъ онъ, съ трудомъ перемѣняя положеніе на подушкахъ.—Дѣло въ томъ, что я давно собираюсь поговорить съ женой откровенно, и никакъ не могу. Она слишкомъ близка мнѣ... Будетъ больно и ей, и мнѣ. Да... А мнѣ нужно сказать много, очень много.

Онъ съ трудомъ перевелъ духъ и посмотрѣлъ на княжну такими любящими глазами. Она умѣла слушать.

— Да, очень много, княжна... Зачѣмъ всѣ вы думаете о моей смерти? Я не умру, я буду жить съ вами въ тѣхъ стремленіяхъ и цѣляхъ, которыя соединяютъ людей въ одно цѣлое. Вотъ вы готовитесь быть матерью, а вашъ сынъ или дочь уже будутъ составлять частицу всѣхъ насъ, потому что прилѣпятся къ нашему общему дѣлу. Слушая дѣтскую болтовню Тани, я часто думаю о томъ, какъ она будетъ большой дѣвушкой, потомъ замужней женщиной, матерью и пойдетъ по нашей дорогѣ... Вотъ въ чемъ жизнь и смыслъ жизни, и вотъ почему отдѣльный человѣкъ не умираетъ, если онъ одушевленъ общей идеей и служитъ общей цѣли. Да и что значить каждый человѣкъ въ отдѣльности? Сегодня онъ есть, а завтра его не стало... Раньше я тосковалъ, что не увижу своихъ дѣтей большими и не буду имѣть возможности передать имъ то лучшее, для чего самъ жилъ. Да, обидно и грустно... Но сейчасъ думаю: передастъ имъ мать, передадите вы, передастъ маленькая Таня. Видите, я спокоенъ... Скажите и это моимъ дѣтямъ, когда они будутъ большими людьми.

Княжна не удержалась и расплакалась. Окоемовъ обнял ее и поцѣловалъ въ лобъ.

— Милая вы, милая русская женщина... О, какъ я васъ всѣхъ люблю, и какое свѣтлое будущее вамъ предстоитъ... Не плачьте. Для слезъ будетъ свое время...

— Я уже не буду...—по дѣтски всхлипывала княжна, напрасно стараясь улыбнуться сквозь слезы.—Я уже такъ васъ люблю...

— Если любите, то не плачьте... И когда меня не будетъ, тоже не плачьте, а вспоминайте съ веселымъ лицомъ. Да...

Потомъ Окоемовъ закрылъ глаза и проговорилъ:

— А теперь я усталъ, милая княжна...

Княжна убѣжала въ дѣтскую и долго рыдала, уткнувшись головой въ подушки.

— За что, за что?—шептала она.—Вѣдь уже другіе живутъ... пьяницы, негодяи, несправедливые люди... зачѣмъ?

IX.

Свѣтлое настроеніе не оставляло Окоемова. Посѣщавшій его докторъ могъ только удивляться. Такъ прошелъ декабрь и январь. У родныхъ и знакомыхъ явилась даже слабая надежда, что больной проживетъ зиму, а потомъ его можно будетъ увести куда-нибудь на благословенный югъ. Чего не бываетъ на свѣтѣ... Даже Настасья Яковлевна начинала вѣрить возможности выздоровленія, какъ и другіе, страстно желавшіе выздоровленія Окоемова.

Сережа съ женой оставались въ Москвѣ, не рѣшаясь ѣхать на Уралъ. Имъ было больно оставить Окоемова въ его настоящемъ положеніи. Сережа часто оставался ночевать въ окоемовскомъ домѣ и возился съ больнымъ, какъ сидѣлка. Сколько въ немъ было терпѣнія и какой-то женской ласковости. Одно его присутствіе дѣйствовало на больного успокоительно, — вѣдь Сережа былъ такой здоровякъ и точно приносилъ вмѣстѣ съ собой струю здоровья. Потомъ въ немъ не было этой женской нервности, которая волновала Окоемова. Старые друзья говорили больше о серьезныхъ дѣлахъ, и Окоемовъ высказывалъ свои послѣдніе планы.

— Какой онъ хорошій... — думалъ больной каждый разъ, когда Сережа уходилъ отъ него.

Когда Окоемову дѣлалось тяжело, онъ обыкновенно посылалъ за Таней и просилъ дѣвочку почитать библію. Ему нравилось, какъ дѣтскій голосъ, чистый, какъ серебро, отчетливо и ясно читалъ великія слова, нравилось наблюдать серьезное выраженіе этого чистаго дѣтскаго личика, — величайшая книга переливала свою святую любовь, святыхъ страданія и святыхъ надежды въ эту маленькую дѣтскую голову и наполняло невинное дѣтское сердце святыми предчувствіями. Окоемовъ чувствовалъ, какъ онъ самъ дѣлается тоже маленькимъ, и его больное сердце крѣпнеть и наполняется „мірови миромъ“. Да, нужно сдѣлаться ребенкомъ, чтобы подняться до высоты этой книги книгъ... И онъ шелъ по свѣтлой дорогѣ въ невѣдомую даль, оставляя земныя заботы, желанія и надежды.

— Таня, ты понимаешь, что читаешь? — спросилъ разъ Окоемовъ, любясь своей маленькой чтицей.

— Все понимаю, дядя Вася...

По цѣлымъ часамъ Окоемовъ лежалъ съ закрытыми глазами, и всѣ ходили на цыпочкахъ, думая, что онъ спитъ.

Но онъ не спалъ,—вѣрнѣе сказать, не могъ даже сказать, спитъ онъ, или нѣтъ. Это были грѣзы на яву... И въ этихъ грѣзахъ онъ никогда не былъ больнымъ, а, напротивъ, такимъ цвѣтущимъ, молодымъ, сильнымъ. Онъ еще разъ путешествовалъ, только теперь путешествовалъ по своей родинѣ. Вѣдь онъ чувствовалъ холодъ сѣверной зимы, изнывалъ въ песчаныхъ пустыняхъ средней Азіи, карабкался на кручи Кавказа, плылъ по великой русской рѣкѣ Волгѣ, и опять работалъ, счастливый, сильный, любящій. Главное, любящій... Пробуждаясь отъ своего забытья, онъ долго не могъ очнуться и перейти къ грустному настоящему. Ему казалось даже страннымъ, что онъ боленъ, что съ трудомъ едва можетъ перейти съ дивана на кресло, и что ему даже тяжело думать о чемъ-нибудь, а тѣмъ больше рассказать кому-нибудь свои грѣзы. Невидимая рука точно отдѣляла его отъ міра живыхъ людей, и онъ смотрѣлъ на себя, какъ на чужого. Да и пора отдохнуть... Покой—все. Только утихла бы ноющая, глухая боль въ сердцѣ, и можно было бы дышать свободно. Довольно муъ, довольно...

Мартовское утро. Въ комнату заглядываютъ съ какой-то дѣтской радостью лучи ласковаго весенняго солнышка. Съ крыши каплетъ вода, образуя ледяные бордюры изъ сталактитовъ. Въ воздухѣ несется желаніе жить... И въ окоемовскій домъ заглянулъ такой весенній лучъ. Наканунѣ Окоемовъ почувствовалъ облегченіе и сообщилъ это женѣ. Никто не смѣлъ даже радоваться, хотя всѣ страстно мучались желаніемъ вѣрнѣе.

— Мнѣ лучше... да... лучше...—повторялъ Окоемовъ, глядя на жену округлившимися отъ болѣзни глазами.

— Только, пожалуйста, не волнуйся...—уговаривала она.— Если бы ты теперь выспался хорошенько.

— О, я буду скоро здоровъ... Мы опять поѣдемъ туда, на милый сѣверъ... Сколько времени потеряно съ этой глупой болѣзью.

— Да, да... Ёдемъ, только поправляйся.

Всѣ боялись вѣрить, и вѣрили. Это была первая ночь, что всѣ заснули спокойно. Марѳа Семеновна, не допуская мысли, что ея Вася можетъ умереть, за послѣднее время замѣтно приободрилась и даже заплакала отъ радости, что ея Васѣ наконецъ лучше.

Но Окоемовъ не заснулъ. Ему мѣшало какое-то странное головокруженіе и шумъ въ ушахъ. Онъ терпѣливо дождался утра, когда всѣ проснулись, и попросилъ сейчасъ же послать за Таней.

— Я соскучился...—серьезно объяснилъ онъ.

Настасья Яковлевна удивилась его спокойствію и послала за дѣвочкой. Таня сейчасъ же пріѣхала. Окоемовъ попросилъ посадить себя на диванѣ въ подушкахъ, усадилъ дѣвочку рядомъ и попросилъ ее читать.

— А что мы сегодня будемъ читать?—спросила дѣвочка.

— Разверни книгу и читай, что раскроется.

Таня развернула библію на той страницѣ, гдѣ рассказывалась исторія Самсона. Дѣтскій голосъ зазвенѣлъ... Окоемовъ слушалъ, закрывъ глаза.

— ...и пришелъ Самсонъ въ станъ филистимскій...

— Таня, дай мнѣ свою руку...

Дѣвочка сама взяла исхудавшую руку Окоемова и продолжала читать исторію Самсона. Когда она кончила, Окоемовъ былъ уже мертвъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

К О Н Е Ц Ъ .

I. Идеальный учитель. — II. Новые лица, старые друзья.

Эдмонда де-Амичиса *).

Сельская управа (муниципалитетъ) мѣстечка Боссолано отвела вновь прибывшему учителю Ратти комнату въ томъ домѣ на площади, гдѣ жилъ уже учитель Делли съ семьей и органистъ, дававшій уроки музыки въ школѣ. Чувство изумленія охватило Ратти, когда онъ впервые увидѣлъ Делли, явившагося, въ день его прїѣзда, сдѣлать ему визитъ. Ему показалось, что онъ видитъ на яву тотъ, образъ, который часто вставалъ въ его воображеніи, когда, бывало, въ учительской семинаріи, профессоръ Мегара разсуждалъ о томъ, какъ при тѣхъ или иныхъ данныхъ долженъ былъ бы поступить образцовый педагогъ, и повторялъ излюбленный свой вопросъ: „Что сдѣлалъ бы въ такомъ случаѣ нашъ учитель?“ Этотъ его идеальный учитель удивительно походилъ на Делли, являвшаго собою одну изъ тѣхъ фигуръ, которыя кажутся воплощеніемъ своей профессіи. Человѣкъ лѣтъ сорока, сухощавый, съ строгимъ и спокойнымъ лицомъ, съ гладко расчесанными бакенбардами, по одеждѣ—не то мелкій чиновникъ, не то унтеръ-офицеръ въ отставкѣ, изумительно чистоплотный, онъ отличался во всякомъ своемъ движеніи живостью, соединенной со сдержанностью, напоминая этимъ военнаго инструктора, обучающаго рекрутъ. Ратти задалъ ему нѣсколько вопросовъ относительно школьнаго начальства, но Делли отвѣчалъ неопредѣленно, точно этотъ предметъ разговора очень мало его интересуетъ. Зато онъ цѣлыхъ десять минутъ не умолкая говорилъ о новой школьной постройкѣ, возводив-

---

*) «Идеальный учитель» и «Новые лица, старые друзья»—двѣ главы извѣстнаго романа де Амичиса «Romanzo d'un Maestro» въ которомъ авторъ описываетъ борьбу, всѣ лишения и затрудненія, осаждающія сельскаго учителя, этого пионера цивилизаціи на его тернистомъ пути народнаго развитія. Дѣйствіе происходитъ въ Альпійскихъ селахъ, окружающихъ Туринъ.

шейся при въѣздѣ въ село, разбиралъ всѣ касавшіяся подробности: планъ, добровачественность строевого матеріала, уступку въ цѣнѣ, сдѣланную подрядчикомъ и доказывавшую его честность, словомъ, обсуждалъ все, будто рѣчь шла о его собственномъ домѣ. Затѣмъ, взглянувъ на часы, онъ лаконически простился и ушелъ солдатской походкой, оставивъ въ молодомъ учителѣ впечатлѣніе симпатіи, смѣшанной съ любопытствомъ, и нѣчто похожее на предчувствіе, что подъ этой жесткой оболочкой скрывается далеко не дюжинная личность, передъ которой ему когда-нибудь непременно придется преклониться.

Всѣ кругомъ него единогласно говорили такъ много хорошаго о Делли, что Ратти, наконецъ, рѣшилъ во что бы то ни стало, хотя бы насильно, добиться болѣе тѣснаго знакомства съ нимъ, но Делли устранился отъ этого, повидимому, не столько изъ гордости, сколько изъ любви къ уединенію. Ратти еще болѣе утвердился въ своемъ рѣшеніи, слушая похвалы, которыя расточались учителю органистомъ, такъ какъ если уже органистъ хвалилъ кого-нибудь, то предметъ его похвалъ, во всякомъ случаѣ, не могъ походить на остальныхъ обывателей села. „Делли у насъ единственный истинный *galant'uomo*“, говорилъ органистъ. Одинъ лишь упрекъ дѣлалъ онъ ему—что онъ не увлекался, или, точнѣе, не интересовался излюбленной мечтой органиста относительно предстоявшаго „обновленія міра“. Чортъ возьми, кто больше народныхъ учителей долженъ былъ бы желать такого порядка вещей, при которомъ они бы все выиграли, такъ какъ несомнѣнно, что въ новомъ обществѣ первыя мѣста заняли бы тѣ, которые воспитываютъ умъ народа, т.-е. школьные учителя, и тѣ, которые воспитываютъ его сердце, т.-е. учителя музыки. „Никогда не перестанутъ учиться, какъ азбукѣ, такъ и музыкѣ“,—говорилъ органистъ.

И такъ, Ратти все чаще и чаще началъ посѣщать Делли подъ предлогомъ узнать его мнѣніе по разнымъ школьнымъ вопросамъ. Это былъ единственный способъ провести нѣкоторое время въ его обществѣ; иначе, онъ послѣ первыхъ же словъ обыкновенно обрывалъ разговоръ. Ратти не нашелъ въ немъ выдающихся знаній, но зато нашелъ опредѣленные, точные взгляды, являющіеся, какъ ему казалось, итогами личныхъ его наблюденій, а не чтенія. Такъ, напр., Ратти былъ пораженъ слѣдующимъ его выводомъ. Убѣдившись, послѣ многолѣтняго опыта, что почти въ каждый классъ ежегодно поступаетъ отъ пяти до шести дурныхъ, испорченныхъ учениковъ,

которые почти всѣ грѣшатъ одними и тѣми же недостатками, и, если можно такъ выразиться, развращены одной и той же порчей—онъ теперь научился узнавать ихъ по внѣшности и по самымъ незначительнымъ, почти невольнымъ съ ихъ стороны, проявленіямъ ихъ характера въ первые же дни пребыванія въ школѣ. И вотъ, онъ поставилъ себѣ за правило, тотчасъ же идти имъ на встрѣчу, не дожидаясь перваго ихъ проступка. Опытъ показалъ ему, что, увидѣвъ себя такимъ образомъ разгаданными и какъ бы обезоруженными еще до стычки, эти дѣти проникались такимъ уваженіемъ и такимъ страхомъ передъ ясновидѣніемъ учителя и его рѣшительностью, что даже самые отчаянные изъ нихъ нѣкоторое время вели себя смирно. Относительно классной дисциплины Делли раздѣлялъ взгляды школьнаго окружного инспектора въ Гораско: провинившихся онъ наказывалъ тотчасъ же, никого объ этомъ не предупреждая. Делли хотѣлъ, чтобы ученики его прониклись полнѣйшей увѣренностью въ томъ, что нѣкоторые проступки немедленно, неотвратимо, безъ малѣйшей возможности пощады, влекутъ за собой извѣстныя наказанія, подобно тому, какъ, напр., ударъ головой о стѣну влечетъ за собой ощущение боли. Что же касается того чувства, съ которымъ онъ, какъ человѣкъ добрый и отецъ семейства, долженъ былъ бороться, проявляя такую строгость, то, какъ онъ говорилъ, ему удавалось скрывать его, не дѣлая усилія надъ собой: онъ выказывалъ любовь всему классу вообще, но никому изъ учениковъ въ отдѣльности. По его мнѣнію, учитель долженъ быть чуждъ увлеченія, страсти, ему должно быть присуще нѣчто спокойное, невозмутимое, безличное, что давало бы понятъ ученикамъ, какое различіе между школой и семьей, и между учителемъ и отцомъ; въ школѣ дѣти становятся уже гражданами и начинаютъ исполнять долгъ свой по отношенію къ государству, и поэтому тутъ они не имѣютъ уже права ждать ни снисхожденія, ни ласки. По мнѣнію Делли, желаніе сдѣлать изъ школы вторую семью ошибочно, такъ какъ школа могла бы быть только недисциплинированной семьей, потому что учитель лишень средствъ, которыми владѣютъ родители для того, чтобы сдержать злоупотребленія фамиллярностью. И потому у себя въ классѣ онъ требовалъ прежде всего полнѣйшей тишины, чтобы никогда не быть вынужденнымъ возвышать голоса—первое, самое обычное и величайшее проявленіе слабости со стороны учителей. Такимъ образомъ, его ученики, даже наименѣ послушные,

мало-по-малу привыкали входить въ классъ и выходить изъ него, какъ въ церковь, на цыпочкахъ. И такъ какъ оттънокъ въ голосѣ регулировалъ у него порицаніе или похвалу, то ему достаточно было для этого слова, взгляда, движенія головы. Онъ держался того же метода и въ наставленіяхъ, излагая преподаваемыя имъ правила и обязанности тѣмъ проще и короче, чѣмъ онѣ сами по себѣ были выше и значительнѣе, не объясняя причину причинъ, какъ это, по словамъ его, дѣлается теперь, когда съ малыми ребятами обсуждаются чуть ли не самыя священные принципы. Юнымъ дѣтскимъ умамъ Делли старался внушить, что онъ убѣжденъ въ томъ, что дѣлаетъ такъ же твердо, какъ въ свѣтъ солнечнаго дня, и что доискиваться причины нѣкоторыхъ нравственныхъ истинъ—святоотатство. Сначала подобное веденіе школьнаго обученія представлялось Ратти черезчуръ холоднымъ и одностороннимъ, проистекающимъ изъ черствости и сухости сердца. Поэтому онъ ставилъ выше Делли свою пріятельницу, учительницу Галли, на которую, какъ ему казалось, этотъ послѣдній очень походилъ другими сторонами характера. Но онъ перемѣнилъ мнѣніе, когда присмотрѣлся ближе къ ученикамъ своего товарища, замѣнивъ его какъ-то два раза въ его классѣ, и когда глубже проникъ въ его душу.

Это былъ странный человѣкъ, въ которомъ, каждый разъ, что онъ съ нимъ говорилъ, Ратти отерывалъ новое, непредвидѣнное имъ качество. Делли читалъ мало, но непременно выносилъ что-нибудь изъ самаго незначительнаго чтенія. Несмотря на разные недочеты въ образованіи, въ сужденіяхъ его часто сказывалось столько глубокаго пониманія, что молодой учитель невольно задумывался, и въ выводахъ его, въ видѣ практическаго правила, находилъ точно сконцентрированными и слитыми воедино многія разрозненныя наблюденія, сдѣланныя имъ самимъ въ періодъ его девятилѣтняго школьнаго преподаванія, но которыя, однако, ему самому никогда не удалось согласить между собой и привести къ одному общему знаменателю. И, что было еще удивительнѣе—казалось, что всѣ способности Делли сосредоточены на одной цѣли—на преподаваніи. Каждая его мысль облекалась именно въ ту форму, которая могла быть воспринята дѣтскимъ умомъ. Каждое добытое имъ свѣдѣніе, разсужденіе, слышанное мимоходомъ, событіе, вычитанное изъ газетъ, какое-нибудь случайно подмѣченное явленіе природы—все это мгновенно схватывалось его умомъ, перерабо-

тывалось имъ и превращалось въ матеріаль для уроковъ. Глядя на него и слушая его, Ратти спрашивалъ себя—не рождаются ли въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые люди учителями, какъ, говорятъ, рождаются поэтами?

Делли былъ олицетвореніемъ учителя не только по своей внѣшности, но и по всѣмъ своимъ жестамъ и движеніямъ, по тому, какъ онъ бралъ въ руки книгу, складывалъ листъ бумаги, обмакивалъ перо въ чернила—все это, даже и внѣ школы, онъ дѣлалъ такъ образцово, будто имѣлъ намѣреніе обучить тому же другихъ. Познакомившись съ нимъ ближе, Ратти убѣдился, что его изумительное рвеніе не проистекаетъ (какъ у нѣкоторыхъ другихъ народныхъ учителей) изъ того высокаго понятія, которое они имѣли о своемъ значеніи апостоловъ цивилизаціи и обновителей человѣчества. Такихъ громкихъ словъ Делли никогда не произносилъ, и, казалось, даже и въ мысляхъ не переступалъ никогда узкаго круга, предназначаемаго ему взятыми на себя обязанностями и школьными программами. Двигало имъ ничто иное, какъ только страсть исполненія долга, желаніе увидѣть немедленные и скромные плоды своихъ трудовъ, живая любовь ко всѣмъ подробностямъ своей профессіи, къ трудовому дню, чистой совѣсти, къ порядку въ жизни и кругомъ себя, и нравственное удовлетвореніе въ томъ, что всѣ способности его примѣняются съ успѣхомъ въ дѣлѣ, къ которому влекутъ его природныя стремленія; въ работѣ среди того маленькаго интеллектуальнаго мірка, за предѣлы котораго даже въ юношескіе годы онъ, быть можетъ, ни разу не порывался, и гдѣ онъ чувствовалъ себя ежедневно ближе къ совершенству, и болѣе довольнымъ собой и другими.

Онъ никогда не касался въ своемъ разговорѣ даже общихъ интересовъ своего сословія, напр., скудности содержания. Впрочемъ, судя по его спартанской бережливости и скромнымъ потребностямъ его семьи, становилось понятнымъ, что ему-то всегда хватало его скромнаго жалованья. Еще молодымъ человѣкомъ, онъ, повидимому, сумѣлъ даже отложить кой-какія крохи; страдая незначительнымъ занежаніемъ (послѣдствіе сильнаго ушиба въ дѣтствѣ), онъ на собственные средства поѣхалъ въ Туринъ въ заведеніе для заикающихся доктора Шервена, и вылечился тамъ отъ своего недостатка. И позже, когда онъ однажды неожиданно получилъ пособіе, онъ купилъ на эти деньги стереоскопъ, который берегъ для употребленія въ школь. Въ на-

стоящее время онъ изъ остатковъ своего скуднаго жалованья и грошей, получаемыхъ за вечерніе классы и отъ нѣкоторыхъ частныхъ уроковъ, находилъ еще возможность содержать на полномъ пансіонѣ у одной старой синьоры въ Туринѣ своего 17-лѣтняго сына, слушавшаго курсъ въ технологическомъ институтѣ. Этотъ юноша уже нѣсколько разъ озабочивалъ его своимъ, нѣсколько легкомысленнымъ, характеромъ. Дома у него былъ еще сынъ 8-ми лѣтъ, ученикъ его школы, и десятилѣтняя дочь, посѣщавшая школу для дѣвочекъ синьоры Мартива. Оба они отличались такой же необыкновенной аккуратностью, были такіе же серьезные и сдержанные, какъ и отецъ ихъ, и по тому, какъ они держались въ его присутствіи, казались скорѣе его учениками, чѣмъ дѣтьми. Съ такимъ же уваженіемъ относилась къ нему и его жена, немногимъ моложе его, дочь секретаря сельской управы. Лицо ея носило выраженіе постоянной, нѣжной озабоченности, которая присуща матерямъ семействъ, заваленныхъ работой и тревогами и стремящихся всей душой не потерять даромъ ни одной минуты времени и не издержать ни одной лишней копейки. Въ маленькой квартирѣ изъ трехъ комнатъ и кухни, занимаемой семьей Делли надъ квартирой Ратти, никогда не раздавалось ни неожиданнаго шума, ни возгласовъ. Только въ извѣстное, определенное, время слышались тамъ звуки шаговъ и отодвигаемыхъ стульевъ, что указывало на точный порядокъ домашней жизни, въ которой время распредѣлялось такъ же правильно, какъ и въ классѣ. Ежедневно, при первомъ звонѣ въ школу, учитель и дѣти его уже сходили съ лѣстницы, и въ квартирѣ раздавались только бодрые шаги матери, которая по временамъ что-нибудь напѣвала.

Мало-по-малу Ратти сошелся ближе съ Делли и его семьей, особенно во время болѣзни своего коллеги, когда, по его желанію, онъ заходилъ къ нему ежедневно, чтобы сообщать свѣдѣнія о его ученикахъ. Первый разъ, когда Ратти перешелъ порогъ квартиры семьи Делли, онъ изумился чистотѣ, которую тамъ увидѣлъ, и болѣе всего спальни и мужа; и жены, гдѣ, не смотря на то, что мѣста было очень не много, учитель устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ кабинетика съ маленькимъ столикомъ и книжными полками, на которыхъ, въ большомъ порядкѣ, были расположены тетрадки и диктовки учениковъ, равные учебные протоколы и сборники пе-

дагогическихъ журналовъ. Даже всѣ стѣны крохотной столовой были покрыты школьными предметами—старыми географическими картами, таблицами мнемонической системы, похвальными листами и т. д. Здѣсь висѣлъ также календарь текущаго года, и, между прочимъ, красовались въ рамкахъ рисунковъ строящейся новой школы и портретъ Винченціо Троя. Делли занимался даже въ постели, больной. Дѣти его входили къ нему въ комнату на цыпочкахъ, какъ въ классѣ, и, окончивъ уроки, помогали матери въ хозяйствѣ. Она же посѣвала всюду, изображая собой одновременно сидѣлку, кухарку, горничную, прачку и репетитора. Выраженіе горя, которое Ратти прочелъ на лицахъ матери и двухъ дѣтей въ первые дни болѣзни Делли, пока еще не выяснилось, насколько опасно состояніе этого человѣка, трудъ котораго поддерживалъ существованіе семьи, и здоровье котораго было опорой для всѣхъ, произвело на него тяжелое впечатлѣніе. И, когда докторъ объявилъ, что нѣтъ опасности, и позже, когда Ратти увидѣлъ Делли снова на ногахъ, онъ почувствовалъ, что и съ его души скатилось тяжелое бремя.

Та небольшая услуга, которую молодому учителю удалось оказать своему коллегѣ, участіе, выказанное имъ его семьѣ въ дни его болѣзни, его наружность и милое обращеніе, привлекли къ нему живѣйшую симпатію матери и ея дѣтей, и заставили ихъ въ эти нѣсколько дней полюбить его, какъ стараго друга, которому можно все довѣрить. Одинъ только Делли, искренно поблагодаривъ его, не перемѣнилъ съ нимъ обращенія: какъ и раньше, онъ былъ съ нимъ вѣжливъ, безъ дружескихъ изліяній, и продолжалъ разговаривать лишь о школьныхъ вопросахъ, и то только тогда, когда эти вопросы ему предлагались.

Не успѣлъ отецъ подняться съ постели, какъ у маленькаго его сына обнаружилась скарлатина, и болѣзнь внезапно приняла тяжелый оборотъ. Ратти снова представился случай удивляться этой семьѣ, гдѣ всѣ были всегда готовы твердо выносить опасность и горе, безъ тщетныхъ жалобъ и другихъ признаковъ слабости. Въ такихъ случаяхъ, всѣ они удваивали свою заботливость и энергію, всѣ, какъ колеса машины, дѣйствовали дружно и согласно, и въ этомъ небогатомъ домѣ всегда оказывались на лицо сотни бездѣлицъ, необходимыхъ въ болѣзни, которыя такъ часто отсутствуютъ даже въ барскихъ хоромахъ, гдѣ деньги текутъ въ изобиліи, но не хватаетъ предусмотрительности. Делли продолжалъ занимать-

ся въ школѣ во время болѣзни сына. По вечерамъ — такъ какъ больной ребенокъ желалъ видѣть его подлѣ себя — онъ, сидя у его постели, поправлялъ карандашомъ тетради учениковъ. Какое трогательное зрѣлище представлялъ бѣдный малютка, который, даже въ пылу томившей его лихорадки, казался особенно счастливъ этими необычными проявленіями нѣжности со стороны своего, обыкновенно, столь сдержаннаго отца! Съ какой заботливостью разспрашивалъ онъ его, какой урокъ заданъ сегодня ученикамъ, что онъ намѣренъ объяснять имъ завтра, не случилось ли чего новаго въ классѣ? Отецъ дѣлалъ ему знавъ рукой, чтобы онъ пересталъ говорить, и онъ повиновался немедленно, какъ въ школѣ. Въ одинъ день лихорадка мальчика дошла до высшей точки, всѣ были объаты страхомъ, никто не ложился спать. Делли проработалъ до разсвѣта въ столовой, ежеминутно вставая, чтобы идти къ звавшему его больному. Но кризисъ прошелъ благополучно. И тутъ Делли не выразилъ своей радости словами — только лицо его, на которомъ уже нѣсколько дней какъ будто лежала густая тѣнь, немного просвѣтлѣло. Но Ратти понималъ, что, какъ онъ, такъ и жена его имѣли, повидимому, кромѣ болѣзни ребенка, еще другое затаенное горе, иначе, какъ ему казалось, по крайней мѣрѣ, мать выказала бы большую радость по случаю выздоровленія ребенка. Онъ часто устремлялъ на нее свой взглядъ, и она это замѣтила. Какъ-то разъ утромъ она, наконецъ, открыла ему свою душу. Последнія извѣстія, полученныя о Норбертѣ — старшемъ сынѣ, учившемся въ технологическомъ институтѣ — были нехороши. Онъ послѣднее время занимался плохо, и отмѣтки его становились все хуже и хуже. Письма его сдѣлались короткими, сбивчивыми, неискренними, точно написанными по обязанности, безъ истиннаго чувства. Мать не могла понять, въ чемъ дѣло. Норбертъ былъ живой мальчишъ, правда, немного падкій на развлеченія и, пожалуй, даже легкомысленный. Но онъ никогда не сдѣлалъ ни одного дурного поступка, онъ всегда учился хорошо и, повидимому, понималъ обязанности, налагаемыя на него жертвами, которыя отецъ приносилъ для него. Сохрани Богъ, если этотъ юноша, на котораго отецъ возлагалъ столько надеждъ, свернулъ съ хорошаго пути! Делли самъ училъ и воспитывалъ его, въ теченіе цѣлыхъ годовъ посвящалъ ему все время, остававшееся у него свободнымъ послѣ занятій въ школѣ, доходя до того, что собственноручно писалъ для него сочиненія по разнымъ предметамъ, изготовлялъ тетради

съ разными таблицами и извлеченіями, чтобы облегчить ему ученіе. И помимо всего этого, какой примѣръ подавалъ онъ ему самъ! Ужь если юноша, воспитанный такимъ отцомъ, не окажется хорошимъ, то можно было бы отчаяваться въ дѣлѣ воспитанія вообще. Боже великій, сегодня уже цѣлыхъ десять дней, какъ онъ не отвѣчаетъ ни слова на письмо отца, требовавшее немедленнаго отвѣта! Ратти старался успокоить сеньору Делли обычными въ такихъ случаяхъ доводами, но она оставалась при своемъ. „Что дѣлать,—повторяла она,—у меня дурное предчувствіе“.

Два дня спустя послѣ этого разговора, въ четвергъ утромъ, маленькая дочь Делли прибѣжала съ испуганнымъ лицомъ къ Ратти, прося его немедленно подняться наверхъ къ матери. Въ одинъ мигъ очутился онъ въ квартирѣ учителя и засталъ сеньору Делли въ столовой, сидящую у стола съ письмомъ въ рукахъ и горько плачущую. Делли не было дома, мальчикъ еще лежалъ въ постели, дочь немедленно удалилась по знаку матери; сеньора Делли поспѣшно закрыла за нею дверь и обернулась къ молодому учителю съ такими горькими рыданіями, что, казалось, у нея разорвется грудь. Ратти не успѣлъ выговорить вопроса, какъ она уже сунула ему въ руки письмо, говоря: „Вы для насъ точно родной, я довѣряю вамъ, прочтите, посоветуйте мнѣ, я схожу съ ума!“— Письмо было заказное, адресовано на имя сеньоры Делли и написано ея знакомой, нѣкой Бейссонъ, квартирной хозяйкой Норберта. Послѣ длиннаго предисловія, полнаго сожалѣнія и утѣшенія, въ письмѣ этомъ излагалось, какъ у Бейссонъ *не оказалось* 250 лиръ, какъ она только два дня передъ тѣмъ замѣтила это, какъ, нѣсколько часовъ спустя, она открыла, что деньги,—само собой съ намѣреніемъ вернуть ихъ,—были истрачены Норбертомъ, попавшимъ незадолго передъ тѣмъ въ общество дурныхъ товарищей,—какъ самъ Норбертъ, съ искренностью, дѣлавшей ему честь, сознался ей въ своей *неосторожности* и выказалъ глубокое раскаяніе и сожалѣніе. Собственно говоря, она предпочла бы скрыть случившееся и отъ родителей, также какъ скрыла отъ всѣхъ остальныхъ, въ чемъ клялась честнѣйшимъ своимъ словомъ,—но такъ какъ взятая сумма издержана, а деньги ей необходимы, то она поставлена въ тяжелую необходимость просить о возвратѣ ихъ, увѣренная, что просьба ея будетъ, по возможности, исполнена. Кончая письмо, сеньора Бейссонъ говорила, что осто-

рожность побудила ее написать матери, въ случаѣ, еслибъ послѣдняя сочла нужнымъ скрыть случившееся отъ отца, но что, во всякомъ случаѣ, она просила бы ихъ обоихъ не принимать всего этого слишкомъ въ сердце, — рѣчь идетъ вѣдь только о юношескомъ легкомысліи, не имѣющемъ важнаго значенія и которое притомъ останется между ними и никому не будетъ извѣстно. Прочитавъ письмо, Ратти содрогнулся вѣзмъ сердцемъ при мысли о Делли, и его явное смущеніе только еще усилило отчаяніе матери. „Прочли?— крикнула она, выхвативъ письмо у него изъ рукъ.— Господи, Господи! И такой-то ужасъ долженъ былъ случиться съ нами! Возможно ли это, подумайте только! Мой Норбертъ, мой сынъ! Если мой мужъ узнаетъ это! Что дѣлать! Какое счастье, что его не было дома, когда пришло письмо! Говорите же, совѣтуйте, что мнѣ дѣлать, сеньоръ Ратти! Я теряю голову! Мнѣ все еще не вѣрится, что это можетъ быть правдой! Гдѣ мнѣ достать 250 лиръ! Для насъ это полное разореніе! А деньги нужны немедленно! Мы обезчещены... О Боже! Боже милостивый, сжапись надъ нами!..

— Прежде всего необходимо, чтобы вашъ мужъ ничего не узналъ,—рѣшительно произнесъ Ратти.—Спрячьте письмо. Постарайтесь успокоиться. Деньги я достану. Все будетъ поправлено. Но самое важное, чтобы сеньоръ Делли ничего не узналъ.

— Вы нашъ спаситель,—рыдала сеньора Делли.—Что же мнѣ дѣлать, скажите?

— Когда вернется вашъ мужъ?

— Не знаю,—отвѣтила она грустно.—Онъ не сказалъ мнѣ, куда ушелъ, онъ можетъ быть дома съ минуты на минуту.

Она бросилась къ окну посмотрѣть, не идетъ ли онъ, но, сдѣлавъ два, три шага, ноги ея точно приросли къ землѣ, потому что она услышала, что ключъ повернулся въ двери. Делли вошелъ, поздоровался съ Ратти, отдалъ шляпу женѣ, и направился въ комнату къ сыну. Остальные двое послѣдовали за нимъ, обмѣнявшись взглядомъ. Но Ратти вздрогнулъ, увидѣвъ, на сколько измѣнилось лицо бѣдной матери. Делли подошелъ къ постели больного и положилъ руку на голову сына, который ему улыбнулся, потомъ онъ посмотрѣлъ на жену.

— Ты плакала?—сказалъ онъ.—Что съ тобой?

Жена указала дрожащей рукой на сына и отвѣтила:

— Причина ясна. Я все боюсь ухудшенія.

— Это не то,—сказалъ мужъ.

— Такъ что же еще?—отвѣтила она.

— Почему, — спросилъ мужъ, — ты не говоришь мнѣ правды?—И взглядъ его, устремленный на нее, былъ такъ глубокъ и пронизателенъ, что она потеряла голову и быстро проговорила:—Вотъ въ чемъ дѣло, Норбертъ проигрался въ карты...

Делли съ минуту помолчалъ и взглянулъ на молодого учителя, который съ тревогой думалъ о томъ, какъ бы, по крайней мѣрѣ, отворотить полное признаніе. Потомъ Делли спокойно спросилъ жену:

— Кто написалъ тебѣ объ этомъ?

— Сеньора Бейссонъ,—отвѣтила жена.

— Зачѣмъ ты скрываешь отъ меня письмо?

Бѣдная мать, державшая письмо, сконканное въ рукавѣ, еле произнесла:

— Чтобы не огорчить тебя. Я уже отослала отвѣтъ. Я не хотѣла ничего говорить тебѣ. Какая была бы въ томъ польза? Всего было четыре строки. Я сожгла письмо... увѣрю тебя.

— Дай мнѣ письмо;—произнесъ мужъ, протягивая руку.

Жена колебалась одно мгновеніе, и затѣмъ прошептала голосомъ умирающей:

— Онъ сдѣлалъ нѣчто худшее.

Послѣдовала минута ужаснаго молчанія.

Затѣмъ въ комнатѣ прозвучалъ такой голосъ, котораго она никогда въ жизни не слышала, и который пронзилъ ей сердце смертельнымъ холодомъ:

— Онъ укралъ?

Мать разрыдалась, закрывъ лицо руками. Ратти кинулся къ своему коллегѣ, и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не укралъ... это легкомысліе, не мучь себя.

Но письмо было уже въ дрожащихъ рукахъ учителя, который читалъ его съ выраженіемъ глубокаго вниманія, постепенно мѣняясь въ лицѣ, какъ человѣкъ, который, не будучи въ состояніи ни крикнуть, ни двинуться съ мѣста, видѣлъ бы, что сынъ его приложилъ револьверъ въ виску и медленно надавливаетъ курокъ... Когда Делли кончилъ письмо, онъ поднялъ глаза на жену, а она бросилась ему на шею и горько заплакала у него на груди.

Мужъ нѣжно высвободился изъ ея объятій и стоялъ задумавшись. Выраженіе безконечнаго утомленія разлилось по его лицу, какъ будто онъ въ эти нѣсколько минутъ состарился на двадцать лѣтъ. Вдругъ онъ выговорилъ:

— Сейчасъ ѣду въ Туринъ.

Жена спросила его робкимъ голосомъ, не смѣя взглянуть на него:

— А деньги?

Делли не отвѣтилъ. Ратти поспѣшилъ сказать:

— Это мое дѣло.

— Не надо,— твердо произнесъ учитель.— Скоро я попрошу тебя о другомъ. Благодарю, Ратти. — И, приложивъ палець къ губамъ, показалъ ему знакомъ, чтобы онъ никому не проговаривался.

Но Ратти бросился изъ комнаты, рѣшивъ во что бы то ни стало достать деньги. Лично у него было всего сто франковъ, отложенные для путешествія въ Туринъ. У него мелькнула мысль обратиться къ учителю геометріи и попросить 150 франковъ, какъ бы для себя лично. Но онъ не успѣлъ еще спуститься съ первой ступени лѣстницы, какъ уже придумалъ другую комбинацію и постучался въ дверь органиста.

Дверь отворилъ самъ хозяинъ, бритое лицо котораго носило, противъ обыкновенія, серьезное выраженіе. Онъ сказалъ вполголоса:

— Войди, Норбертъ здѣсь.

Молодой учитель подумалъ, что ослышался, до такой степени это извѣстіе показалось ему неожиданнымъ.

— Онъ здѣсь,—повторилъ органистъ шепотомъ, вводя Ратти въ свой кабинетъ и указывая на смежную комнату. — Мнѣ все извѣстно,— онъ во всемъ признался мнѣ. Пѣшкомъ пришелъ онъ сюда изъ Турина, имѣя въ виду предупредить письмо г-жи Бейссонъ и броситься въ ноги отцу. Но почти у дверей его квартиры, его охватилъ такой ужасъ, что онъ бросился сюда ко мнѣ, умолая меня скрыть его. Я пожалѣлъ и принялъ его—хотя потомъ былъ готовъ выгнать, но, понимаешь... долгъ гостепріимства священень.

Ратти сообщилъ, что отцу все извѣстно.

Органистъ такъ и думалъ, услыхавъ наверху плачь сеньоры Делли. Эти слова онъ проговорилъ, стоя прямо передъ роялемъ, почесывая себѣ голову и устремивъ взглядъ въ потолокъ, потомъ добавилъ:

*

— И нужно же было такой вещи случиться съ такимъ человѣкомъ, какъ Делли. Гдѣ же послѣ того справедливость на землѣ? — Подумайте, можетъ ли общество, устроенное такимъ образомъ, долго еще просуществовать? — И органистъ сталъ объяснять причину „неосторожности“ Норберта. Тутъ замѣшана не кака-либо женщина, а женщины вообще. Юноша, полный жизни и силъ, прожившій до 17 лѣтъ такъ, какъ слѣдуетъ жить, набросился на запретный плодъ, какъ проголодавшійся дикарь и потерялъ голову... Но такъ какъ развлеченія обходятся дорого, а у него ничего не было... Э, да какой же онъ негодяй! — воскликнулъ органистъ, потрясая въ воздухѣ кулаками. — Съ такимъ отцомъ какъ у него, развѣ можно играть такія шутки? — нѣтъ... Общественная ликвидація... все это прекрасно... Но, чертъ возьми, нужно же прежде всего понимать другъ друга!

Ратти перебилъ его, сказавъ, что пришелъ къ нему съ просьбой.

— Вотъ деньги, — отвѣтилъ органистъ, не оборачиваясь и вытаскивая ихъ изъ кармана.

Ратти поцѣловалъ его въ щеку.

Органистъ вытеръ щеку рукой и сказалъ:

— Не за что. Для меня дать деньги Делли все равно, что дать ихъ въ государственный банкъ. — И онъ показалъ знакомъ, чтобы Ратти уносилъ ихъ скорѣй.

Молодой учитель поднялся бѣгомъ по лѣстницѣ, вышелъ, едва переводя духъ, въ квартиру Делли, и засталъ мужа и жену въ первой комнатѣ. Тутъ, задыхаясь отъ волненія, онъ положилъ, не говоря ни слова, деньги на столъ.

Делли не взялъ ихъ.

— Благодарю, Ратти, — сказалъ онъ спокойно, — я никогда этого не забуду тебѣ. Но мнѣ не нужно. — И онъ указалъ ему на небольшой свертокъ перевязанныхъ красной тесьмой бумажекъ — плодъ сколькихъ лишеній, какого труда и утомленія, про это онъ одинъ зналъ. — Попрошу тебя лучше, — добавилъ онъ, — сходи къ старшинѣ и объяви ему о моемъ отъѣздѣ, сказавъ, что я вернусь завтра.

Ратти тотчасъ же вышелъ, рѣшивъ, однако, покончить всю исторію, устроивъ свиданіе сына съ отцомъ и уговоривъ его уѣхать вмѣстѣ съ Норбертомъ въ Туринъ. Войдя къ органисту, онъ вернулъ ему деньги и сообщилъ о своемъ планѣ.

Органистъ направился въ сосѣдную комнату и вышелъ оттуда съ симпатичнымъ на видъ юношей, очень похожимъ на мать, съ блѣднымъ и разстроеннымъ лицомъ и заплаканными глазами. Минуту спустя послышались шаги Делли, сходявшаго съ лѣстницы.

— Крѣпись, — шепнулъ органистъ юношѣ, толкая его къ дверямъ, — и пусть меня повѣстятъ, если я другой разъ вмѣшаюсь въ такую исторію.

Всѣ втроемъ вышли: Делли стоялъ нѣсколькими ступенями выше, на площадкѣ лѣстницы, съ савояжемъ въ рукѣ: сынъ бросился къ нему, упалъ, какъ подкоженный, ему въ ноги, и обхватилъ ихъ, тяжело дыша, не говоря ни слова. Отецъ поблѣднѣлъ и сдѣлалъ инстинктивный жестъ, отстраняя его отъ себя, но затѣмъ взглянулъ на него съ выраженіемъ безконечной грусти и сказалъ:

— Пойди, къ своей матери.

Норбертъ винулся къ ней и вскорѣ на лѣстницѣ послышался пронзительный крикъ — это былъ крикъ жалости и прощенья. Нѣсколько мгновений спустя Норбертъ сошелъ съ лѣстницы и исчезъ слѣдомъ за отцомъ.

Вечеромъ на другой день Делли вернулся изъ Турина. Ратти пришелъ его провѣдать, но онъ не проронилъ ни слова ни о сынѣ, ни о своемъ путешествіи. Мать съ своей стороны даже не упоминала ни о чемъ, разговоръ шелъ совсѣмъ о другомъ, и видъ учителя и его жены былъ, хотя и печальный, но твердый, какъ будто ничего не случилось.

Въ слѣдующіе дни и вообще никогда болѣе Делли не говорилъ ни слова о случившемся и ни разу не вспоминалъ о сынѣ; онъ сталъ еще молчаливѣе, лицо его приняло еще болѣе пружняго, всецѣло, сосредоточился на шволѣ. Чтобы поправить свои дѣла, онъ долженъ былъ братья за всякій представлявшійся ему заработокъ: давать уроки крестьянамъ, жившимъ за версту отъ села, служащимъ, желавшимъ открыть лавочку, и учить полу-кретина, сына мясника, котораго. Ратти отказался принять въ свой классъ. И съ этихъ поръ Делли не имѣлъ и четверти часа отдыха во весь день; онъ отказался даже отъ ежедневной прогулки къ мѣсту новой швольной постройки и на ходу, идя по улицѣ, исправлялъ карандашомъ письменныя работы своихъ учениковъ. Одновременно съ этимъ, онъ удвоилъ также за-

ботливость въ подготовкѣ къ своимъ урокамъ въ школѣ, и въ выборѣ темъ; онъ, по обыкновенію, ежедневно тщательно записывалъ каждую свою или чужую мысль, слышанную или прочитанную имъ, которая могла бы пригодиться ему въ преподаваніи. Жена Делли задумывалась надъ этой усиленной его дѣятельностью, почти совсѣмъ отнимавшей его теперь отъ семьи и въ огорченіи обратилась однажды къ Ратти:

— Ахъ,—сказала она,—онъ уже теперь не тотъ, не тотъ.

Ратти старался утѣшить ее, говоря, что это, напротивъ, хорошій знакъ, и то, что онъ такъ весь сосредоточился на школѣ и на работѣ, только доказываетъ, что онъ начинаетъ забывать о случившемся. Но она отвѣтила, качая головой:

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не забылъ.

Однако, съ виду можно было бы это подумать. Въ вратскихъ разговорахъ своихъ съ Ратти, Делли разсуждалъ о школьныхъ вопросахъ съ такою ясностью и шириной мысли, съ такимъ богатствомъ новыхъ выводовъ и взглядовъ, что молодой учитель былъ просто пораженъ проявленіемъ этихъ, дотогѣ еще невѣдомыхъ ему, способностей своего коллеги. Иногда Делли пускался, чего раньше не дѣлалъ, въ удивительныя сравненія ума и характера нѣкоторыхъ учениковъ, которыхъ онъ видѣлъ послѣ долгихъ промежутковъ времени; онъ объяснялъ, какъ ему удалось отгадать и дать толчокъ нѣкоторымъ запоздалымъ или скрытымъ ихъ способностямъ, какъ онъ исправлялъ нѣкоторые нравственные недостатки, какъ пробуждалъ дремавшую силу воли—все это благодаря выработаннымъ имъ приемамъ, благодаря продолжительнымъ и терпѣливымъ усиліямъ, искуснымъ, тонкимъ, долго обдуманымъ способамъ, которые онъ и излагалъ Ратти и которые вызывали у молодого учителя возгласы удивленія и восторга. Послѣ того Делли снова замыкался въ себѣ и не разговаривалъ уже цѣлыми днями. Ратти восхищался имъ и былъ ему глубоко благодаренъ за то, что въ его глазахъ Делли облагораживалъ ихъ профессію, онъ считалъ его славою своего сословія, тѣмъ учителемъ, къ которому онъ всегда могъ обратиться мысленно, котораго онъ всегда въ сердцѣ своемъ могъ противопоставить пренебрежительному отзыву столькихъ людей о всѣхъ 50.000 его коллегахъ. Вспоминая о Делли, онъ былъ вправѣ сказать этимъ лицамъ, презрительно относящимся къ народнымъ учителямъ:

— Среди насъ есть люди, передъ которыми вамъ бы слѣдовало преклониться.

И тѣмъ болѣе достойнымъ удивленія казался ему Делли, когда онъ думалъ, что положеніе его никогда не улучшится, что многіе школьные инспектора не отличать его отъ тысячи другихъ учителей, что онъ, какъ рабочій въ рудникахъ, умретъ въ неизвѣстности, не приобрѣта за 40 лѣтъ святого труда даже столько, сколько приобрѣтаетъ теноръ въ одну недѣлю!..

II. Новыя лица и старые друзья.

Удачно сдавъ конкурсный экзаменъ на городского учителя въ Туринѣ, Ратти отправился на побывку въ свой родной городъ ***, гдѣ его друзья—семья Голи—приняли его съ распростертыми объятіями. Отъ души радовались они счастливому исходу его экзаменовъ, которыми заканчивался самый тяжелый и беспокойный періодъ подготовки къ избранному имъ поприщу народнаго учителя. И самому ему казалось, что, послѣ долгаго десятилѣтнаго свитанія, онъ, наконецъ, добрался до гавани, хотя и потерпѣлъ тутъ и тамъ крушенія, растерялъ на пути не мало иллюзій и чувствовалъ то желаніе спокойствія, которое есть уже первый признакъ исчезающей юности. Но онъ былъ доволенъ тѣмъ, что много пережилъ, снова всталъ на трудовой путь и въ прошлыхъ испытаніяхъ почерпнулъ свѣжія силы для ожидавшихъ его, новыхъ, неудачъ. Одно только сомнѣніе беспокоило его—вдругъ городская управа Турина, по недостатку вакансій, не дастъ ему школы въ текущемъ году? Но однажды утромъ ему прислали бумагу о назначеніи его въ Лученто — одно изъ предмѣстій Турина, — съ жалованьемъ въ тысячу лиръ (франковъ)—самое большое вознагражденіе, когда-либо полученное имъ въ жизни. Послѣ этого ему ничего болѣе не оставалось желать — онъ былъ вполне доволенъ. Но его карьера сельскаго народнаго учителя завершилась необычайнымъ для его родного города событіемъ — педагогическимъ съѣздомъ, созваннымъ сюда главнымъ туринскимъ инспекторомъ по учебнымъ дѣламъ,—съѣздомъ, на который съѣхались учителя со всего Пьемонта, привлеченные отчасти и 25-ю франками, которые выдавались каждому явившемуся. Съѣздъ долженъ былъ продолжаться семь дней. Городская управа отвела для засѣданій съѣзда зданіе старой церкви и приготовила для желающихъ въ большомъ количествѣ и помѣщенія. Ожидаемый съѣздъ представлялся Ратти чѣмъ-то въ родѣ

торжественнаго и оригинальнаго педагогическаго празднества, на которомъ онъ навѣрное свидѣтся съ нѣкоторыми своими бывшими коллегами—сельскими учителями. И эта мысль его радовала...

На съѣздъ записалось около тысячи человѣкъ, которые и стали съѣзжаться въ назначенному дню; каждый поѣздъ привозилъ болѣе 50 человѣкъ, а въ послѣдній вечеръ изъ одного только Турина приѣхало болѣе 200 учителей. Такъ какъ, едва сойдя съ поѣзда, вновь прибывшіе отправились бродить по городу, то казалось, будто городское населеніе удвоилось въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Никогда еще здѣсь не видѣли такой многолюдной, разнообразной и странной на видъ толпы. На ряду съ учителями франтами попадались учителя одѣтые небрежно и на деревенскій ладъ, съ черными галстуками изъ грубой шерстяной матеріи и широкими воротничками изъ какаго-то твердаго и дешеваго полотна. Рядомъ съ учительской аристократіей первыхъ женскихъ учебныхъ заведеній Турина попадались неуклюжія, одѣтыя въ тиковыя платья, сельскія учительницы, которымъ, для полноты картины, недоставало только корзины съ провизіей на рукаѣ. Среди этой разношерстной толпы виднѣлись священники всѣхъ возрастовъ, въ подрясникахъ всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная отъ блестяще-чернаго и до ярко-зеленаго; нѣкоторые изъ нихъ были въ сафьянныхъ штіблетахъ, съ надушенными, бѣлыми батистовыми платочками; другіе — въ рваныхъ, поряжѣвшихъ сапогахъ, и съ громадными синими носовыми платками. Даже въ средѣ городскихъ учительницъ можно было видѣть большое разнообразіе: тутъ были барышни съ перчатками до локтей, но въ платьяхъ по 10 в. аршинъ; встрѣчались и учительницы въ дѣйствительно роскошныхъ нарядахъ, на которые пошло трехмѣсячное ихъ жалованье; мелькали фигуры, напоминающія автрисъ, портнихъ, пансіонерокъ, работницъ, эмансипированныхъ барынь и старыхъ методистокъ. И среди мужчинъ можно было отмѣтить не менѣе разнообразную градацію типовъ, начиная съ учителя профессора, украшеннаго орденами, автора премированныхъ и пользовавшихся извѣстностью книгъ, и кончая типомъ старой водовозной влячи, — учителей, не берущихъ уже почти 20 лѣтъ въ руки книги, храпящихъ въ шею за уроками, и разыгрывающихъ изъ себя Марата въ пивной. Казалось, весь городъ превратился въ обширную учительскую семинарію въ часы рекреационнаго отдыха. Всѣ улицы были

запружены толпой. Учителя и учительницы изъ одного города или уѣзда собирались группами по 8—12 человекъ, или же соединялись большими ватагами, заполонявшими собою всю улицу. И коренные городскіе жители тоже высыпали на улицу изъ любопытства, забавляясь пестрой толпой наѣхавшихъ къ нимъ гостей, и присматриваясь къ этимъ представителямъ литературы и педагогій, къ молодымъ людямъ, полнымъ жизни и надеждъ, и къ измученнымъ нуждою старымъ учителямъ.

Однимъ изъ первыхъ среди любопытныхъ очутился на улицахъ Ратти, нетерпѣливо желавшій встрѣтить друзей. И вотъ онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ донъ-Лерсе изъ Гараско, который стоялъ одинъ, съ пробивавшейся у висковъ сѣдиной и нѣсколько сгорбленный, но съ прежнимъ величественнымъ и торжественнымъ видомъ возвышеннаго мыслителя. Ратти невольно размѣялся, вспомнивъ, какъ онъ раньше благоговѣлъ передъ нимъ, особенно когда тотъ искалъ уединенія, чтобы—какъ предполагалъ Ратти—работать надъ своимъ большимъ сочиненіемъ: „Школа и религія“, о которомъ онъ такъ часто упоминалъ, а въ сущности же для того, чтобы тайкомъ наслаждаться романами Габоріо. Ратти только что хотѣлъ спросить его, на какомъ томѣ... Габоріо онъ остановился, но донъ-Лерсе подошелъ къ нему съ такимъ величественнымъ видомъ добродѣтельнаго служителя церкви, лишь на мгновеніе отвлеченнаго отъ своихъ возвышенныхъ мыслей, что вопросъ такъ и замеръ на устахъ у Ратти. Послѣ двухъ, трехъ словъ привѣтствія молодой учитель распростился съ донъ-Лерсе, чтобы разыскать другихъ знакомыхъ. Однако, увеличившіяся сумерки лишили его этой возможности. Въ темнотѣ онъ могъ различить лишь фигуры нѣсколькихъ учителей и учительницъ, которые, повидимому, ожидали, когда пробьетъ часъ, назначенный для ночлега въ приготовленныхъ имъ городской управой даровыхъ помѣщеніяхъ. Они стояли, прислонившись къ колоннамъ портиковъ и угловъ улицъ, бѣдно одѣтые, съ удивленными или утомленными лицами, и казалось, пристыженные тѣмъ, что ихъ собралось такъ много, и смущенные тѣмъ, что они очутились внѣ своихъ жилищъ, словно эмигранты, столпившіеся въ гавани. И Ратти почему-то тоже стало стыдно за нихъ, но онъ старался убѣдить себя въ неосновательности такого чувства. Развѣ адвокаты, доктора, и вообще представители какой угодно профессіи,—говорилъ онъ себѣ,—не представили бы собою такого же

пестраго, разношерстнаго общества, если бы собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, начиная отъ свѣтилъ своего сословія и кончая послѣдними тупицами и шарлатанами? Тутъ тотчасъ же обнаружилось бы неравенство, установленное самой природой. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ минутныхъ, неприятныхъ, мыслей, онъ мало-по-малу сталъ ощущать приливъ того радостнаго и гордаго чувства, которое овладѣваетъ людьми одной и той же профессіи, когда ихъ соберется очень много; подобно тому, какъ солдаты съ радостной гордостью осматриваютъ свою армію, выстроившуюся во фронтъ въ обширной долинѣ.

На другой день, рано утромъ, Ратти, переходя площадь, уже покрытую учителями, учительницами и торговцами, прѣхавшими въ городъ на базаръ, бывавшій здѣсь разъ въ недѣлю, въ проходѣ между двумя лавочками торговцевъ полотномъ, встрѣтился лицомъ къ лицу съ Фаустиной Галли.

Послѣ первыхъ возгласовъ изумленія, они, повидимому, оба почувствовали, что дружеское пожатіе руки, которымъ они обмѣнялись, не вполне выражаетъ то удовольствіе, которое имъ доставила неожиданная ихъ встрѣча.

— Я васъ искалъ,—сказалъ учитель измѣнившимся голосомъ,—адвокатъ Самисъ передавалъ мнѣ, что вы въ Туринѣ.

Фаустина сообщила ему, что вотъ уже годъ, какъ она тамъ, такъ какъ не была въ состояніи оставаться дольше въ селѣ, гдѣ умеръ ея отецъ. Она явилась на конкурсный экзаменъ въ Туринъ съ очень маленькою надеждою на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, вышло удачно, быть можетъ, потому, что была задана понравившаяся ей тема: „Поэзія дѣтства“. Ее назначили учительницей въ одномъ изъ предмѣстій Турина. Такимъ образомъ она пользуется двойной выгодой: будучи городской учительницей, она въ то же время живетъ какъ въ деревнѣ. Воспитанницы ея тоже по большей части дочери крестьянъ. Комнату ей дали въ зданіи самой школы. Начальство досталось ей хорошее. Она вполне довольна.

Юноша не отрывалъ отъ нея глазъ: въ лицѣ ея онъ подмѣтилъ нѣчто, указывавшее на пережитыя ею тяжелые три года—легкій, едва уловимый слѣдъ увяданія и утомленія, который, однако, при ея здоровомъ и богатомъ организмѣ могъ еще быть уничтоженъ любовью и спокойствіемъ. Въ прекрасныхъ, каштановыхъ, волосахъ ея не было ни одной сѣдой нити, и ротикъ ея былъ все тотъ же: нѣжный, добрый, маленький и свѣжій. Ратти смотрѣлъ на нее, и сердце его на-

полнилось сладостнымъ ощущеніемъ. Посмотрѣвъ на ея фигуру, онъ замѣтилъ, что платью ея сзади на спинѣ морщится—обычный недостатокъ всѣхъ ея платьевъ, которыя она сама себѣ и кроила, и шила—и эти морщинки на платьѣ окончательно его растрогали!

— Я никогда не забывалъ васъ,—сказалъ онъ неожиданно,—и всегда желалъ вамъ счастья.

Она сдѣлала граціозное движеніе головой, будто желая отвѣтить: „Я въ этомъ сомнѣваюсь“ и затѣмъ спросила его, гдѣ онъ учительствуетъ? Узнавъ, что въ Туринѣ, она видимо старалась—но ей это не удалось—скрыть, какъ она этимъ пріятно удивлена.

— Когда же вы держали экзамень?—спросила она.

Ратти передалъ ей въ краткихъ словахъ о своей жизни школьнаго сельскаго учителя въ Боссолано и Камина, и о томъ, какъ онъ, наконецъ, рѣшилъ явиться на конкурсъ, но онъ рассказывалъ все это почти машинально. Пока онъ говорилъ, въ мысляхъ его воскресала маленькая, угловая терраса, онъ слышалъ святыя слова ея о дѣтахъ и дѣтскомъ возрастѣ, сказанныя въ первые дни ихъ знакомства; онъ вспоминалъ героическое мужество, съ которымъ она выносила горе и лишенія. Онъ вспомнилъ тотъ день, когда видѣлъ ее въ послѣдній разъ; она стояла на маленькой террасѣ, мучимая мыслью о близкой смерти отца, но твердая и почти гордая въ своемъ несчастіи; она была настолько погружена въ размышленія, что у него не хватило духа поклониться ей. И онъ прервалъ свой рассказъ, чтобы повторить ей растроганнымъ голосомъ: „Я всегда желалъ вамъ счастья“.

— Что жъ тутъ такого особеннаго,—отвѣтила она, улыбаясь,—и я желала вамъ того же—вѣдь мы съ вами были всегда добрыми друзьями. И она принялась рассказывать, какъ ее сильно мучило, когда онъ свернулъ на дурную дорогу, какъ она была счастлива, когда онъ сталъ снова прежнимъ, и съ какою грустью, возвращаясь съ кладбища, гдѣ похоронила отца, она смотрѣла на опустѣвшія окна комнаты, занимаемой раньше молодымъ учителемъ. Но Ратти почти не слушалъ ея. Онъ снова думалъ о томъ, что, кромѣ его матери, она по истинѣ самое благородное и доброе созданіе, когда-либо встрѣченное имъ въ жизни. Онъ думалъ о томъ непередаваемомъ выраженіи, которое обыкновенно сіяло на ея лицѣ, когда онъ ей говорилъ о любви,

выраженіе, позволявшее ему угадывать тѣ сокровища нѣжности, которыя таились въ ея душѣ. Онъ думалъ о томъ, каковой сильной и вѣрной подругой для мужчины была бы эта дѣвушка, въ которой онъ никогда не подмѣтилъ ни одной мелочности или вульгарности, которая казалась созданной для того, чтобы одновременно любить и бороться, страдать и надѣлать счастьемъ другихъ: такъ она мила, разсудительна, безстрашна и скромна! И снова повторилъ онъ ей еще съ бѣльшимъ волненіемъ:

— Я всегда желалъ вамъ счастья.

Она взглянула на него, и въ глазахъ ея мелькнуло выраженіе нѣжности, но она не произнесла ни слова. Окинувъ вокругъ себя глазами, она посмотрѣла на часы и нѣжнымъ, неувѣреннымъ голосомъ, не соотвѣтствовавшимъ смыслу ея словъ, торопливо произнесла:

— Мнѣ сейчасъ нужно уйти—я обѣщала быть у двухъ подругъ по дѣлу. Увижу ли я васъ на засѣданіяхъ съѣзда? Во всякомъ случаѣ мы будемъ иногда встрѣчаться въ Туринѣ!—И она спросила его, когда онъ думаетъ ѣхать туда.

Такъ какъ сентябрь былъ уже на исходѣ, то учитель рѣшилъ ѣхать въ послѣдній вечеръ засѣданій, чтобы быть на мѣстѣ за нѣсколько дней до открытія школы. Навѣрное и она уѣдетъ въ этотъ же вечеръ.

— Не удастся ли намъ сдѣлать это путешествіе вмѣстѣ?—спросилъ Ратти.

— Мы его сдѣлаемъ всѣ вмѣстѣ,—отвѣтила она, улыбаясь.—Послѣдній поѣздъ увезетъ чуть ли не полгорода. Розыскать другъ друга въ такой толпѣ будетъ почти невозможнымъ. Потомъ она добавила, снова ставъ серьезной:

— Я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ въ Туринѣ.

Такое же выраженіе лица и такой голосъ были у нея, когда она столько разъ отказывала ему, когда онъ ей дѣлалъ предложеніе въ Алтаранѣ. Холодъ охватилъ душу молодого человѣка. И, протянувъ ей руку, онъ съ досадой въ душѣ, проговорилъ:

— До свиданія!

Но, пройдя шаговъ пять, онъ вдругъ обернулся и увидѣлъ, что и она обернулась; онъ поймалъ на лету таковой ясный, свѣтлый и нѣжный взглядъ, что сердце его снова радостно забилося. Это былъ взглядъ, открывавшій душу и говорившій истину! И онъ пошелъ дальше, весь проникнутый этимъ взглядомъ.

Полчаса спустя онъ присутствовалъ на первомъ засѣданіи съѣзда, а затѣмъ и на всѣхъ остальныхъ, съ большимъ любопытствомъ, какъ на театральномъ представленіи, присматриваясь и прислушиваясь ко всему происходившему. Предсѣдательствовалъ профессоръ Мегари, постарѣвшій видъ котораго сначала опечалилъ его и испортилъ ему удовольствіе свиданія съ нимъ. Онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ другими профессорами за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ. Вся церковь была переполнена народомъ, и въ перерывахъ между чтеніемъ и рѣчами, въ ней раздавался отрывистый говоръ, точно шумъ бурнаго потока.

Здѣсь, въ стѣнахъ зданія, еще болѣе чѣмъ на открытомъ воздухѣ, поражало разнообразіе учительской фаланги, такъ какъ тутъ можно было охватить однимъ взглядомъ цѣлыя сотни шляпъ съ цвѣтами и перьями, головныхъ платковъ сельскихъ учительницъ, тонзуру священниковъ, сѣдые взерошенные прически разныхъ стариковъ-оригиновъ, и блестяція, хорошо расчесанная, шевелюры молодыхъ учителей. Живыя пренія не прерывались, споры становились часто бурными. Многіе явились съ предложеніями нововведеній, о которыхъ мечтали цѣлыми годами и за которые стояли со страстью мономановъ; другіе намѣтили себѣ торжественныя рѣчи, которыми хотѣли охватить чуть ли не половину всего человѣческаго знанія; третьи имѣли въ виду указать на разные несправедливыя поступки и потребовать удовлетворенія за понесенный отъ нихъ вредъ, и всѣ они, когда имъ, наконецъ, удавалось заручиться словомъ, приходили въ величайшее раздраженіе отъ всякаго перерыва или возраженія. Къ тому же, соперничество нѣкоторыхъ авторовъ педагогическихъ сочиненій—и вражда, порожденная журнальной полемикой, такъ и прорывалась при малѣйшемъ противорѣчій. Ораторы не говорили въ сущности ничего новаго, а съ незначительными варіаціями повторяли то, что десятки лѣтъ было уже извѣстно каждому образованному учителю. Но въ числѣ этихъ ораторовъ все же нашлось пять или шесть, ясно излагавшихъ свои мысли и обладавшихъ даромъ краснорѣчія, которые и увлекали аудиторію и оживляли пренія. Одинъ изъ нихъ, рѣзкій, задорный, метавшій грома, казался, воплощавъ въ себѣ недовольство всего своего сословія; другой три четверти рѣчи употребилъ на выясненіе изложенныхъ имъ взглядовъ,—хотя эти взгляды сразу были всѣми поняты,—и говорилъ съ необычайнымъ смиреніемъ въ оборотахъ

и голосѣ, точно аудиторія его была полна представителями королевскаго дома; третьимъ ораторомъ была стройная барышня, съ тонкимъ голосомъ и лихо развѣвающимся бѣлымъ перомъ на шляпѣ, смѣлая, неутомимая, воинственная. Пренія разнообразились, кромѣ того, всевозможными комическими эпизодами. Въ первомъ же засѣданіи сельская учительница, въ преклонномъ возрастѣ, прочла сонетъ своего сочиненія (смыслъ котораго такъ и остался для всѣхъ тайной), написанный ею по образцу сонетовъ въ честь святыхъ, изображенія которыхъ крестьяне обыкновенно прибѣгаютъ къ дверямъ своихъ хлѣбовъ. Другая, тоже сельская учительница, просила слова для разъясненія одного педагогическаго вопроса, но сразу уснастила рѣчь свою такими грубыми грамматическими ошибками, что аудиторія стала ее молить Христомъ Богомъ умоленуть, что она и сдѣлала. Наконецъ, какой-то толстякъ, сельскій священникъ, начавъ свою рѣчь соответствующимъ случаемъ и мѣсту языкомъ, но мало-по-малу, самъ того не замѣчая, увлекся церковнымъ краснорѣчіемъ и перешелъ къ настоящей проповѣди на распѣвъ, со всей мимикой, присущей католическимъ церковнымъ ораторамъ, съ призывомъ, мольбой, проклятіями, чѣмъ и вызвалъ громкій, долго не умолкавшій, шумъ. Ратти впервые присутствовалъ на подобнаго рода съѣздахъ, и его столько же занимало отношеніе аудиторіи къ рѣчамъ, сколько и самыя рѣчи. Городская часть присутствующаго общества волновалась: тутъ были и легко воспламеняемыя учительницы, апплодировавшія всѣмъ молодымъ учителямъ, сверкая при этомъ въ воздухѣ бѣлыми, обнаженными, руками, были и другія, которыхъ затронутые вопросы касались ближе, и которыя встрѣчали нѣкоторыя сужденія своихъ противниковъ съ жестами яростнаго отрицанія, причеиъ перья на ихъ шляпахъ дрожали и колыхались; или же онѣ выслушивали неправившіяся имъ рѣчи съ несходящей съ лица сатирической улыбкой. Многія вносили послѣшно замѣтки въ записныя книжечки, не отрывая отъ нихъ глазъ. Но бѣльшая часть сельскаго учительства скучала, потому что ровно вичего не понимала изъ того, что говорилось кругомъ. Нѣкоторыя учительницы вязали чулки. Одна сказала Ратти, сидѣвшему подлѣ нея: „Ничего не разберу; они говорятъ слишкомъ быстрымъ итальянскимъ языкомъ“. Почти всѣ сельскіе учителя были, однако, поражены развитіемъ и краснорѣчіемъ городскихъ своихъ коллегъ, говорившихъ точь-въ-точь какъ адвокаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасались дерзости молодыхъ учителей, осмѣ-

ливавшихся—да еще какимъ тономъ!—дѣлать замѣчанія и противорѣчить самому правительственному комиссару! Имъ казалось, что на глазахъ у нихъ разыгрывается полнѣйшая школьная революція, и что скоро настанетъ свѣтопреставленіе. Между этими лицами, которыя составляли плебсъ учительскаго сословія, и тѣми, которые первенствовали въ немъ, дышала и двигалась цѣлая масса учителей и учительницъ средняго уровня, переполненныхъ свыше головы предложеніями, идеями, тщеславіемъ и недовольствомъ, но которые не дерзали говорить: они шепотомъ изливались сосѣдямъ, порицая всѣхъ ораторовъ, и при выходѣ изъ залы засѣданій, взбѣшенные тѣмъ, что не имѣли мужества попросить себѣ слова, останавливали пріятелей, и въ теченіи цѣлыхъ получасовъ метали передъ ними громъ и молнію. Выходъ изъ засѣданія былъ всегда шумный; передъ церковью и на прилегающихъ къ ней улицахъ составлялись группы, продолжающія пренія. Въ этомъ смятеніи, утромъ на второй день съѣзда, Ратти увидѣлъ учительницу Галли, которая, улыбаясь, повлонила ему и исчезла въ толпѣ, прежде чѣмъ онъ могъ протолкаться къ ней, а на другой день онъ наткнулся на учителя Кальви, облеченнаго въ старое, смятое пальто, съ большимъ сверткомъ бумагъ подъ мышкой и съ недовольной фізіономіей. Юноша повлонила ему, но тотъ едва удостоилъ его отвѣтнаго кивка, и, качая головой, проговорилъ съ горькой усмѣшкой: „Ни у кого изъ нихъ нѣтъ идей! У нихъ нѣтъ идей!“ и ушелъ, согбенный подъ бременемъ своихъ идей!

Къ половинѣ недѣли въ учительской толпѣ образовалась уже цѣлая сѣть отношеній и дружбъ, какъ будто среди постоянныхъ жителей извѣстной мѣстности. На наиболѣе блестящихъ ораторовъ указывали уже пальцами на улицахъ, и появленіе ихъ сопровождалось шепотомъ любопытства. Знали наперечетъ и всѣхъ учителей, отличавшихся умомъ и пріобрѣтшихъ себѣ нѣкоторую извѣстность въ педагогической печати, какъ доблестные бойцы за „школьное дѣло“; знали всѣхъ учительницъ, говорившихъ рѣчи, и учительницъ-писательницъ изъ Турина. Нѣкоторыхъ сельскихъ учителей и учительницъ, получившихъ извѣстность, благодаря страннымъ приключеніямъ и внезапнымъ преслѣдованіямъ, всѣ разыскивали и спрашивали. Трое или четверо престарѣлыхъ учителей, славившіеся своею 50-ти-лѣтней школьной службой, которыхъ приводили въ примѣръ другимъ учителямъ въ рѣчахъ по случаю школьныхъ торжествъ, были постоянно окру-

жены и пользовались почетомъ. На ряду съ только-что указанными привлекали на себя общественное вниманіе также шесть или семь красавицъ среди учительницъ, разгуливающихъ по городу чуть ли не съ утра и до вечера. Многія лица получили уже клички, которыя повторялись всѣми; такъ, напримѣръ, одну сорокалѣтнюю учительницу, одѣвавшуюся очень театралью, съ какими-то золотыми галунами на груди, прозвали „королевой Савской“, одного оратора съ медовою рѣчью „Аркадскимъ пастушкомъ“, другого „Наполеономъ Великимъ“, третьяго, часто ссылавшагося на народныя китайскія школы, „Конфуціемъ“. Весь этотъ пріѣзжій учительскій людъ перетасовался, кружки перваго дня болѣею частью разбились и устроились новые, сообразно съ возрастомъ, симпатіями и характерами: группы стариковъ и старухъ, 20-тилѣтнихъ учительницъ и учителей, у которыхъ сердце и умъ вѣчно пламенѣли, кружки нескончаемыхъ спорщиковъ, веселыя общества отправлявшихся для завтраковъ и ужиновъ на загородныя гулянья и возвращавшихся оттуда поздно вечеромъ съ пѣснями и цвѣтами въ петлицахъ. И каждый сообразовалъ свой образъ жизни съ условіями собственнаго кармана. Многіе сельскіе преподаватели, вмѣсто обѣда, довольствовались кускомъ хлѣба съ фруктами и пользовались ночлегомъ и постелями въ школахъ и иныхъ мѣстахъ, отданныхъ въ ихъ распоряженіе городской управой, для того, чтобы изъ ассигнованныхъ имъ 25 франковъ, 10 или 12 привезти домой. Городскіе учителя, наоборотъ, то и дѣло появлялись въ кофейняхъ и ресторанахъ, гдѣ съ утра до ночи стоялъ веселый гамъ. И Ратти просиживалъ здѣсь вечера, желая поближе приглядѣться къ будущимъ своимъ коллегамъ—городскимъ учителямъ. Ему не удавалось, однако, уловить нить рѣчи въ этомъ бурномъ потокѣ голосовъ, гдѣ тысячи разъ слышались одни и тѣ же слова: „къ порядку“, „прошу слова“, „протестъ“, „программы“, „проектъ“, „вздоръ“, „глупость“. Говоря по правдѣ, ему было бы пріятно, еслибъ нѣкоторые его коллеги не говорили такъ громко съ цѣлью подчеркнуть прекрасное свое произношеніе и красивыя фразы. Иныя шутки, которыя ему пришлось здѣсь слышать, казались ему плоскими, достойными гимназистовъ младшихъ классовъ, а никакъ не наставниковъ юношества. Его оскорбляли презрительные взгляды, которые нѣкоторые элегантно-одѣтыя учительницы бросали на своихъ дурно, на деревенскій лады, одѣтыхъ товаровъ. Послѣднія сами ступевывались передъ ними, уступали имъ

мѣсто, съ удивленіемъ прислушивались къ ихъ разговору, очевидно гордясь и вмѣстѣ съ тѣмъ смущаясь тѣмъ, что онѣ—коллеги этихъ изящно-одѣтыхъ и образованныхъ барышень. Но тутъ онѣ вспомнилъ, какой дорогой цѣной досталось этимъ бѣднымъ дѣвушкамъ ихъ положеніе городскихъ учительницъ въ Туринѣ, которымъ онѣ теперь такъ важничали. Боже ты мой! Черезъ какія тяжкія испытанія пришлось имъ пройти! Три года курсовъ въ учительской семинаріи, два года, между 18-ю и 20-ю годами, обязательной даровой службы—занятій въ школахъ для практики и обученія, вслѣдъ затѣмъ конкурсный экзаменъ на должность кандидатки, замѣняющей учительницу, три года службы въ видѣ запасной учительницы, съ жалованьемъ въ 650 франковъ, и послѣ этихъ трехъ служебныхъ лѣтъ еще конкурсный экзаменъ на дѣйствительную учительницу. А затѣмъ еще 14 лѣтъ службы, чтобы, наконецъ, сдѣлаться *несмѣняемой* учительницей. Въ концѣ-концовъ, послѣ 30-ти-лѣтней службы, полная пенсія или, иными словами, обезпеченіе, дающее возможность, впроголодь кое-какъ дотянуть послѣдніе года своей жизни и это послѣ такого длиннаго ряда испытаній, трудовъ, гоненій и несправедливостей, ежеминутной опасности лишиться мѣста изъ-за вздора, изъ-за пустяка! Подумавай обо всемъ этомъ, какъ было не простить имъ всего?

На этомъ большомъ съѣздѣ учителей вниманіе Ратти и многихъ другихъ привлекли на себя также и нѣкоторые оригиналы, которые въ эти нѣсколько дней пріобрѣли своего рода извѣстность, распространившуюся потомъ по всему Пизмонту. Въ числѣ ихъ была сельская учительница, лѣтъ подлѣ 35-ть, съ почти бѣлыми волосами, какъ у альбиноски, съ сверкающими глазами маньячки, одѣвающаяся небрежно: она оказалась чудомъ литературной плодовитости. Это свое качество она проявила за обѣдомъ, въ первый же день, прочитавъ безконечное стихотвореніе. Писать—все равно, какъ и о чемъ—было для нея такой же потребностью, какъ и дышать. Она писала, безъ перерыва, цѣлыхъ 15 лѣтъ и привезла съ собой чемоданъ значительныхъ размѣровъ, наполненный рукописями, а четыре такихъ же чемодана остались у нея дома. Все, что она видѣла, думала, слышала, читала, мечтала—она тотчасъ же излагала въ прозѣ или въ стихахъ. Написанная ею біографія одной подруги учительницы заключала въ себѣ 3.000 бѣлыхъ стиховъ. Въ четыре дня она накатала отчетъ о происходившихъ преніяхъ въ 200 страницъ, и импровизировала опи-

санія го. одскихъ окрестностей, изъ которыхъ могъ бы составиться цѣлый томъ. Съ двадцатилѣтняго возраста, она изъ шести ночей непремѣнно три проводила за писаніемъ и губила свое здоровье. Но чѣмъ болѣе она чахла, тѣмъ прилежнѣе писала, и всякій разъ, когда ей представлялся случай, читала свои произведенія, читала ихъ цѣлыми часами, безъ перерыва и передышки, до тѣхъ поръ, пока ея пріятельницы не начинали молить о пощадѣ, или засыпали, или спасались бѣгствомъ, или падали въ обморокъ. Но смѣшныя стороны этой ея мономаніи уничтожались тѣмъ, что всѣмъ было извѣстно, что у себя, въ селѣ, она ревностно и превосходно исполняетъ свои обязанности школьной учительницы, зарабатывая, помимо того, еще кое-какіе гроши писаніемъ заказныхъ небольшихъ рѣчей, стихотвореній и застольныхъ привѣтствій, и этими чудесами труда, учитывая себѣ каждый грошъ въ ѣдѣ, содержитъ и воспитываетъ трехъ сестеръ. Другимъ оригиналомъ былъ сельскій учитель, прозванный Чезаре Канту*), такъ какъ онъ сильно напоминалъ лицомъ этого писателя. Главнымъ, вѣрнѣе—единственнымъ, качествомъ его, его утѣшеніемъ, славой его жизни — было его необычайно-сильное зрѣніе, и онъ пріѣхалъ на съѣздъ, чтобы похвастать имъ. Всюду дѣлалъ онъ эксперименты этой силы своего зрѣнія: на улицахъ онъ на большихъ разстояніяхъ читалъ вывѣски магазиновъ, въ кофейняхъ, отступя на десять шаговъ, читалъ газеты, за обѣдомъ заставлялъ своихъ товарищей вытаскивать изъ кармановъ визитныя карточки и письма, которыя читалъ съ другого конца стола однимъ глазомъ, съ полузакрытыми глазами, тряся головой, всматриваясь въ листокъ искоса—словомъ, всѣми возможными способами. Онъ пользовался малѣйшимъ поводомъ, чтобы заводить рѣчь о зрѣніи, и начать ораторствовать. Разумѣется, онъ приписывалъ даже въ педагогіи первенствующее значеніе зрѣнію, и настолько, что спеціально и чуть ли не исключительно воспитывалъ въ своихъ ученикахъ именно зрѣніе. Его вѣроисповѣданіе было: „Все въ мірѣ—зрѣніе“, и онъ поддерживалъ этотъ свой тезисъ великимъ множествомъ заранѣе подготовленныхъ доказательствъ, напр.: „Что была бы астрономія безъ силы зрѣнія? А палеографія? **). А часовое мастерство? Миниатюра? Всѣ точныя искусства? Что такое солдаты безъ хорошихъ глазъ? И что

*) Извѣстный итальянскій писатель и историкъ, съ сильнымъ оттѣнкомъ католицизма.

**.) Знаніе древнихъ письменъ.

бы изображалъ собой, лишенный проникательнаго зрѣнія, полицейскій агентъ, судья, дипломатъ, которымъ всѣмъ необходимо читать на лицахъ малѣйшія движенія, чтобы разгадать скрытыя мысли и чувства?“ По его мнѣнію, наука воспитывать зрѣніе находилась еще въ зачаточномъ состояніи, въ этомъ отношеніи предстояло еще все создать, и онъ говорилъ о специальныхъ съ этою цѣлью школахъ и институтахъ, которые слѣдовало бы открыть, о цѣлыхъ библіотекахъ руководствъ и трактатовъ, которые нужно было бы написать. Наконецъ, самымъ забавнымъ изъ всѣхъ оригиналовъ былъ маленькій законоучитель съ кривыми ногами и перекошеннымъ лицомъ, съ сѣдыми и щетинистыми волосами, казавшимися иглами, настоящій живчикъ по характеру и челоуѣкъ остраго ума, авторъ почти всѣхъ юмористическихъ прозвищъ, бывшихъ въ ходу на сѣздѣ. Вѣчно слегка подвыпившій и подпрыгивающій, точно Фигаро, онъ какъ нельзя болѣе удачно подражалъ всякимъ голосамъ, жестамъ, походкамъ, и распѣвалъ французскія шансонетки, которымъ научился въ бытность свою ребенкомъ въ Савойѣ. Одинъ взглядъ на него вызывалъ у всѣхъ хохоть, онъ былъ вѣчно окруженъ; черезъ четыре дня онъ перезнакомился съ половиною своихъ коллегъ, и раскланивался со всѣми, дѣлая жестъ фехтовальнаго мастера, направляющаго ударъ шпагою въ грудь. Втираясь въ толпу учительницъ, онъ, при проходѣ самыхъ красивыхъ и граціозныхъ, сыпалъ шуточными восклицаніями, сверкая глазами, какъ старый служака: „Что за дивныя созданія, какая красота, что за прелесть-молодежь!“ Куря папиросы, онъ посылалъ воздушные поцалуи отличившимся ораторамъ, рассказывалъ шепотомъ въ углахъ анекдоты, отъ которыхъ можно было лопнуть со смѣха, и только когда молодые учителя заходили слишкомъ далеко въ своихъ шуткахъ, онъ становился на минуту серьезнымъ и повторялъ два или три раза: „Est modus in rebus, est modus in rebus“, а потомъ принимался за старое еще хуже прежняго . . .

Но все, что Ратти видѣлъ и слышалъ, производило на него гораздо меньшее впечатлѣніе теперь, чѣмъ если бы это случилось во всякое другое время, такъ какъ всѣ эти впечатлѣнія подавлялись воспоминаніемъ его встрѣчи съ Фаустиной Галли,—встрѣчей, къ которой онъ то и дѣло возвращался мысленно. По причинѣ все увеличивающагося смятенія и толкотни, такъ какъ ежедневно продолжалъ прибывать новый учительскій

персональ, а также и немного по личной ея винѣ, Ратти не удалось болѣе говорить съ нею. Два раза видѣлъ онъ ее потомъ на засѣданіяхъ, но она сидѣла очень далеко отъ него и очень внимательно прислушивалась къ рѣчамъ ораторовъ, съ прелестнымъ выраженіемъ маленькаго ротика, который, когда она слушала, оставался крошечку открытымъ, точно розовый бутонъ, нѣсколько раздвинутый пальчикомъ ребенка. Ратти встрѣтилъ ее еще въ галереяхъ, въ обществѣ другихъ, незнакомыхъ ему, учительницъ, а разъ засталъ ее одну; но она тотчасъ же скрылась, сказавъ, что ее ждуть по дѣлу. Ясно, что она нарочно избѣгала его. Но улыбка, сопровождавшая ея поклоны, была все та же улыбка, которую онъ подмѣтилъ на ея лицѣ, когда неожиданно обернулся на площади: новая улыбка, выражавшая нѣчто большее, чѣмъ дружбу, почти ласку, разцвѣтъ всѣхъ общихъ воспоминаній, а также неопредѣленное обѣщаніе и мысль о будущемъ, — тайну, которую, казалось, она выдавала противъ воли. И теперь, думая о ней, Ратти представлялъ ее себѣ не иначе, какъ съ этой улыбкой. Хотя тутъ, на глазахъ у него, было не мало дѣвушекъ и моложе, и красивѣе ея, на лицахъ которыхъ тоже проглядывала и доброта, и чистая, дѣятельная жизнь и любовь къ дѣтямъ, — но все же Фаустина казалась ему и моложе, и лучше всѣхъ. Навѣрное, никакая другая дѣвушка не выстрадала столько, сколько она, никто не обладалъ ея энергіей, никто не умѣлъ такъ горячо любить дѣтей и не дѣлалъ такъ много чести своей профессіи, какъ она. Ратти влекло теперь въ Туринъ, главнымъ образомъ, изъ-за нея. Воображеніе его рисовало ему тысячу разъ одну и ту же картину: маленькую квартиру въ четвертомъ этажѣ, хотя бы въ одной изъ тѣхъ узкихъ улицъ стараго городского квартала, гдѣ онъ чувствовалъ, что задыхается, когда только что вернулся изъ деревни. И въ этой квартирѣ — маленькій столъ, на которомъ съ одной стороны нагромождены тетради дѣвочекъ, на другой — мальчиковъ, и за которымъ они бы вмѣстѣ ѣли честнымъ трудомъ заработанный хлѣбъ свой, и окно, къ которому бы они усаживались другъ подле друга въ весенніе вечера, совершивъ свой дневной трудъ, и гдѣ, слушая ея рассказы объ ея отцѣ и объ ея ученицахъ, онъ могъ бы часами слѣдить за безконечно-милымъ, дѣтскимъ и энергичнымъ движеніемъ ея маленькаго ротика, изъ котораго льются разумныя и благородныя слова.

Какъ-то разъ, однако, онъ былъ рѣзко оторванъ отъ этихъ

мыслей. Случилось это въ послѣднее засѣданіе, когда профессоръ Мегари произнесъ прощальную рѣчь. Послѣднія слова этой рѣчи, сказанныя имъ съ пламенной силой и убѣжденнымъ, громкимъ голосомъ,—прозвучали въ глубокой тишинѣ биткомъ набитой церкви, точно вдохновенное напутствіе священнослужителя: „Пусть молодые возвращаются домой поощренные примѣромъ столькихъ стариковъ, которые, послѣ полувѣкового труда, все еще держатъ высоко, съ юношеской силой, дорогое намъ школьное знамя, а также и старики вернутся къ себѣ, ободренные зрѣлищемъ столькихъ молодыхъ силъ, готовящихся, съ новымъ мужествомъ и новымъ знаніемъ, послѣдовать примѣру своихъ предшественниковъ. Вернитесь къ вашей дѣятельности, молодые учителя — вамъ отечество ввѣрило святую обязанность учить и воспитывать дѣтей — самую дорогую свою надежду. Вернитесь всѣ къ высокому вашему занятію — ежедневно сѣять въ своей родинѣ великодушныя чувства и плодотворныя мысли. Вамъ предстоитъ не только долгъ искоренять невѣжество и суевѣрія, но также утѣшать бѣдняковъ. Вы должны вносить лучъ веселья въ жизнь дѣтей, не знающихъ ласкъ, поддерживать въ народѣ надежду на лучшую будущность. Вамъ предстоитъ черезъ дѣтей вносить слово мира въ семьи, гдѣ царствуетъ разладъ, пробуждать чувство любви въ родителяхъ, въ которыхъ это чувство замерло, напоминать объ отечествѣ беззаботнымъ его сынамъ или же его врагамъ. Вернитесь домой съ мужественной рѣшимостью въ душѣ всегда отстаивать достоинство вашихъ занятій, твердо переносить неблагоприятность, бороться противъ вражды и незаслуженныхъ преслѣдованій, черпая силу въ мысли, что самое большое счастье, дарованное человѣку, то, которое доставляетъ сознаніе добра, сдѣланнаго безъ ожиданія награды и отплаты за него, и что никто не можетъ сдѣлать больше добра, чѣмъ вы. Каждый часъ вашего безвѣстнаго, земного труда — благодѣяніе для человѣчества; самый бѣдный, самый неразвитый, самый малый среди васъ, самый послѣдній солдатъ того великаго войска, которое, не допуская перемирія, борется противъ наивреднѣйшаго врага, и въ самыхъ плодотворныхъ битвахъ выигрываетъ безкровныя сраженія — имѣетъ право на благодарность родины и благословеніе всего свѣта. Прощайте, мужественныя дѣвушки, почтенные старцы, юные воины, отважный и милый авангардъ грядущихъ вѣковъ! Всѣ за работу, и да будетъ съ вами счастье и радость, какъ всегда, будетъ съ вами душа моя!“

При послѣднихъ словахъ профессора, дружный возгласъ вырвался изъ груди всѣхъ, и можно было сказать, что въ эту минуту всѣ городскіе и сельскіе учителя, старые и молодые, довольные и недовольные, слились въ одну душу. Этотъ дружный возгласъ повторился еще разъ ночью, на вокзалѣ, когда профессоръ Мегари садился на поѣздъ съ сотнями учителей, ѣдущихъ въ Туринъ. И молодой Ратти присутствовалъ, растроганный, при этихъ проводахъ, высунувъ голову изъ окна переполненнаго путешественниками вагона, въ то время, какъ у сосѣдняго съ нимъ окна мелькало личико Фаустины Галли, уѣзжавшей съ тѣмъ же поѣздомъ. Послѣднія слова профессора все еще раздавались въ ушахъ Ратти. Да, и онъ солдатъ великаго войска и можетъ гордиться тѣмъ, что принадлежитъ къ нему! Это войско имѣетъ, правда, свои недостатки, но это недостатки, присущіе всему отечеству; оно дурно вооружено и дурно продовольствуется, но это сочтется ему скорѣе во славу, чѣмъ въ осужденіе; въ рядахъ его попадаютъ солдаты трусливые и неспособные, какъ во всѣхъ войскахъ, но, великій Боже! въ немъ отыщется также и легіонъ героинь и героевъ, передъ которыми самымъ благороднымъ людямъ не грѣхъ преклониться! Онъ самъ видѣлъ такихъ героевъ, и кто знаетъ, сколько ихъ въ настоящую минуту здѣсь, вокругъ него. Да, Мегари правъ: никто въ мірѣ не можетъ сдѣлать больше добра, чѣмъ они, и нѣтъ большаго счастья, какъ дѣлать добро! Онъ припоминалъ самыя счастливыя минуты своей жизни, и это были тѣ, въ которыя онъ сознавалъ эту истину. Прежняя пламенная любовь его къ дѣтямъ снова горячей волной хлынула ему въ сердце въ то время, когда онъ устремилъ глаза на лицо молчаливаго друга, учительницы Галли, которая столько разъ, въ такихъ прекрасныхъ и восторженныхъ словахъ высказывала ему эту любовь и вливала ее ему въ душу. Оба чувства — любовь къ ученикамъ и къ Фаустинѣ, — сливались теперь въ немъ въ одинъ чистый и свѣтлый потокъ возвышающихъ его образовъ и мыслей. Онъ думалъ о томъ, какъ онъ видѣлъ Фаустину опирающуюся на балюстраду террасы, со взглядомъ, устремленнымъ вдаль, будто передъ нею носилось видѣніе тысячи дѣвочекъ, ея ученицъ грядущихъ годовъ, которымъ она съ этихъ поръ рѣшила посвятить всю свою жизнь...

И онъ тоже видѣлъ своихъ учениковъ, и учениковъ своихъ товарищей, педагоговъ, бывшихъ на сѣздѣ, и уче-

никовъ всѣхъ преподавателей Италіи—безчисленную толпу, покрывавшую обширѣйшую долину, движущуюся вездѣ, куда только могъ проникнуть глазъ, и оглашающую воздухъ шумомъ безпредѣльнаго океана; миллионы маленькихъ ручекъ протягивались къ нимъ, просящія свѣта, покровительства, дружбы и ласки. И онъ общалъ имъ все, и изъ глубины души давалъ имъ клятву, ощущая въ это мгновеніе исполинскую отеческую любовь, охватывающую собой все дѣтское поколѣніе его родины. И Фаустина, должно быть, думала о томъ же. Они по временамъ взглядывали другъ на друга, и, казалось, обмѣнивались такимъ образомъ двойнымъ токомъ волновавшихъ ихъ мыслей и чувствъ. Когда поѣздъ прибылъ въ Туринъ, въ глазахъ ихъ сверкала слеза, души были переполнены и искали друга друга. Сотни учителей и учительницъ вышли изъ вагоновъ, огласивъ воздухъ въ послѣдній разъ долгимъ „evviva“, и они остались на минуту одни. Въ тотъ же моментъ оба оглянулись кругомъ, глубоко вздохнули и обмѣнялись горячимъ поцѣлуемъ. Послѣ того, они тоже выпрыгнули изъ вагона, чтобы увидѣть еще разъ убѣленную сѣдинами голову профессора Мегари, который, стоя на платформѣ вагона, обращалъ къ волнующейся толпѣ послѣднее привѣтствіе съ энергичнымъ жестомъ полководца, ободряющаго отправляющееся въ сраженіе войско.

Пер. М. Ватсонъ.

НАКАНУНЪ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Г. Ломмеля.

Приблизительно 1900 лѣтъ тому назадъ большая часть свѣта, извѣстнаго въ тѣ времена, находилась подъ господствомъ Италіи. Римъ, столица міра, сіялъ во всемъ блескѣ и великолѣпіи. Италія, Греція, лучшая часть Галліи, Пиринейскій полуостровъ, извѣстныя древнимъ земли Азіи и Африки, огромное наслѣдіе македонскаго завоевателя, Александра—все это было побѣждено. Могущественные Цари шли въ золотыхъ цѣпяхъ въ подземныя темницы или влачили безславное существованіе, въ качествѣ подручниковъ и данниковъ. Богѣ благородные и опасные враги, вольные города Коринѣи и Карфагенъ, были сокрушены и стерты съ лица земли; остатокъ ихъ населенія бродилъ безъ пристанища или обрабатывалъ землю въ качествѣ римскихъ рабовъ. Сокровища покоренныхъ странъ, ихъ памятники и трофеи пошли на украшеніе Рима. И среди этого грабежа выдѣлялась, точно разбойничій притонъ, Капитолійская скала, а на ней, въ лицѣ консула, царилъ духъ Квирина; на ней точно красовался Геркулесъ, укротитель львовъ: въ груди его бушуетъ буря страстей, но онъ съ кающимся спокойствіемъ оперся на огромную палицу, размышляя: «кого еще?» На такую высоту вывели Римъ, нѣкогда пастушескую и разбойничью деревушку, настойчивая и неизмѣнная политика и проникнутыя ею стремленія гражданъ.

Такая безграничная власть неизбѣжно должна была родить столь же безграничное своеволіе. Покоренныя царства, превращенныя въ провинціи, давали властвующимъ римскимъ гражданамъ средства для удовлетворенія самыхъ широкихъ требованій. Но въ сокровищахъ и богатствахъ Азіи скрывались ядовитыя змѣи: страсти и пороки. За безграничнымъ грабежомъ слѣдовала самая бессмысленная расточительность. Золота, какъ можно больше золота—

такова была цѣль всѣхъ стремленій, и для достиженія ея люди не останавливались ни передъ какими преступленіями. Каждый дальнѣйшій шагъ къ всемірному господству служилъ новой могилой добродѣтели, расширялъ бездну, отдѣлявшую богатыхъ отъ бѣдныхъ. А на обоихъ краяхъ этой бездны все болѣе и болѣе исчезали прежнія разграниченія. Плебей (землевладѣлецъ не благороднаго происхожденія, торговецъ и ремесленникъ), если у него были деньги, принадлежалъ къ господствующей, привилегированной кастѣ, а членъ старой аристократической фамиліи, лишь только онъ впадалъ въ бѣдность, становился безпомощнымъ, опускался до самыхъ низшихъ слоевъ пролетаріата. Этимъ именемъ называли сперва неимущихъ гражданъ, затѣмъ подданныхъ не пользовавшихся правами гражданства, и, наконецъ, рабовъ, вербовавшихся изъ побѣжденныхъ враждебныхъ армій и покоренныхъ народовъ. Эта бездна между богатыми и бѣдными раздѣляла населеніе уже не на господъ и рабовъ, а—на людей и скотовъ.

Съ такой противоестественностью, понятно, не всѣ безпрекословно мирились. Являлись отдѣльныя личности, которыя пытались спасти народныя массы отъ гибели. Корень зла, какъ мы уже замѣтили, лежалъ въ чрезмѣрной обширности владѣній. Кто хотѣлъ помочь народу, тотъ долженъ былъ найти средства для уравненія имуществъ. Первые социальныя реформаторы Рима предлагали очень умѣренныя и осторожныя реформы. По ихъ предложеніямъ, римскій гражданинъ не могъ владѣть болѣе чѣмъ 500 моргеновъ государственной земли: все, что приходилось сверхъ этого количества, нужно было раздѣлить между неимущими. Потомъ предложено было оставить отцамъ семействъ еще 250 морг. на каждого ребенка, а также дать прежнимъ владѣльцамъ соотвѣтствующее вознагражденіе за постройки. Лишь только появилось это новшество, богачи, ведшіе раньше постоянныя и часто кровавыя распри другъ съ другомъ, сразу объединились. Защитниковъ народа, которые самп же отдавали на общую пользу собственныя большія состоянія, обзывали: «глупцами, обманщиками и преступниками». «Преступность» ихъ старались доказать судомъ—и защитники народа пали жертвой узаконеннаго разбоя. А на могилахъ этихъ людей—упомянемъ здѣсь лишь благородныхъ братьевъ Гракховъ—по мѣрѣ увеличенія гнета, поднимались обобранныя массы. Сперва поднялись тѣ, которые терпѣли самое жестокое обращеніе, рабы: они предпочли вступить въ борьбу съ своими свирѣпыми господами, чѣмъ бороться съ дикими звѣрями, или убивать другъ друга для потѣхи зрителей. Затѣмъ, возстали итальянскія народности, такъ-называемые союзники, которые, какъ неимѣвшіе граждан-

скихъ правъ, были предоставлены полному произволу римскаго сената. Наконецъ, поднялись и обнищавшіе римскіе граждане. Но такъ какъ всѣ эти возстанія были разрозненны, а богачи «по счастливой случайности» располагали огромными денежными средствами и замѣчательными полководцами, то всемірный городъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ, и болѣе полумилліона людей сложили свои головы въ его стѣнахъ и передъ ними. Чаша страданій должна была здѣсь не переполниться, а опрокинуться, но для этого потрясеніе было еще недостаточно сильнымъ. Сперва аристократія должна была выродиться въ деспотію, грубое многобожіе—въ гнусное обожествленіе людей; отвратительная безыравственность богатыхъ и подлая трусость бѣдныхъ должны были предварительно создать тотъ вѣкъ, о которомъ современные писатели со слезами рассказываютъ, что въ немъ отъ добрыхъ людей можно было ждать лишь несчастій, а пользы—только отъ дурныхъ.

Въ тѣ времена религіозная, политическая и социальная жизнь еще представляла собою одно цѣлое; поэтому и между друзьями народа не было соответствующихъ подраздѣленій. Кто былъ хорошимъ патріотомъ, тотъ, по большей части, былъ также и просвѣщеннымъ, разумнымъ вѣрующимъ, или моралистомъ и защитникомъ бѣдныхъ. Если бы даже тогда и появилось такое раздѣленіе, то незначительное количество людей этого рода и одинаковость ихъ положенія скоро сплотили бы ихъ. Поэтому, въ царствованіе Юлія Цезаря и Октавіана Августа, мы видимъ этихъ людей, такъ сказать, въ братскомъ единеніи, въ ученыхъ школахъ и союзахъ, въ особенности же въ союзѣ *стои*, который прежде всегда служилъ убѣжищемъ гонимыхъ. Тутъ были элевзинцы *)—члены тайнаго общества, которое, отрицая существованіе Бога отдѣльное отъ міра, учило, что Богъ есть оживляющій духъ, существующій только въ одухотворенномъ мірѣ; къ этому же союзу издавна принадлежали мудрѣйшіе изъ эллиновъ; затѣмъ, слѣдовали республиканцы, потомки тѣхъ людей, которые подъ предводительствомъ Брута и Кассія, безуспѣшно боролись за идеалы стараго Рима,—внуки ихъ все еще жили мечтами о республикѣ Курія и Цинцината; наконецъ, были и такіе, которые не шли въ своихъ желаніяхъ дальше Гракховъ и видѣли спасеніе въ расширеніи *lex aggratia* (земельный законъ), этой первой системы раздѣла имущества. Какъ всегда бываетъ въ эпохи сильныхъ общественныхъ бѣдствій, социальный вопросъ отгѣснялъ остальные на задній планъ.

Понятно, что самыя отдаленныя отъ столицы цезарей про-

*) Общество основано въ греческомъ городѣ Элевзисѣ.

винци были вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми благопріятными для антимонархическихъ стремленій. Въ далекой Азіи, въ захолустыи Сирии, лежала Палестина. Въ нее не только ссылали лицъ, заподозрѣнныхъ въ враждебности къ государственной власти, но и многіе изъ тѣхъ, которые желали спастись отъ подозрѣнія и его тяжелыхъ послѣдствій, сами отправлялись въ палестинскіе гарнизоны— въ добровольное изгнаніе. Тамъ можно было безъ помѣхъ философствовать, спорить, а иногда и распространять свои взгляды. Даже проконсулъ Понтій Пилать причислялся при императорахъ къ неблагонадежнымъ: дѣды его сражались при Филиппи подъ предводительствомъ Брута и Кассія, а самъ онъ участвовалъ въ войнѣ Автолія съ тогдашнимъ императоромъ Августомъ. Помилованный императоромъ и получивъ такое назначеніе, о которомъ трудно было сказать, считать ли его наградой или наказаніемъ, онъ продолжалъ въ своемъ отдаленіи служить, если не старому дѣлу, то, по мѣрѣ возможности, хотъ старымъ друзьямъ. Жена его, Порція, имѣвшая на него большое вліяніе, происходила изъ стараго и строго республиканскаго дома Катонovah. Правда, въ Иудеѣ, гдѣ секта фарисеевъ строго охраняла національное и враждебное римлянамъ іудейство, а также и въ Самаріи, въ которой царская семья Ирода вмѣстѣ съ саддукеями были равностными прислужниками цезаря, — все-таки надо было вести себя тихо и осторожно. Зато совершенно свободно жилось въ третьей провинціи, въ горной странѣ Галилеѣ: здѣсь господствовала секта ессеевъ; горцы, жившіе въ бѣдности на лонѣ природы, относились къ римлянамъ довѣрчиво и предупредительно, — въ особенности же къ свободомыслящимъ. Дружественность этихъ отношеній еще больше увеличилась, когда римскіе солдаты увидѣли, что отъ Иудеи ихъ отдѣляетъ бездонная пропасть, а съ Самаріей, гдѣ они еще недавно цѣлыми рѣками крови потушили народное возстаніе, примириться имъ не такъ - то легко. Понятно, въ мирной Галилеѣ, какъ это неизбѣжно бываетъ въ завоеванныхъ странахъ, имѣли мѣсто любовныя влеченія и сожителство или смѣшанные браки римлянъ съ галилеянками.

Теперь мы остановимся на іудействѣ... Евреи того времени не были уже израильтянами временъ Саула, Давида и Соломона, даже имя израильтянъ они утратили и назывались «іудеями». Часто повторявшіяся порабощенія иноплеменными завоевателями, двойное насильственное переселеніе въ чужія земли, затѣмъ, по возвращеніи на родину, угнетеніе своими собственными тиранами и, наконецъ, насильственное превращеніе страны въ римскую провинцію — все это такъ принизило нѣкогда гордую національность израиль-

скаго народа, что значительная часть его уже не надѣялась на улучшение своего положенія собственными силами и возложила свои упованія лишь на возможность чуда: люди ждали какого-то фантастическаго мстителя и спасителя, могущественнаго царя—мессію. Потеря послѣднихъ остатковъ политической самостоятельности и желѣзное римское иго сосредоточили всю энергію этого жизненнаго народа въ области религіи, изъ которой возникло его прежнее полудуховное государство, его вѣнчанная теократія. Въ этой области еврей-монотеисты, имѣя дѣло съ народами политеистическими, считали себя единственнымъ народомъ, знающимъ истину и избраннымъ Богомъ. И римляне, которые, какъ просвѣщенные деспоты, терпѣли всякое вѣроисповѣданіе, пока народъ имъ повиновался, т.-е. пока онъ платилъ налоги и исполнялъ воинскую повинность,—до поры до времени еще не трогали этой вѣры. Но это принесло іудеямъ больше вреда, чѣмъ пользы. Предоставленные самимъ себѣ, они вели ожесточенные споры другъ съ другомъ и изъ прежнихъ религіозныхъ мнѣній и системъ выработали настоящія вѣроисповѣдныя секты и партіи. Всѣ они принимали законъ Моисея, но различались другъ отъ друга въ толкованіи и объясненіи его. Ветхій Завѣтъ постигла такая же судьба, какъ впоследствии Новый; всѣ считали его непогрѣшимымъ Священнымъ Писаніемъ, книгой книгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ многія мѣста въ немъ, какъ въ иныхъ книгахъ, стали толковать на различные, иногда совершенно противоположныя, лады; эти толкованія ничего не давали уму и сердцу мыслящаго человѣка, а лишь доставляли выгоду отдѣльнымъ лицамъ, заинтересованнымъ именно въ такомъ, а не иномъ толкованіи. Во главѣ различныхъ партій стояли ученые, «книжники», священники. Каждый раввинъ, понятно, утверждалъ, что толкованіе его партіи и есть именно единоспасающее, а убѣжденія раввиновъ зависѣли отъ доходовъ. Высшій религіозный постъ, дававшій большіе доходы, санъ первосвященника, сталъ продажнымъ; твердыня религіи, храмъ Соломоновъ, превратился въ простой торговый домъ. Іерусалимъ, іудейская столица, имѣлъ 200.000 жителей, а по преступленіямъ и порокамъ онъ соперничалъ съ миллионнымъ населеніемъ Рима.

Самой многочисленной и сильной изъ іудейскихъ сектъ были фарисеи. Слово «фарисей» буквально значитъ «отдѣленный», но высококѣрная партія впоследствии стала толковать его въ смыслѣ избранный. Фарисеи прежде всего утверждали, что устные сказанія предковъ имѣютъ такое же значеніе, какъ и писанный законъ Моисеевъ. Они утверждали относительно этихъ устныхъ преданій, что Богъ далъ ихъ Моисею впоследствии, послѣ писан-

наго закона, и что правильно понимать писаніе можно только при помощи преданій. Наконецъ, они учили, что предопредѣленіе Божье не противорѣчитъ свободѣ воли человѣка, что вѣра важнѣе для спасенія, чѣмъ добрыя дѣла, и средствами покаянія признавали пость, милостыню и молитву. Они вѣрили въ будущую жизнь, въ воскресеніе тѣла, въ загробныя награды и наказанія, т. е. въ существованіе рая и ада. Внѣшность, пустыя, мелочныя церемоніи значили для нихъ все, сущность же, добродѣтель, нравственная дѣятельность—ничего или почти ничего. Подъ маской благочестія они скрывали всѣ пороки людей этого сорта; подъ ввѣшнымъ видомъ смиренія парила классовая гордость, жестокія бичеванія прикрывали самые изысканныя пороки. Любимое занятіе фарисеевъ—пріобрѣтеніе прозелитовъ—часто приводило ихъ въ собранія; при этомъ они являлись не иначе, какъ чисто и тщательно одѣтыми, въ платьѣ, окаймленномъ библейскими изрѣченіями: проходя по улицѣ, они часто останавливались и тихо или вслухъ молились, то опуская глаза въ землю, то поднимая ихъ къ небу, раздавали бѣднымъ мелкія монеты—за это имъ самимъ доставались крупныя. Словомъ, они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы обратить на себя вниманіе и извлечь изъ этого выгоду. Въ такой систематической поговѣ за преклоненіемъ черни по пріемамъ, употреблявшимся для этой цѣли, различали три сорта фарисеевъ. Однихъ называли «наталкивающимися»: они ходили по улицамъ, опустивъ голову и закрывъ глаза, чтобы не видѣть женщинъ, и поэтому часто наталкивались на стѣны; затѣмъ, были такъ-называемые фарисеи—«ступочники»: чтобы не смотрѣть на женщинъ и не развлекаться въ своихъ благочестивыхъ размышленіяхъ, они носили особыя шляпы, на подобіе опрокинутыхъ ступокъ, съ широкими, опускавшимися внизъ, полями, такъ что они могли видѣть лишь клочокъ земли подъ ногами; третьихъ называли «безногими»: они ходили въ широкихъ одеждахъ, опускавшихъ до самой земли, такъ что казалось, будто они движутся безъ ногъ. Всѣхъ этихъ людей Христосъ, не дѣлая никакихъ различій, называлъ «гробами повапленными».

Полную противоположность этимъ іезуитамъ іудейства представляли жизнерадостные *саддукеи*. Названіе это они получили отъ имени ученаго Саддока, ученика мудраго предсѣдателя санхедрина (синедріонъ) Антигона Сохея, который, приблизительно за 260 лѣтъ до христіанской эры, проповѣдывалъ, что «люди должны служить Богу не рабски, не изъ страха наказанія или расчетовъ на награду, а единственно изъ безкорыстной любви къ нему». Это разумное и высоко-нравственное ученіе Саддокъ дополнилъ слѣдую-

щими положеніями: «Всѣ законы и сказанія, которыхъ нѣтъ въ текстѣ книгъ Моисея, нужно отвергнуть, какъ человѣческія измышленія. Нѣтъ ни безтѣлесныхъ ангеловъ или духовъ, ни особой жизни, отличной отъ земного существованія; душа человѣческая не переживаетъ тѣла, а вмѣстѣ съ нимъ распадается на міровые атомы и подвергается дальнѣйшимъ превращеніямъ. Нѣтъ воскресенія мертвыхъ, нѣтъ награды и наказанія за гробомъ. Человѣкъ не обреченъ на неизбѣжную судьбу, а его положеніе въ значительной степени зависитъ отъ него же самого».

Это саддукейское ученіе нисколько не подрывало нравственности его послѣдователей, а ихъ участіе во всѣхъ радостяхъ жизни не ослабляло въ нихъ чувства долга и высшихъ духовныхъ стремленій. Во всякомъ случаѣ, саддукейство, возникшее за сто лѣтъ до появленія фарисеевъ, и, слѣдовательно, бывшее не реакціей противъ регресса, а самостоятельнымъ актомъ духовной дѣятельности, служить свѣтлой точкой на темномъ фонѣ того времени.

Бездна, отдѣлявшая фарисеевъ отъ саддукеевъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, была слишкомъ велика, для того, чтобы, при разнообразіи человѣческой природы, не явилось посредствующихъ партій. Такъ возникла секта караимовъ, названіе которыхъ означаетъ людей текста, буквы. Караимъ до-христіанскаго времени хотѣлъ безусловно держаться текста писаннаго закона, одинаково избѣгая и свободной критики его, и суевѣрныхъ извращеній. Но при такомъ стремленіи караимовъ постигла участь всѣхъ людей золотой середины, которые, тщательно стараясь не уклониться ни направо, ни налево, мало-по-малу совершенно незамѣтно сами выдѣляются изъ себя два направленія, одно изъ которыхъ стоитъ ближе къ правой, а другое—къ лѣвой сторонѣ. Такъ случилось и здѣсь, когда, приблизительно, за тридцать лѣтъ до-христіанской эры, кареецъ, вѣрившій въ преданія, Гилиль былъ председателемъ, а свободомыслящій кареецъ, Шамай—вице-председателемъ синедріона. Начались споры, за которыми послѣдовали кровавыя битвы, и секта золотой середины распалась: одни изъ ея сторонниковъ переходили къ фарисеямъ, другіе къ саддукеямъ. Но изъ этихъ главныхъ партій побѣда склонялась на сторону первой. Оглупѣвшій и обѣднѣвшій народъ слѣпо отдался тѣмъ, которые захватили въ свои руки власть, богатство, высшія мѣста въ государственной и религіозной жизни и давали ему хлѣбъ и зрѣлища—«panem et circenses»: этотъ принципъ управленія іерусалимскіе господа переняли у римскихъ. Истинные друзья народа, которые равнодушно относились къ вѣрованіямъ другихъ людей, и поэтому никому не навязывали своихъ взглядовъ, скоро

увидѣли, что ихъ число все болѣе и болѣе уменьшается; часть ихъ удалилась отъ общественной дѣятельности, другая—увлеклась римской жизнью; иродіанская аристократія лавировала, т. е. прислуживалась, смотря по обстоятельствамъ, то императорской власти въ Римѣ, то фарисеямъ въ Палестинѣ. Нѣкоторые корни въ народѣ имѣли саддукеи еще въ Самаріи,—странѣ, въ которой языческое раньше населеніе лишь недавно приняло законъ Моисеевъ и притомъ не во всей его полнотѣ.

Какъ ни сильно увлеклось большинство тогдашнихъ іудеевъ религіозной односторонностью, все-таки въ немъ не вполне исчезли и политическія стремленія. Вопросъ: быть ли іудеями, или стать римлянами? стоялъ на очереди, и долженъ былъ вызвать сперва различныя мнѣнія, а затѣмъ—партіи. Но и этотъ вопросъ получаетъ религіозную подкладку. Болѣе національные фарисеи ратовали за іудейство и именно за то, которое сами же они изобрѣли; за романизацію стояли саддукеи, имѣвшіе болѣе космополитическіе взгляды. Такъ возникли партіи «гаулонитовъ» и «иродіанъ». Основателемъ первой изъ нихъ былъ Іуда Ѳевда, происходившій изъ Гаулона въ верхней Галилеѣ. Приблизительно, въ первые годы христіанскаго лѣтосчисления, Ѳевда проповѣдывалъ, что іудеи—народъ, избранный Богомъ, а потому должны повиноваться одному лишь Богу и не признавать надъ собой никакой человѣческой власти. Въмѣсто того, чтобы платить подати, лучше взяться за оружіе и прибѣгнуть къ послѣднему средству. Иродіане же,—партія, получившая названіе отъ имени Ирода Великаго, который добровольно уступилъ свою область римлянамъ,—утверждали, что спасеніе народа іудейскаго — лишь въ снисходительности непобѣдимаго Рима и, чтобы угодить ему, не нужно останавливаться даже передъ усвоеніемъ языческихъ обычаевъ. Эти политическія распри, понятно, еще болѣе усилили смуту въ Палестинѣ, но они, несомнѣнно, способствовали тому, что появилась третья и главная партія, соединившая религію и политику; партія эта приняла болѣе социальный характеръ и оказала большое вліяніе на современное положеніе дѣлъ.

Въ противовѣсъ лицемѣрному фарисейству Іудеи и, хотя послѣдовательной, но непопулярной философіи саддукеевъ въ Самаріи,—въ третьей провинціи—Галилеѣ, возникла секта *есеевъ*. Ее основали настухи, рыбаки и ремесленники, люди трудовые и бѣдные. Римскіе республиканцы стоической школы, загнанные подозрительностью новой императорской власти въ отдаленныя страны Азіи, присоединились къ есеямъ; греческіе философы, которые, какъ странники, скитались тогда по всему свѣту, дали этой сектѣ

основные принципы, обряды и форму посвященія. Питая отвращеніе къ тогдашней политикѣ, которая падала все ниже и ниже, и принимая участіе въ общественной жизни лишь настолько, насколько это было безусловно необходимо, ессеи жили лишь для своей общины и для своихъ принциповъ. Принципами этими были: справедливость, умѣренность, воздержаніе, скромность, любовь къ ближнимъ, а вслѣдствіе этого отрицаніе войны и общность имущества. Законъ Моисеевъ ессеи понимали аллегорически и отрицали буквальное толкованіе его. Строго соблюдали они лишь нравственныя предписанія, изъ церемоній же признавали лишь одну: погруженіе въ воду, бывшее въ тѣ времена общераспространеннымъ на Востокѣ символомъ очищенія. Чуждаясь правильнаго богослуженія, они молились только подъ открытымъ небомъ и лишь разъ въ годъ посѣщали храмъ іерусалимскій. Они избѣгали клятвъ и клялись только соблюдать свое ученіе и сохранять его въ тайнѣ. Ессеи раздѣлялись на осѣдлыхъ и странствующихъ. Первые доставляли своимъ трудомъ средства общинѣ, вторые же, отдавъ свое имущество роднымъ и товарищамъ, жили на счетъ общества. Странствующій есеей то уединялся и предавался созерцанію природы, то ходилъ по странѣ, какъ врачеватель души и тѣла, лѣчилъ больныхъ и проповѣдывалъ свое ученіе, останавливаясь по временамъ у осѣдлыхъ членовъ секты, для которыхъ онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ. Положеніе его, естественно, влекло за собой безбрачіе, которое, впрочемъ, и такъ поощрялось ученіемъ есеевъ. Осѣдлые ессеи часто принимали чужихъ дѣтей и воспитывали ихъ какъ своихъ: они полагали, что одно изъ главныхъ требованій ихъ ученія, любовь къ ближнему, лучше всего выполняется вниманіемъ къ беззащитнымъ дѣтямъ. Въ такую форму исторически отлилась секта есеевъ за нѣсколько десятилѣтій до начала христіанскаго лѣтосчисленія...

Намъ остается еще упомянуть объ эллинизмѣ того времени. Греки девятнадцать вѣковъ тому назадъ не имѣли общаго отечества. Множество мелкихъ монархій и республикъ раздробили древнюю Грецію. Сѣверъ и югъ, дорическій и іоническій элементъ, боролись другъ съ другомъ и дѣлали невозможнымъ политическое объединеніе. При такомъ отсутствіи практической общественной дѣятельности лучшія силы народа набросились на теоріи. Греки стали привилегированной націей ученыхъ. Вся область философіи—а съ нею и религіи—стала, такъ сказать, ихъ удѣломъ. Ни одна новая идея, ни одна новая система не могла проложить себѣ дорогу и получить широкое распространеніе безъ одобренія грековъ. Они повсюду играли роль посредниковъ въ умственной жизни. По-

Этому не могло обойтись безъ нихъ и въ іудейской землѣ, во всѣхъ важнѣйшихъ іудейскихъ движеніяхъ. Греческіе философы по профессіи большею частью странствовали по всему извѣстному тогда свѣту. Греки были совѣтниками, друзьями и слугами государей, государственныхъ дѣятелей и богачей. А такъ какъ почти каждый тогда философствовалъ или, по крайности, считалъ себя философомъ, то греческая философія со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами—въ видѣ высокой мудрости или въ видѣ жалкой софистики—проникла во всѣ сферы тогдашней жизни. Сверхъ того, между греками и іудеями существовали тѣсныя связи еще со времени македонскаго завоевателя и его преемниковъ. Было уже много тысячъ «эллинизированныхъ» іудеевъ, которые жили въ греческихъ городахъ, женились на гречанкахъ и говорили по гречески. Такіе іудеи даже свое священное писаніе читали тогда въ греческомъ переводѣ, сдѣланномъ «семидесятью толковниками» по повелѣнію египетскаго царя, Птолемея Филадельфа...

Куно Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. Переводъ съ нѣмецкаго С. Н. Грუმъ-Гржимайло, подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Первая половина. Москва 1894.

Книга Куно Фишера состоитъ изъ двухъ частей. Первая занята „жизнью и характеромъ Шопенгауэра“, вторая — „изложеніемъ и критикой его ученія“. Въ русскомъ переводѣ вышла пока только первая половина книги, представляющая собою — какова бы ни была вторая часть — блестящій образчикъ біографическаго мастерства.

Задача біографа всегда сложна и трудна, если разумѣть подъ ней не голый перечень фактовъ, а характеристику, объединяющую факты и располагающую ихъ не только въ хронологической перспективѣ. Къ сожалѣнію, нѣтъ людей яркаго и вмѣстѣ съ тѣмъ ровнаго, не мерцающаго въ теченіи всей жизни и на всѣхъ ея путяхъ свѣта, и къ счастью, крайне рѣдки люди столь же исключительной тьмы. Біографъ долженъ разобраться въ этой пестрой картинѣ свѣта и тѣни, добра и зла, ошибокъ и подвиговъ, торжества и паденія. И это тѣмъ труднѣе, что біографіи удостоиваются лишь люди по крайней мѣрѣ выше средняго роста, оставившіе своею дѣятельностью извѣстный слѣдъ въ исторіи. Противорѣчія же между личными свойствами и характеромъ общественной дѣятельности — научной, литературной, политической, административной — слишкомъ часто бросаются въ глаза. Но это противорѣчія кажущіяся, и задача біографа состоитъ въ ихъ устраненіи, то-есть, объясненіи. Біографъ долженъ найти въ жизни даннаго лица и въ его дѣятельности такую центральную точку, утвердившись на которой, можно привести въ связь всѣ лучи свѣта и всѣ полосы тѣни. Только найдя эту точку, біографъ можетъ сказать, что его задача рѣшена, а до тѣхъ поръ она лишь поставлена, да собраны матеріалы для ея рѣшенія. Труд-

ность увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что біографу приходится управлять своими симпатіями и антипатіями, какъ въ данной личности, такъ и въ характеру и направленію ея общественной дѣятельности. Трудность эта не устраняется холоднымъ, такъ называемымъ объективнымъ изученіемъ и сопоставленіемъ фактовъ съ устраненіемъ собственныхъ понятій о добрѣ и злѣ. Напротивъ, нуженъ, при извѣстной урѣдковѣнности ума, горячій интересъ въ добру и злу, горячая вѣра, позволяющая безъ страха признать пятна на своемъ солнцѣ, потому что все-таки оно остается солнцемъ, и жемчужину въ кучѣ грязи, потому что грязь отъ этого не становится чище.

Всѣ эти трудности преодолѣны въ работѣ Куно Фишера, а онѣ особенно велики по отношенію къ Шопенгауэру. За исключеніемъ продолжительныхъ уколовъ оскорбленнаго самолюбія, да и то умѣряемыхъ непоколебимою вѣрою въ себя и въ свое вѣчное торжество, жизнь этого человѣка была, какъ на заказъ, счастливой. Онъ, можно сказать, не зналъ болѣзней, печалей и воздыханій, а къ чужимъ печалямъ и воздыханіямъ относился съ крайнимъ равнодушіемъ. И въ то же время это былъ мрачный пессимистъ, скорбѣвшій о погруженномъ въ безысходное страданіе мірѣ. Проповѣдникъ аскетизма, онъ никогда въ жизненныхъ благахъ себѣ не отказывалъ. Паря въ небесахъ отвлеченной мысли, въ жизни онъ былъ брюзга, мелочникъ и трусъ. Презирая людей и щеголяя этимъ презрѣніемъ, онъ до смѣшного добивался славы, то-есть, признанія со стороны этихъ презираемыхъ людей, и до смѣшного радовался, когда эта слава, наконецъ, пришла. Чѣмъ объяснить эти противорѣчія въ человѣкѣ безспорно великаго ума, какъ бы мы ни относились къ его философіи?

„Его интеллектуальная природа, — говоритъ Куно Фишеръ, — была снабжена и вооружена всею тяжестью сильной и пылкой воли; ему было предназначено сдѣлаться гениальнымъ художникомъ, не такимъ, который въ образахъ и краскахъ воспроизводитъ явленія, но такимъ, который въ понятіяхъ запечатлѣваетъ суть и свойства вещей, — художникомъ, которому матеріаломъ служатъ познанія и идеи, добываемыя на пути научно-философскаго образованія“ (стр. 18). И далѣе: „Согласіе между философіей Шопенгауэра и его жизнью дѣлается намъ ясно, лишь только мы начнемъ раз-

сматривать его, какъ *художника*“ (стр. 143). Любопытна, между прочимъ, слѣдующая черта: „Онъ обладалъ въ высокой степени силу потрясать самого себя и сдѣлался бы великимъ актеромъ, если бы не рѣшилъ выбрать поприще философіи. Онъ былъ, какъ сообщаютъ, отличнымъ рассказчикомъ и могъ, если предметъ охватывалъ его, проливать слезы. И какъ философъ (прибавляетъ Куно Фишеръ), онъ былъ великимъ артистомъ, имѣвшимъ въ своей власти способность производить впечатлѣніе, и какъ трагикъ, и какъ комикъ“ (стр. 144).

Мы не будемъ слѣдить за развитіемъ мысли Куно Фишера, предоставляя читателю самому въ подробности ознакомиться съ прекрасно написанною и вдобавокъ прекрасно переведенною книгой. Мы сдѣлаемъ только еще одну характерную выписку.

Пессимизмъ Шопенгауэра „былъ серьезнымъ трагическимъ міросозерцаніемъ, но онъ былъ *созерцаніемъ*, представленіемъ, картиной. Трагедія бѣдствія міра игралась въ театрѣ, онъ сидѣлъ въ зрительной залѣ въ очень удобномъ креслѣ, со своимъ биноклемъ, оказывавшимъ ему услуги микроскопа; многіе изъ зрителей забывали бѣдствія міра около буфета, никто изъ нихъ не слѣдилъ за трагедіей съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, съ такой глубокой серьезностью, съ такимъ пронизывающимъ взоромъ; затѣмъ, глубоко потрясенный и въ душѣ довольный, шелъ онъ домой и описывалъ то, что видѣлъ“ (стр. 131).

Какъ видитъ читатель, это не оправданіе низменныхъ сторонъ натуры Шопенгауэра, а установленіе связи между ними и философіей франкфуртскаго мыслителя, которая, и утративъ свое руководящее значеніе, всегда останется замѣчательнымъ *художественнымъ* произведеніемъ въ смыслѣ Куно Фишера.

Характеристика Шопенгауэра, сдѣланная Куно Фишеромъ, очень напоминаетъ характеристику Іоанна Грознаго, сдѣланную когда-то Хомяковымъ и Константиномъ Авсаковымъ. Въ особенности послѣдній развилъ то общее положеніе, что „одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ и суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей для души человѣка“. Опасность заклю-

чается въ томъ, что „человѣкъ довольствуется здѣсь благоуханіемъ добра, а добро само по себѣ—вещь для него слишкомъ грубая, тяжелая и черствая“. Дѣло такимъ образомъ не въ самой художественности, которая можетъ сочетаться и часто дѣйствительно сочетается съ высокими нравственными качествами, а въ несчастной комбинаціи крупной художественной силы съ низменнымъ нравственнымъ характеромъ. Біографія Шопенгауэра въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна. И при чтеніи ея невольно приходитъ въ голову: хорошо, что это былъ только мыслитель, а не практическій дѣятель, имѣющій возможность на дѣлѣ осуществлять созданія своей художественной фантазіи, лишенной нравственной подкладки.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что бабка Шопенгауэра была душевно больная, старшій братъ отца его былъ слабоумень отъ рожденія, второй дядя впалъ въ слабоуміе вслѣдствіе распутной жизни, отецъ кончилъ тоже душевнымъ разстройствомъ и, повидимому, самоубійствомъ. Куно Фишеръ упоминаетъ объ этихъ фактахъ, но дѣлаетъ изъ нихъ лишь нѣсколько очень общихъ и, такъ сказать, робкихъ выводовъ по отношенію къ самому Шопенгауэру.

Многіе изъ поступковъ Шопенгауэра носятъ на себѣ явственную печать душевнаго нездоровья. Въ главѣ „Отцовское наслѣдіе“ Куно Фишеръ отмѣчаетъ, какъ результатъ психопатической наслѣдственности, необыкновенную трусость Шопенгауэра, за которую Ломброзо называетъ его прямо липеманьякомъ. Онъ одно время спалъ съ оружіемъ въ рукахъ, опасаясь какихъ-то нападеній, боялся, что его кто-то хочетъ отравить нюхательнымъ табакомъ, всегда возилъ съ собой собственный стаканъ, чтобы не пить изъ чужихъ, боялся бриться у парикмахеровъ и т. п. Его художественная фантазія въ такихъ случаяхъ не только дѣлала изъ мухи слона, но и прямо изъ ничего создавала ужасы и опасности. И естественно, что настроеніе это выразилось въ созданіи мрачной, пессимистической философіи. Подъ конецъ жизни, когда Шопенгауэра осѣнила наконецъ жадно искомая слава, онъ вообразилъ себя основателемъ новой религіи и съ истинно комическою серьезностью говорилъ о своемъ культѣ, о своихъ апостолахъ и проч. Здѣсь опять-таки для Шопенгауэра дѣло

было, говоря словами Аксакова, не въ добрѣ, а въ благоуханіи добра, въ художественномъ образѣ учителя, словамъ котораго съ священнымъ трепетомъ и благоговѣніемъ внимають тысячи, быть можетъ, миллионы людей. И такую исключительную власть имѣлъ надъ нимъ этотъ художественный образъ, и именно только какъ художественный образъ, что онъ и не думалъ привести въ связь свою жизнь съ своимъ ученіемъ и, при всемъ своемъ умѣ, не замѣчалъ комизма своего положенія. Нѣтъ надобности видѣть въ личности Шопенгауэра одну изъ иллюстрацій къ темѣ: „геніальность и помѣшательство“ для того, чтобы признать болѣзненное происхожденіе приведенныхъ чертъ. Но такъ мало симпатична вся фигура франкфуртскаго философа и такъ непомерно велико его самомнѣніе, что сожалѣнія не испытываешь при чтеніи его біографіи и кончаешь ее съ чувствомъ удовлетворенія: всегда мучительная загадка сочетанія крупной творческой, созидающей силы съ отрицательными нравственными чертами—понята.

Научная и профессорская дѣятельность И. П. Бородина.

(Ко дню двадцатипятилѣтняго юбилея).

23-го сентября 1894 года исполнилось 25 лѣтъ научной и профессорской дѣятельности нашего извѣстнаго талантливаго профессора ботаники Ивана Парфеньевича Бородина. И. П. кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Онъ слушалъ лекціи въ университетѣ въ то самое время, когда увлеченіе физиологіей растений достигло своего апогея. Новыя мысли, новыя ученія о жизни раздавались тогда съ кафедръ многихъ университетовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. «Основа жизни организмовъ, растительныхъ и животныхъ, есть клѣтка», — учили тогда профессора, «и именно, содержимое этой клѣтки, протоплазма». Въ ней, въ этой протоплазмѣ, представляющей для неспеціалистовъ не что иное, какъ комочки слизи, ученые надѣялись въ то время открыть тайну жизни, тайну ея происхожденія, законы ея проявленія. «Жизнь есть,—говорили тогда,—особое проявленіе физическихъ и химическихъ законовъ въ протоплазмѣ, въ клѣткѣ». Такъ какъ растительная клѣтка представляетъ, по своей организаціи, наиболѣе удобный объектъ для изученія проявленія жизни, то понятно, что въ то время особенно интересовала и привлекала къ себѣ эта растительная клѣтка, въ которой, думали, заключалась, правда, еще неразгаданная, но вся тайна жизни. А человекъ таковъ всегда былъ, есть и будетъ, что все таинственное, неразгаданное особенно волнуетъ его, привлекаетъ его пытливый умъ и заставляетъ такъ или иначе, но разгадать эту тайну. И вотъ въ то время особенно привлекала студентовъ физиологія растений и животныхъ. Съ усердіемъ посѣщались лекціи и лабораторіи профессоровъ-физиологовъ, всѣ натуралисты хотѣли быть физиологами. Систематика, съ ея классификаціей, съ ея счетомъ тычинокъ и плодниковъ, съ ея латинскими названіями и терминами, считалась тогда наукой скучной, сухой,

не дававшей простора мысли. Въ Петербургскомъ университетѣ въ то время читалъ лекціи фізіологіи растений профессоръ, а нынѣ академикъ, А. С. Фаминцынъ, и его-то духовными сынами должны по справедливости считаться И. П. Бородинъ, А. Θ. Баталинъ *), К. А. Тимирязевъ **), С. М. Розановъ ***) и многіе другіе. Всѣ они жадно слушали лекціи А. С. Фаминцына и усердно работали въ его лабораторіи. Но строгій умъ А. С. Фаминцына значительно сдерживалъ пытливые умы молодыхъ начинающихъ ученыхъ въ ихъ стремленіяхъ разгадать тайну жизни, и учитель направлялъ часто учениковъ своихъ на задачи менѣе крупныя, но требующія усидчивости, терпѣнія; однимъ словомъ, А. С. стремился выработать въ ученикахъ своихъ строгихъ ученыхъ, умѣющихъ *работать*, а не витать лишь въ облакахъ мысли.

Съ такими-то идеями и такой строгой научной подготовкой началъ свою научную дѣятельность И. П. Бородинъ. И растительная клѣтка, въ которую влюбился онъ еще въ молодыхъ годахъ, до сихъ поръ остается вѣрной подругой его жизни. Цѣлый рядъ ученыхъ работъ, по достоинству оцѣненныхъ специалистами русскими и иностранными, совершенъ былъ И. П. именно въ этомъ направленіи. — онъ работалъ надъ выясненіемъ тайны жизни клѣтки, а слѣдовательно, и всего живого. Много работъ посвящено было имъ дыханію растений, т.-е. такому жизненному процессу, который, повидимому, легче всего поддается, такъ сказать, физическому и химическому анализу. Хлорофиллъ — то зеленое вещество, которое свойственно большинству растений, и которое составляетъ основу процесса питанія зеленыхъ растений, конечно, тоже привлекъ вниманіе И. П. и имъ произведено нѣсколько специальныхъ работъ надъ хлорофилломъ. Въ основныхъ чертахъ процессъ питанія растений былъ въ то время уже вполне выясненъ; давно было извѣстно, что растенія принимаютъ пищу свою корнями изъ земли и зелеными листьями изъ атмосферы; что этотъ сырой матеріалъ внутри растенія, именно, въ зеленыхъ частяхъ его, подвліяніемъ солнечнаго свѣта обращается въ сложныя органическія вещества, идущія далѣе на построеніе органовъ растенія, на сооруженіе растительнаго зданія. Но какъ совершаются послѣдніе процессы, какія происходятъ превращенія при переходѣ воды и углекислоты воздуха въ сложнѣйшія органическія веще-

*) Нынѣ директоръ Ботаническаго Сада въ Петербургѣ.

***) Профессоръ фізіологіи растений въ Московскомъ университетѣ.

***) Бывшій главный ботаникъ Ботаническаго Сада въ Петербургѣ, давно уже скончавшійся.

ства, какъ эти вещества передвигаются изъ листьевъ, гдѣ они образуются, въ нарастающія части растений и т. д. — всѣ эти весьма трудные вопросы проявленія жизни въ растеніяхъ, вопросы, требующіе приложенія химіи къ ботаникѣ, требующіе умѣнья заглянуть, такъ сказать, въ самое нутро растенія — всѣ эти вопросы въ то время, когда И. П. Бородинъ начиналъ свою научную дѣятельность, были самыми современными и надъ ними работало не мало ученыхъ, особенно иностранныхъ. Понятно, что и И. П. принялъ участіе въ этомъ общемъ движеніи. Аспарагинъ, лейцинъ, гесперединъ, дульцитъ—всѣ эти названія, страшныя для неспециалистовъ, но глубоко интересныя по своему значенію въ питаніи растеній, часто встрѣчаются въ работахъ И. П. и были тщательно имъ изучены *).

До сихъ поръ мы познакомились съ И. П., какъ съ ученымъ, работающимъ надъ такими общими и интересными вопросами, какъ дыханіе и питаніе растеній. Работая надъ послѣднимъ вопросомъ, И. П. остановился, между прочимъ, надъ изученіемъ различныхъ кристалловъ, которые встрѣчаются въ тканяхъ растеній, они надолго привлекли вниманіе И. П. Кристаллы эти не имѣютъ выдающагося значенія въ вопросахъ о жизни растеній и представляютъ какъ бы отбросы растительныхъ клѣтокъ. Вотъ почему большинствомъ физиологовъ и анатомовъ они и оставались безъ вниманія. Но талантливый умъ И. П. съумѣлъ и въ кристаллахъ найти интересное и подойти къ нимъ съ такой стороны, что и они заговорили. И. П., дѣлая сообщенія въ ученыхъ обществахъ, на съѣздахъ и конгрессахъ о кристаллахъ, отложенныхъ въ тканяхъ растеній, увлекалъ за собой аудиторію, и бездушныя, на первый взглядъ не имѣющіе значенія, кристаллы рассказывали слушателямъ цѣ-

*) Считаемо необходимымъ привести здѣсь списокъ главнѣйшихъ работъ проф. Бородина: «О дыханіи въ чистомъ кислородѣ», «О распаденіи и образованіи бѣлковыхъ веществъ въ растеніяхъ», «О явленіяхъ растительной жизни, представляющихъ періодичность при постоянныхъ вѣншихъ условіяхъ», «О кристаллахъ хлорофилла», «Сферокристаллы Sphaerulium и микрохимическое открытіе лейцина», «О кристаллахъ нѣкоторыхъ пигментовъ», сопровождающихъ хлорофилъ», «О распаденіи гесперидина въ растительномъ царствѣ», «Объ условіяхъ накопленія лейцина въ растеніяхъ», «О распредѣленіи кристалловъ въ листьяхъ бобовыхъ и розоцвѣтныхъ», «О желтыхъ пигментахъ растеній», «О распространеніи дульцита въ растеніяхъ», «О кристаллическихъ отложеніяхъ въ листьяхъ Apocaseae и Violariaceae». Кромѣ того проф. Бородинъ является авторомъ прекраснѣйшихъ руководствъ: «Краткій курсъ ботаники» (вышелъ уже 3 изданіями) и «Курсъ анатоміи растеній» (для высшихъ учебныхъ заведеній). Fed.

лыя интересныя и поучительныя історіі сродства аднѣхъ растительныхъ формъ съ другими.

Тутъ, рука объ руку съ этими кристаллами, И. П. Бородинъ изъ области растительной фізіологіі и неразрывно связанной съ ней анатоміі перешагнулъ въ область систематики. И его талантливыя рѣчи воскрешали въ слушателяхъ интересъ не только къ интереснымъ кристалламъ, но и къ забытой, заброшенной систематикѣ...

Работа всякаго истиннаго ученаго заключается не только въ самостоятельныхъ работахъ, но и въ томъ, чтобы неустанно слѣдить за ходомъ науки. Въ настоящее время, при томъ неимоверномъ объемѣ, до котораго доросла наука вообще, да въ частности и каждая отдѣльная отрасль науки, слѣдить за успѣхами и ходомъ науки является весьма затруднительнымъ. Ежедневно печатается столько спеціальныхъ изслѣдованій и трудовъ, что слѣдить за всѣми ними является весьма и весьма большимъ дѣломъ. Нынѣшнюю научную работу на земномъ шарѣ можно сравнить съ огромнымъ строящимся зданіемъ. Зданіе это сразу строится со всѣхъ сторонъ. Масса прилежныхъ работниковъ тащатъ для постройки кирпичи, песокъ, глину; но архитекторы, отвлекаемые наблюденіями за всѣми этими отдѣльными работами, не постѣбуютъ слѣдить за общимъ ходомъ работы и не могутъ даже издали взглянуть на весь ансамбль зданія—такъ оно велико! Большинство современныхъ ученыхъ отдають свое время и силы какой-нибудь отдѣльной узкой спеціальности; они всю жизнь работаютъ надъ какимъ-нибудь однимъ вопросомъ, они дѣлаются мастерами въ этихъ отдѣльныхъ вопросахъ, но никогда не суждено имъ увидѣть издали всего зданія, надъ постройкой одного какого-нибудь угла котораго они съ такимъ усердіемъ трудятся.

Не таковъ И. П. Бородинъ. Мы видѣли его вступающимъ на научное поприще съ жаждою познать тайну жизни; мы видѣли, что, слѣдуя символу вѣры того времени, И. П. остановился на клѣточкѣ и заключенной въ ней протоплазмѣ, какъ на объектахъ, которые должны наивѣрнѣйшимъ образомъ раскрыть эту тайну. Мы видѣли, какъ онъ самъ собиралъ камешки для общаго зданія науки и какъ, работая надъ дыханіемъ и питаніемъ растеній, надъ хлорофилломъ и аспарагиномъ, надъ кристаллами щавелеваго кальція и проч., подходилъ къ волновавшему его вопросу. Но еще болѣе удѣлялъ и удѣляетъ вниманія и времени И. П. изученію того, что дѣлають соратники его по наукѣ. И надо сознаться, что почти никто такъ всесторонне не слѣдитъ за развитіемъ ботанической науки вообще и въ особенности за развитіемъ ученія о клѣткѣ и

протоплазмѣ, какъ И. П. Не разъ дѣлился онъ своими знаніями въ этомъ отношеніи съ товарищами по наукѣ. И такъ какъ И. П.

И. П. Бородинъ.

обладаетъ замѣчательнымъ даромъ изложенія, и въ его устахъ самый сухой, самый безжизненный предметъ или вопросъ облекается въ плоть и кровь и одушевляется мыслью, то понятно, съ какимъ вниманіемъ и интересомъ слѣдятъ ученые за его рѣчами въ общихъ собраніяхъ Общества естествоиспытателей, когда онъ собирается говорить о клѣткѣ или протоплазмѣ: въ этихъ рѣчахъ, ассимилировавъ весь сырой научный матеріалъ даннаго времени, но И. П. вливаетъ въ этотъ матеріалъ мысль, душу и создаетъ живую, стройную картину.

Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи недавняя рѣчь его, произнесенная въ декабрѣ 1893 года, на торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей по слу-

чаю 25-лѣтняго его юбилея *). Она является признаніемъ того, что одними физическими и химическими законами объяснить жизненныя проявленія кѣтки ея протоплазмы нельзя. «Не въ физическихъ и химическихъ свойствахъ протоплазмы кроется тайна жизни,—исповѣдуетъ теперь И. П.,—а въ присутствіи въ организамахъ особой жизненной силы». Эта рѣчь являлась реакціей противъ увлеченія матеріализмомъ; она потрясла аудиторію, такъ какъ вылилась изъ устъ человѣка, который неустанно четверть вѣка работалъ надъ вопросомъ о тайнѣ жизни, заключенной въ протоплазмѣ, который слѣдилъ и знаетъ литературу, какъ рѣдко кто; потому-то она была съ одинаковымъ уваженіемъ прослушана и учеными, оставшимися вѣрными знамени 60-хъ годовъ и принципамъ материалистическаго ученія, и учеными, которые въ душѣ, можетъ быть, тоже давно готовы считаться съ жизненной силой, но не рѣшались сдѣлать этого такъ открыто и публично.

Такова ученая дѣятельность И. П. Но не менѣе замѣчательна и профессорская его дѣятельность. Сейчасъ по окончаніи университета И. П. занялъ кафедру ботаники въ Лѣсномъ институтѣ и какъ профессоръ стяжалъ себѣ заслуженную славу. Чудный лекторъ, онъ привлекаетъ въ свою аудиторію массу слушателей. Практическія занятія поставлены имъ въ институтѣ на широкую ногу. Ботаническій кабинетъ и гербарій Лѣснаго института—это дѣло рукъ И. П., достойнымъ помощникомъ котораго въ этомъ важномъ дѣлѣ долгое время былъ Н. А. Монтеверде, нынѣ главный ботаникъ въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду въ Петербургѣ; Н. А. Монтеверде является однимъ изъ многихъ учениковъ И. П. и послѣдователемъ его въ работахъ по изученію кристалловъ и хлорофилла.

И. П. не принадлежитъ къ типу узкихъ специалистовъ и замкнутыхъ въ себя ученыхъ. Это ученый съ широкимъ полетомъ мысли, это профессоръ съ разносторонними взглядами и задачами, наконецъ, И. П.—общественный дѣятель.

Какъ популяризаторъ науки И. П. уже давно стяжалъ себѣ извѣстность. Въ началѣ еще своей ученой дѣятельности онъ устраивалъ каждую весну въ Лѣсномъ Институтѣ публичныя экскурсіи по ботаникѣ, которыя привлекали массу публики. На его публичныхъ лекціяхъ аудиторія всегда переполнена, и если у него есть даръ самыя сухія вещи слѣлать интересными, то неменьшій даръ самого непосвященнаго слушателя заинтересовать самыми специаль-

*) Рѣчь эта напечатана, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, въ 5-мъ номерѣ «Міра Божьяго» за этотъ годъ.

ными вопросами. Популярныя лекціи его «Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ», къ сожалѣнію изданныя фирмой Вольфа крайне небрежно и скупо, читаются съ огромнымъ интересомъ какъ человѣкомъ, совсѣмъ съ ботаникой незнакомымъ, такъ и специалистомъ-ботаникомъ. Эту книгу можно по справедливости назвать «ботаническимъ романомъ *)».

Иванъ Парфеньевичъ читалъ лекціи на Фребелевскихъ женскихъ курсахъ, на Высшихъ женскихъ курсахъ, одинъ годъ въ университетѣ, а нынѣ онъ состоитъ профессоромъ въ Лѣсномъ институтѣ и Военно-Медицинской академіи. Къ характеристикѣ его, какъ человѣка, надо прибавить, что при всѣхъ своихъ громадныхъ заслугахъ, какъ ученаго, профессора и популяризатора, И. П. отличается замѣчательной скромностью. Онъ никогда не работалъ для научныхъ степеней и чиновъ, и степень *доктора* ботаники получилъ *honoris causa*. Кромѣ того, онъ состоитъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ.

Н. К.

---

*) «Процессъ оплодотворенія» перерабатывается въ настоящее время проф. Бородинымъ для нашего журнала и будетъ печататься въ «Мірѣ Вошьемъ» въ 1895 году, въ видѣ приложения.

Ред.

НОВЫЯ КНИГИ.

Вернеръ фонъ-Сиенсъ. Мои воспоминанія, перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей *М. В. Панне* (съ 3 портретами).

Автобіографій, въ которыхъ авторы смогли бы представить себя такими, какіе они были въ жизни—со всѣми своими слабостями и пороками, доблестью и добродѣтелями, нѣтъ.

Сократовское «познай самого себя» еще до сихъ поръ остается одной изъ самыхъ труднѣйшихъ задачъ, которыя когда-либо ставили себѣ человѣческій умъ и совѣсть; и задача эта съ вѣками становится все сложнѣе и сложнѣе...

Если познать самого себя трудно, то изобразить, конечно, еще труднѣе: мало рассказать, что я сдѣлалъ, какъ мыслилъ, къ чему стремился, нужно все это поставить въ причинную взаимную связь, которая именно вслѣдствіе близости къ автору всѣхъ этихъ явленій и ускользаетъ отъ него; а съ другой стороны, какъ вынести на улицу все то, что таится въ тайникахъ души, все то, что лежитъ въ области полусознаннаго, бессознательнаго, что только проскальзываетъ въ жизни, какъ быстрая тѣнь. Разъ писатель касается въ своей автобіографіи этихъ тонкихъ вопросовъ, онъ незамѣтно начинаетъ творить... и вмѣсто біографіи получается романъ...

Ясно, что автобіографіи не могутъ дать полной и правильной характеристики, на нихъ нужно смотрѣть только, какъ на документы, только нѣсколько уясняющіе «дѣло»—къ нимъ должны быть приложены всѣ методы исторической критики.

Съ такой точки зрѣнія гораздо большую цѣну имѣютъ автобіографіи, въ которыхъ авторы не вдаются въ глубины самоанализа, а попросту рассказываютъ о событіяхъ своей жизни, о томъ, что видѣли и что сдѣлали,—но, съ другой стороны, такія автобіографіи указываютъ, конечно, на то, что авторы ихъ и не интересовались этими тонкостями своей духовной жизни, что это были люди дѣйствія, люди факта. Такова автобіографія и Вернера Сиенса.

Это какъ бы послужной списокъ или академическій *curriculum vitae*, только написанный не канцелярскимъ, а хорошимъ литературнымъ языкомъ. Вернеръ Сименсъ знаменитый электротехникъ, конечно, не служилъ въ какой-нибудь канцеляри, — онъ провелъ свою жизнь сначала на военной службѣ Гогенцолернамъ, затѣмъ въ вихрѣ техническихъ и научныхъ занятій, сегодня въ Берлинѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ, завтра на Кавказѣ, въ Египтѣ, въ Индійскомъ океанѣ; но автобіографія его, не смотря на весь интересъ ея, не сближаетъ васъ съ авторомъ, души его вы не видите, какъ онъ любилъ, ненавидѣлъ, надъ чѣмъ, кромѣ своихъ аппаратовъ, задумывался—не знаете.

И поневолѣ вы начинаете сомнѣваться, да полно, была ли душа у этого человѣка, могъ ли онъ любить, ненавидѣть, волноваться. Можетъ быть, все это и было, но автобіографія молчитъ,—а говоритъ она вотъ о чемъ. Вернеръ Сименсъ человѣкъ долга, расчета, желѣзной воли и необыкновеннаго упорства. Все это онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца, все это, вѣроятно, накапливалось многими поколѣніями въ теченіи столѣтій въ семьѣ Сименсовъ, пока не достигло своего апогея въ «фирмѣ Сименсъ и Гальске». Такие люди создаютъ необыкновенно долговѣчныя фамиліи, не даромъ авторъ гордится своимъ родословнымъ деревомъ. У такихъ людей консерватизмъ (не политическій только) въ крови. Вернеръ фонъ-Сименсъ — прекрасный семьянинъ. Когда умираютъ отецъ и мать Вернера, смерти которыхъ въ автобіографіи отведено всего нѣсколько строкъ, онъ считаетъ своимъ долгомъ, «какъ старшій въ семьѣ», поставить всѣхъ братьевъ на ноги и съ обычнымъ упорствомъ достигаетъ этого, но зато и отмѣчаетъ свою добродѣтель въ «послужномъ списокѣ». Женится Сименсъ на дѣвухѣ, которую намѣтилъ себѣ уже 8 лѣтъ, только когда «позволяютъ личныя средства»; эти «личныя средства» выражались уже въ собственной фабрикѣ и домѣ «съ хорошенькими квартирами», вѣроятно, къ сему присоединялся и «порядочный» капиталъ. Тринадцати годамъ совмѣстной жизни и смерти любимой жены Сименсъ посвящаетъ 7½ строчекъ.

Черезъ 4 года онъ снова женился. Что за женщины были жены Сименса, какое вліяніе оказали онѣ на его жизнь—неизвѣстно, а въ то же время онъ считаетъ нужнымъ приводить свои обѣденныя остроты, по поводу женитьбы на швабкѣ. Но, конечно, онъ былъ хорошій семьянинъ.

Политическія убѣжденія Вернеръ тоже получилъ по наслѣдству. «Нынѣшнее положеніе вещей въ Германіи,—говорилъ отецъ, совѣтуя ему поступить въ прусскую военную службу,—долго про-

должаться не можетъ. Придетъ время, когда все переѣнится. Единственно прочнымъ можно считать въ Германіи лишь государство Фридриха-Великаго и прусскую армію, а въ такія времена всегда лучше быть молотомъ, чѣмъ наковальней».

Сынъ послѣдовалъ совѣту предусмотрительнаго отца и всегда предпочиталъ быть молотомъ. «Моя прирожденная любовь,—пишетъ авторъ (стр.246).—къ нѣмецкой родинѣ всегда принадлежала прежде всего Пруссіи, ей и ея пяти королямъ, подъ владычествомъ которыхъ я прожилъ, я былъ всегда вѣрно преданъ и признателенъ. Не только знанія и духовное развитіе, вынесенныя мною изъ прусской школы, доставили мнѣ мои успѣхи въ жизни, но этому также много содѣйствовало видное положеніе прусскаго офицера вообще».

Знаменитый электротехникъ гордится своимъ поручичьимъ мундиромъ прусскаго офицера, пожалуй, не меньше, чѣмъ своими изобрѣтеніями и своей фирмой, а о военной службѣ вспоминаетъ съ такимъ восторгомъ, что даже «грубость экзерпирмейстеровъ, которую и ему пришлось испытать, какъ бы освѣжала и ободряла, особенно если къ ней примѣшивался своеобразный юморъ, которымъ обыкновенно проникнуты самыя образцовыя солдатскія грубости» (17); производство въ бомбардиры «возвысило его въ собственныхъ глазахъ». Военныя дуэли Сименсъ не только оправдываетъ, но говоритъ даже, что «онѣ оказывали благотворное вліяніе на развитіе среди молодежи болѣе пристойной манеры въ обращеніи и разговорѣ». Хороша, вѣроятно, была «пристойность» прусской военной молодежи, если они требовали такихъ радикальныхъ средствъ. Интересно также, для характеристики политическихъ убѣжденій Вернера Сименса, его отношеніе къ 1848 году. «Пустыя разсужденія на политическія и національныя темы... оказывали еще тогда значительное вліяніе на массу, а способствовала этому «прекрасная лѣтняя погода», «единственнымъ же стѣсненіемъ, которое было понятно массѣ берлинскаго населенія, изъ-за котораго она на самомъ дѣлѣ боролась», было, по мнѣнію автора, «запрещеніе курить на улицахъ и въ Тиргартенѣ» (46 стр.). Нѣсколько странное сужденіе для выдающагося депутата «Нѣмецкой прогрессивной партіи».

Но если Сименсъ доволенъ военной службой, доволенъ Гогенцолернами, доволенъ своими техническими и научными открытіями, доволенъ вообще собою, то все же довольнѣе всего онъ своей фирмой «Сименсъ и Гальске», о ней онъ говоритъ съ нѣжностью, съ восторгомъ, ее рекламируетъ чуть не на каждомъ шагу—такія «техническія фирмы, призваны (?!), по мнѣнію автора, чтобы въ ожесточенномъ состязаніи цивилизованнаго міра, всѣми усиліями

удержать за своей родиной, первенствующее значеніе или, по крайней мѣрѣ, занять для нея приличное, по ея природѣ и положенію, мѣсто» (стр. 245).

Великія идеи нашего времени только скользнули по поверхности односторонняго ума Сименса, для него онѣ только пустыя слова,— только одну общую идею воспринялъ онъ и въ ней одной нашелъ обоснованіе дѣлу своей жизни—это національность.

Сименсъ—Бисмаркъ техники, такимъ людямъ Германія много обязана своимъ объединеніемъ и своимъ могуществомъ. Не рас-плачивается ли она за это слишкомъ дорогой цѣной? Вѣдь въ основѣ такого объединенія въ основѣ и даже любви къ Гогенцолернамъ лежитъ характерное «лучше бить молотомъ, чѣмъ наковальней».

Конечно, это нравственность не высокаго качества, и мы думаемъ, что г. Паппе—переводчикъ «Воспоминаній», слишкомъ мало знаетъ нашу молодежь, если надѣется, что «стремленія» ея будутъ «вырабатываться» на идеалахъ «великаго нѣмецкаго изслѣдователя». У Вернера Сименса можно поучиться кое-чему другому—энергіи, трудолюбію и любви къ знанію. Въ устройствѣ всей своей жизни, въ первыхъ техническихъ опытахъ, въ сценахъ при прокладкѣ кабеля въ Средиземномъ морѣ, при защитѣ Кіля отъ датчанъ и мн. др. проявляется такая энергія, которую не въ силахъ сломить никакія неудачи; не мало помогаютъ ей самообладаніе и практичность, частенько не совсѣмъ-то симпатичная. Эта практичность ярко оказалась, напр., въ сношеніяхъ Сименса съ русскимъ правительствомъ. Онъ въ первый разъ пріѣзжаетъ въ Россію, для переговоровъ о постройкѣ телеграфной линіи въ 1852 году; сначала безъ знакомыхъ, безъ знанія языка, онъ все же сумѣлъ «пріобрѣсти въ Министерствѣ Путей Сообщенія много важныхъ знакомствъ и связей». Положимъ, по сознанію самого автора, въ Петербургѣ «среди лицъ высшей администраціи преобладали тогда нѣмцы изъ остзейскихъ провинцій», но все же удивительно, какъ быстро понялъ онъ всѣ запутанныя отношенія между этими лицами, понялъ, что нужно императору Николаю, что графу Клейнмихелю, что Дуббельту, понялъ и то, какое обращеніе должно имѣть съ каждымъ изъ нихъ, и не только понялъ, но даже «проникся». Россіи посвящена, по крайней мѣрѣ четверть воспомина-ній, оно и понятно, такъ какъ фирма «Сименсъ и Гальске» работала тамъ при проведеніи телеграфныхъ линій между Петербургомъ, Кронштадтомъ, Варшавой и Севастополемъ, вѣроятно, не менѣе $\frac{1}{4}$ своихъ доходовъ... Читатель найдетъ много интересныхъ подробностей, касающихся Россіи, но эти подробности носятъ анекдотическій характеръ, жизни Россіи Сименсъ, конечно, не зналъ

и слова г. Паппе «знаменитый авторъ, повидимому, любилъ и цѣнилъ нашу страну и людей» — просто красивая фраза... Самыя интересныя страницы о Россіи — это описаніе поѣздокъ Сименсовъ на Кавказъ, гдѣ у ихъ фирмы имѣются богатые мѣдные рудники и заводы (въ Кежбегѣ, близъ Елизаветполя).

Какъ бы ни были несимпатичны многія нравственныя черты Вернера Сименса, но все же это настолько сильная и типичная для Германіи временъ Бисмарка фигура и въ то же время настолько крупный ученый, что автобіографію его прочесть всѣкому интересно, тѣмъ болѣе, что и написана она живо, порой даже увлекательно, если не считать къ сожалѣнію, многихъ страницъ, которыя посвящены подробному описанію его техническихъ и научныхъ открытій, страницъ, интересныхъ только специалистамъ и зачастую ужъ слишкомъ проникнутыхъ желаніемъ выставить свое значеніе въ развитіи науки и техники.

Ч. В. Бойсъ. Мыльные пузыри. Четыре лекціи о волосности, прочитанныя предъ молодой аудиторіей. Переводъ съ французскаго перевода подъ редакціей *Б. П. Вейнберга*. С.-Петербургъ. Изд. А. Ф. Пантелѣева. 134 стр. Ц. 60 коп.

Книжечка г. Бойса не носитъ того характера, который мы привыкли соединять съ словомъ «лекціи»: въ ней почти нѣтъ ни теоретическихъ разсужденій, нѣтъ формулировки законовъ, обобщеній, а просто рядъ систематическихъ опытовъ, касающихся явленій капиллярности, и хотя французскій переводчикъ «счелъ необходимымъ смягчить во многихъ мѣстахъ черезчуръ сухую дидактическую форму изложенія», но все же и онъ не превратилъ описаніе опытовъ въ «лекціи о волосности». Авторъ, повидимому, и самъ сознаетъ это, такъ какъ въ предисловіи особенно настаиваетъ на томъ, чтобы читатели продѣлали описанные имъ опыты; «они увидятъ, — говоритъ онъ, — что во многихъ случаяхъ для этого не требуется ничего, кромѣ стеклянной или каучуковой трубки или другихъ предметовъ, которые такъ же легко достать. Я думаю, что ихъ первоначальныя затрудненія будутъ совершенно вознаграждены дальнѣйшимъ легкимъ успѣхомъ; если, вмѣсто того, чтобы отчаяваться при первыхъ неудачахъ, они постараются повторить опытъ при помощи лучшихъ изъ находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ, то самыя трудныя опыты станутъ для нихъ самыми интересными».

Дѣйствительно, опыты г. Бойса отличаются замѣчательной просто-

той, несмотря на свою поразительную эффектность, эффектность, которая даетъ ему полное право сказать, что «неосторожный человекъ, показавшій ихъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, подвергся бы самой сильной опасности быть сожженнымъ живымъ» (стр. 51). Эта простота, систематичность и, наконецъ, новизна большинства опытовъ, заставляетъ насъ горячо рекомендовать книгу г. Бойса тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые занимаются, или хотятъ заняться, явленіями капиллярности, но мы должны предупредить, что хотя эти лекціи читаны передъ «молодой аудиторіей», но все же требуютъ хорошаго предварительнаго знакомства съ физикой.

Заголовокъ книжки «Мыльные пузыри» не охватываетъ всего ея содержанія, такъ какъ въ 1-й и 3-й лекціи мыльные пузыри не фигурируютъ. Первая лекція въ рядѣ опытовъ демонстрируетъ присутствіе такъ-называемаго поверхностнаго натяженія жидкостей, и различную величину этого натяженія у различныхъ жидкостей; въ концѣ французскимъ переводчикомъ приложена интересная главка о томъ, какъ рационально пользуются поверхностнымъ натяженіемъ водныя насекомыя, напр. личинки комаровъ. Вторая лекція вся цѣликомъ посвящена уже «жидкимъ перепонкамъ». Здѣсь въ опытахъ первую роль играетъ мыльный пузырь; при его помощи выясняется относительно громадная упругость поверхностей такихъ перепонокъ, зависимость давленія на заключенный въ мыльномъ пузырьѣ газъ отъ величины пузыря и пр.; мыльнымъ же пузыремъ авторъ пользуется для того, чтобы доказать магнитность кислорода. Третья лекція трактуетъ о «жидкой струѣ»; здѣсь особенно поразительны опыты, демонстрирующіе вліяніе электричества (напр., простой сургучной палочки, потертой сукномъ), а также и звука (дрожащаго камертона) на *определенное измѣненіе* этой живой струи; четвертая лекція касается явленій провицаемости и соприкосновенія мыльныхъ пузырей, а также и вліянія на нихъ электричества.

Цѣнность книжки г. Бойса увеличивается еще тѣмъ, что къ ней приложены обстоятельные практическіе совѣты, которые, по нашему мнѣнію, вполне оправдаютъ надежды автора и «избавятъ отъ неудачныхъ попытокъ тѣхъ, кто пожелалъ бы продѣлать описанныя въ этомъ сочиненіи опыты, и побудятъ нѣкоторыхъ читателей попробовать это» (стр. 86).

Арабелла Беклей. Бесѣды съ дѣтьми о природѣ. Переводъ съ 25-го англійскаго изданія. Д. А. Корочевскаго. Спб. Изд. М. М. Ледерле и К°. 1894 г. 370 стр. съ 3-мя табл. и 60 рисунками въ текстѣ. Цѣна 80 коп.

Какъ видно изъ предисловія автора, эта книга составилась изъ 10 лекцій, прочитанныхъ г-жей Беклей передъ дѣтской аудиторіей. По словамъ переводчика—Д. А. Корочевскаго, «авторъ имѣетъ въ виду дѣтей, которыя начали уже посѣщать школу или уже знакомы съ элементарными понятіями ариѳметики и географіи. Но это—дѣти того возраста, которыя еще хорошо помнятъ сказки, слышанныя или читанныя въ раннемъ дѣтствѣ». Авторъ связываетъ самый доступный для нихъ сказочный взглядъ на міръ со своимъ изложеніемъ первыхъ началъ естествознанія и даже называетъ свою книгу «Волшебная Страна».

Мы вполне согласны съ авторомъ, что при обученіи дѣтей необходимо дѣйствовать на ихъ воображеніе, но, по нашему мнѣнію, изъ этого не слѣдуетъ, что воображеніе должно возбуждаться вѣчно однѣми и тѣми же картинками и качественно оставаться на одной и той же ступени; развѣ одинаково работаетъ воображеніе взрослого человѣка, читающаго какое-нибудь беллетристическое произведеніе и слушающаго лекцію объ эфирѣ?! Конечно, нѣтъ. Ребенокъ также могъ съ одинаковымъ интересомъ слушать сказки своей няни и лекціи г-жи Беклей, но воображеніе его работало въ этихъ двухъ случаяхъ далеко неодинаково.

«Скажите мнѣ,—спрашиваетъ авторъ своихъ маленькихъ слушателей,—за что вы любите волшебныя царства сказокъ? Въ чемъ для васъ ихъ очарованіе? Въ томъ, вѣроятно, что все случается тамъ такъ внезапно, такъ таинственно, и помимо всякаго участія человѣка?» (стр. 14). Дѣйствительно, въ сказкѣ привлекательна таинственность, внезапность, безпричинность, но въ естествознаніи какъ разъ наоборотъ: оно ищетъ все объяснить, во всемъ найти взаимную связь и послѣдовательность и привлекательно только постольку, поскольку достигаетъ этого. Понятно, что автору и не приходится, къ счастью, проводить далеко своей аналогіи между сказкой и естествознаніемъ, онъ довольствуется только внѣшней, словесной аналогіей, напр., говорить, что въ «облакахъ живетъ невидимый волшебникъ, котораго мы зовемъ «силой кристаллизаціи» и что есть другой «невидимый волшебникъ—«жизнь», о которой самыя мудрыя люди знаютъ весьма немного» и третій—«сила химическаго сродства» и т. д... Врядъ ли такія сравненія можно назвать связью «сказочнаго міра съ естествознаніемъ»!

Но не смотря на это, разбираемая книга является цѣннымъ

вкладомъ въ дѣтскую научную литературу. Языкъ автора простой и образный, изложеніе увлекательное,—это знатокъ своего дѣла, знатокъ увлекающійся и способный увлечь маленькія дѣтскія головки. Читая эту книгу, видишь только ея достоинства и забываешь недостатки.

Г-жа Беклей начинаетъ свои лекціи (если не считать первой, которая посвящена неудачной, по нашему мнѣнію, аналогіи скаэочнаго міра и природы) съ солнца, причемъ, при объясненіи дѣйствія солнечныхъ лучей не боится развить передъ своими читателями цѣлую теорію свѣтового эѳира и вообще въ основу явлений физическихъ и химическихъ положить волнообразное движеніе. Свѣтовыя, тепловыя и химическія волны живутъ въ изложеніи автора, но предметъ настолько труденъ и настолько абстрактенъ, что очень многое не будетъ отъ этого яснѣе юному читателю; особенно это касается цвѣтовыхъ волнъ,—врядъ ли, напр., ребенокъ пойметъ слѣдующее мѣсто: «Красныя, оранжевыя, желтыя, голубыя и фіолетовыя волны полезны для листа, и *поэтому* (?) онъ не выпускаетъ ихъ. Но онъ не можетъ поглотить зеленыхъ волнъ и отбрасываетъ ихъ; онѣ идутъ въ нашъ глазъ и позволяютъ намъ видѣть зеленый цвѣтъ. Когда вы листъ называете зеленымъ, это значить (?), что листъ не нуждается въ зеленыхъ волнахъ солнечнаго луча и отсылаетъ ихъ къ вамъ» (стр. 74), или, напр., слѣдующее: «Тепловыя волны, скопившіяся въ почвѣ, опять поднимаются въ воздухъ и здѣсь жадно поглощаются парами, а другія медленно уносятся еще выше» (стр. 135).

Нельзя метафорой замѣнить содержаніе, и, по нашему мнѣнію; напрасно авторъ отвелъ столько мѣста и силъ волнообразному движенію.

Отъ солнца г-жа Беклей переходитъ къ земной атмосферѣ, знакомитъ читателя съ химическимъ составомъ ея, съ воздушнымъ давленіемъ и объясняетъ появленіе различныхъ вѣтровъ; слѣдующая бесѣда посвящена «путешествію капли воды», въ ней прекрасно и картинно объяснены—испареніе воды, образованіе дождя, снѣга, града, рѣкъ, ледниковъ; затѣмъ идетъ увлекательная глава о геологической дѣятельности воды и льда, а за ней—далеко не такая цѣльная, и для ребенка довольно трудная, бесѣда, которая озаглавлена: «Какъ говорить природа и какъ мы ее слышимъ»; большая часть ея отведена описанію нашего слуховаго аппарата. Послѣднія четыре бесѣды *) авторъ посвящаетъ жизни растений и животныхъ.

*) Бесѣда 7-я)—Жизнь первоцвѣта, 8-я)—Исторія кусочка каменнаго угля, 9-я)—Пчелиный улей и 10-я)—Пчелы и цвѣты.

Это самыя увлекательныя главы книги, что и понятно, такъ какъ характерныя черты г-жи Беклей—образность и одухотвореніе природы—здѣсь, дѣйствительно, на мѣстѣ...

Издана книга прекрасно; нѣсколько портятъ общее впечатлѣніе нѣкоторыя неясно исполненные рисунки, кромѣ того, при новыхъ изданіяхъ слѣдовало бы прибавить къ книгѣ оглавленіе. Останавливаемся на этихъ мелочахъ, такъ какъ книга предназначена для дѣтей и, вѣроятно, въ силу ея несомнѣнныхъ достоинствъ, будетъ имѣть широкое распространеніе и у насъ.

В. П. Вахтеровъ. 1) Всеобщее начальное обученіе (рефератъ, читанный въ Московскомъ комитетѣ грамотности). 2) Книжные склады въ провинціи. Москва. 1894 г.

Авторъ—видный дѣятель по народному образованію—въ своемъ рефератѣ проводитъ мысль, что всеобщее начальное обученіе не только необходимо, но и вполне осуществимо въ Россіи. Г. Вахтеровъ даетъ весьма интересныя историческія справки о положеніи этого вопроса въ различные періоды русской жизни. Еще Петръ Великій мечталъ достигнуть всеобщей грамотности, его указы 1715 и 1719 годовъ обязывали людей всѣхъ званій, кромѣ дворянъ, посѣщать такъ-называемыя «цифирныя школы», дворяне должны были посѣщать другія учебныя заведенія. «Но это распоряженіе,—говоритъ авторъ,—не привилось къ жизни по двумъ причинамъ: во-первыхъ, оно не соответствовало взглядамъ населенія на обученіе; во-вторыхъ, количество открытыхъ цифирныхъ школъ далеко не соответствовало ни пространству, ни числу жителей».

Не мудрено, конечно, что правительство уступило, и дѣтямъ «посадскихъ людей» была предоставлена свобода учиться или не учиться, чѣмъ они и воспользовались вполне: «въ 1744 году во всѣхъ цифирныхъ школахъ не осталось ни одного ученика изъ дѣтей посадскихъ».

Реформа 19 февраля 1861 года снова выдвигаетъ вопросъ о всеобщемъ обученіи. Къ 1864 г. въ Россіи числилось 30.000 начальныхъ училищъ и «большая часть этихъ училищъ, по словамъ автора, была вызвана къ жизни освободительнымъ движеніемъ 1861 года». Но появился законъ 14 іюня 1864 г., который отринулъ всякую, какъ личную, такъ и общинную обязательность обученія, — и различныя вѣдомства, содержавшія прежде свои школы, стали закрывать ихъ, такъ что къ 1872 году школъ осталось въ Россіи всего 17.064, не смотря на все увеличивающійся притокъ учащихся и на энергичную дѣятельность земства, откры-

нашаго все новыя и новыя школы. Затѣмъ идетъ постепенное увеличеніе числа школъ: въ 1874 г. ихъ 19.174, въ 1880 г.—20.488 и въ 1885 г.—27.989. Въ 1876 и 1884 гг. снова возбуждается вопросъ о всеобщемъ обученіи, но также безплодно, такъ какъ вычисления показали правительству, что для проведенія этой мѣры необходимы сотни милліоновъ; послѣдній такой расчетъ сдѣланъ г. Страннолюбскимъ, который вычислилъ, что для Россіи нужно 250 тысячъ школъ и 125 милліоновъ рублей ежегоднаго расхода. Г. Вахтеровъ утверждаетъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ вычисленій лежитъ громадная основная ошибка: они принимаютъ срокъ обученія въ низшихъ школахъ въ 7 лѣтъ, между тѣмъ, какъ нужно брать три года. Самъ авторъ дѣлаетъ свой расчетъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: законъ объ обязательности обученія мальчиковъ не встрѣтитъ въ настоящее время никакого противодѣйствія, относительно же всеобщаго обученія дѣвочекъ можно ручаться за это только въ городскомъ населеніи, въ селахъ же до сихъ поръ дѣвочекъ учится въ $3\frac{1}{2}$ раза меньше, чѣмъ мальчиковъ,—поэтому, г. Вахтеровъ говоритъ только объ обязательномъ повсемѣстномъ обученіи въ Европейской Россіи *всѣхъ мальчиковъ* школьнаго возраста, живущихъ и въ городахъ, и въ уѣздахъ, и всѣхъ дѣвочекъ, живущихъ *въ городахъ*, дѣвочки же сельскихъ жителей приняты въ расчетъ только тѣ, которыя *добровольно* поступаютъ въ школу. На основаніи различныхъ данныхъ авторъ выводитъ, что для обученія всѣхъ ихъ нужно устроить 25 тысячъ новыхъ школъ въ селахъ и 6 тысячъ въ городахъ и затратить на это 11 милліоновъ; эта сумма составляетъ менѣе 1% нашихъ расходовъ—государственныхъ, земскихъ, городскихъ и мірскихъ. Городскія школы г. Вахтеровъ считаетъ справедливымъ отнести на обязанность городовъ, такъ какъ они тратятъ теперь на школы всего 7,7% своего бюджета, тогда какъ земство—16,6%. 8.400.000 рублей, нужные для новыхъ *сельскихъ* школъ, могли бы быть получены при новомъ расходѣ: 1) земскихъ суммъ менѣе 5 коп. на 1 жителя 34 земскихъ губерній, 2) мірскихъ—менѣе 3 коп. на 1 десятину мірской земли и 3) казны—менѣе $1\frac{1}{3}$ на 1 человѣка въ годъ.

Если тотъ же расчетъ примѣнить къ Сибири и къ нашимъ среднеазиатскимъ владѣніямъ, то къ существующимъ тамъ $2\frac{1}{2}$ тысячамъ школъ нужно прибавить еще $4\frac{1}{2}$ тысячи новыхъ.

Мы не станемъ вдаваться въ разборъ вычисленій г. Вахтерова—пусть его расчетъ слишкомъ оптимистическій, пусть расходы будутъ вдвое, втрое больше, Россія все же должна ихъ сдѣлать—этого требуетъ не только справедливость, не только національная честь

въ высшемъ смыслѣ этого слова *), къ этому побуждаетъ насъ именно то, что на первый взглядъ препятствуетъ введенію всеобщаго обученія,—наша бѣдность, экономическая необеспеченность нашего крестьянства: чтобы бороться съ неурожаями и съ кулаками, чтобы удобрять поля, вводить интензивную культуру, упорядочить переселенія—нужны школы, школы и школы, конечно, не однѣ только школы, но прежде всего школы.

Но грамотности одной мало и «характеристической чертой въ народно-просвѣтительной дѣятельности настоящаго времени,—говорить г. Вахтеровъ во второй своей брошюрѣ **),—служатъ заботы о распространеніи хорошихъ книгъ въ народѣ». Авторъ останавливается на дѣятельности книжныхъ складовъ въ провинціи и свѣдѣнія, приводимыя имъ, поразительны для нашей, въ общемъ вялой, общественной инициативы. Тверской и харьковскій склады, начавъ торговлю съ небольшихъ суммъ, отпускаютъ теперь книгъ каждый на 20.000 руб., а нижегородскій складъ уже приступилъ къ организаціи филиальныхъ отдѣленій своего склада при сельскихъ училищахъ губерніи и въ 1889 г. такихъ отдѣленій было 53, въ 1890 г.—72, въ 1891 г.—84 и въ 1894 г.—201!

Все это говоритъ не только о быстромъ усиленіи въ народѣ потребности чтенія, но также и о ростѣ нашей общественной работы, если, къ сожалѣнію, не въ глубь, то, по крайней мѣрѣ, въ ширь.

---

*) По даннымъ, приводимымъ г. Вахтеровымъ, въ Японіи болѣе 7% учащихся, въ Россіи 2,39%.

**) «Книжные склады въ провинціи».

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Географія, путешествія, геологія, медицина.

«*Nouvelle Géographie moderne des cinq parties du monde*» par C. de Varny. Paris. Librairie illustrée. (Новая современная географія пяти частей свѣта). Трудъ Вариньи предназначается не для специалистовъ и не можетъ служить для обученія или для справокъ какому-нибудь путешественнику или изслѣдователю. Главный интересъ книги сосредоточивается на общихъ выводахъ и заключеніяхъ этнографическаго и историческаго характера. Авторъ не пускается въ описаніе подробностей, а взирая на нихъ съ нѣкоторой высоты, стремится схватить общій характеръ явленій, представляющихся его взорамъ. Люди его интересуютъ гораздо болѣе, нежели земля на которой они живутъ. Книга его изобилуетъ разсказами и анекдотами, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для болѣе рельефнаго изображенія нравовъ и обычаевъ различныхъ странъ. Изданіе очень роскошно и состоитъ изъ пяти томовъ, снабженныхъ прекрасными иллюстраціями и картами. Азія посвящена весь первый томъ; эта страна свѣта¹ привлекаетъ особенное вниманіе автора. «На рубежѣ двадцатаго вѣка, — говоритъ Вариньи, — Азія представляетъ для насъ прошлое нашей цивилизаціи, воцѣлающейся въ современной Европѣ, а Америка — ея будущее. Ось міра перемѣщается; невѣдомая сила, непреодолимое теченіе увлекаютъ ее къ западу. Вышедшая изъ плоскогорій центральной Азіи цивилизація, въ своемъ послѣдовательномъ движеніи, постепенно передвигалась къ западу». Въ четвертомъ томѣ, посвященномъ Америкѣ, авторъ крупными штрихами обрисовываетъ развитіе молодыхъ цивилизацій и ихъ значеніе для Стараго Свѣта. Вообще книга Вариньи столько

же заслуживаетъ названія всеобщей исторіи, сколько и всеобщей географіи. (Revue Scientifique).

«*Les Sociétés africaines*» leur origine, leur évolution, leur avenir, par A. de Prévitte (Firmins - Didot) (Африканскія общества). Авторъ предлагаетъ въ своей книгѣ родъ социальнаго изслѣдованія африканскаго континента. Онъ раздѣляетъ Африку на четыре пояса по условіямъ почвы и климата, изучаетъ различныя общества, населяющія Африку, по роду ихъ труда и занятій. Въ книгѣ собраны всѣ новѣйшія данныя, касающіяся африканскаго континента, что дѣлаетъ ее не только занимательной, но и поучительной. Авторъ глубоко вѣритъ въ социальное возрожденіе черной расы и этою вѣрой проникнута вся его книга.

(Revue des Revues).

«*Other Lands and the people who live there*». By Minna C. De la Peante (Другія страны и люди, проживающіе въ нихъ). Иллюстрированный томъ, содержащій краткіе, интересно написанные очерки жизни и обычаевъ и нецивилизованныхъ и полудицилизованныхъ странъ вмѣстѣ съ описаніемъ дѣятельности миссіонеровъ въ нихъ.

(Bookseller).

«*Among the Moors*». Sketches of oriental life. By G. Montbard (Low Marston and C.) (Среди мавровъ). Авторъ причисляетъ мавровъ къ восточнымъ народамъ: хотя они живутъ на западѣ, но вся жизнь ихъ носитъ рѣзко выраженный восточный характеръ. О маврахъ авторъ отзывается не очень сочувственно; онъ находитъ, что современные обитатели Марокко представляютъ смѣсь всѣхъ дурныхъ качествъ, присущихъ арабамъ, берберамъ и евреямъ, населяющимъ

Африку. Пребываніе среди мавровъ дало возможность автору изучить ихъ жизнь и страну и изобразить ее въ живописныхъ очеркахъ, къ которымъ приложены хорошенккія иллюстраціи, сдѣланныя самимъ авторомъ съ натуры.

(Bookseller).
G. M. Theal «South Africa» (*Story of the nations*) (Южная Африка). Последній номеръ серіи, выходящей подъ общимъ названіемъ «Story of the nations» (Исторія націй) заключаетъ въ себѣ исторію колонизаціи южной Африки и описаніе различныхъ народностей, населяющихъ ее. Разсказъ о жизни колонистовъ южной Африки, объ ихъ борьбѣ съ враждебными племенами и съ силами природы, написанъ очень живо и потому, безъ сомнѣнія, прочтется съ такимъ же интересомъ, какъ и предъидущіе.

(Athaeneum).

«Climbing and exploration in the Karakoram-Himalayas». By William Martin Conway. With 300 illustrations and a map. London. 1894. (Восхожденіе на Гималайскаія горы и ихъ изслѣдованіе). Никакіе, даже самые опытные альпійскіе туристы не могутъ составить себѣ и приблизительнаго понятія о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаютъ путника въ Гималаяхъ. Авторъ подробно описываетъ экспедицію, въ которой онъ участвовалъ, рисуетъ намъ грандіозный гималайскій пейзажъ яркими красками. Онъ описываетъ также малоизвѣстныхъ жителей сѣвернаго и восточнаго Кашмира, Ладака и его столицу Ле. Иллюстраціи, приложенныя въ книгѣ, исполнены прекрасно.

(Manchester Guardian).

«Polar Gleams» an account of a Voyage on the Yacht Blencathra. By Helen Peel. With a preface by the Marquess of Dufferin, and contributions by Capt. J. Wiggins and F. G. Jackson (Arnord) (Полярные лучи). Смѣлая молодая путешественница, вмѣстѣ со своими спутниками, проникла гораздо дальше, чѣмъ многіе арктическіе изслѣдователи, и доказала на практикѣ возможность для судовъ, даже не приспособленныхъ спеціально для полярнаго плаванія, пройти морскимъ путемъ въ Сибирь. Миссъ Пилль описываетъ свое путешествіе очень увлекательно и живо. Къ описанію приложены фотографическіе снимки. Кроме того, спутники миссъ Пилль, капитанъ Виггинсъ и Джексонъ, съ своей стороны, прилагаютъ къ книгѣ два очерка; въ одномъ—капитанъ Виггинсъ описываетъ свою поѣздку по Енисею, въ другомъ—Джексонъ излагаетъ свой

планъ новой полярной экспедиціи, въ которую онъ и отправился въ настоящее время.

(Atheneum).
«A Journey through Yemen and some Generae Botmarks upon that Country». By Watter Harriss. (Beackwood and Sons) (Путешествіе по Йемenu и нѣсколько общихъ замѣчаній объ этой странѣ). Подъ видомъ «общихъ замѣчаній» авторъ даетъ весьма полный историческій, географическій и политическій обзоръ этой части Аравіи. Собственно описанія Аравіи занимаютъ лишь вторую часть книги. Начинаются они дѣйствительно превосходнымъ описаніемъ Адена и поѣздки изъ Адена въ Санна, оттуда въ Годайда. Тамъ и сямъ авторъ включаетъ какой-нибудь романическій эпизодъ, конечно, еще болѣе усиливающий интересъ разсказа. Вообще, описаніе этого путешествія принадлежитъ къ числу такихъ, которыя читаются легко и съ интересомъ, что не мѣшаетъ, конечно, научному значенію книги, въ которой сообщается много любопытныхъ свѣдѣній объ этой все-таки еще малоизвѣстной странѣ.

(The Athaeneum).

«Outlines of Field Geology». By Archibald Geikie F. B. S. (Macmillan and Co.) (Очерки полевой геологіи). Этотъ маленькій томикъ является уже четвертымъ изданіемъ и это служитъ наилучшимъ доказательствомъ его успѣха. Книжка служитъ дѣйствительно прекраснымъ введеніемъ къ изученію геологіи и главное ея достоинство заключается въ томъ, что въ ней читатель осваивается вполнѣ съ различными геологическими методами и приходитъ къ убѣжденію, что настоящимъ образомъ изучить геологію можно только въ поѣдѣ. Для практическаго изученія геологіи книга можетъ служить хорошимъ руководствомъ. Къ ней приложены иллюстраціи.

(University Extension Journal).

«The story of our Planet» par M. T. G. Bonney. Un volume gr. in 8° de 592 pages avec nombreuses figures; Cassell et Cie. Londres (Исторія нашей планеты). Цѣль автора, извѣстнаго популяризатора естественныхъ наукъ и выдающагося геолога, представить читателю геологическую исторію земли, исторію образованія нашей планеты. Авторъ очень кратко касается теоретической или гипотетической исторіи земли; онъ оставляетъ въ сторонѣ всякія красивыя теоріи и касается лишь точныхъ научныхъ фактовъ, такихъ, которые доступны нашимъ методамъ изслѣдованія. Книга раздѣляется на пять частей: въ первой авторъ изучаетъ

воду, землю и воздух вообще; во второй — дѣйствіе воды и воздуха, какъ агентовъ, измѣняющихъ поверхность земли; въ третьей — онъ касается внутреннихъ измѣненій, движеній земной коры. Четвертая глава посвящена геологической исторіи земли; пятая же касается общихъ вопросовъ, возраста земли, постоянства распредѣленія на земной поверхности водъ и материка, измѣненій климата и происхожденія жизни.

(Revue Scientifique).

«*Les Medecins grecs à Rome*» par Maurice Albert. Paris, Hachette, 1894 (Греческіе врачи въ Римѣ). Въ VI вѣкѣ, когда римляне впервые начали испытывать на себѣ вліяніе греческой цивилизаціи, въ Римѣ появились наконецъ врачи-греки, единственные, занимавшіеся медициной во всей Италіи въ эту эпоху. Римляне, относящіеся съ презрѣніемъ ко всякой наукѣ, кромѣ прикладной, вынуждены были переносить высокоцѣнное греческихъ врачей, которыхъ они не могли изгнать изъ Италіи такъ же просто, какъ изгнали философовъ. На сторонѣ врачей было много знатныхъ римлянъ, которые видѣли въ нихъ своихъ благодѣтелей. Такимъ образомъ, меди-

цина оставалась въ рукахъ грековъ и они ее настолько монополизировали, что римляне, желавшіе заняться этою выгодною профессіей, должны были выдавать себя за грековъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, они не внушали довѣрія своимъ клиентамъ и не имѣли никакого успѣха. Располагая очень богатымъ историческимъ матеріаломъ въ этой области, Морисъ Альберъ очень искусно начертилъ портреты врачей описываемой имъ эпохи. Это все живые образы, въ которыхъ мы узнаемъ качества и недостатки, присущіе и современными врачамъ. Мы видимъ, что и въ тѣ времена, также какъ и теперь, рядомъ съ дѣйствительно учеными и честными врачами существовали шарлатаны, спекулирующіе довѣрчивостью своихъ клиентовъ; также какъ и теперь существовало дѣленіе на специальности и даже были женщины врачи, имѣвшія большой успѣхъ. Очень интересно и живо составлены описанія разныхъ курортовъ той эпохи и жизни въ нихъ. Вообще книга Мориса Альбера заключаетъ въ себѣ очень много любопытныхъ данныхъ и представляетъ интересную главу изъ исторіи медицины.

(Revue Scientifique).

Политическая экономія, социологія, исторія, біографія.

«*Political Economy of Natural Law*» by Henry Wood (Zee and Shepard, Boston) «Политическая экономія согласно естественному закону». Эта книга, хотя и представляетъ совершенно новый трудъ, тѣмъ не менѣе служитъ какъ бы продолженіемъ другого труда автора «*Natural Law in the Business World*» — маленькой книжки, опубликованной имъ въ 1887 году. Авторъ не дѣлаетъ попытки примирить народъ съ существующимъ положеніемъ вещей, но старается отыскать способы улучшить это положеніе въ извѣстномъ направленіи и установить такіе принципы политической экономіи, которые вполне отвѣчали бы естественнымъ законамъ и практическимъ цѣлямъ. Книга весьма поучительна и увлекательно написана. Авторъ горячо возражаетъ противъ распространеннаго мнѣнія, что интересы труда находятся въ естественномъ антагонизмѣ съ прочими социальными элементами.

(Popular Science Monthly).

«*An introduction to the study of political economy*». By Luigi Cotta, Pro-

fessor in the Boyas University of Turin Revised by the author, and translated from the Italian by Louis Dyer, M. A. Bantol College. (Введеніе къ изученію политической экономіи). Около одиннадцати лѣтъ тому назадъ профессоръ Косса издалъ маленькую очень полезную книжку «*Guide to political economy*» (политико-экономическій путеводитель), въ которой заключался превосходный обзоръ главныхъ произведеній экономической литературы различныхъ странъ. Эта книжка положена въ основу новаго труда автора, представляющаго весьма полезный и цѣнный «compendium» всѣхъ важнѣйшихъ произведеній экономической литературы Европы и Америки. Точка зрѣнія каждого изъ авторовъ этихъ произведеній устанавливается самымъ точнымъ и понятнымъ образомъ и взгляды его подвергаются весьма добросовѣстной критикѣ. Въ ясномъ и сжатомъ изложеніи профессоръ Косса дѣлаетъ обзоръ различныхъ экономическихъ школъ, проводитъ между ними сравненія, чуждыя всякаго пристрастія и даетъ превосходное и вѣрное изобра-

женіе прогрессивнаго развитія экономической доктрины. Книгу профессора Косса можно считать единственной въ своемъ родѣ, такъ какъ она можетъ служить какъ историческимъ, такъ и практическимъ руководствомъ при изученіи политической экономіи. Теоретическая часть книги занимаетъ около ста страницъ. Въ этой части изслѣдуются взаимныя отношенія политической экономіи къ политикѣ, юриспруденціи, этикѣ и статистикѣ. Послѣднія же тридцать пять страницъ книги посвящаются социалистскимъ писателямъ и ихъ ученію. Книгу профессора Косса можно горячо рекомендовать всѣмъ приступающимъ къ изученію экономической науки.

(The university Extension Journal).

«*The sife and duies of the citizen a handbook for Teachers. By J. Edward Parott.* (Жизнь и обязанности гражданина). Маленькая полезная книжка, трактующая о воспитаніи въ жизни и обязанностяхъ гражданина. Авторъ стремится представить въ своей книгѣ такую схему воспитанія, которая вполнѣ отвѣчала бы требованіямъ гражданской жизни. Кромѣ введенія, главъ о патриотизмѣ и «Націи какъ государства», въ книгѣ находятся главы, посвященныя представительному правительству, мѣстному управленію, округамъ и общинамъ, различнымъ комиссиямъ и т. д. Очень обстоятельно обсуждаются взаимныя отношенія короны и парламента и разбирается дѣятельность парламентовъ. Затѣмъ, отдѣльная глава посвящена обязанностямъ гражданъ въ отношеніи мѣстнаго и центрального правительства. Авторъ старается примѣрами доказать, какъ вредно отзывается на гражданской жизни безпечное или безчестное отношеніе гражданъ къ своимъ обязанностямъ даже въ пустякахъ.

«*Governments and Politicians, ancient and modern.* By Charles Marcotte, Chicago (Правительства и политическіе дѣятели, древніе и современные). Нѣсколько пессимистическій взглядъ автора на американскую правительственную систему и его склонность взваливать на эту систему отвѣтственность за всѣ злоупотребленія въ странѣ и существованіе въ ней «профессіональных и недобросовѣстныхъ политическихъ дѣятелей» не лишаютъ все-таки его книгу довольно крупныхъ достоинствъ. Авторъ дѣлаетъ обзоръ древнихъ и новыхъ политическихъ системъ и собралъ въ своей книгѣ много матеріала по исторіи демократіи, древнихъ и новыхъ респуб-

ликъ, римской имперіи, великой американской республики, и т. д.

«*D'Arbois de Jubainville, H. Les premiers habitants de l'Europe d'après les écrivains de l'antiquité et les travaux des linguistes. Paris, Thörlin et fils.* (Первые обитатели Европы). Знаменитый французскій ученый обработалъ второе изданіе своей книги о народахъ древней Европы въ двухтомный трудъ, представляющій для историковъ и лингвистовъ огромный интересъ. Первое изданіе, появившееся въ 1839 году, посвящено пещернымъ жителямъ, во второмъ же авторъ говоритъ о народахъ, расселившихся въ Европѣ. Авторъ высказываетъ много новыхъ взглядовъ, которые еще требуютъ подтвержденія, но, во всякомъ случаѣ, трудъ его представляетъ въ высшей степени тщательное и многостороннее изслѣдованіе о происхожденіи современныхъ европейскихъ народностей.

(Litterarisches Centralblatt).

«*Town Life in the fifteenth Century. By Mrs J. B. Green, 2 vols. (Macmillan et Co)* (Городская жизнь въ XV столѣтіи). Госпожа Гринъ, исполняя обѣщаніе, данное ею умирающему мужу, привела въ порядокъ его послѣднія историческія изслѣдованія, дополнила ихъ и издала въ двухъ томахъ, представляющихъ цѣнный вкладъ въ историческую литературу Англіи. Средневѣковая жизнь англійскихъ городовъ, отношенія городского населенія къ сельскому, возникновеніе общинъ, борьба горожанъ за свои права и свободу представлены въ изложеніи госпожи Гринъ очень живо; научный же интересъ книги сосредоточенъ на историческихъ работахъ ея мужа, положенныхъ ею въ основу своего разсказа.

(Athaeneum).

«*Famous Adventures and Prison Escapes of the civil War.* Edited by G. W. Cable and others (Fisher Unwin). (Знаменитыя приключенія и побѣги изъ тюрьмы во время гражданской войны). Въ книгѣ заключается рядъ разсказовъ изъ эпохи гражданской американской войны. Авторъ каждаго изъ разсказовъ описываетъ свои собственныя приключенія во время войны или же описываетъ какой-нибудь случай, очевидно котораго онъ былъ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ читаются съ захватывающимъ интересомъ. Въ общемъ эти разсказы даютъ очень ясное понятіе о жизни штатовъ въ ту эпоху и о томъ настроеніи, которое господствовало въ американскомъ обществѣ. Самые интересныя изъ этихъ разска-

зовъ: дневникъ женщины союза южныхъ штатовъ во время войны и похищеніе локомотива въ Георгіи. Въ послѣднемъ описывается необыкновенно смѣлое предпріятіе горсти федералистовъ. Вообще по своему содержанию и увлекательности описаній книга эта можетъ быть причислена къ разряду тѣхъ, которыя читаются съ одинаковымъ интересомъ какъ взрослыми, такъ и юношами.

(Manchester Guardian).

«*Bestie delinquenti*» *Carot d'Addosio*. *Con prefazione di Ruggero Bonghi*. (Преступныя животныя). Къ числу достопримѣчательнѣйшихъ явленій средневѣковой жизни принадлежатъ безспорно судебные процессы, въ которыхъ подсудимыми являлись животныя, обвинявшіяся въ какомъ-нибудь преступленіи. Авторъ собралъ богатый матеріалъ по этому вопросу, причемъ онъ сообщаетъ не только факты, но и старается найти объясненіе этому странному явленію.

(Litterarisches Centralblatt).

«*Essays in Historical Chemistry*». *By T. E. Thorpe* (Macmillan and Co). (Очерки по исторіи химіи). Въ тринадцати главахъ книги разсказана жизнь и дѣятельность нѣкоторыхъ величайшихъ химиковъ, но лишь съ начала основанія лондонскаго королевскаго химическаго общества до новѣйшаго времени; поэтому-то въ этихъ очеркахъ не встрѣчается такихъ именъ, какъ Берцеліусъ, Либихъ, Дэви и др. Авторъ не имѣетъ претензіи дать полную исторію химіи, а только желаетъ познакомить читателей съ нѣкоторыми главами этой исторіи въ біографическихъ очеркахъ. Для изучающихъ химію очерки эти представляютъ конечно особенный интересъ, но и для обыкновеннаго читателя они не лишены значенія, ибо написаны живо и увлекательно и даютъ ясное понятіе о характерѣ дѣятельности нѣкоторыхъ знаменитыхъ химиковъ, какъ, напримеръ, Пристлея, открывшаго кислородъ, Кэвендиша и др.

(Athaeneum).

«*The Autobiography of Benjamin Franklin*» (Blackie and sons) (Автобіографія Бенямина Франклина). Прекрасная мысль издать автобіографію Бенямина Франклина заслуживаетъ полного одобренія. Книга эта вошла въ составъ изданія «School and Home Library» (школьной и домашней бібліотеки).

(Daily News).

«*English Social Reformers*». *By H. de B. Gibbins*. (Methuen and Co.—University extension series). (Англійскіе социальныя реформаторы). Книга представляетъ рядъ краткихъ біографій людей, которые своимъ ученіемъ и своею дѣятельностью вліяли на социальныя реформы въ Англии. Въ числѣ этихъ людей помѣщены, между прочимъ, Рескинъ и Карлейль. Біографическіе очерки написаны живо и книга, вообще, была бы очень поучительна, если бы временами, когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь капиталистѣ или же несомнѣнно симпатичномъ для автора общественномъ дѣятелѣ, тонъ книги не становился бы нѣсколько рѣзкимъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться съ авторомъ, что спасенія мы должны искать только въ цѣлесообразныхъ социальныхъ реформахъ.

(University Extension Journal).

«*The story of Garfield*». *By W. G. Butherford* (Исторія жизни Гарфильда). Біографія Гарфильда, бывшаго президента Соединенныхъ Штатовъ, составляетъ одну изъ лучшихъ книгъ для юношества и потому нельзя не поразоваться, что она вошла въ серію «Splendid Lives» (знаменитыхъ жизнеописаній), такъ какъ, безъ сомнѣнія, полезно знакомить молодежь съ жизнью такихъ людей, какъ покойный президентъ Гарфильдъ.

(Bookseller).

«*Our blue Jackets*». *By Saphia G. Wintz* (Наши моряки). Новое изданіе, въ которомъ съ большими подробностями описывается филантропическая дѣятельность миссъ Вестонъ среди матросовъ военнаго и коммерческаго флота.

(Bookseller).

С М Ъ С Ь.

Изъ русской жизни.

Вопросы русской общественной жизни. Министерство Земледѣлія выдвинуло въ настоящее время вопросъ о поднятіи сельскаго хозяйства въ Россіи. Излишне, конечно, говорить о томъ, какое огромное значеніе имѣетъ этотъ вопросъ въ нашей странѣ, гдѣ подавляющее большинство населенія живетъ исключительно сельскимъ хозяйствомъ, и, какъ извѣстно, извлекаетъ изъ этого хозяйства самые скудные доходы. Одну изъ главныхъ причинъ крестьянской бѣдности министерство справедливо усматриваетъ въ сельскохозяйственной отсталости крестьянъ. «Крестьянское хозяйство въ Россіи,—говорится въ официальныхъ документахъ хозяйственнаго департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ (преобразованнаго нынѣ въ Министерство Земледѣлія),—ведется въ тѣхъ формахъ, какія приняты имъ еще много вѣковъ тому назадъ. Крестьянскій дворъ владѣетъ все тѣмъ же хозяйственнымъ инвентаремъ, обходится тѣми же мѣстными сѣмянками, примѣняетъ тѣ же приемы хозяйственной культуры, какихъ держались десятки предшествовавшихъ поколѣній... Въ результатѣ, получаемые въ хозяйствѣ продукты земледѣлія постепенно ухудшаются, вырождаются и не могутъ выдерживать соперничества на рынкѣ съ произведеніями хозяйствъ, ведущихся на болѣе совершенныхъ началахъ».

Задавшись цѣлью пріучить крестьянъ къ новымъ, усовершенствованнымъ приемамъ обработки земли, Министерство Земледѣлія обратилось за помощью къ земствамъ, въ вѣдѣніи которыхъ находится попеченіе о мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ нуждахъ. Оно выработало цѣлый рядъ мѣропріятій, которыя могли бы способствовать подъему сельскаго хозяйства, и разослало циркуляры во всѣ земства, предлагая имъ высказаться по поводу этихъ мѣропріятій. Въ настоящее время предложенія министерства обсуждаются по разнымъ уѣздамъ и губерніямъ особыми сельскохозяйственными съѣздами, созываемыми земствами специально съ этой цѣлью. Мѣры, проектированныя министерствомъ, въ общихъ чертахъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Въ устройствѣ опытныхъ полей, на которыхъ производились бы опыты съ посѣвами новыхъ растений, и доказательныхъ участковъ. Цѣль устройства послѣднихъ заключается въ томъ, чтобы «доказать земледѣльцу *наглядно и безошибочно* пользу улучшенной обработки, удобрения и посѣва улучшенными сѣмянками и убѣдить его въ неправильности собственной культуры. На такихъ поляхъ и участкахъ допускаются только испытанныя орудія обработки, сѣмена и способы удобрения, дабы успѣхъ ихъ не подлежалъ уже сомнѣнію. Устраиваются эти поля и участки преимущественно среди надѣльныхъ и крестьянъ

скихъ участковъ». Кромѣ опытныхъ и доказательныхъ полей предполагается еще устраивать образцовыя фермы, которыя служили бы рассадникомъ усовершенствованныхъ пріемовъ по другимъ отраслямъ хозяйства.

2) Въ устройствѣ складовъ сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій.

3) Въ работахъ по лѣсоразведенію, садоводству, укрѣпленію сыпучихъ песковъ, и пр.

4) Въ заботѣ объ улучшеніи породъ мѣстнаго скота.

5) Въ устройствѣ земскихъ сельскохозяйственныхъ выставокъ, конкурсовъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій.

Всѣ эти мѣропріятія уже примѣнялись къ дѣлу различными земствами и Министерство Земледѣлія, признавая! благой починъ и высокія заслуги земства въ этомъ отношеніи, предлагаетъ теперь представителямъ мѣстнаго самоуправленія всесторонне обсудить эти вопросы и въ свою очередь общается имъ всевозможную поддержку. Уже самый фактъ обращенія къ земству со стороны учрежденія, облеченнаго такою сильною властью, какъ Министерство Земледѣлія, представляетъ собою въ высшей степени отрадное явленіе, и нѣтъ сомнѣнія, что его дѣятельность приведетъ къ самымъ благимъ результатамъ. Но въ то же время необходимо, чтобы наряду съ сельскохозяйственными улучшениями были бы проведены и нѣкоторыя реформы экономическаго характера.

Крестьянинъ, владѣющій ничтожнымъ надѣломъ и часто не обладающій даже самымъ необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ, въ видѣ рабочаго скота, не можетъ извлечь особенной пользы изъ опытныхъ полей, складовъ земледѣльческихъ орудій, усовершенствованныхъ породъ скота, и прочихъ нововведеній. А извѣстно, какъ велико у насъ число малоземельныхъ и безлошадныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, и какъ быстро это число увеличивается съ каждымъ годомъ. Вотъ что сообщается, напримѣръ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о Полтавской губ. (Свѣдѣнія эти извлечены газетою изъ книги г. Велецкаго «Двадцать пять лѣтъ дѣятельности земства въ Полтавской губ. съ 1866 г. по 1892 годъ». Изданіе Полтавскаго сельскохозяйственнаго Общества): «Собственно Полтавская губернія, которой касается очеркъ, занимаетъ по малоземелью сельскаго населенія, одно изъ первыхъ мѣстъ даже въ ряду сосѣднихъ съ нею черноземныхъ губерній, гдѣ крестьяне получили вообще малые надѣлы. Чтобы составить понятіе объ истинномъ положеніи полтавскихъ крестьянъ, занимающихся почти исключительно земледѣліемъ, достаточно взглянуть на слѣдующія цифры. Въ среднемъ выводѣ по губерніи на душу мужского пола приходится 2,09 дес. земли. Болѣе 21% общаго количества ея занято усадьбами, дугами, лѣсами и пр. Количество же пахотной земли, доставляющей продовольственныя средства населенію, опредѣляется всего въ 1,65 дес. на душу мужского пола. При среднемъ за послѣднее десятилѣтіе урожаѣ всѣхъ вообще хлѣбовъ отъ 5,1 до 4,1 четверти съ десятины, за исключеніемъ сѣмянъ, такой участокъ земли даетъ 3 до 2 четвертей хлѣба на душу обоего пола, т. е. «количество, едва ли достаточное только лишь для собственнаго продовольствія населенія, между тѣмъ какъ изъ того же самаго источника большинство населенія должно покрывать и лежащія на немъ платежи и удовлетворять всѣ прочія потребности жизни». Вдобавокъ, здѣсь сборъ хлѣбовъ выведенъ для средняго душевнаго участка. Въ дѣйствительности существуютъ значительныя уклоненія отъ средней цифры, такъ какъ поземельная собственность распределена между крестьянами Полтавской губ. весьма неравномѣрно. По вычисленіямъ г. Велецкаго, изъ общаго числа кре-

стьянских хозяйств губернія болѣ двухъ третей (68,2%) «являются настолько малоземельными, что собираемою ими съ своихъ земельныхъ участковъ урожая недостаточно даже для собственнаго продовольствія, и только остальные 31,8% хозяйствъ могутъ, при благоприятныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, имѣть его въ незначительномъ избыткѣ».

«Русскія Вѣдомости» справедливо замѣчаютъ по этому поводу: «То, что говорится въ изданіи сельскохозяйственнаго Общества о нуждахъ сельскаго населенія Полтавской губерніи, приложимо и къ другимъ мѣстностямъ. Тѣ же мысли и тѣ же указанія можно найти въ обширной литературѣ вопроса, можно подтвердить ссылками на многія изслѣдованія, но въ данномъ случаѣ, свидѣтельство идетъ отъ сельскохозяйственнаго Общества, которое не можетъ быть заподозрено въ несочувствіи дѣлу агрономическихъ улучшеній. Тѣмъ не менѣе, въ его изданіи вполне опредѣленно проведенъ и подтвержденъ всѣми доказательствами тотъ взглядъ, что «нужда въ землѣ, безъ сомнѣнія, составляетъ и до настоящаго времени самую выдающуюся потребность крестьянъ».

Американскіе приемы у русскихъ помѣщиковъ. Однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ для помѣщиковъ является вопросъ о томъ, гдѣ бы дешевле достать рабочихъ на уборку посѣвовъ. Въ погонѣ за рабочими нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ съ чисто американской предпримчивостью. «Русскія Вѣдомости» собрали изъ провинціальныхъ газетъ нѣсколько фактовъ, служащихъ прекрасной иллюстраціей этого. Такъ «по словамъ кievской газеты «Жизнь и Искусство», владѣльцы сахарныхъ плантацій въ Липовецкомъ уѣздѣ привлекаютъ рабочихъ особой преміей, которой грошъ цѣна и которая не могла бы, конечно, привлечь рабочихъ, если бы не была облечена въ заманчивую форму лотереи. Вотъ какъ названная газета описываетъ выдачу этой оригинальной преміи. «На лоскуткѣ бумаги писалось названіе вещи, предназначенной къ выигрышу: шпилька, иголка, нитки, платочекъ, папиросы, люлька (трубка для куренія), пара блестящихъ пуговицъ, пряжа, лента, кнутикъ, бубликъ, рюмка водки и другая мелочь. Вместе съ этими бумажками, свернутыми въ трубочку, опускалось въ шапку (замѣнявшую въ давномъ случаѣ лотерейный ящикъ съ колесомъ) множество пустыхъ билетиковъ. Самъ плантаторъ гордо подносилъ шапку съ билетиками стоявшимъ въ рядъ рабочимъ, которые по очереди вынимали изъ шапки «свое счастье», и это счастье, при крикахъ «ура» и звукахъ музыки, наигрывающей «vivat», торжественно, съ комплимен-тами, подносилось счастливицу».

Въ другихъ мѣстахъ пускаются въ ходъ болѣ простые средства: «Нѣкоторые изъ крупныхъ посѣвщиковъ Николаевского и Новоузенскаго уѣздовъ,—пишетъ мѣстный корреспондентъ «Самарской Газеты»,—чтобы заманить къ себѣ возможно больше жнецовъ, заранѣе рассылаютъ своихъ агентовъ по разнымъ губерніямъ, жители которыхъ ежегодно ходятъ на заработки въ наши мѣста, распускать слухи о баснословныхъ урожаяхъ и о дорогихъ цѣнахъ на рабочія руки. Народъ вѣритъ этимъ слухамъ и, разумеется, валомъ валитъ въ извѣстные пункты. А хозяева-спекуляторы только этого и желаютъ: отъ большого скопленія рабочихъ предложеніе значительно превышаетъ спросъ и цѣна на работу падаетъ очень низко». Чтобы еще болѣе укрѣпить легковѣрныхъ рабочихъ во мнѣніи о баснословныхъ размѣрахъ урожая и настоятельной нуждѣ въ рабочихъ рукахъ, посѣвщики въ нынѣшнемъ году не ограничились распусканіемъ слуховъ, а «послали своихъ агентовъ въ Пензенскую и др. губерніи за тѣмъ, чтобы нанять нѣсколько человекъ жнецовъ по 20 р. за деся-

тину и на все время жнитва». Понятно, что небывало высокая плата в 20 р. должна привлечь множество рабочих, с которыми на мѣстѣ уже можно будетъ поторговаться, и, конечно, дать гораздо меньше. Расчетъ тутъ очень простой и вѣрный: потратившись на дорогу и упустивъ удобное время, когда можно было бы отправиться вь другія мѣста, рабочій поневолѣ согласится на низкую плату, хотя сначала, конечно, будетъ протестовать, ругаться, а иной разъ даже вступить вь драку сь наемщикомъ и сь болѣе податливымъ товарищемъ по несчастью. Драки и побойца, вызванныя исключительно неблаговидными маневрами наемщиковъ, составляютъ вь этихъ мѣстахъ обычное явленіе. Такое побойца, имѣвшее мѣсто во время нынѣшней наемки на полевья работы, описываетъ, между прочимъ, «Оренбургскій Край». Наемщики, пользуясь большимъ наплывомъ рабочихъ, стали предлагать весьма низкую цѣну и такъ твердо стояли на ней, что нѣкоторые рабочіе, особенно обдѣнѣвшіе и почти совершенно нищіе-татары, стали сдаваться. Тогда вступились другіе рабочіе, и началась драка, окончившаяся, конечно, вмѣшательствомъ властей».

Сарапульское Общество трезвости. Вь г. Сарапулѣ, Вятской губ., возникло недавно Общества трезвости, которое, по словамъ корреспондента «Волжскаго Вѣстника», отличается нѣкоторыми оригинальными чертами отъ другихъ учреждений подобнаго рода. «Не смотря на то,—пишетъ корреспондентъ,—что членами Общества состоятъ, главнымъ образомъ, мѣстные ремесленники, организация этого Общества почти не оставляетъ желать лучшаго. Вмѣсто обычнаго при учрежденіи такихъ Обществъ «зарока не пить», сарапульское Общество взглянуло на дѣло нѣсколько шире, задавшись, главнымъ образомъ, цѣлью дать своимъ членамъ разумное развлеченіе, какъ самое вѣрное средство, отвлекающее отъ пьянства и посѣщенія трактирныхъ заведеній». Сь этою цѣлью Общество обзавелось «приличнымъ помѣщеніемъ», гдѣ время отъ времени устраиваются семейные вечера, концерты, спектакли, танцы, а члены Общества могутъ бесплатно читать газеты и получаютъ чай по дешевой цѣнѣ. «Вь настоящее время вь помѣщеніи этого Общества устроена небольшая, но приличная сцена сь нѣсколькими переменными декораций, потомъ организуется постоянная читальня, далѣе имѣются свои хоръ и оркестръ, и затѣмъ, вѣроятно появятся библіотека и сберегательная касса. Нужно лично побывать вь этомъ «трезвенномъ клубѣ», чтобы оцѣнить все его благотѣльное значеніе для рабочаго населенія города, давно нуждавшагося именно вь такомъ прекрасномъ учрежденіи, гдѣ дается здоровая пища уму и сердцу». Общество насчитываетъ уже около 400 членовъ, «и есть надежда, что къ концу года число ихъ удвоится».

Безпорядки вь Святыхъ Горахъ. Вь «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» напечатаны слѣдующія интересныя подробности о безпорядкахъ, происходившихъ на ярмаркѣ вь Святыхъ Горахъ. «14-го и 15-го августа ежегодно вь Святыхъ Горахъ (Изюмскаго у.) происходитъ довольно значительная ярмарка. Вь нынѣшнемъ году стеченіе народа было особенно велико. Ярмарка эта помѣщается на огромной площади вь 50 десятинъ, входящей вь составъ громаднаго имѣнія, принадлежащаго графу Рибопьеру, и за мѣста на ней сь торгующихъ взимается вь пользу владѣльца особый сборъ. Взиманіе этого послѣдняго администрація имѣнія поручила служащимъ вь экономіи, вь должностяхъ объѣзчиковъ и полѣсовщиковъ, восьми осетинамъ.

Исторія появиленія ихъ въ экономіи графа Рибоцѣра, по словамъ администраціи имѣнія, такова: въ огромномъ лѣсномъ участкѣ имѣнія графа ежегодно производилась вырубка лѣса, которая должна была давать владѣльцу значительные доходы; между тѣмъ, вслѣдствіе систематической кражи лѣса окрестнымъ населеніемъ, таковыхъ доходовъ не поступало. Полѣсовщики, взятые изъ среды мѣстныхъ крестьянъ, оказывались плохими оберегателями хозяйства добра. Вслѣдствіе этого администрація наняла полѣсовщиковъ изъ великорусскихъ губерній; послѣдніе, правда, не давали потачки ворами, но сами организовали весьма правильную продажу лѣса въ свою пользу. Въ виду этого администрація имѣнія пригласила въ качествѣ полѣсовщиковъ восемь осетинъ. Они оказались, по отзывамъ администраціи имѣнія, дѣйствительно честными и добросовѣтными оберегателями вѣреннаго ихъ охранѣ имущества. Допускали ли осетины при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей какія-либо самоуправства, играла ли здѣсь роль ихъ иновѣрность или нерусское происхожденіе (это должно выяснить слѣдствіе, и мы никакихъ предположеній или догадокъ не рѣшаемся здѣсь дѣлать), но фактъ тотъ, что окрестное населеніе было настроено къ осетинамъ враждебно, и нельзя не пожалѣть о распоряженіи администраціи, вѣрившей взиманіе непопулярнаго (и прогрессивно-возраставшаго) ярмарочнаго налога осетинамъ, отношеніе населенія къ которымъ было, какъ сказано, весьма недружелюбно.

Утромъ 14-го числа одинъ изъ осетинъ, подоидя къ крестьянину, выѣхавшему на ярмарку, сталъ требовать отъ него ярмарочный сборъ; крестьянинъ сталъ что-то возражать, завязался споръ, перешедшій въ ссору, закончившюся тѣмъ, что осетинъ сильно ударилъ крестьянина нагайкой. Послѣдній съ крикомъ и жалобами обратился къ народу, находившемуся на ярмаркѣ, который и сталъ наступать на осетина. Тотъ предложилъ толпѣ, а также крестьянину, съ которымъ у него завязался споръ, идти за нимъ въ контору, гдѣ могли бы ихъ разсудить. Крестьяне согласились и направились къ конторѣ. На пути толпѣ встрѣтился какой-то, по отзывамъ крестьянъ, цыганъ (а, можетъ быть, просто смуглый брюнетъ, похожій на цыгана); спросивши кого-то изъ толпы, куда они идутъ, онъ затѣмъ вскрикнулъ: «что вамъ за охота съ нимъ толковать, бейте его!» Эти слова послужили сигналомъ: народъ бросился на осетина и сталъ его колотить. На крики осетина прибѣжали двое его товарищей и начали его защищать, но и они стали жертвами разсвирѣпѣвшей толпы, и черезъ нѣсколько минутъ на землѣ лежало три изуродованныхъ трупа осетинъ.

Замѣчательно, что, хотя у осетинъ были револьверы, никто изъ нихъ не пустилъ въ ходъ для самозащиты огнестрѣльнаго оружія: по всей вѣроятности, это объяснилось неожиданностью нападенія; осетины защищались только кинжалами и нанесли нѣсколько ранъ нападавшимъ, одинъ изъ которыхъ черезъ нѣсколько часовъ умеръ, вѣроятно, вслѣдствіе потери крови (всѣ раны были нанесены въ руку). При этомъ получилъ также неопасную рану кинжаломъ урядникъ, бросившійся защищать осетина, который въ пылу свалки, вѣроятно, не видѣлъ, кому онъ наносилъ ударъ. Среди крестьянъ никто не имѣлъ при себѣ оружія: всѣ наносили удары кулаками, коляями, оглоблями, вообще, тѣмъ, что попадалось подъ руку.

Въ то время, какъ происходила эта кровавая драма, одна часть толпы бросилась въ контору, произвела внутри ея поломки и стала разыскивать остальныхъ осетинъ; двое изъ нихъ были отысканы и сейчасъ же убиты. Другая часть толпы, разыскивая остальныхъ трехъ осетинъ, разгромила гостин-

нищу, думая выйти ихъ тамъ, но тѣ успѣли скрыться. Одинъ изъ нихъ спрятался въ лари съ хлѣбомъ, другой—на чердакѣ одной изъ дачъ, расположенныхъ въ Святыхъ Горахъ, третій—въ одномъ изъ дворовъ близъ лежащаго сельца Баннаго.

Между тѣмъ многіе изъ прѣбывавшихъ на ярмарку, вѣроятно, испуганные кровавыми сценами, стали разѣзжаться, и къ вечеру ярмарочная площадь значительно опустѣла.

Въ настоящее время по этому дѣлу уже производится судебное слѣдствіе.

Переселенческіе поселки на Амурѣ. Въ изданномъ недавно, по порученію Министерства Финансовъ, «Описаніи Амурской области» (составленномъ г. Грумъ-Гржимайло подъ редакціей П. П. Семенова) есть интересныя свѣдѣнія о русскихъ переселенцахъ на Амурѣ. Заимствуемъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей» слѣдующіе факты, извлеченные ими изъ «Описанія». Амурская область занимаетъ 395 тыс. квадр. верстъ,—пространство, равное всей Швеціи. Если провести прямую линію между Черняевской станицей и Хабаровскомъ,—говоритъ авторъ разсматриваемаго труда,—то къ юго-западу отъ нея будетъ лежать мѣстность, ограниченная съ остальныхъ сторонъ между тѣми же пунктами Амуромъ; она составляетъ около четверти всей Амурской области и обнимаетъ почти всю ту площадь, которая представляется въ этой странѣ удобной для земледѣльской колонизаціи. Здѣсь, именно и сосредоточены русскія поселенія, крестьянскія и казацкія. Все нынѣшнее населеніе области не превышаетъ 100 тыс. человекъ, причемъ русской элементъ составляетъ 80%, но собственно сельскаго населенія насчитывается съ небольшимъ 50 тысячъ. Въ пользованіи его состоитъ 980 тыс. дес. земли, т. е. около 36 дес. на душу мужского пола.

Первая попытка земледѣльской колонизаціи Амурскаго края была сдѣлана въ 1855 году. Первыми переселенцами были крестьяне Иркутской губ. и Забайкальской области, отправившіеся на Амуръ (собственно въ предѣлы нынѣшней Приморской области) добровольно. Имъ были дарованы большія льготы: земля поступила въ ихъ полное и вѣчное владѣніе, переселенцы были освобождены отъ рекрутской, земской и подушной повинностей и получили пособие отъ казны. Одновременно съ крестьянскими возникли на Амурѣ и казацкія поселенія. Непривычныя условія жизни, въ которыхъ очутились новыя поселенцы, неблагоприятно отразились на нихъ: первое время они не мало бѣдствовали, тѣмъ болѣе, что не обошлось безъ ошибокъ и упущеній со стороны властей, распорядившихся въ край. Но мало-по-малу послѣдствія неудачи были заглажены, и колонизація продолжалась съ серьезнымъ успѣхомъ. Въ 1857—1858 гг. въ нынѣшней Амурской области, вдоль р. Амура, возникло выше Благовѣщенска 14 селеній и столько же ниже этого города. Притокъ переселенцевъ не прекратился и въ слѣдующіе годы; особенно же онъ усилился послѣ того, какъ крестьяне Европейской Россіи получили официальное приглашеніе переселиться на свободныя земли Амура. Съ 1857 по 1863 годъ преобладало обязательное по распоряженію правительства переселеніе казаковъ. Съ 1862 года, т. е. тотчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ, началось безостановочное добровольное переселеніе крестьянъ различныхъ губерній Европейской Россіи и Сибири. Переселенцы,—разсказываетъ авторъ,—шли въ Амурскую область на собственный счетъ, безъ правительственной помощи. О положеніи края, льготахъ, путяхъ и способахъ передвиженія они узнавали изъ писемъ своихъ земляковъ или родственниковъ. Средства для осуществленія своего предпріа-

тія крестьяне добывали путемъ ликвидаціи хозяйства на родинѣ и продажей своего имущества. Отправившись изъ дому рано весной, переселенцы прибывали въ Благовѣщенскъ чрезъ 4 — 5 мѣсяцевъ, причеиъ дорожные расходы достигали, круглымъ числомъ, на душу 80-ть рублей. Такія средства находились, конечно, не у всѣхъ; поэтому бѣднѣйшія семьи кредитовались у болѣе зажиточныхъ и выплачивали свой долгъ уже въ мѣстахъ новаго жительства— деньгами или работой. Всѣ переселенцы двигались въ полномъ составѣ семей, съ малыми дѣтьми. У тѣхъ, кто совершалъ свой путь съ полной опредѣленностью его конечной пѣли, безъ остановокъ и колебаній, убыли въ семьѣ,— читаемъ мы въ «Описаніи»,—были ничтожны: семьи доходили до Благовѣщенска почти безъ потерь.

По прибытіи въ область переселенцевъ причисляли, если ихъ было мало, къ существующимъ обществамъ; многочисленныя же партіи образовывали новыя общества и поселки. Въ самой долині Амура возникло сравнительно не много крестьянскихъ поселковъ. Эта мѣстность раньше была занята казаками, Крестьяне разиѣстались по обширной равнинѣ, орошаемой нижними теченіями Буреи, Зеи и другими меньшими притоками Амура. Фактически амурскіе крестьяне заняли до 650 тыс. десятинъ и владѣютъ 125 дес. на дворъ, причеиъ обширныя пространства земли остаются еще свободными для будущихъ колонистовъ и новыхъ поселеній.

Крестьянскія общества пользовались предоставленной имъ землей въ теченіе всего тридцатилѣтняго періода, не платя поземельной и подушной подати, а до 1877 г. и земскихъ сборовъ, и къ выкупу своихъ надѣловъ не приступали, не смотря на возможность выкупа ихъ по льготной цѣнѣ 3 руб. за десятину.

Крестьяне, переселившіеся въ Амурскую область, живутъ, по словамъ «Описанія», въ довольствѣ. На вопросъ программы, по которой производилось изслѣдованіе, не встрѣчаетъ ли этотъ разрядъ переселенцевъ какихъ-либо неудобствъ на мѣстахъ своего водворенія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ послѣдовалъ отвѣтъ, показывающій, что въ естественныхъ условіяхъ страны неудобствъ для колонизаціи нѣтъ».

Интеллигентные офени. Въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» въ отдѣлѣ «Хроники» напечатана любопытная статья г. Яковенки «Съ книгами по ярмаркамъ», въ которой онъ описываетъ попытку двухъ «интеллигентовъ» торговать народными книгами на ярмаркахъ въ Полтавской губ. Въ настоящее время издается довольно много хорошихъ и дешевыхъ книгъ для народа и съ каждымъ годомъ дѣло это все болѣе и болѣе развивается. Петербургскій и Московскій комитеты грамотности, провинціальныя Общества распространенія грамотности и различныя издательскія фирмы, какъ напр., фирма «Посредника», «Справды», г-жи Калмыковой и пр., дѣлаютъ доступными для народа произведенія нашихъ лучшихъ писателей, издавая ихъ небольшими книжечками по самой недорогой цѣнѣ (начиная съ 1½ к. за книжечку). Но, по справедливому замѣчанію г. Яковенко, мало издать хорошую книжку для народа; нужно еще устроить такъ, чтобы она дошла до своего читателя. «Положимъ, что хорошая книга написана и напечатана,—говоритъ онъ.—Ее легко можно достать въ Петербургѣ, въ Москвѣ, кое-гдѣ въ губернскихъ городахъ. Но, вѣдь, Москва, Петербургъ, губернскіе города—не «народъ», не для нихъ, по крайней мѣрѣ, была издана эта хорошая книга. Она предназначалась, главнымъ образомъ, для деревенскаго рынка. Какія же

средства и пути для распространения своих книг выработалъ кругъ лицъ, взявшійся за составленіе и изданіе ихъ? Мы не ошибемся, сказавъ: *никакихъ*. Если Сытинъ и К^о не соблаговолятъ, хорошая книга останется въ петербургскихъ и московскихъ складахъ; до рабочаго, а въ особенности до крестьянина она не дойдетъ».

По мнѣнію автора, выходъ изъ этого ненормальнаго положенія заключается въ томъ, чтобы «организовать общество для торговли народными книгами съ цѣлой арміей своихъ офеней». Уже и теперь отдѣльные частныя лица берутся иногда торговать народными книгами и дѣятельность эта обыкновенно приноситъ самые лучшіе результаты. Одну изъ такихъ попытокъ описываетъ г. Яковенко въ вышеупомянутой статьѣ.

Инициаторомъ новаго дѣла въ Полтавской губерніи явился одинъ интеллигентный человекъ, нѣкогда работавшій у Энтелгардта въ Батищевѣ, и поселившійся въ деревнѣ, съ цѣлью пахать землю и «жить трудами рукъ своихъ». Вначалѣ онъ весь отдавался сельскому хозяйству и чуждался всякихъ занятій, вродѣ «составленія бумагъ», хожденій по дѣламъ, и пр. Но, замѣчаетъ г. Яковенко, «мало-по-малу жизнь сдѣлала свое дѣло. Въ настоящее время онъ защищаетъ крестьянъ, трудится въ пользу закрытія кабаковъ, устраиваетъ потребительскія товарищества, прискиваетъ земли для переселенія, и пр. Благодаря этому, онъ пользуется извѣстностью среди крестьянъ значительнаго округа». Прошлое лѣто онъ задумалъ заняться торговлей народными книжками и подыскалъ себѣ помощника — стараго капитана въ отставку, живущаго въ деревнѣ на небольшую пенсію. Не смотря на преклонный возрастъ, капитанъ сохранилъ въ себѣ много энергіи и силы и съ радостью откликнулся на предложеніе своего знакомаго. Они достали разрѣшеніе отъ губернатора, внесли каждый по 100 р. въ общую кассу и съ капиталомъ въ 200 р. взялись за дѣло. «Городскому читателю эта сумма можетъ показаться очень ничтожною, — говоритъ г. Яковенко, — но для деревенской книжной торговли она представляла цѣлый капиталъ». Около 30 р. ушло на пріобрѣтеніе повозки съ крытымъ верхомъ, парусинной палатки, прилавка и другихъ приспособленій для книжной торговли; 170 р. ушли на покупку книгъ. Торговля производилась въ теченіи 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ; и за это время почти весь затраченный капиталъ успѣлъ обернуться, такъ что, съ матеріальной стороны предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Но гораздо важнѣе другая сторона его — а именно, что интеллигентнымъ офенямъ дѣйствительно удалось провести въ народъ хорошія книжки.

Райономъ своей дѣятельности они избрали центральные уѣзды Полтавской губерніи, мѣстность исключительно земледѣльческую, глухую, но густо населенную. Вначалѣ предполагалось искать покупателя «на дому», т. е. ѣздить по селамъ и городамъ во всякое время и предлагать свой товаръ всякому встрѣчному. «Но это сразу же оказалось непрактичнымъ. Книга въ деревнѣ, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ, такая еще рѣдкость, что покупателя пришлось бы искать, что называется, днемъ съ огнемъ; издержки по переѣздамъ и на прокормленіе не окупилась бы. Поэтому, торговцы рѣшились на первое время ограничиться ярмарками. Они побывали на 14 ярмаркахъ, каждая изъ нихъ продолжалась 2—3 дня; всего ярмарочныхъ дней имъ пришлось провести въ общей сложности 35».

Кочевая жизнь интеллигентныхъ офеней сопряжена была съ большими трудностями. Перекочевывая съ одной ярмарки на другую, приходилось значительную часть пути дѣлать пѣшкомъ, такъ какъ грузу, въ видѣ книгъ и

другого товара, всегда бывало достаточно для одной лошади. На бойкой ярмаркѣ торговля шла «безпрерывно, съ восхода солнца до заката, даже побѣсть бывало некогда, да и пойти отъ прилавка нельзя, такъ какъ народъ всегда толпится и глѣзѣтъ. Поидете ли вы пить чай въ балаганъ, или возьмете самоваръ къ себѣ въ палатку, вы нигдѣ не можете укрыться отъ пыли и навоза, который носится тучами, сыплется на хлѣбъ, лѣзетъ въ стаканъ съ чаемъ; приходится пить не чай, а чайную настойку съ навозомъ. Видите также, что придется; случалось, что на ярмаркѣ ничего нельзя было достать, кромѣ бубликовъ, и тарани... Спать приходилось на землѣ, не смотря на погоду, а то даже и подъ открытымъ небомъ, такъ какъ въ палаткѣ двумъ помѣститься было негдѣ. Вѣрждь и невасть приходилось больше заботиться о книгахъ, чѣмъ о себѣ. Нерѣдко случалось промокать насквозь. Всѣ эти невзгоды раздражали капитана, страдавшаго застарѣлымъ ревматизмомъ, а компаньонъ его вообще не отличался здоровьемъ. Но прїѣдутъ домой, отдохнутъ, поправятся, и снова ихъ тянетъ на ярмарку. Первый же капитанъ начнетъ хлопотать и собираться».

Въ торговлѣ у капитана было до 450 изданій и изъ нихъ значительное большинство составляли книги по беллетристикѣ. Книгъ по общественнымъ и хозяйственнымъ вопросамъ было всего 31 названіе — о податяхъ, о дифтеритѣ о пчеловодствѣ, объ уходѣ за дѣтьми и т. д. Къ книгамъ по сельскому хозяйству крестьяне относились нѣсколько скептически. «Паны потому и раззорились,—говорили они,—что все дѣлали по книжкамъ». Но, тѣмъ не менѣе, эти книги раскупались. Особенно хорошо шли книги по пчеловодству и садоводству. Въ Полтавской губ. земля хорошая и много родить, а дѣсовъ нѣтъ; поэтому, книги относительно хлѣбопашества не шли совсѣмъ, и крестьяне все требовали книгъ о разведеніи дѣсовъ.

На медицинскія книжки спросъ былъ не великъ. Семейные крестьяне охотно покупали «Совѣты матерямъ», но вообще эти книжки шли плохо. Еще менѣе раскупались историческія книжки. Изъ книгъ религіознаго содержанія много требовались житія святыхъ и молитвенники. Большой успѣхъ имѣли книги противъ пьянства.

Но главное вниманіе интеллигентныхъ офеней обращено было на подборъ беллетристическихъ книгъ. Въ ихъ палаткѣ совершенно отсутствовали обычныя изданія лубочниковъ, вродѣ «Страшнаго Мавра», «Гуака—Рыцаря», «Въ пасти крокодила» и пр., и взамѣнъ ихъ предлагались читателямъ общедоступныя изданія Толстого, Гоголя, Пушкина, Достоевскаго, Гаршина, Короленко, Станюковича, Жоржъ-Зандъ, Дикенса, Мильтона, и др. Изъ всѣхъ этихъ писателей крестьянамъ были извѣстны раньше и усилленно спрашивались ими только произведенія Толстого, Гоголя, Шевченко. Всѣ же остальные книжки, предлагаемыя имъ торговцами, были имъ совершенно неизвѣстны. «Нужно было предпринять какія-либо мѣры и такъ или иначе познакомить крестьянъ съ этимъ товаромъ,—говорить г. Яковенко.—Наиболѣе подходящимъ (а можетъ быть, и единственнымъ) средствомъ оказалось чтеніе вслухъ. Достаточно, бывало, только начать читать громко, чтобы передъ палаткою собралась цѣлая толпа. Если книга нравилась, если она прошибла до слезъ, вызвала неудержимый хохотъ, отвѣтила на какой-нибудь вопросъ несложной деревенской жизни, она непременно находила себѣ покупателей... Однажды въ самой толпѣ выискался какой-то оригиналъ, попросившій книжку и отправившійся читать ее «вслухъ на ярмарочную площадь».

Большой успѣхъ среди крестьянъ имѣли передѣлки съ иностраннаго, какъ «Мученики» Шатобріана, «Гуиншленъ» Виктора Гюго, «Потерянный рай»,

«Робинзонъ». Особенно хорошо расхвалились двѣ послѣднія книги. Изъ новѣйшихъ русскихъ писателей очень нравились рассказы Короленко. Замѣчательно, что Пушкивъ и Лермонтовъ шли совсѣмъ плохо. У капитана было около 200 различныхъ изданій произведеній Пушкина и $\frac{2}{3}$ ихъ остались непроданными. Даже «Полтавой» крестьяне Полтавской губ. не заинтересовались. Очень охотно раскупались малороссійскія книги, что вполне понятно въ малороссійскихъ деревняхъ. Вообще, опытъ капитана показалъ, что бороться съ лубочными изданіями вовсе не такъ трудно, разъ за дѣло берутся толковые и знающіе люди, и что народъ охотно покупаетъ и хорошія книги. Узнавъ, что нельзя получить «Англійскаго милорда» или «Португезя-юнкера», крестьяне брали Гоголя, Короленко или Виктора Гюго и оставались очень довольны. Такимъ образомъ, конкуренція лубочныхъ книгъ оказалась вовсе не такой страшной.

Въ виду необычайной дешевизны народныхъ изданій, торговля ими является дѣломъ, доступнымъ даже самымъ небогатымъ людямъ. Поэтому, по вѣрному замѣчанію г. Яковенко, «Интеллигенты, ищущіе себѣ работы въ деревнѣ, не обладающіе профессиональными занятіями, но зато располагающіе нѣсколькими сотнями рублей, хорошо бы сдѣлали, если бы обратили вниманіе на это въ высшей степени полезное и во многихъ отношеніяхъ интересное дѣло... Можетъ ли наша интеллигенція спокойно относиться къ тому умственному голоду, который испытываютъ сотни тысячъ людей, ею же обученные грамотѣ? Можетъ ли она спокойно относиться къ тому, какъ гложетъ и замираетъ мысль, не получающая надлежащаго питанія, какъ забывается даже грамотность? Интеллигенція сдѣлала уже первый шагъ къ удовлетворенію этого умственнаго голода: она создала кое-какіе запасы пищи. Но на этомъ нельзя остановиться. Необходимо доставить эти запасы на деревенскій рынокъ... Если находятся люди, дающіе средства на изданіе хорошихъ народныхъ книгъ, то найдутся и такіе, которые не пожалѣютъ дать денегъ на организацію распространенія этихъ книгъ».

Остается только пожелать, чтобы мысль, высказываемая г. Яковенко, поскорѣ нашла свое осуществленіе. Объ интеллигентныхъ офеняхъ уже раньше нѣсколько разъ говорилось въ литературѣ, но до сихъ поръ не сдѣлано еще ни одного шага къ правильной организаціи этого важнаго дѣла.

Изъ иностранной жизни.

Современныя женщины-писательницы въ Англіи. На всемірной выставкѣ въ Чикаго, въ прошломъ году, одинъ изъ ораторовъ на женскомъ конгрессѣ сказалъ: «Женское движеніе составляетъ самое важное событіе нашей эпохи, смущающее спокойствіе консерваторовъ. Безъ всякаго предувѣдомленія женщина появилась внезапно на сценѣ мужской дѣятельности, какъ совершенно новое существо, и потребовала своей доли участія въ борьбѣ, пожелала нести такую же отвѣтственность, какъ и мужчины, и пользоваться такими же почестями въ томъ мірѣ, въ которомъ до сихъ поръ она была только нулемъ. И доказательствомъ того, что она вполне заслуживаетъ такой же свободы, какъ и мужчина, служатъ тѣ многочисленныя препятствія, которыя ей удалось преодолѣть».

Взглядъ этотъ раздѣляется и профессоромъ Карломъ Пирсономъ, который, въ своей статьѣ, напечатанной въ «Fortnightly Review», говоритъ, что женскій вопросъ составляетъ одну изъ величайшихъ проблемъ современной жизни. Дѣйствительно, нельзя отрицать, что во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра положеніе женщины уже далеко не то, что было прежде; она болѣе свободна, болѣе независима и въ общественной жизни съ нею уже надо считаться. Эволюція эта совершилась передъ нашими глазами и идетъ далѣе. Повидимому, женщина не хочетъ останавливаться на половинѣ пути и намѣрена добиваться гораздо большаго. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ это стремленіе женщины къ расширенію своихъ правъ всего рѣзче и послѣдовательнѣе выражается въ Англіи. Англичанки твердымъ шагомъ идутъ къ своей цѣли; онѣ добились того, что англійскіе университеты открыли свои двери женщинамъ, и одинъ изъ главныхъ членовъ университетской коллегіи слѣдующимъ образомъ отозвался о женщинахъ на митингѣ, въ апрѣлѣ прошлаго года: «Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я имѣю дѣло въ коллегіи со студентами обоого пола, слушающими одинъ и тотъ же курсъ, и работы ихъ указали мнѣ на опытѣ, что нельзя раздѣлять челоѣческой интеллектъ на мужской и женскій, и что умъ обоихъ созданъ одинаково: подобающая дисциплина ума можетъ сдѣлать женщину равной мужчинѣ во всѣхъ интеллектуальныхъ работахъ. Я убѣдился, что женщина можетъ блистать рядомъ съ мужчиной во всѣхъ отрасляхъ челоѣческаго знанія».

Въ 1867 году, въ первый разъ англійской палатѣ общинъ пришлось высказаться по вопросу объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Предложеніе сравнять эти права было отклонено большинствомъ 121 голоса. Однако, женщины не унывали и, когда въ 1892 году вопросъ этотъ снова былъ выдвинутъ на сцену въ палатѣ общинъ, то не хватило всего лишь 23 голосовъ для того, чтобы женщины на этотъ разъ одержали побѣду. Принимая во вниманіе извѣстную уже настойчивость, свойственную англійской націи вообще, можно почти съ увѣренностью сказать, что побѣда эта не за горами. Пропаганда ведется очень успѣшно въ обществѣ и въ печати. Въ Лондонѣ устраивается множество большихъ и маленькихъ митинговъ, на которыхъ женщины излагаютъ свои мысли тысячамъ слушателей и обнаруживаютъ зачастую незаурядный ораторскій талантъ. Въ одну недѣлю въ Лондонѣ бываетъ до шести

такихъ митинговъ, устраиваемыхъ центральнымъ обществомъ «Central National Society for Women's Suffrage». Это же самое общество издаетъ бюллетени и массу летучихъ листковъ и брошюръ въ защиту правъ женщины. Вообще можно навѣрное сказать, что ни въ одной странѣ (за исключеніемъ Америки) женскій вопросъ не подвигается такъ быстро къ своему окончательному разрѣшенію, какъ въ Англии, и уже одно то, что вопросъ объ уравненіи политическихъ правъ женщинъ былъ отклоненъ въ палатѣ общинъ послѣ долгихъ и очень горячихъ преній указываетъ, что англичане признаютъ женщинъ такими серьезными противниками, къ требованіямъ которыхъ нельзя относиться съ снисходительнымъ презрѣніемъ, какъ къ пустой болтовнѣ. Выдающіеся ораторы выступали какъ въ защиту, такъ и противъ расширенія правъ женщины. Между прочимъ, указывалось на то, что въ основу нашего общества заложена идея превосходства мужчины надъ женщиною, какъ въ физическомъ, такъ и въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. До сихъ эта исходная точка признавалась правильной, если же теперь ее отвергнуть, то придется прибѣгнуть къ коренной реформѣ всѣхъ установившихся формъ нашей общественной жизни.

Изъ этого аргумента видно, что противники женскаго равноправія въ Англии уже не считаютъ возможнымъ основывать свои доводы на томъ, что женщина—нижнее существо, а лишь высказываютъ опасенія, что окончательное уравненіе правъ женщины можетъ потрясти основы существующаго общественнаго строя. Одинъ изъ депутатовъ въ палатѣ общинъ выставилъ на видъ то, что, въ случаѣ уравненія политическихъ правъ женщинъ, управление страной окажется de facto въ рукахъ женщинъ, такъ какъ ихъ больше, нежели мужчинъ.

Какъ бы тамъ ни было, но англійскія женщины постепенно завоевываютъ себѣ все большія и большія права и свободу; онѣ отличаются такимъ же упорствомъ, какъ и мужчины, въ удержаніи того, что приобретено ими, и въ защитѣ своихъ правъ. Англичане не относятся съ презрительною насмѣшкой, какъ французы, къ агитаціи женщинъ въ пользу своихъ правъ; они обсуждаютъ вопросъ не съ той точки зрѣнія, имѣетъ ли право женщина, какъ нижнее существо, претендовать на большую свободу, на равноправіе, а съ той—не нарушить ли введеніе новаго фактора, въ лицѣ женщины, въ строй общественной и политической жизни ея правильнаго теченія и не нанесетъ ли матеріальнаго ущерба. Если англичанинъ убѣдится, что съ этой стороны не грозитъ опасности, и что выведеніе женщины изъ ея подчиненнаго положенія можетъ даже принести нѣкоторыя выгоды, то дѣло женщины можно считать выиграннымъ. Число женщинъ, которымъ приходится зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, съ каждымъ годомъ все увеличивается. Мужчины находятъ исходъ въ эмиграціи, женщинамъ это труднѣе. А между тѣмъ, женщинъ въ Англии почти на миллионъ больше, нежели мужчинъ, и огромное большинство этихъ женщинъ, лишенное личныхъ средствъ, не находятъ уже матеріальной поддержки со стороны своихъ родственниковъ мужчинъ,—поддержки, въ которой лѣтъ сто тому назадъ онѣ, конечно, не встрѣтили бы недостатка. Для того, чтобы обезпечить себѣ сколько-нибудь сносное существованіе, женщины зачастую приходится бороться съ огромными препятствіями, и многія погибаютъ въ этой непосильной борьбѣ. Необходимость открыть побольше

путей женщинамъ возникаетъ сама собою. Намъ уже случилось говорить на страницахъ нашего журнала, что именно эта жизненная необходимость, социальная условія, вызвали къ жизни женскій вопросъ въ Германіи, въ странѣ, гдѣ традиціи по отношенію къ женщинамъ держатся еще крѣпче, нежели въ Англіи. Англичане, какъ практическій народъ по преимуществу, вѣроятно, первые подадутъ примѣръ благополучнаго разрѣшенія этого назрѣвающаго вопроса нашей современной жизни.

Женское движеніе въ Англіи, какъ и слѣдовало ожидать, отразилось не только въ общественной жизни, но и въ литературѣ, и по преимуществу на произведеніяхъ женскихъ авторовъ. Въ статьѣ «Review of Reviews» объ англійской современной женской беллетристикѣ, говорится, что эволюція женщинъ выражается особенно ярко въ этой беллетристикѣ. Много женщинъ писало прежде повѣсти и рассказы, въ которыхъ главное мѣсто было отведено женщинамъ, но, тѣмъ не менѣе, сами авторы относились къ своимъ героинямъ или съ господствующей въ обществѣ точки зрѣнія, или же съ точки зрѣнія мужчины, что, впрочемъ, составляетъ почти одно и то же. Только въ послѣднее время въ произведеніяхъ женщинъ авторовъ, во взглядахъ на женщину стала обнаруживаться *женская* точка зрѣнія. Героини въ женскихъ повѣстяхъ, вплоть до послѣдняго времени, играли роль просто какихъ-то придатковъ къ герою, нужныхъ лишь для того, чтобы составить его счастье или же заставить его страдать. Сами же по себѣ онѣ не играли большой роли и занимали всегда второстепенное мѣсто въ романахъ и повѣстяхъ, написанныхъ женщинами, такъ какъ главный интересъ въ этихъ произведеніяхъ всегда сосредоточивался на личности героя мужчины. Въ настоящее время все это измѣнилось, и цѣлый сонмъ женщинъ-писательницъ въ Англіи сталъ интересоваться женщиною, ея положеніемъ, анализировать ея характеръ, способности, условія ея жизни и обстановки и т. д. Авторъ упомянутой статьи англійскаго журнала говоритъ, что эта эволюція, замѣчаемая въ женскомъ литературномъ творчествѣ, заслуживаетъ во всякомъ случаѣ спеціальнаго вниманія. Многихъ поражаетъ эта эволюція; однихъ она возмущаетъ, другихъ радуетъ и всѣхъ интересуетъ. Поэтому-то авторъ и считаетъ нужнымъ посвятить свою статью бѣглому обзору нѣкоторыхъ выдающихся произведеній женской беллетристики въ Англіи, иллюстрируя, кромѣ того, эту статью портретами современныхъ женщинъ-писательницъ.

По словамъ автора, во главѣ этого литературнаго движенія слѣдуетъ поставить Оливу Шрайнеръ. Ея произведеніе «Story of an african Farm» (Исторія африканской фермы) явилось предвозвѣстникомъ новаго направленія. Кто бы могъ подумать, что новое слово въ этомъ отношеніи раздастся изъ глубины африканской степи? Воспитанная вдали отъ городской жизни и всѣхъ ея вредныхъ вліяній, Олива Шрайнеръ задумала и написала свою повѣсть въ уединеніи южно-африканской степи и вліяніе этой повѣсти замѣтно почти на всѣхъ современныхъ произведеніяхъ женской беллетристики. Олива Шрайнеръ проводитъ ту идею, что при существующемъ общественномъ строѣ худшія условія выпадаютъ на долю женщины. Героиня ея романа говоритъ: «Такая масса мыслей тѣснится въ моей головѣ, что иногда у меня голова кру-

жится отъ нихъ и я стараюсь отъ нихъ освободиться. Но одна мысль никогда не покидаетъ меня: зачѣмъ я не изъ тѣхъ, которыя должны родиться въ будущемъ? Тогда, быть можетъ, родиться женщиною не будетъ униженіемъ и не будетъ означать—родиться съ клеймомъ».

«Говорять, что мужчины оказываютъ намъ рыцарское вниманіе!—восклицаетъ героиня.—Когда мы просимъ, чтобы намъ разрѣшили быть докторами, адвокатами, депутатами, чѣмъ угодно, только не рабой, намъ отвѣчаютъ: Нѣтъ! вамъ оказывается мужчинами рыцарское вниманіе, довольствуйтесь этимъ. Что бы вы стали дѣлать безъ этого?.. Но, вѣдь я когда-нибудь сдѣлаюсь старой и некрасивой, и тогда, если я буду искать рыцарскаго вниманія, и... не найду его. Пчелы очень внимательны къ цвѣтамъ, когда собираютъ съ нихъ медъ, но затѣмъ, собравъ медъ, онѣ улетаютъ. Я не знаю, чувствуютъ ли цвѣты благодарность къ пчеламъ за это; но если чувствуютъ, то онѣ очень глупы!»

«Мужчины говорятъ, что женщинамъ предоставлено одно великое и благородное дѣло, и то онѣ плохо исполняютъ его. Это правда—онѣ исполняютъ его отвратительно. Но это дѣло требуетъ высокой культуры, а женщины лишены ея. Адвокатъ можетъ не знать ничего, кромѣ своихъ юридическихъ книгъ, а химикъ—ничего, кромѣ своей лабораторіи, и дѣло ихъ не пострадаетъ отъ этого, но женщина, исполняющая женскую работу, должна обладать самой разносторонней и самой разнородной культурой. Ни одна изъ сторонъ человѣческой жизни не должна быть для нея сокрыта. Душа ребенка—изумительно нѣжная и впечатлительная, навсегда сохраняетъ тѣнь, павшую на нее впервые, и это тѣнь матери или же вообще женщины. Едва ли существовали великіе люди, не имѣвшіе великихъ матерей. Насъ образовываютъ первыя шесть лѣтъ нашей жизни, остальное все составляетъ лишь наружный слой. И между тѣмъ, говорятъ, что если женщина умѣетъ сготовить обѣдъ, да хорошо одѣться, то она обладаетъ уже достаточною культурой».

Эти небольшія выдержки вполне уясняютъ общую идею произведенія Оливы Шрайнеръ. И во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ женщины раздается такой же протестъ, такой же крикъ негодованія противъ той участи, которая предоставлена женщинамъ; всѣ находятъ, что далѣе такое положеніе вещей существовать не можетъ, что оно становится невыносимымъ для женщины. Женщина всегда приносила себя въ жертву, потому что ее увѣрили, что это нужно для блага общества, но теперь глаза у нея раскрылись.

Сара Грандъ, одна изъ писательницъ новой плеяды затрагиваетъ въ своемъ романѣ «Heavenly Twins» (Небесные близнецы) вопросъ о томъ, что женщина имѣетъ право предъявлять такія же требованія мужчинамъ въ отношеніи нравственности и чистоты, какія онъ предъявляетъ ей, когда собирается вести ее къ алтарю. До сихъ поръ этой стороны никто не касался, и ошеломленное англійское общество съ изумленіемъ прислушивалось въ своихъ гостиныхъ и курительныхъ комнатахъ къ обсужденію вопроса о правахъ женщины въ бракѣ. Сара Грандъ подняла знамя возстанія; дѣвушка имѣетъ право требовать, чтобы мужчина, съ которымъ она соединяется на всю жизнь въ брачномъ союзѣ, въ нравственномъ отношеніи былъ бы также чистъ,

Сара Грандъ.

какъ и она. Съ необыкновенною смѣлостью Сара Грандъ клеймить великосвѣтскіе браки, въ которыхъ любовь занимаетъ послѣднее мѣсто;

Мона Кердъ.

она говоритъ о томъ проклятіи, которое лежитъ на потомствѣ, происходящемъ отъ союза чистой, невинной дѣвушки съ испорченнымъ правдиво и физически мужчиной. Ту же идею Сара Грандъ проводитъ и въ своемъ другомъ романѣ «Superfluous woman» (Лишняя женщина), въ которомъ съ безпощадною рѣзкостью разоблачаетъ безравственную сторону брака безъ любви.

Другая писательница, не менѣ Сары Грандъ, ошеломившая смѣлостью своихъ взглядовъ чопорное англійское общество, это — Мона Кэрдъ. Она болѣе известна своими публицистическими статьями, нежели повѣстями, въ которыхъ также горячо возстаетъ противъ браковъ безъ любви. Мона Кэрдъ горячо возмущается противъ господствующаго взгляда, что жизнь женщины должна исчерпываться рожденіемъ дѣтей. «Если даже и признавать, что материнство — высшее призваніе и цѣль жизни женщины, — говоритъ Мона Кэрдъ, — то все же женщина должна быть матерью лишь тогда, когда она любитъ отца своихъ дѣтей». Мона Кэрдъ требуетъ реформы женска-

Миссъ Гепуоръ Диксонъ.

го воспитанія. Пусть женщина сознательно относится и къ своимъ обязанностямъ и къ правамъ и отрѣшится отъ слѣпого, бессмысленнаго и рабскаго подчиненія условнымъ правиламъ. Женщина должна стать равноправнымъ членомъ человѣческаго общества, должна научиться мыслить и разсуждать, а не только повиноваться специально для нея установленному кодексу, на томъ лишь основаніи, что такъ идетъ отъ

вѣка. Нельзя предрѣшать судьбу человѣческаго существа съ самаго его рожденія, восклицаетъ Мона Кэрдъ, а между тѣмъ мы именно такъ и поступаемъ. Къ дѣвочкѣ мы съ самаго начала примѣняемъ специальную систему воспитанія, мы ставимъ ее въ извѣстныя узкія рамки, изъ которыхъ она уже не можетъ выйти во всю свою жизнь, не взирая на то, какія у нея могутъ проявиться способности и стремленія».

Во всѣхъ произведеніяхъ современныхъ англійскихъ писательницъ проглядываетъ одинаковая точка зрѣнія на положеніе женщины въ обществѣ, въ бракѣ, въ семьѣ. Всѣ находятъ его невыносимымъ, всѣ говорятъ о необходимости реформы. Миссъ Генуорзъ Диксонъ въ

Авторъ «A Sunless Heart» (Безсолнечное сердце).

своемъ романѣ «The Story of a modern woman» (Исторія современной женщины) стремится доказать, какъ давятъ существующія социальныя условія на женщину. «Мы всѣ, современныя женщины, должны сплотиться и помогать другъ другу,—говоритъ она.—Если бы мы соединились всѣ вмѣстѣ, то могли бы руководить міромъ!» Авторъ «Asunless Heart» (Безсолнечное сердце), говоритъ, что въ своей повѣсти она желала указать на абсолютную негодность социальныхъ различій, установившихся въ обществѣ. Всѣ англійскія писательницы встаютъ противъ условной нравственности, господствующей въ обществѣ, противъ отдѣльнаго кодекса нравственныхъ правилъ, специально выработанныхъ для женщинъ, противъ того, чтобы то, что признается безнравственнымъ въ поведеніи женщины, признавалось бы совершенно естествен-

нимъ въ поведеніи мужчины. Эта идея особенно рѣзко выступаетъ въ романѣ миссъ Анни Голдсуорсъ «Юанпа Траилл», героиня котораго становится жертвою такихъ условныхъ воззрѣній. Въ романѣ «Yellow Aster» (Желтая астра) мистриссъ Маннингтонъ Кэффинъ, пишущей подъ псевдонимомъ «Soma», рисуется нравственное состояніе женщины, готовящейся быть матерью, послѣ того, какъ она сознала, что между нею и ея мужемъ не существуетъ никакой духовной связи, что она его не любитъ. Докторъ миссъ Арабелла Кеннели, въ своемъ произведеніи «Dr. Sanet of Harley street», говоритъ о необходимости произвести радикальныя измѣненія въ воспитаніи женщины. Авторъ указываетъ на тотъ вредъ, который приноситъ женщинамъ и ея потомству суще-

Миссъ Маннингтонъ Кэффинъ.

ствующая система воспитанія, различная для мужчины и женщины, и условность господствующихъ воззрѣній. Въ своемъ протестѣ противъ существующаго кодекса условной нравственности нѣкоторыя изъ писательницъ хватаютъ черезъ край, какъ, напримѣръ, авторъ «Keunotes» (Гаммы) Джорджъ Эджертонъ (мистриссъ Клармонтъ), но такое увлеченіе объясняется страстностью борьбы. Англичане понимаютъ это и съ подобающею серьезностью относятся къ женскому движенію, несмотря на многія увлеченія и ошибки женщинъ, примкнувшихъ къ этому движенію. Они не высмѣиваютъ ихъ, какъ это дѣлаютъ французы, а серьезно относятся къ ихъ притязаніямъ, обсуждая ихъ преимущественно съ практической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія вопроса, какъ можетъ и должно отразиться на существующемъ строѣ уравненіе правъ жен-

Миссъ Анна Голдсуоръ.

Докторъ миссъ Арабелла Кеннеди.

щины. Если этотъ вопросъ удастся разрѣшить благопріятнымъ образомъ, то мы можемъ быть увѣрены, что въ Англии сойдетъ окончательно со сцены и женскій вопросъ. Англичане, сознавъ пользу и необходимость этой мѣры, разъ навсегда покончатъ съ предрасудками, относящимися къ воспитанію и положенію женщины. Къ скорѣйшему разрѣшенію женскаго вопроса побуждаетъ также и социальный вопросъ. Огромное большинство женщинъ вынуждено зарабатывать себѣ средства къ жизни и даже зачастую содержать семью. Въ виду этого надо признать совершенно законнымъ требованіе женщинъ, чтобы ихъ воспитывали соответствующимъ образомъ, дабы онѣ могли жить своими средствами и чтобы имъ открыли всѣ пути и давали возможность раз-

Джорджъ Эджертонъ (миссъ Клермонтъ).

вивать, какъ слѣдуетъ, свои способности. Англійскій журналъ «Daily Star» обратился къ своимъ читателямъ съ вопросомъ: «должны ли женщины работать?» Изъ массы полученныхъ редакціею писемъ видно, что главнымъ аргументомъ противъ женскаго труда является боязнь конкуренціи женщинъ и пониженіе заработной платы, производимое женщинами, довольствующимися меньшимъ заработкомъ. Но большинство все-таки высказалось въ пользу женскаго труда. Леди Дилькъ, горячая защитница требованій, предъявляемыхъ женщинами, совершенно справедливо замѣчаетъ, что вопросъ о томъ: должны ли женщины работать? — совершенно праздный вопросъ, такъ какъ уже давно, хорошо или дурно, онъ перешелъ изъ области теорій въ практику. «Такъ какъ огромное большинство женщинъ,—говоритъ леди

Дилекъ, — вынуждено работать для того, чтобы жить, то весь вопросъ сводится лишь къ тому, какъ устроить такъ, чтобы женщины извлекали наибольшія выгоды для себя и другихъ изъ своей работы и чтобы эта работа приносила какъ можно больше пользы государству». Леди Дилекъ не видитъ другого средства помочь горю, какъ путемъ правильной организаціи труда и воспитанія общественнаго мнѣнія.

Въ литературѣ отражается жизнь, и поэтому все это литературное движеніе, статьи о правахъ женщинъ, о женскомъ трудѣ и т. д. указываютъ, что въ Англіи приспѣло время рѣшенія женскаго вопроса. Всѣ социальныя условія, религіозныя воззрѣнія, нравственныя понятія и т. п., должны быть вновь пересмотрѣны и преобразованы такъ, чтобы они соответствовали новымъ нарождавшимся требованіямъ и давали мѣсто женщинамъ, какъ равноправному члену человеческого общества. Будемъ надѣяться, что англичане подадутъ намъ примѣръ практическаго разрѣшенія этого жгучаго вопроса.

Англійскій журналистъ — о женскомъ образованіи. Находимъ небезынтеснымъ послѣ предыдущей статьи познакомить читателей «Міра Божьяго» съ мнѣніемъ одного англійскаго журналиста о женскомъ образованіи. Могушимъ толчкомъ въ дѣлѣ женскаго образованія послужило, по мнѣнію автора, учрежденіе въ 1874 году Общества «открытыхъ женскихъ школъ» (Girls Public Day School Company). Состоятельные родители, опасаясь за женственность и изящность своихъ дочерей, въ началѣ сторонились этихъ школъ, гдѣ учились дѣти всѣхъ состояній и сословій, но мало-по-малу такое отношеніе къ «открытымъ школамъ» исчезло. Дѣти—разночинцы—приучились къ уваженію другъ друга и къ взаимопомощи, воспитывались въ духѣ гражданскаго равенства, сдерживались общей дисциплиной, которая признавала неодинаковость только характеровъ, познаній и способностей. Указанное Общество имѣло въ виду низшее и среднее образованіе дѣвочекъ. Еще раньше, въ 1869 г., сдѣлана была первая попытка допустить дѣвушекъ и до высшаго образованія. Новые курсы сначала рассчитывали на пріемъ не болѣе шести студентокъ. Но въ 1873 г. близъ Кембриджа выстроили особое зданіе для «женскаго университета». И постепенно число слушательницъ превысило сотню. А затѣмъ, появилось подобное же учрежденіе и въ Ньюгемѣ. Однако, университетская администрація, обладающая въ Англіи столь большими правами и самостоятельностью, только въ 1881 г. официально признала существованіе высшихъ женскихъ курсовъ. Ученые мужчины видимо не собирались покровительствовать женскому умственному совершенствованію. Все въ этомъ направленіи сдѣлано частными лицами и кружками и на частныя средства. Вдобавокъ, и пріемъ въ «храмъ науки» обставленъ для студентокъ гораздо болѣе стѣснительными условіями и правилами, нежели для студентовъ. И тѣмъ не менѣе, число почетныхъ университетскихъ наградъ, получаемыхъ женщинами, все увеличивается и, въ 1890 г. статистика подобнаго рода обратила на себя особенное вниманіе, при сравненіи съ мужскими успѣхами. Женщины въ Англіи не пользуются рѣшительно никакими матеріальными пособіями отъ учебной администраціи. И такая политика, едва ли оправдываемая доводами разума и справедливости, настойчиво поддерживается многими вліятельными мужчинами, и до сихъ поръ слышатся возраженія противу доступа женщины къ наукѣ. Говорятъ, что усиленіе умственнаго труда женщинъ дастъ въ результатъ только новую расу студентовъ-женщинъ слабыхъ,

неподвижных, лишенных женственности; исчезает все, придающее прелесть и грацію общественной жизни; женщины уклоняются отъ прямого своего призванія—воспитывать грядущія поколѣнія и завѣдывать благоустроеннымъ, здоровымъ, счастливымъ домашнимъ очагомъ. Практика ни мало не оправдываетъ подобныя пророчества. Главный врагъ здоровья женской молодежи—это праздная, безцѣльная, легкомысленная жизнь, въ которую втягиваются дѣвушки, за неимѣніемъ ничего лучшаго. Умственная работа, достаточно чередуемая съ другими формами дѣятельности, по свидѣтельству лучшихъ медицинскихъ авторитетовъ, весьма благоприятствуетъ здоровью. Въ сочиненіи «Sidgwick Health Statistics of Women Students of Cambridge and Oxford, and of their Sisters» (Статистика здоровья студентокъ Кембриджа и Оксфорда и другихъ слушательницъ), гдѣ собраны поучительныя данныя въ этомъ направленіи.

И во всякомъ случаѣ было бы преждевременно теперь подводить какіе-либо итоги, различающіе умственныя занятія и дѣятельность мужчины и женщины. Педагогика, по существу, отрасль индуктивныхъ познаній, отрасль опыта и наблюденій. Весьма оригинальный нѣмецкій мыслитель, Дюрингъ, говоритъ даже, что съ отпаденіемъ всякихъ внѣшнихъ, искусственныхъ перегородокъ, ставящихъ женщину въ ложное и тяжелое положеніе, только еще сильнѣе должны сказаться естественныя различія, отдѣляющія мужчинъ отъ женщинъ: женщинѣ не суждено на вѣки оставаться, ради организма своего, въ гнетущемъ подчиненіи безсознательной природѣ. И она должна принять участіе въ постепенномъ усовершенствованіи и повышеніи духовной человѣческой жизни.

Англійскій публицистъ, старающійся, по обыквенію своихъ соотечественниковъ, подходить къ выводамъ съ возможною объективною и осторожною, разсуждаетъ, съ своей стороны: «Было бы, конечно, опрометчиво утверждать, что нѣтъ разницы между умственными и нравственными природными дарованіями мужчины и женщины, разницы, которая должна вліять и на самые методы воспитанія. Въ будущемъ, быть можетъ, и вычергнется все поле человѣческихъ познаній, и опредѣлится, что подлежитъ мужской обработкѣ, и что женской. Но въ настоящемъ не имѣется достаточныхъ матеріаловъ для заключеній, и всяческія предположенія, принимаемыя за окончательныя итоги — только помѣшали бы отыскать въ будущемъ наиболѣе разумный и удовлетворяющій способъ разрѣшенія вопроса». Женщина имѣла бы полное право обратиться къ мужчинамъ съ воззваніемъ: устанавливайте, какія угодно рамки и распредѣленія въ курсахъ обученія, но допустите и насъ испытать тутъ свои силы, разъ мы выполнимъ всѣ нужныя предварительныя условія. Мужчина-юристъ, который вздумалъ бы выступить съ ботаническимъ или химическимъ изслѣдованіемъ, счелъ бы себя глубоко оскорбленнымъ въ своемъ законномъ желаніи, коль скоро общественныя власти запретили бы подобную работу, ссылаясь на профессиональное назначеніе юриста. Ясно, что благородство и мудрость мужчинъ обязываетъ ихъ поддерживать законныя требованія женщинъ.

Жизнь не заполняется исключительно у мужчины несеніемъ его профессиональнаго труда, а у женщины ея домашними занятіями. И помимо всего этого, существуетъ обширная область дѣятельности, вызывающей благородное соревнованіе, подстрекающее быть полезнымъ другимъ. И мужчина, и женщина должны быть одинаково подготовленными для производительнаго участія и въ этихъ проявленіяхъ жизни. Образование можетъ и не отразиться осяза-

тельно, непосредственно на опредѣленныхъ, житейскихъ дѣлахъ женщины; но оно вообще пополяетъ, разнообразитъ, повышаетъ самую жизнь. Сотни мужчинъ и тысячи женщинъ, по словамъ англійскаго автора, унесли съ собой въ могилу невоздѣланные таланты, не примѣненные возвышенные замыслы, полезные силы, о существованіи которыхъ и не подозрѣвало общество, и которыя едва только сознавали и сами ихъ обладатели. И все изъ за того лишь, что не принимались должныя мѣры для развитія и подбодренія способностей, не выпадало на долю ихъ подходящихъ житейскихъ случаевъ. Несомнѣнно, что въ умѣ иныхъ женщинъ, въ ихъ нравственныхъ качествахъ, благородныхъ побужденіяхъ, въ способностяхъ къ услугамъ на пользу окружающаго Таялось цѣлое богатство, которое никогда не было достаточно оцѣнено и цѣлесообразно направлено.

Едва ли кто станеть отрицать, что въ извѣстныхъ отрасляхъ искусства, литературы, въ тѣхъ или другихъ областяхъ науки, въ филантропической работѣ женщина сослужить добрую службу человѣческому роду. Ну, пускай даже и окажется, что женской натурѣ непосиленъ такой или иной родъ умственной дѣятельности. Тѣмъ меньше основаній ставать искусственные преграды. Природа вѣдь не требуетъ нашихъ попеченій и наставленій; она своимъ законамъ соблюдеть во всякомъ случаѣ неукоснительно. Но въ наши дни самый мудрѣйшій изъ мудрецовъ не предрѣшитъ точной программы женскаго труда. И вѣроятно, какъ скромно замѣчаетъ англійскій авторъ, рамки этого труда гораздо шире теперь предполагаемыхъ. Авторъ статьи, подобно многимъ другимъ своимъ соотечественникамъ, прибѣгаетъ главнѣйше къ наиболее трезвеннымъ, положительнымъ доводамъ. Такъ, и въ заключеніи, напр., своемъ, онъ вызываетъ къ братьямъ — дѣйствовать не только изъ одного «рыцарства», даже не по чувству справедливости, а ради хорошо, разумно, понятыхъ собственныхъ интересовъ, интересовъ мужчины, который самъ выиграеть съ расширеніемъ умственной карьеры женщины.

Онъ—этотъ англичанинъ—уже свободенъ отъ національнаго и нѣсколько узкаго практицизма своей страны. Онъ ищетъ въ образованіи не исключительно помощи профессиональнымъ нуждамъ, а средствъ — повысить, усилить духовную человѣческую жизнь.

И такую точку зрѣнія, и по нашему мнѣнію, должны руководиться всѣ, желающіе блага своему ближнему и родинѣ.

А. Н.

Международный конгрессъ мира. Давно уже прошли тѣ времена, когда въ Европѣ признавалось только одно право — право сильного, когда человѣкъ могъ лишь при помощи оружія защитить свое священное достояніе отъ захвата, когда не было никакихъ законовъ, регулирующихъ отношенія между отдѣльными группами человѣческаго общества. Какъ только завязались первыя торговыя сношенія, тотчасъ же явилась необходимость выработать такія правила и законы, которые помогали бы развитію этихъ сношеній и служили бы для огражденія чужой собственности. Мало-по-малу образовались международные интересы, требовавшіе гарантій гораздо болѣе возвышеннаго свойства, нежели какою могла служить грубая сила, одицетворявшаяся въ хорошо вооруженному войскѣ; эту гарантію и представляютъ въ настоящее время международные законы.

Идея международной солидарности положена въ основу всѣхъ конгрессовъ мира, устраиваемыхъ ежегодно въ разныхъ городахъ Европы

обществами мира, поставившими свою цѣлью замѣнить силу—закономъ, войну—третейскимъ судомъ и варварство—цивилизацией и нравственностью. Но въ виду Европы, которая, по одному мѣткому выраженію, «ощетинилась штыками», такіе конгрессы мира многимъ кажутся какимъ-то явнымъ противорѣчіемъ, празднымъ времяпрепровожденіемъ, разсужденіями, не ведущими ни къ какимъ практическимъ результатамъ и могущими удовлетворить развѣ только самыхъ неисправившихъ мечтателей. Идея мира—утопія, говорятъ противники конгрессовъ, забывая, что многое въ нашей современной жизни прежде было утопіей.

Какъ бы тамъ ни было, но несомнѣнно, что идея мира, не смотря на «ощетинившіеся» кругомъ штыки, медленно, но вѣрно проникаетъ въ сознание народовъ. Это особенно подтвердилось на шестомъ международномъ конгрессѣ мира, происходившемъ въ первыхъ числахъ сентября этого года. На этотъ конгрессъ собрались мужчины и женщины изъ разныхъ мѣстъ земного шара и въ первый еще разъ представители идеи мира были приняты официально самимъ главою государства, королемъ бельгійскимъ, который объявилъ имъ, что онъ также сторонникъ этой идеи и въ качествѣ такого привѣтствуетъ ихъ прибытіе въ Антверпенъ. Членъ англійскаго парламента Байльсъ заявилъ, что англійское правительство относится сочувственно къ парламентской партіи мира и дало понять, что оно не противится идеѣ конгресса въ пользу третейскаго суда и всеобщаго разоруженія. Другой англійскій делегатъ сообщилъ, что вѣтъ англійской королевы принялъ на себя званіе предсѣдателя шотландскаго общества мира. Кромѣ того, въ первый разъ на антверпенскомъ конгрессѣ заявило о своемъ существованіи германское общество мира. Бельгійскій министръ ле-Брюннъ особенно подчеркнул то обстоятельство, что Германія и Австрія, «гдѣ до сихъ поръ идея мира не находила для себя никакой почвы», примкнули къ общему движенію. Германское общество мира въ теченіе одного года настолько распространилось, что уже въ настоящее время насчитывается до 16 отдѣленій этого общества въ разныхъ частяхъ Германіи.

Въ послѣднее время въ обществахъ мира довольно рѣзко обнаруживаются два теченія. Къ первому, первоначальному, теченію примыкаетъ идейная группа, отвергающая совершенно войну, какъ безнравственное учрежденіе, и всѣ средства, направленные къ гуманизации войны, такъ какъ съ точки зрѣнія этой группы, гуманизованная война—еще худшее варварство, нежели простая война, служащая проявленіемъ грубой силы. Надо, говорятъ послѣдователи этой группы, замѣнить правильно организованную и установленную законами войну правильно организованнымъ миромъ. Однимъ словомъ, эта группа добивается полного и окончательнаго уничтоженія войны. Другое теченіе, болѣе матеріальное, не касается вопроса, нравственна или безнравственна война, и стремится лишь къ тому, чтобы постепенно, путемъ международныхъ соглашеній, идти на встрѣчу укрѣпленія мира. Къ этой послѣдней группѣ принадлежатъ всѣ нѣмецкія общества мира; американцы и австріяцы примыкаютъ къ первой группѣ, а французы и англичане раздѣляются между обѣими. Но, во всякомъ случаѣ, оба направленія сознательно стремятся къ одной и той же цѣли—

упроченію мира, и, поэтому нѣкоторая принципиальная разница во взглядахъ представителей обоихъ направленій ничуть не вредитъ дѣлу. На конгрессахъ мира, эта разница направленій не выражается особенно рѣзко и лишь въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ можно бываетъ замѣтить тотъ или другой взглядъ. Извѣстный экономистъ Пасси,—представитель перваго направленія. Пасси доказывалъ безнравственность войны и говорилъ, что единственнымъ средствомъ уничтожить ее окончательно можетъ служить лишь уничтоженіе тѣхъ учреждений, которыя создаютъ войну. Баронесса Зуттнеръ, предсѣдательница австрійской группы мира и редакторъ журнала «Waffen nieder» (Долой оружіе), сказала рѣчь, въ которой указывала на успѣхи, сдѣланные идей мира за послѣднее время. Эта идея, по словамъ баронессы Зуттнеръ, достигла уже дверей политическаго мира и до такой степени вошла въ понятія всѣхъ образованныхъ людей, что на войну смотрятъ теперь почти уже какъ на анахронизмъ. «Конгрессы мира,—сказала, между прочимъ, баронесса,—должны исключить изъ своей программы всякіе политическіе споры. Общественное мнѣніе всѣхъ цивилизованныхъ государствъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы одно или нѣсколько правительствъ взяли на себя починъ въ дѣлѣ созванія конференціи мира. Конгрессы мира должны подготовить путь для такой конференціи. Мы идемъ впередъ побѣдоносно, и это доказывается постоянными стремленіями къ облагороживанію отношеній между народами, постояннымъ увеличеніемъ чувства состраданія и жалости къ страдальцамъ, популярностью ученій Толстого и усиленіемъ христіанской любви къ ближнему».

Въ числѣ вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, вопросъ о неприкосновенности человѣческой жизни былъ выдвинутъ на первый планъ. Конгрессъ постановилъ предложить всѣмъ народнымъ учителямъ и воспитателямъ употреблять всѣ старанія для того, чтобы внушать своимъ ученикамъ идею неприкосновенности человѣческой жизни, такъ, чтобы эта идея вошла въ народное сознаніе. Ассоціаціи мира должны поставить этотъ принципъ въ основу своей пропаганды. Въ заключеніе конгрессъ выразилъ порицаніе дуэли, какъ варварскаго учрежденія, и постановилъ добиваться окончательной отиѣны смертной казни.

Въ общемъ собраніи конгресса была вотирована резолюція о необходимости основанія постоянного международнаго суда, подобнаго тому, который дѣйствуетъ въ настоящее время между Швейцаріей и Соединенными Штатами. Только учрежденіе такого суда дастъ возможность европейскимъ державамъ проивести необходимые сокращенія въ своихъ бюджетахъ для облегченія той тяжести, которая лежитъ на плечахъ народовъ и мѣшаетъ ихъ правильному развитію.

Бельгійское правительство отнеслось очень сочувственно къ антверпенскому конгрессу и всѣ расходы по его устройству приняло на себя.

Приютъ для сиротъ во Франціи. Въ мѣстечкѣ Сампюи, въ департаментѣ Уазы, существуетъ чрезвычайно оригинальное благотворительное учрежденіе, извѣстное подъ именемъ «Orphelinat Prevost»—приютъ для сиротъ обоого пола, оснсаный на капиталъ, пожертвованный уроженцемъ Сампюи—Прево. Прево купилъ землю, вмѣстѣ съ лѣсомъ и дугами, построилъ на ней просторныя зданія, специально приспособленныя для школы и приюта, и завѣщалъ все

это городу Парижу съ тѣмъ условіемъ, чтобы для сиротъ было устроено образцовое воспитательное учрежденіе. Родные Прево оспаривали завѣщаніе, и только въ 1883 году, когда процессъ кончился не въ ихъ пользу, въ Сампюи были открыты пріютъ, и завѣдываніе этимъ учрежденіемъ возложено было на извѣстнаго педагога Поля Робена.

Робенъ, какъ убѣжденный сторонникъ совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ, находилъ, что школа должна готовить къ жизни и не должна быть похожа ни на казармы, ни на монастырь: «школа—это большая семья», говорилъ онъ, и эту идею провелъ въ своемъ пріютѣ. Дѣвочки до шестнадцати-лѣтняго возраста въ этомъ пріютѣ воспитываются совмѣстно съ мальчиками и совершенно такъ же, какъ мальчики; вмѣстѣ учатся въ классахъ, вмѣстѣ работаютъ въ мастерскихъ, вмѣстѣ проводятъ время въ играхъ во время рекреаций и на гимнастикѣ, только живутъ они въ разныхъ зданіяхъ. Система воспитанія Робена имѣла чисто практическій характеръ. Робенъ стремился къ тому, чтобы воспитанники пріюта дѣлали все рѣшительно сами, начиная отъ классныхъ скамеекъ, столовъ, кроватей, до велосипедовъ включительно, на которыхъ дѣти упражняются, ѣзда въ свободное время. При школѣ устроена небольшая типографія, въ которой дѣти учатся типографскому дѣлу и печатаютъ программы и т. п. для своей школы. Стремясь дать своимъ воспитанникамъ самое разностороннее образованіе въ практическомъ отношеніи, Робенъ, въ то же время, остерегается загромождать ихъ умъ теоретическими познаніями; онъ желалъ, чтобы ребенокъ приобрѣталъ свои знанія, главнымъ образомъ, путемъ опыта и наблюденія. Вслѣдствіе этого, Робенъ старался вызвать въ ребенкѣ вниманіе къ окружающимъ явленіямъ и, дѣлая эти явленія исходною точкою, стремился развить въ ребенкѣ мышленіе и наблюдательность, и только тогда уже вводитъ его въ область точнаго знанія. Эта область расширялась по мѣрѣ того, какъ въ ребенкѣ пробуждалась любознательность. Такимъ же точно путемъ въ ребенкѣ развивались и нравственныя чувства, сознаніе собственнаго достоинства, самостоятельность и альтруистическія чувства. Врагъ всякихъ предразсудковъ и предубѣжденій, отрицающій узкій ходячій патриотизмъ, Робенъ являлся проповѣдникомъ братства и солидарности народовъ и внушалъ это своимъ питомцамъ, стараясь пробудить въ ихъ душѣ высокія гуманныя чувства. Въ школьной пѣснѣ, которую распѣвали его питомцы, говорилось поэтому о «всеобщемъ отечествѣ», о томъ днѣ, когда всѣ народы протянутъ другъ другу руки, когда не будутъ нужны войска, солдаты, всѣ будутъ братья, всѣ будутъ объединены въ стремленія къ общему благу, и т. д.

До 13 лѣтъ дѣти обучаются въ пріютѣ понемногу всему, и только послѣ этого возраста имъ предоставлялось право выбрать самимъ какое-нибудь мастерство, профессію. И въ этомъ отношеніи Робенъ, также какъ и всѣ его помощники, учителя и учительницы, придерживались того взгляда, что личной инициативѣ воспитанниковъ долженъ быть предоставленъ какъ можно болѣе широкій просторъ. Изъ своей воспитательной системы Робенъ совершенно изгналъ наказанія, и къ лѣтямъ примѣнялъ лишь одно взысканіе — заставлялъ ихъ дѣлать неисполненную работу либо во время рекреаций, либо тогда, когда ихъ товарищи занимались болѣе легкимъ трудомъ или физическими упражненіями. Робенъ старался возбудить въ ученикахъ сознаніе долга, интересъ къ работѣ и желаніе заслужить доброе мнѣніе учителя, но находить вреднымъ развивать въ нихъ честолюбіе и чувство превосходства одного надъ другимъ, поэтому въ классахъ у него не было ни первыхъ, ни послѣднихъ

учениковъ. Все дѣло было въ похвалѣ учителя, которую всѣ старались заслужить.

Въ продолженіи десяти лѣтъ Робенъ примѣнялъ на практикѣ свою воспитательную систему въ пріютѣ въ Сампюи и достигъ настолько значительныхъ результатовъ, что о его пріютѣ заговорили въ обществѣ и въ печати, къ нему стали съѣзжаться, чтобы посмотреть устройство пріюта, взглянуть на прекрасный музей, гдѣ хранятся образцы школьныхъ работъ, на свѣтлыя и просторныя мастерскія и т. п. Даже предубѣжденные люди должны были согласиться, что результаты воспитательной системы Робена, за десятилѣтній промежутокъ времени, вполне оправдали его ожиданія. Дѣти поражали всѣхъ посѣтителей своимъ веселымъ, бодрымъ видомъ, своею непринужденностью, большимъ запасомъ самостоятельности и находчивости и довольно значительнымъ для своего возраста умственнымъ развитіемъ. Все это тѣмъ болѣе обращало на себя вниманіе, что питомцы пріюта набирались преимущественно изъ самыхъ подонковъ парижской нищеты, несчастные, безпріютные сироты, по большей части выросшіе въ средѣ страшной бѣдности и порока и испытавшіе многое до своего поступленія въ пріютъ; однако, до сихъ поръ, съ какими бы порочными наклонностями ни являлось дитя въ пріютъ, эти наклонности скоро у него исчезали, и Робену удавалось довольно быстро сгладить отпечатки, оставленные средою въ душѣ ребенка. Всего этого онъ достигалъ лишь однимъ гуманнымъ обращеніемъ, стараясь пробудить въ душѣ забитаго и загнаннаго ребенка добрыя чувства и отнюдь не прибѣгая при этомъ ни къ какимъ мѣрамъ строгости.

Несмотря, однако, на такіе благое результаты, противъ Робена и его воспитательной системы во Франціи ведется ожесточенная война. Клерикалы и консерваторы и вообще сторонники рутинной педагогики горячо нападаютъ на Робена и особенно на введенную имъ систему совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ. Эти нападки уже давали поводъ неоднократно къ назначенію слѣдствія о дѣятельности Робена, но всякій разъ всѣ возмутительные рассказы и доносы на Робена оказывались злостною клеветою и выдумкой. Тѣмъ не менѣе, противники Робена и его системы не унывали и продолжали свой походъ противъ пріюта въ обществѣ и печати. Къ сожалѣнію, походъ не остался безъ результатовъ, и Робенъ въ концѣ концовъ былъ оставленъ отъ должности директора пріюта. Сторонники рутинны одержали и на этотъ разъ побѣду.

Германскія народныя школы. Одною изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ германской народной школы слѣдуетъ, безспорно, признать ея объединяющее значеніе для народа. Для народныхъ школъ не существуетъ отдѣльныхъ классовъ общества, и дѣти всѣхъ сословій одинаково посѣщаютъ школу и получаютъ въ ней первоначальное образованіе. Это объединяющее вліяніе школы особенно рѣзко выступаетъ въ провинціи, въ маленькихъ городкахъ, гдѣ люди часто не такъ богаты, чтобы платить огромныя деньги за своихъ дѣтей въ какія-нибудь частныя школы.

Число народныхъ школъ въ Германіи, по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, достигаетъ 56.560, а число учащихся въ этихъ школахъ дѣтей равняется почти восьми милліонамъ. Согласно вычисленіямъ, ученики школъ составляютъ нѣсколько больше 16% всего населенія и одна школа приходится на 874 жителей. Многіе въ Германіи находятъ, что это мало и порицаютъ правительство за то, что оно слишкомъ равнодушно относится къ дѣлу народнаго образованія. Однако, въ Германіи на это дѣло затрачивается 245 мил-

люновъ марокъ въ годъ; во всякомъ случаѣ, это уже не такъ мало, если сравнить съ тѣмъ что тратится у насъ на народное образованіе. Но германская печать справедливо доказываетъ, что въ дѣлѣ народнаго образованія не должно быть экономіи, и находить, вапримѣръ, важный пробѣлъ въ томъ, что не всѣ школы обладаютъ собственными зданіями и помѣщеніе нѣкоторыхъ школъ тѣсно и неудобно. Между тѣмъ, въ каждомъ глухомъ городишкѣ и даже деревнѣ, домъ, въ которомъ помѣщается школа, всегда отличается отъ прочихъ домовъ своимъ вышнимъ видомъ—это всегда самое лучшее зданіе въ деревнѣ или городѣ.

Въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи германское общество и печать не забываютъ и другихъ существенныхъ вопросовъ, касающихся постановки этого дѣла. Въ Германіи и другихъ городахъ образовалось общество для раздачи бѣднымъ дѣтямъ дешевыхъ и даровыхъ обѣдовъ въ школахъ, такъ какъ много дѣтей являются въ школу голодными. Въ 1892 г. такіе обѣды были розданы 12.830 ученикамъ и 19.000 пользовались молокомъ. Но, какъ справедливо замѣчаютъ люди, близко стоящіе къ этому дѣлу, раздача такого пособія—капля въ морѣ, и огромная масса дѣтей продолжаетъ голодать, въ особенности, въ деревняхъ. Въ этомъ отношеніи германская печать ставитъ Берлину въ примѣръ Парижъ, ассигнующій ежегодно 500.000 фр. на кормленіе школьниковъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, во многихъ уже мѣстахъ при деревенскихъ школахъ устраиваются кухни, въ которыхъ готовится пища для дѣтей подъ наблюденіемъ мѣстныхъ властей и дамъ интеллигентнаго круга.

Нѣмецкіе народные учителя преимущественно получаютъ образованіе въ учительскихъ институтахъ или семинаріяхъ. Такихъ институтовъ въ одной только Пруссіи 111 и, кромѣ того, существуетъ еще 12 институтовъ для подготовленія народныхъ учительницъ. Большинство учительницъ, впрочемъ, подготавливаются къ своей дѣятельности въ педагогическихъ классахъ высшихъ женскихъ училищъ. Вообще, теперь среди народныхъ учителей и учительницъ почти уже не встрѣчается людей неподготовленныхъ или не соответствующихъ своимъ обязанностямъ, какъ это случалось прежде, когда въ народные учителя шли разные неудачники и даже отставные унтеръ-офицеры. Разумѣется, дѣло народнаго образованія могло только выиграть отъ того, что оно было передано въ руки людей, подготовленныхъ къ нему и сознательно избравшихъ этотъ родъ дѣятельности.

Многія богатія, интеллигентныя семьи специально посылаютъ своихъ дѣтей въ народную школу, именно, ради ея объединяющаго вліянія. Оттуда уже дѣти ихъ идутъ въ гимназіи и университеты, и многіе, сдѣлавшись уже студентами и вращаясь въ избранномъ кругу, не забываютъ, что ихъ первыми школьными товарищами были сыновья простыхъ рабочихъ.

Университетское движеніе въ Швеціи. Лѣтомъ 1892 года, докторъ Хверне, профессоръ исторіи въ университетѣ въ Упсалѣ, посѣтилъ Англію со специальною цѣлью изучить университетское движеніе. Результатомъ его наблюденій въ Лондонѣ, Оксфордѣ и Кембриджѣ было то, что въ Швеціи была организована совершенно такая же воспитательная система. Въ августѣ прошлаго года состоялся съѣздъ профессоровъ и учителей въ Упсалѣ для обсужденія вопроса объ организаціи университетскаго движенія. Множество учителей и профессоровъ предложили свои услуги, и самыя лучшія силы, которыми располагалъ древній сѣверный университетъ, пришли на помощь этому движенію.

Учреждены были 18 различных курсовъ, по разнымъ предметамъ, исторіи Швеціи, филологіи, психологіи, геологіи, біологіи и др. Всѣхъ лекцій было прочитано сто три по всѣмъ тремъ предметамъ. На многихъ лекціяхъ раздавались бесплатно тщательно составленные конспекты и программы. Слушатели курсовъ—по преимуществу молодые люди, поселяне и обитатели маленькихъ провинціальныхъ городковъ. Въ числѣ этихъ слушателей было очень много народныхъ учителей и воспитанниковъ народныхъ школъ—«*folkhögskolorna*»—иначе называемыхъ народными академіями; это высшія элементарныя школы, приспособленныя къ потребностямъ молодыхъ крестьянъ обою пола, получившихъ образованіе лишь въ первоначальныхъ школахъ. Ремесленники мало посѣщали школы, но организаторы университетскаго движенія въ Швеціи не унываютъ и намѣрены войти въ сношенія съ «рабочими институтами», представляющими для рабочихъ то же, что «народныя академіи» дѣлаютъ для крестьянскаго населенія въ Швеціи. Система шведскаго университетскаго движенія нѣсколько отличается отъ той, которая принята въ Англіи, вслѣдствіе того, что Швеція населена далеко не такъ густо, какъ Англія, и потому организація отдѣльныхъ курсовъ и лекцій въ разныхъ мѣстахъ во всякое время года встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія. Въ будущемъ году въ августѣ состоится второй съѣздъ въ Упсалѣ, гдѣ будутъ изложены результаты принятой системы университетскаго движенія въ Швеціи и будетъ приступлено къ дальнѣйшей разработкѣ различныхъ вопросовъ, касающихся этого движенія.

Народныя бібліотеки въ Берлинѣ. Въ журналѣ «*Daheim*» сообщаются нѣкоторыя интересныя данныя о происхожденіи народныхъ бібліотекъ въ Берлинѣ. Идея устройства такихъ бібліотекъ возникла впервые у историка Фридриха фонъ-Раумера во время поѣздки въ Америку. Путешествуя по Соединеннымъ Штатамъ Америки, Фридрихъ фонъ-Раумеръ, вступая въ разговоры съ низшими классами населенія, пораженъ былъ ихъ знаніемъ классиковъ, и заключилъ изъ этого, что народныя бібліотеки и чтеніе научныхъ лекцій народу приносятъ ему большую пользу, такъ какъ способствуютъ его развитію. Вернувшись въ Берлинъ, онъ сталъ проповѣдывать свою идею организаціи такихъ же народныхъ бібліотекъ для берлинскаго населенія, какія существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ общемъ къ его идеѣ отнеслись сочувственно, но знаменитый юристъ Савиньи горячо возсталъ противъ нее и доказывалъ, что все предпріятіе Раумера, и особенно привлеченіе женщинъ къ участію въ немъ, является униженіемъ науки. Раумеръ, однако, не отступилъ отъ своей идеи; онъ устроилъ «ученый союзъ» и организовалъ чтеніе лекцій въ академіи гѣнни. Результатъ получился прекрасный. Лучшіе представители германской науки стали читать лекціи и залы академіи были всегда переполнены слушателями. Скоро у Раумера явились послѣдователи въ другихъ городахъ Германіи; интересъ къ научнымъ вопросамъ былъ возбужденъ и много полезныхъ знаний распространилось въ публикѣ посредствомъ этихъ лекцій.

Затѣмъ Раумеръ приступилъ къ устройству бібліотекъ для народа, такъ какъ, по его убѣжденію, знаніе не должно быть только достояніемъ привилегированнаго университетскаго круга и не должно быть заключено только въ стѣнахъ школы. Въ 1850 году, по его ини-

ціативѣ, возникло четыре бібліотеки и затѣмъ уже въ слѣдующемъ году къ нимъ присоединились еще двадцать три. Всѣ эти бібліотеки находились въ тѣсной связи съ элементарными школами, но въ то же время поставлены были подъ контроль ученаго союза. Складъ книгъ устроенъ былъ въ школахъ и наблюденіе и управленіе этими бібліотеками поручено было школьнымъ учителямъ и представителямъ ученаго союза.

Въ настоящее время весьма естественно интересъ народныхъ бібліотекъ требуетъ ихъ отдѣленія отъ школы. Дѣло разрослось и уже необходимыми являются бібліотекари, которые располагали бы большимъ временемъ, нежели школьные учителя, а также болѣе просторное мѣсто для бібліотекъ, нежели какое можетъ быть отведено въ помѣщеніи школь. Кромѣ того, нужно, разумѣется, чтобы бібліотеки были открыты во всѣ дни недѣли, а не три раза, какъ это практикуется до сихъ поръ. Нужны также читальни при бібліотекахъ. Все это вопросы, разрѣшеніе которыхъ стоитъ на очереди въ Берлинѣ, гдѣ въ настоящее время существуютъ 27 такихъ бібліотекъ, заключающихъ въ себѣ около ста тысячъ томовъ. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ этихъ бібліотекахъ, всего болѣе требуются посѣтителями бібліотекъ произведенія германскихъ классиковъ, затѣмъ сочиненія Ауэрбаха, Шпилъгагена, Эберса, Гейзе, Шеффеля и др. Большой спросъ существуетъ также на произведенія литературы для юношества.

Австралія и Америка. Въ «Harper's Magazine» напечатана интересная статья австралійской писательницы, миссъ Спенсъ, недавно посѣтившей Соединенные Штаты и передающей впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ этого путешествія. Любопытны сравненія, приводимыя ею между Соединенными Штатами и Австраліей. Миссъ Спенсъ находитъ, что въ политическомъ отношеніи Австралія болѣе демократична, нежели Америка. Деньги гораздо болѣе могущественны въ Америкѣ, нежели въ Австраліи. Въ Америкѣ распространено мнѣніе, что какъ въ Англіи, такъ и въ ея колоніяхъ, прочно установленъ монархическій и аристократическій образъ правленія. На самомъ же дѣлѣ въ Англіи власть королевы и перовъ постепенно ослабляется, тогда какъ въ Америкѣ власть президента все возрастаетъ, и сенатъ подавляетъ палату депутатовъ. Америка переполнена юристами, которыхъ въ этой странѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было на свѣтѣ. Сорокъ восемь изъ 85 сенаторовъ—юристы и 229 изъ 356 членовъ палаты депутатовъ тоже принадлежатъ къ этой профессіи. По мнѣнію миссъ Спенсъ, это обстоятельство затрудняетъ всякія реформы въ Америкѣ, ибо юристы выказываютъ удивительную нетерпимость по отношенію ко всѣмъ новымъ идеямъ и всегда поднимаютъ крикъ, лишь только дѣло заходитъ о какихъ-нибудь радикальныхъ преобразованіяхъ, что эти преобразованія антиконституціонны. И странно, прибавляетъ миссъ Спенсъ, что именно въ этой странѣ, гдѣ такое множество юристовъ, законы исполняются очень плохо. Въ отношеніи системы управленія миссъ Спенсъ находитъ, что Австралія рѣшительно не въ чемъ завидовать Америкѣ.

Но если система управленія Соединенныхъ Штатовъ не внушаетъ австралійской писательницѣ никакого восхищенія, то взаимно этого другія условія американской жизни ее приводятъ въ восторгъ. Разу-

мѣтся, ее особенно привлекаетъ положеніе женщинъ въ Америкѣ, и она находитъ, что американскія женщины болѣе образованы и обладаютъ болѣе тонкимъ умомъ и наблюдательностью, нежели англичанки. Въ общемъ женщины въ Америкѣ, по наблюденію миссъ Спенсъ, образованнѣе и развитѣе мужчинъ, ибо тѣ прибылыя профессіи и занятія, которыя избираются мужчинами, не требуютъ отъ нихъ особенно высокой культуры. Мужчинамъ некогда читать книги, они читаютъ газеты, а чтеніе книгъ предоставляютъ женщинамъ. Женщины, даже тѣ, которыя пользуются правомъ голоса на выборахъ, рѣдко основательно знаютъ политику и этимъ отличаются отъ образованныхъ англичанокъ, интересующихся политическими вопросами. Гражданское управленіе и администрація въ Америкѣ оставляютъ желать многого, и миссъ Спенсъ полагаетъ, что именно влияніе женщинъ, когда онѣ получаютъ политическія права, окажетъ въ данномъ случаѣ благотворное дѣйствіе и уничтожитъ взяточничество и подкупъ, столь распространенные въ Америкѣ въ настоящее время. «Пусть лучшіе помыслы и способности женщинъ придутъ на помощь лучшимъ помысламъ и стремленіямъ мужчинъ,—говоритъ миссъ Спенсъ,—и тогда дѣло народнаго прогресса будетъ обеспечено».

Между прочимъ, миссъ Спенсъ очень привлекательными красками описываетъ семейную жизнь въ Америкѣ и ту систему воспитанія, которая практикуется въ Америкѣ по отношенію къ мальчикамъ и дѣвочкамъ.

Оригинальная газета. Въ знаменитомъ пріютѣ для душевнобольныхъ въ Парижѣ, въ Бисетрѣ, издается оригинальная маленькая газета «Anti-aliéniste». Она выходитъ разъ въ недѣлю, въ количествѣ сорока номеровъ, такъ какъ большее количество домеровъ трудно отпечатать гектографомъ. Редакторъ газеты—одинъ изъ кліентовъ Бисетра, Шарль Этлингерь, отличающійся особеннымъ остроуміемъ, несмотря на свою болѣзнь. Политическіе и релігіозные вопросы, конечно, исключены изъ содержанія газеты, которое исчерпывается главнымъ образомъ сатирою на врачей больницы. Сатира эта очень часто бываетъ чрезвычайно остроумна. Въ газетѣ допускаются также серьезные статьи и разсужденія по разнымъ научнымъ вопросамъ. Въ послѣднемъ номерѣ этого журнала была помѣщена любопытная статья самого редактора, направленная противъ смѣшенія больныхъ въ такихъ больницахъ, какъ Бисетрѣ, и той близости, въ которой эти больные размѣщаются другъ съ другомъ, не взирая на родъ болѣзни. Замѣчанія, высказанныя по этому поводу редакторомъ, тоже душевнобольнымъ, поражаютъ своею основательностью и обдуманностью.

Норейская война. Корея, до сихъ поръ очень мало извѣстна Европѣ. Послѣдняя только теперь заинтересовалась ею, послѣ того, какъ Корея сдѣлалась яблокомъ раздора между Китаемъ и Японіей. Но если европейцы мало интересовались Кореей, то японцы, ея ближайшіе сосѣди, давно уже точили на нее зубы и всячески старались укрѣпить въ ней свое влияніе. Корея привлекала японцевъ своими природными богатствами, обиліемъ золота, и поэтому Японія, несмотря на то, что открыла у себя двери европейскому прогрессу, всѣми си-

ламъ старалась оградить Корею отъ европейскаго вліянія и вторженія европейцевъ, и стремилась захватить въ ней все, что только можно, въ свои руки. Допотопные порядки, господствующіе въ Корей, были, разумѣется, на руку японцамъ, которые установили въ ней свою монополию. Корейскій народъ страдалъ отъ этого и бунтовался противъ своихъ притѣснителей, правительства и чиновниковъ, вытягивающихъ изъ него всё соки, и японцевъ, спекулировавшихъ на главный продуктъ питанія Кореи — рисъ, и поэтому вся исторія Кореи представляетъ непрерывный рядъ востаній и внутреннихъ кровопролитій. До сихъ поръ, впрочемъ, дѣло улаживалось домашнимъ образомъ: бунтовщиковъ усмиряли и все въ Корей шло по прежнему до новаго востанія. Но послѣднее востаніе, вспыхнувшее на югѣ Кореи, приняло такіе размѣры, что уже домашнихъ мѣръ оказалось недостаточно. Къ общему недовольству, вызываемому голодомъ и притѣсненіями, присоединилась еще, кромѣ того, фанатическая ненависть противъ иностранцевъ, разбуженная 89-ти-лѣтнимъ популярнымъ главою бунтовщиковъ Саи-Джи-Кид. Мѣстный бунтъ грозилъ перейти въ общій, и пребываніе иностранцевъ на югѣ Кореи стало далеко небезопаснымъ. Китай отправилъ свои войска для усмиренія бунтовщиковъ, чѣмъ немедленно воспользовалась Японія, и также высадилъ свои войска въ Корею. Это и послужило началомъ войны, и давно тлѣвшая искра разгорѣлась въ цѣлый пожаръ.

Въ послѣднее время въ европейской печати появилась масса статей и книгъ, трагующихъ о Корей и знакомящихъ читателей съ этою страной, представляющей необыкновенно обширное и богатое поле для всякаго рода изслѣдованій,—географическихъ, этнографическихъ, филологическихъ и др. Многіе европейскіе путешественники вспомнили о своихъ посѣщеніяхъ Кореи и стали наперерывъ передавать вынесенныя ими впечатлѣнія. О корейцахъ почти всё путешественники отзываются, какъ о способномъ, общительномъ и симпатичномъ народѣ, склонномъ къ мечтательности и поэзіи. Авторъ статьи о Корей въ «Fortnightly Review», Ландаръ, говоритъ, что корейцы удивительно понятливы и необыкновенно легко выучиваются языкамъ, причѣмъ произношеніе ихъ гораздо лучше, нежели у сосѣдей ихъ, китайцевъ и японцевъ. Столица Кореи—Сеуль пріютилась у ската горы, защищающихъ ее съ сѣвера; городъ почти цѣликомъ состоитъ изъ мазанокъ безъ оконъ, и только въ европейскомъ кварталѣ можно встрѣтить европейскія постройки. Но зато дворецъ короля — прекрасное зданіе и въ то же время освѣщенъ электричествомъ, тогда какъ во всемъ остальномъ городѣ нѣтъ ни одного даже простаго фонаря. Ко дворцу ведетъ широчайшая улица, по срединѣ которой стоятъ дома и лавки, раздѣляющія эту улицу собственно на три части. Эти дома и лавки убираются раза два въ годъ, когда король выходитъ изъ своего дворца, либо для посѣщенія могилъ своихъ предковъ, либо для встрѣчи китайскаго посла. Корейскіе солдаты носятъ старинныя латы и вооружены старинными пиками. Особенно оригинальный видъ имѣетъ ихъ головной уборъ въ дождливую погоду, когда поверхъ ихъ широкополыхъ войлочныхъ шляпъ, украшенныхъ красною кисточкой, укрѣпляется маленькій зонтикъ. Кавалеристы одѣваются по старинному, но пѣхотинцы носятъ полугерманскій костюмъ, что придаетъ имъ довольно-таки комическій видъ. Оружіе у нихъ самое

разнообразное, отъ самаго стариннаго кремневаго ружья вплоть до современныхъ скорострѣльныхъ.

Сеуль расположенъ въ 25 миляхъ отъ морскаго берега и потому ему служить Чемульно, который находится въ рукахъ китайцевъ и японцевъ. Американцы и нѣмцы устроили въ Чемульно торговые склады, но главная торговля находится все-таки въ рукахъ японцевъ. Въ Чемульно есть телеграфъ и почтовая станція.

Всѣ города Кореи, также какъ и ея столица, окружены стѣнами, въ которыхъ устроены ворота, закрывающіяся съ заходомъ и открывающіяся съ восходомъ солнца. Когда ворота закрываются, то наступаетъ время, назначенное для прогулокъ женщинъ и выходъ на улицу мужчинамъ строго воспрещенъ. Въ Корей преобладаютъ китайскіе обычаи, хотя многое заимствовано отъ Индіи и отъ татаръ. Во всякомъ случаѣ, въ Корей строй общественной жизни такъ же неподвиженъ, какъ и въ Китаѣ, и вызвать въ немъ измѣненія довольно трудно.

ИЗЪ МІРА НАУКЪ.

Возрожденіе памяти. Къ числу наиболѣе любопытныхъ явленій нашей духовной жизни, безъ сомнѣнія, принадлежитъ возобновеніе старыхъ воспоминаній, вызываемое какими-нибудь совершенно исключительными условіями: патологическимъ состояніемъ, спиртнымъ отравленіемъ или же какою-нибудь сильною эмоціей, приближеніемъ смерти и т. д. Альфредъ Бине въ своей статьѣ («Revue des Revues»), посвященной этимъ явленіямъ, говорить, между прочимъ, слѣдующее:

«Каждому, вѣроятно, приходилось наблюдать, что состояніе опьяненія оставляетъ послѣ себя лишь одни смутныя воспоминанія. Это обстоятельство даетъ поводъ многимъ, въ такихъ случаяхъ, приводить въ извиненіе своихъ поступковъ именно то, что они ничего не помнятъ. И въ этомъ, безъ сомнѣнія, есть своя доля правды. Былъ сдѣланъ такой опытъ: человѣку, находящемуся въ состояніи слабого опьяненія, рассказывали какой-нибудь фактъ, называли имя, число, и предлагали ему непремѣнно вспомнить объ этомъ на другой день. Но на другой день у этого человѣка исчезало всякое воспоминаніе объ этомъ рассказѣ. Во всѣхъ работахъ по психологіи цитируется, между прочимъ, случай съ однимъ комиссіонеромъ, который, будучи совершенно пьянъ, разнесъ пакеты по разнымъ мѣстамъ и на другой день, проспавшись, рѣшительно не могъ вспомнить, куда онъ дѣвалъ эти пакеты. Любопытно, что когда онъ снова напился, то припомнилъ рѣшительно все. Также не разъ приходилось наблюдать, что, подъ вліяніемъ возбужденія, производимаго спиртомъ, восстанавливаются въ памяти давно забытые факты. То же самое бываетъ во время приступовъ лихорадки и особенно во время сомнамбулическаго состоянія. Такъ какъ это состояніе весьма легко вызвать у нѣкоторыхъ субъектовъ, то этимъ и стали пользоваться для методическихъ опытовъ, болѣе точныхъ и полныхъ, нежели случайныя наблюденія. У человѣка, находящагося въ состояніи сомнамбулизма, память обостряется. Въ состояніи же бодрствованія онъ не помнитъ ничего изъ того, что дѣлалъ и говорилъ въ состояніи сомнамбулизма, но въ новомъ сомнамбулическомъ состояніи все это прошлое тотчасъ же воскрешается въ его памяти. Знаменитая истеричная больная Фелида, которую наблюдалъ докторъ Азамъ изъ Бордо, представляла крайне интересный случай раздвоенія личности *) , причемъ имѣла

*) Раздвоеніемъ личности или двойнымъ сознаніемъ называется особое ненормальное душевное состояніе, когда человѣкъ имѣетъ какъ бы двѣ личности, возникающія въ немъ попеременно и не только представляющія совершенно различныя душевныя свойства и живущія совершенно отдѣльною жизнью, но ничего не знающія и не помнящія другъ о другѣ.

также раздвоенную память. Въ одномъ состояніи она была весела, игрива, но какъ только, послѣ приступа истеріи, она впадала въ другое состояніе, въ которомъ характеръ ея представлялъ совершенно противоположныя свойства, то она уже не помнила ничего изъ того, что дѣлала или говорила въ своемъ первомъ состояніи. Она не узнавала ни своей собаки, ни своего доктора, ни друзей, и все это возобновлялось въ ея памяти лишь тогда, когда къ ней возвращалось прежнее состояніе. Эти явленія называются пережежающеюся памятью.

Въ газетахъ иногда приходится читать разсказъ о какомъ-нибудь субъектѣ, который, по неизвѣстной причинѣ, внезапно бросаетъ свои занятія и свое мѣстожителство и исчезаетъ, не оставляя послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Проходитъ нѣсколько дней и вдругъ онъ появляется снова, но ровно ничего не можетъ разсказать о своемъ путешествіи; онъ совсѣмъ не знаетъ, какъ онъ провелъ все это время, и похожъ на человѣка, только что проснушагося послѣ долгаго сна безъ сновидѣній. Онъ не помнитъ, куда дѣвались у него деньги и вещи, и не въ состояніи дать даже приблизительное показаніе о томъ, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ. Обыкновенно субъекты, подверженные такимъ приступамъ, представляютъ признаки глубокаго нервнаго расстройтва, страдаютъ истеріей, эпилепсіей. Если они легко подвергаются гипнотизаціи, то непременно надо этимъ воспользоваться и привести ихъ въ сомнамбулическое состояніе, такъ какъ въ этомъ состояніи они немедленно все вспомнятъ и разскажутъ, гдѣ были и что дѣлали. Не такъ давно одинъ изъ такихъ субъектовъ затерялъ во время подобнаго состоянія крупную сумму денегъ. Когда его загипнотизировали, то онъ немедленно вспомнилъ, гдѣ онъ былъ, назвалъ городъ и гостиницу, гдѣ онъ оставилъ свое пальто и въ карманѣ бумажникъ. Хозяину гостиницы тотчасъ же написали и онъ послѣшилъ вернуть оставленные деньги и пальто.

Въ послѣднее время, въ Англіи, очень много занимались опытами съ такъ-называемымъ «магическимъ зеркаломъ». Эти опыты имѣютъ много общаго съ опытами гипнотизма и заключаются въ фиксированіи въ теченіи нѣсколькихъ минутъ какой-нибудь блестящей поверхности, зеркала, поверхности большаго кристалла или просто дна тарелки, наполненной жидкимъ масломъ. Спустя нѣкоторое время, человѣкъ, смотрящій пристально на эту поверхность, начинаетъ замѣчать появленіе на ней какихъ-то образовъ, пейзажей, картинъ, изображающихъ сраженія, и т. д. Забытыя воспоминанія возникаютъ въ формѣ образовъ. Одна дама, совершенно забывшая одинъ очень важный для нея адресъ, вдругъ увидала на блестящей поверхности, которую фиксировала, конвертъ, съ написаннымъ на немъ адресомъ. Это былъ именно тотъ адресъ, который она такъ тщетно старалась припомнить. Другая особа отыскала этимъ путемъ вещь, которую считала потерянной. Вообще, если нельзя гарантировать достовѣрность каждаго изъ такихъ разсказовъ, то все же опыты, произведенные въ этомъ направленіи компетентными людьми, доказали возможность подобныхъ фактовъ.

Такое же возбужденіе памяти происходитъ и во время сна. Кто сколько-нибудь наблюдателенъ, тому, вѣроятно, не разъ приходилось замѣчать, что послѣ пробужденія отъ сна у него возникали мысли и заботы, о которыхъ онъ уже давно забылъ. Иногда воспоминанія дѣтства, почти совсѣмъ исчезнувшія изъ памяти, появлялись снова, и при-

томъ, съ удивительною ясностью и опредѣленностью. Даже больше: человѣкъ припоминалъ послѣ сна совершенно забытыя слова, нужныя ему свѣдѣнія, которыхъ онъ никакъ не могъ вспомнить въ бодрственномъ состояніи. Мори, написавшій прекрасное исследование о сновидѣніяхъ, рассказываетъ, что однажды онъ посѣтилъ городъ, въ которомъ провелъ свое дѣтство, и ночью, во снѣ, увидѣлъ человѣка, который пришелъ къ нему, назвалъ по имени и сказалъ Мори, что онъ его старый знакомый. Проснувшись, Мори отчетливо помнилъ имя и лицо человѣка, но воображалъ, что это сновидѣніе не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Между тѣмъ случилось какъ разъ обратное; въ своемъ родномъ городѣ Мори встрѣтилъ именно того самого человѣка, котораго видѣлъ во снѣ. Это былъ старый другъ, давно забытый. Спящій Мори обладалъ, очевидно, лучшею памятью, нежели Мори бодрствующій.

Мы не знаемъ въ точности, что заключается въ нашей памяти, такъ какъ не можемъ, по своему желанію, извлекать изъ нея то, что хотимъ, и заставить ее совершенно опорожнить свой запасъ. Очень часто мы ищемъ въ своей памяти имя, адресъ, какое-нибудь слово, съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что оно намъ должно быть извѣстно, но никакъ не можемъ его найти, когда нужно. Произвольное возбужденіе воспоминаній не даетъ еще понятія о размѣрахъ памяти. Путемъ самыхъ простыхъ опытовъ можно легко убѣдиться, что въ нашемъ мозгу существуетъ множество воспоминаній, совершенно неподдающихся нашей волѣ.

Въ психологической лабораторіи въ Парижѣ производились слѣдующіе опыты. Списокъ 50 словъ былъ прочитанъ одному субъекту. Изъ этого списка онъ могъ произвольно повторить отъ 10 до 20 словъ, остальные 30 исчезали изъ его памяти. Между тѣмъ, онъ все-таки ихъ слышалъ и запомнилъ. Въ этомъ можно убѣдиться слѣдующимъ образомъ: если составить новый списокъ изъ 60 словъ и помѣстить въ немъ въ перемежку слова, уже находившіяся въ прежнемъ списокѣ, то болѣею частью субъектъ, слышавшій чтеніе прежняго списка, можетъ указать слова, которыя включены изъ него въ новый списокъ; значитъ, онъ ихъ запомнилъ, хотя и не могъ ихъ назвать.

Обобщая это наблюденіе, мы можемъ сказать, что около трети всѣхъ воспоминаній, накопленныхъ въ нашемъ мозгу, находятся въ нашемъ распоряженіи; остальные же двѣ трети, хотя и существуютъ въ этомъ складѣ, но не могутъ быть извлечены нами оттуда по произволу. Но подъ влияніемъ какихъ-нибудь особыхъ условій воспоминанія эти вновь оживаютъ въ нашей памяти. Это внезапное и самопроизвольное оживленіе забытыхъ образовъ кажется намъ иногда какимъ-то таинственнымъ явленіемъ именно потому, что мы убѣждены, что забытыя воспоминанія давно уже исчезли изъ нашей памяти. Между тѣмъ, это не такъ: они хранятся въ нашемъ умственномъ архивѣ, но мы не можемъ ваять ихъ оттуда, когда хотимъ. Все зависитъ отъ нашей способности вызывать ихъ и эта способность, какъ и наша нравственная энергія, способность разсужденія, видѣнія и, вообще, какъ все наше существо, подчиняется вліянію различныхъ внѣшнихъ условій, физическихъ и нравственныхъ, и измѣняется подъ дѣйствіемъ этихъ условій.

Исчезающіе виды животныхъ. Давно уже извѣстно, что многія породы животныхъ исчезаютъ подъ вліяніемъ измѣнившихся климатическихкихъ и иныхъ условій или же неравсчитливаго истребленія. Правительство Соединенныхъ Штатовъ обратило вниманіе на это послѣднее условіе и приняло мѣры къ предохраненію бизоновъ отъ безпощаднаго уничтоженія ихъ поселенцами. Но, разумѣется, трудно сказать даже приближительно, сколько болѣе или менѣе крупныхъ представителей животнаго царства уже исчезли безвозвратно, или же близки къ полному исчезновенію, благодаря людямъ, вѣчно стремящимся къ наживѣ. Въ вашигтонскомъ національномъ музеѣ хранятся экземпляры многихъ животныхъ, теперь уже не существующихъ, и такихъ, которыя близки къ исчезновенію; особенно быстро подвигается истребленіе ластоногихъ. Такъ, напримѣръ, тюлень, называемый отшельникомъ (*monachus tropicalis*), водившійся четыреста лѣтъ тому назадъ въ безчисленномъ множествѣ на Вестъ-Индскихъ островахъ, только изрѣдка попадаетъ теперь на пустынныхъ островахъ къ югу отъ Ямайки. Этотъ тропическій тюлень давалъ превосходный жиръ, поэтому его истребляли въ такомъ большомъ количествѣ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ совершенно пересталъ водиться. Та же участь постигла и калифорнскаго морскаго слона (*masrosipus angustirostris*)—большое животное тюленей породы, въ двадцать и болѣе футовъ длины. Еще въ началѣ пятидесятихъ годовъ онъ водился у калифорнскихъ береговъ, но его истребляли такъ усердно, что онъ почти совершенно исчезъ. Въ 1884 году было замѣчено только три такихъ звѣря по близости Калифорніи. То же слѣдуетъ сказать и о ластоногомъ млекопитающемъ «*Odoboenus obesus*», клыки котораго могутъ вполне замѣнить слоновую кость. Царству птицъ то же грозитъ такая же опасность. Птица «*Drepanis pacifica*», водившаяся преимущественно на Гавайскихъ или Сандвичевыхъ островахъ, совершенно истреблена туземцами, которые готовяли изъ ея золотистыхъ перьевъ женскія украшенія и мужскіе плащи. Для приготовленія однихъ только царскихъ и придворныхъ мантіи истреблялись сотни тысячъ этихъ птицъ, Калифорнскіе коршуны (*Pseudogyrphus Californianus*) то же окончательно перевелись; они гибли отъ отравы, примѣняемой переселенцами для истребленія волковъ, такъ какъ питались трупами отравленныхъ волковъ. Лабрадорская утка (*Samptalaimus labradoricus*) уничтожена индѣйцами, которые питались преимущественно ея яйцами. Исчезли также и многія породы птицъ изъ семейства пингвиновъ и, между прочимъ, славившаяся своимъ пухомъ птица «*Alca imprennis*». Французскій мореплаватель Картье, въ XV вѣкѣ, насчиталъ на островѣ Функа и на исландскомъ берегу миллионы этихъ птицъ, до того ручныхъ и глупыхъ, что навѣзавшіе туда матросы перебили всѣхъ ихъ палками. Однѣ кости отъ истрѣвленныхъ труповъ этихъ птицъ образовали надъ гранитнымъ грунтомъ острова, во всю его площадь, сплошной пластъ толщиною въ нѣсколько вершковъ. Въ началѣ восьмидесятихъ годовъ, въ средней части Атлантическаго океана, по близости береговъ Америки, обнаружился моръ среди рыбъ. Въ 1882 году шедшіе въ Европу пароходы нагоняли въ нѣсколькихъ десяткахъ миль отъ Америки, въ открытомъ океанѣ, дѣльныя массы подошедшей крупной рыбы, извѣстной породы, трупы которой плыли по теченію сплошнымъ слоемъ на необъятномъ

пространствѣ. Это странное явленіе было приписано подводному землетрясенію съ выдѣленіемъ испареній, убивавшихъ рыбъ. Рыбъ этой породы теперь совсѣмъ уже не видно у береговъ южныхъ штатовъ, гдѣ они водились прежде въ изобиліи.

Германъ фонъ-Гельмгольцъ. Европейская наука понесла чувствительную потерю: одинъ изъ величайшихъ естествоиспытателей нашего столѣтія, Гельмгольцъ, умеръ 8-го сентября н. ст., на 73-мъ году своей жизни. Гельмгольцъ былъ сынъ учителя гимназіи въ Потсдамѣ и, еще гимназистомъ, почувствовалъ сильное влеченіе къ изученію физическихъ наукъ. Онъ самъ впоследствии рассказывалъ, что, во время латинскихъ уроковъ, зачастую онъ занимался вычислениями какого-нибудь физическаго прибора тайкомъ отъ учителя. Но, несмотря на то, что юный Гельмгольцъ обнаруживалъ такія выдающіяся способности и страстное стремленіе къ занятію физикой, ему нельзя было посвятить себя всецѣло любимой наукѣ. Недостатокъ средствъ заставилъ его избрать такую карьеру, которая обезпечивала бы ему существованіе лучше, чѣмъ однѣ только чисто научныя занятія, поэтому онъ и поступилъ на медицинскій факультетъ въ Берлинѣ. Тамъ онъ увлекся изученіемъ физиологіи и анатоміи, но все-таки ему не удалось избѣжать практической дѣятельности. По полученіи степени доктора медицины, онъ занялъ должность ассистента при берлинской больницѣ «Charité», а затѣмъ, перешелъ на должность военнаго врача въ Потсдамъ. Вскорѣ послѣ этого онъ издалъ свою знаменитую брошюру «Über die Erhaltung der Kraft» (о сохраненіи силы) и черезъ годъ по выходѣ въ свѣтъ этой брошюры, въ 1848 году, занялъ мѣсто ассистента при анатомическомъ музее и приглашенъ былъ читать лекціи по анатоміи въ академіи художествъ. Вслѣдъ затѣмъ Гельмгольцъ занималъ кафедру анатоміи и физиологіи въ разныхъ университетахъ, въ Кенигсбергѣ, Боннѣ, Гейдельбергѣ, и только въ 1870 году получилъ, наконецъ, возможность исключительно посвятить себя той наукѣ, къ которой чувствовалъ влеченіе съ самаго дѣтства, т.-е. физикѣ. Его пригласили въ Берлинскій университетъ занять кафедру физики, и на этомъ посту Гельмгольцъ оставался до самой смерти. Въ 1891 году, когда Гельмгольцу исполнилось 70 лѣтъ, берлинскіе профессора организовали международный комитетъ для чествованія знаменитаго ученаго. Изготовленъ былъ мраморный бюстъ Гельмгольца и медали для награжденія заслугъ ученыхъ, ознаменовавшихъ себя трудами въ той же области знанія, въ которой работалъ Гельмгольцъ. Гельмгольцъ получилъ множество адресовъ и дипломовъ отъ разныхъ ученыхъ обществъ и факультетовъ, изъ разныхъ мѣстъ, — отъ Томска до Мельбурна», какъ онъ самъ выразился. Русскіе ученые, конечно, не остались въ данномъ случаѣ и также приняли участіе въ чествованіи Гельмгольца. Профессоръ Столѣтовъ назвалъ Гельмгольца «представителемъ дѣльности естествознанія». Его изслѣдованія о сохраненіи энергіи безсмертны. Въ офтальмологіи Гельмгольцъ произвелъ громадный переворотъ изобрѣтеніемъ глазнаго зеркала. Въ этой области Гельмгольцъ произвелъ чрезвычайно важныя изслѣдованія; онъ разъяснилъ многое, что еще не было выяснено въ физиологіи зрѣнія. Точно также и въ области физиологіи слуха онъ сдѣлалъ множество важныхъ от-

крытій и положилъ основаніе фізіологической теоріи музыки. Последніа 25 лѣтъ своей жизни Гельмгольцъ посвятилъ исключительно фізическимъ наукамъ, и дѣятельность его въ этомъ отношеніи была также въ высшей степени плодотворна. Тѣмъ не менѣе, первое мѣсто въ ряду гениальныхъ работъ Гельмгольца занимаетъ его изслѣдованіе о сохраненіи силы, ученіе о вѣчности энергіи въ природѣ. Въ то время, когда появилась его знаменитая брошюра объ этомъ, то современники его не сѣмѣли оцѣнить ее по достоинству, и даже одинъ изъ тогдашнихъ научныхъ журналовъ отказался помѣстить его статью объ этомъ предметѣ, но мало-по-малу возрѣнія Гельмгольца получили право гражданства въ науки и даже заняли въ ней первенствующее мѣсто. Безсмертныя изслѣдованія Гельмгольца имѣютъ еще ту громадную заслугу, что они объединяютъ между собою всѣ отдѣлы естествознанія и дѣлаютъ изъ нихъ неразрывное цѣлое.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Винторъ Острогорскій.

RETURN TO → CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
 1-month loans may be renewed by calling 642-3405
 6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
 Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

JUN 12 1981		
~~UCLA~~		
~~INTERLIBRARY LOAN~~		
REC. CIR. JUL 7 '81		
INTERLIBRARY LOAN		
JUL 6 - 1987		
UNIV. OF CALIF., BERK.		

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 FORM NO. DD6, 60m, 3/80 BERKELEY, CA 94720

THE DATE
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C042636491

